ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., Д. В. Костин, д-р физ.-мат. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ. мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, проф.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р. филол. наук., проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филол. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. - Фольклористика (филологические науки), 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Адрес редакции, издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2025

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА
Выходит 4 раза в год

Серия: Филология. Журналистика. 2025. № 3. Июль – сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бобрицких Л. Я. А. Т. ТВАРДОВСКИЙ И БАЛЛАДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 5

Генералова Е. В. НОВЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МЕЖДУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОМ И СЛОВОМ 11

Давыдова А. В. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ПОВЕСТЯХ А. С. КОТКИНА «ЗАПОВЕДНОЕ ОЗЕРО» И И. Н. МОЛЧАНОВА «В ЛЕСАХ СЕВЕРА» 17

Загуменнов А. В. СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИ ВЫРАЖЕННЫХ «СВОЙСТВ ТРОИЦЫ» В «КНИГЕ ОБЛИЧЕНИЙ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИИ ВЕЧНОМ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА 22

Мокиенко В. М. О РЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ КРЫЛАТЫХ БИБЛЕЙСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ: КТО НЕ С НАМИ 26

Нагорных В. В. КОНКОРДАНС КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ: СОЗДАНИЕ КОНКОРДАНСА АНЕКДОТОВ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ КАФЕДРЫ РУНТ И УКАЗАТЕЛЯ СОВЕТСКИХ АНЕКДОТОВ М. МЕЛЬНИЧЕНКО 31

Олейникова О. Н. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В СТАТЬЯХ К. И. ЧУКОВСКОГО О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА 36

Победаш Е. В. ОТГЛАГОЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВОВЛЕЧЕННОСТИ В КАКОЕ-ЛИБО ДЕЛО» В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 41

Пращерук Н. В. ДНЕВНИК НАТАЛЬИ КОРНИЛЬЕВОЙ «ДНИ ОКАЯННЫЕ ВЕКА СЕГО…» КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ И ФАКТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ 47

Сёмина Ю. И. РАССКАЗ Ф. Д. КРЮКОВА «ИЗ ДНЕВНИКА УЧИТЕЛЯ ВАСЮХИНА»: ИСПОВЕДАЛЬНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 54

Степанова Е. В. А. Н. ПЫПИН В АКАДЕМИИ НАУК: К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗРЯДА ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ 58

Тернова Т. А. ПОНЯТИЕ ‘РЕМЕЙК’ В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ 62

Тихонова О. В. ОППОЗИЦИИ «СЕВЕР–ЮГ» В НОВЕЛЛЕ Т. МАННА «ТОНИО КРЁГЕР» 66

Фирсова М. А. СОЦИУМ КАК КОГНИТИВНЫЙ СТИМУЛ ВЕРБАЛИЗАЦИИ АГРЕССИИ 71

Чжэн Сыцун. ДВОРЯНСТВО КАК НОСИТЕЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ПОЗДНИХ РОМАНАХ ДОСТОЕВСКОГО 76

Шпилевая Г. А., Борисова У. Ю. О ПОЭТИКЕ И ПРОБЛЕМАТИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. А. ФЕТА «ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ» (1889): ЖАНР, ФЛОРОКОД, КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ 81

Юй Цзыхань. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ СЕРГЕЯ КОЗЛОВА «ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ» 86

ЖУРНАЛИСТИКА

Амелин Д. В. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И ПАРНОЙ РАБОТЫ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАТОРА 90

Гегелова Н. С., Ду Юйвэй. ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ТЕЛЕКАНАЛА RT В КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ 94

Горохов М. Ю. ПРОЛЕТАЯ НАД ГНЕЗДОМ ДВУГЛАВОГО ОРЛА 97

Гурова А. С. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЖУРНАЛИСТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПРОКСИГИБРИДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ 100

Евдокимов В. А. ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВ 103

Ермилова Ю. В. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ 108

Ершов Н. О. ПРОГРАММНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ (НА ПРИМЕРЕ СТС И ТНТ) 112

Каминская Т. Л. БРИКС КАК МЯГКАЯ СИЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МЕДИЙНЫЙ И ЭКПЕРТНЫЙ ДИСКУРСЫ 116

Канхуш Джалал. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В РОССИЙСКИХ И СИРИЙСКИХ СМИ В 2011-2023 ГГ. 120

Клеменова Е. Н., Зенин А. А. ИСТОРИЯ ДЕЛОВОЙ ПРЕССЫ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА 124

Лазутина Г. В., Порецкая Т. Ю. РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ПРОДУКЦИИ КАК ПРОБЛЕМА РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА 130

Маркина Ю. В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТОЙ THE NEW YORK TIMES 134

Найговзин И. Э. «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ 139

Новичихина М. Е. О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЛОЖНЫЙ ТОВАРНЫЙ ЗНАК» И «ЗНАК, ВВОДЯЩИЙ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ» 144

Острижная П. А. РОЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕНТА НА СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ В ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ 147

Ряжских Е. А., Гостева Д. А. СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВУЮ АУДИТОРИЮ В ЛИСТОВКАХ ПЕТРОГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ (1918-1919 ГГ.) 152

Слободянюк А. А. ФУНКЦИОНАЛ ТЕЛЕВИЗИОННОГО РЕДАКТОРА В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОГРАММЕ 157

Смотров Н. С. ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КОММУНИКАТОРОВ В XXI ВЕКЕ 161

Тянь Цзихань. АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТЕЙ 164

У Сяохун. СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ ТЕМЫ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ КНР 167

Чэнь Хаотянь. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В КИТАЕ 171

Шевченко Д. А. МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ НОВОСТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА 175

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 178

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2025. № 3. July – September

CONTENTS

PHILOLOGY

Bobritsckih L. Y. A.T. TVARDOVSKY AND THE BALLAD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 5

Generalova E. V. NEW STABLE PREPOSITIONAL-NOMINAL CONSTRUCTIONS IN MODERN RUSSIAN: BETWEEN PHRASEOLOGICAL UNIT AND THE WORD 11

Davydova A. V. ARTISTIC ANTHROPOLOGY IN THE NOVELS OF A. S. KOTKIN (" RESERVED LAKE") AND I. N. MOLCHANOV ("IN THE FORESTS OF THE NORTH") 17

Zagumennov A. V. THE SEMANTICS OF THE LEXICALLY EXPRESSED "PROPERTIES OF THE TRINITY" IN THE "BOOK OF CHASTISEMENT, OR THE ETERNAL GOSPEL" BY ARCHPRIEST HABAKKUK 22

Mokienko V. M. ON THE RE-IDEOLOGIZATION OF POPULAR BIBLICAL EXPRESSIONS: WHO IS NOT WITH US… 26

Nagornykh V. V. CONCORDANCE AS A METHOD OF FOLKLORE TEXTS RESEARCH: CREATING A CONCORDANCE OF JOKES AND ANECDOTES BASED ON MATERIALS FROM THE RUNT DEPARTMENT AND THE INDEX OF SOVIET JOKES BY M. MELNICHENKO 31

Oleynikova O. N. THE SPECIFICS OF THE FUNCTIONING OF FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN K. I. CHUKOVSKY'S ARTICLES ON THE THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION 36

Pobedash E. V. VERBAL DERIVATION: FORMATION OF ADJECTIVES WITH THE MEANING OF 'INVOLVEMENT IN A CERTAIN MATTER' IN THE SPEECH OF MODERN YOUNG PEOPLE 41

Prashcheruk N. V. NATALIA KORNILYEVA'S DIARY "THE ACCURSED DAYS OF THIS CENTURY..." AS A DOCUMENT OF THE EPOCH AND A FACT OF LITERARY LIFE 47

Semina Y. I. F. D. KRYUKOV'S SHORT STORY "FROM THE DIARY OF TEACHER VASYUKHIN": CONFESSIONAL AND AUTOBIOGRAPHICAL ASPECT 54

Stepanova E. V. A.N. PYPIN AT THE ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE HISTORY OF THE ORGANIZATION OF THE CATEGORY OF FINE LITERATURE 58

Ternova T. A. THE CONCEPT OF "REMAKE" IN LITERATURE AND CULTURE 62

Tikhonova O. V. THE NORTH–SOUTH OPPOSITION IN T. MANN'S NOVEL "TONIO KROEGER" 66

Firsova M. A. SOCIETY AS A COGNITIVE STIMULUS FOR VERBALIZATION OF AGGRESSION 71

Zheng Sicong. THE NOBILITY AS A CARRIER OF IDEOLOGICAL CONFLICTS IN DOSTOEVSKY'S LATER NOVELS 76

Shpilevaya G. A., Borisova U. Y. ON THE POETICS AND PROBLEMS OF A. A. FET'S POEM "COUNTESS S. A. TOLSTOY" (1889): GENRE, FLORA CODE, CULTURAL TRADITIONS 81

Yu Zihan. FEATURES OF ARTISTIC TIME AND SPACE IN SERGEY KOZLOV'S NOVELLA "THE TIME TO LOVE" 86

JOURNALISM

Amelin D. V. ON THE ISSUE OF INDIVIDUAL CHARACTERISTICS AND THE PAIRED WORK OF A SPORTS COMMENTATOR ... 90

Gegelova N.S., Du Yuwei. CHARACTERISTICS OF RT TV CHANNEL' COMMUNICATION ON CHINESE SOCIAL NETWORKS ... 94

Gorohov M. Y. FLYING OVER THE DOUBLE-HEADED EAGLE'S NEST ... 97

Gurova A. S. PROBLEMS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JOURNALISM IN THE CONTEXT OF A HYBRID INFORMATION WAR ... 100

Evdokimov V. A. INTERACTION OF SOCIAL AND INFORMATION SPACE ... 103

Ermilova. Yu. V. THEORETICAL-METHODOLOGICAL AND HISTORICAL-COMMUNICATION PREREQUISITES FOR THE CREATION OF PUBLIC TELEVISION IN RUSSIA ... 108

Ershov N. O. ENTERTAINMENT TELEVISION PROGRAMMING STRATEGY ON PUBLIC HOLIDAYS (USING THE EXAMPLE OF CTC AND TNT) ... 112

Kaminskaya T. L. BRICS AS SOFT POWER IN THE CONDITIONS OF THE NEW POLITICAL REALITY: MEDIA AND EXPERT DISCOURSES ... 116

Kankhush Jalal. INTERCULTURAL DISCOURSE IN RUSSIAN AND SYRIAN MEDIA IN 2011—2023 ... 120

Klemenova E. N., Zenin A. A. HISTORY OF THE BUSINESS PRESS IN ROSTOV-ON-DON AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY ... 124

Lazutina G. V., Poretskaya T. Y. REVIEWING SCIENTIFIC PRODUCTS AS A PROBLEM IN THE EDITORIAL AND PUBLISHING PROCESS ... 130

Markina Yu. V. COVERAGE OF RUSSIAN POLITICS IN THE SYRIAN CONFLICT BY THE AMERICAN NEWSPAPER «THE NEW YORK TIMES» ... 134

Naigovzin I. E. THE "SOCIAL CONTRACT" AS A METHODOLOGICAL JUSTIFICATION FOR THE ACTIVITIES OF PUBLIC TELEVISION OF RUSSIA ... 139

Novichihina M. E. ON THE RELATION OF CONCEPTS «FALSE TRADEMARK» AND «MISLEADING MARK» ... 144

Ostrizhnaya P. A. THE ROLE OF DOCUMENTARY HISTORICAL CONTENT ON MODERN RUSSIAN TELEVISION ON SIGNIFICANT DATES ... 147

Ryazhskikh E. A., Gosteva D. A. THE MEANS OF SPEECH IMPACT ON THE MASS AUDIENCE IN THE LEAFLETS OF THE PETROGRAD BOLSHEVIKS (1918–1919) ... 152

Slobodyanyuk A. A. THE FUNCTIONALITY OF THE TV EDITOR IN THE FEDERAL INFORMATION PROGRAM ... 157

Smotrov N. S. TRAINING OF SCIENCE COMMUNICATORS IN THE 21ST CENTURY ... 161

Tian Jihan. ANALYSIS OF INTERTEXTUALITY IN ENGLISH NEWS HEADLINES ... 164

Wu Xiaohong. SPECIFICS OF SCIENCE COVERAGE IN THE SOCIO-POLITICAL PRESS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA ... 167

Chen Haotian. PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF DIGITAL JOURNALISM IN CHINA ... 171

Shevchenko D. A. MEDIALINGUISTIC ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF THE LANGUAGE OF MODERN NEWS JOURNALISM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE MEDIA SPACE ... 175

SUBMISSION GUIDELINES ... 178

УДК 821.161.1

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ И БАЛЛАДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л. Я. Бобрицких

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются баллады А. Т. Твардовского в контексте балладной поэзии периода Великой Отечественной войны. Делается вывод о том, что тематика и поэтика произведений Твардовского органично вписываются в указанный контекст, но при этом имеют свои особенности, обусловленные мировидением и художественно-эстетическими задачами поэта.*
Ключевые слова: *баллада, тема, герой, сказовая форма, несобственно-прямая речь, авторские отступления, пейзаж, А. Т. Твардовский.*

Abstract: *the article examines the ballads of A. T. Tvardovsky in the context of the ballad poetry of the Great Patriotic War. It is concluded that the themes and the poetics of Tvardovsky's works fit organically into the given context, but at the same time have their own characteristics, determined by the poet's worldview and his artistic and aesthetic goals.*
Keywords: *ballad, theme, character, narrative form, inner monologue, author's digressions, landscape, A. T. Tvardovsky.*

Русская литературная баллада — вечно изменяющийся, развивающийся жанр. В эпоху романтизма она представляла собой лиро-эпическое стихотворение с эмоционально напряженным сюжетом, таинственной недосказанностью, элементами чудесного. В период Серебряного века баллада тяготела к лирическому стихотворению. В советские годы этот жанр рассматривался как «героический», как «стихотворение о подвиге» [1, 126]. Именно эпохи яркого народного героизма вызывают широкое развитие баллады. Таковы, например, произведения Н. Тихонова о героях гражданской войны. Балладные произведения в поэзии Великой Отечественной войны составляют более половины всего написанного поэтами.

Как заметил советский критик Корнелий Зелинский, «в 1942 году почти все писали баллады, и только в 1945 году баллада почти исчезла из нашей поэзии» [2, 182]. На это же указывал и М. Пьяных: «…их (баллад. — *Л. Б.*) расцвет действительно приходится на сорок второй год, который можно, очевидно, назвать "годом баллад". Год этот был одним из самых тяжелых за всю войну, и он потребовал от советских людей, как никогда, и стойкости, и мужества, и героизма, и верности воинскому и патриотическому долгу. Все это, безусловно, стимулировало развитие жанра баллады именно в сорок втором году…» [3, 77].

«По своей форме баллады военных лет представляют собой прежде всего простые по композиции небольшие героико-эпические поэмы <…>. Количество действующих лиц невелико — один-два, количество сюжетных линий сведено до минимума. Чаще всего баллада строится на одной сюжетной линии, связанной с одним эпизодом» [4, 288-289].

Так, в «Балладе о трех коммунистах» Н. Тихонова трое разведчиков, «три брата боевых», расчищая путь пехоте, закрыли собой амбразуры вражеских дзотов. Схожий эпизод положен в основу баллады А. Прокофьева «Иван Суханов», герой которой, «разведчик молодой», «амбразуру черную… грудью заслонил» [5, 292]. В балладе А. Суркова «Разведчик Пашков» говорится о попавшем в плен разведчике, которого после долгих пыток «враги погребли», но он сумел выбраться из «глиняного гроба» и через день, забыв о своих ранах, «могильщиков снова бил». Герои этих стихотворений предстают как былинные богатыри, сражающиеся за «Россию-мать», а враги сравниваются с волками, «псами залетными». Язык баллад полон экспрессии, содержит большое количество риторических обращений и восклицаний («Тогда прощай, Россия-мать, прощай, Россия-мать, Ведь за тебя, прекрасную, не страшно умирать!» [5, 292]).

По словам С. Страшнова, «автор в романтической балладе сливается с героем сам и приобщает к союзу читателя» [6, 92]: «А нас, Сухановых, не смять, не выбить, не сломать! Живи, живи, Россия-мат, цвети, Россия-мать!» [5, 291]

Баллады военных лет носят преимущественно героико-роьмантический характер, как, например, «Баллада о ленинизме» И. Сельвинского о казненном фашистами, но не сломленном духовно молоденьком политруке; «Баллада о красноармейце Демине» А. Прокофьева, герой которой, несмотря на ранение, сражается «против танка один на один, Превозмогая боль» [5, 287]; баллада С. Щипачева «Ленин», где

© Бобрицких Л. Я., 2025

«бронзовый» Ленин ведет партизан в бой.

Но уже в самом начале Великой Отечественной войны начинают появляться реалистические баллады, и это было одним из новых и примечательных явлений в поэзии военных лет (А. Сурков, П. Шубин, С. Гудзенко и, конечно, А. Твардовский).

Как справедливо заметил С. Страшнов, «в романтической балладе подвиг так ярок и крупен, что он виден издали <…> в балладе реалистической человек борется не только с врагами, но и с самим собой. Его героизм не столь безусловен, он труден, однако не менее, если не более, убедителен» [6, 101].

Таковы герои Твардовского: Иван Громак, Василий Мысенков и др. Об их подвигах поэт рассказывает просто, без пафоса, без нагнетания эмоций.

Герой баллады «Василий Мысенков» ценой неимоверных усилий, преодолев все преграды «страшного» пути, в срок доставил пакет, от которого зависела судьба полка, сражавшегося «в кольце врагов, Без хлеба и огня» [7, 40]:

Да, все иначе на войне,
Чем думать мог любой,
И солью пота на спине
Проступит подвиг твой [7, 41].

Необходимо отметить, что война в понимании Твардовского — это фронтовые будни, тяжелая повседневная работа, как, например, в «Армейском сапожнике»:

В лесу, возле кухни походной,
Как будто забыв о войне,
Армейский сапожник холодный
Сидит за работой на пне [7, 78].

Из ряда деталей складывается образ этого неприметного труженика войны: «орудует в поте лица», «щурится важно и хмуро, Как знающий цену себе», «с лихостью важной окурок Висит у него на губе» [7, 78]. Именно эти люди –сапожники, кузнецы, оружейники — своим искусным ремеслом помогали солдатам идти в бой «не ради славы, Ради жизни на земле» [7, 220].

Одной из важных в балладной поэзии военных лет является тема фронтовой дружбы, товарищества («Баллада о дружбе» С. Гудзенко, «Двое ночью» А. Суркова, «Баллада о побратимах» Д. Кедрина). В основе названных произведений лежит рассказ о том, как советские солдаты помогали друг другу, совершали героические поступки ради спасения товарища. При этом каждый поэт трактует эту тему по-своему.

Так, у С. Гудзенко ценой дружбы боевых товарищей становится жизнь одного из них. «Отсюда особая психологическая глубина поэтического переживания и ярко выраженный лиризм рассказа» [8, 110-111].

Герои его «Баллады о дружбе» поставлены перед сложным выбором: кому из них идти на смертельно опасное боевое задание? Одного из друзей «ждет … в Тюмени сын» [9, 27], второй, лирический герой, от лица которого ведется повествование, еще очень молод («на войне … в первый раз побрил усы» [9, 27]). Только после мучительных раздумий последний принимает решение пойти на смерть ради друга: «Ну, хорошо, пусть мне идти, пусть он останется в живых» [9, 27].

Однако лирический герой возвращается с задания живым, так как его товарищ тоже проявил самоотверженность: он ушел вслед за ним и, спасая друга от гибели, «всю ночь в огне … бил наповал из автомата» [9, 28]:

Он не вернулся.
Мне в живых
считаться,
числиться по спискам.
Но с кем я буду на двоих
делить судьбу
с армейским риском? [9, 28]

В «Балладе о товарище» Твардовского герой рассказывает о том, как он с тяжело раненным товарищем осенью сорок первого года выходил из окружения. Раненый боец просит его оставить, не мучиться с ним, и друг понимает его, как себя:

Наверно, если б ранен был
И шел в степи чужой,
Я точно так бы говорил
И не кривил душой [7, 60].

Но, как в самом себе, он уверен и в своем товарище, который не бросил бы его, а «тащил … до конца».

Вместе с тем Твардовский находит новую грань в осмыслении темы дружбы. Герои его «Баллады о товарище» вместе со всей армией познали и горечь потерь, и радость наступления. Теперь, говорит поэт, каждый «свояк, земляк, браток, И все добры, дружны. Но с кем шагал ты на восток — То друг иной цены…» [7, 64]. «И такая оценка дружбы, родившейся на тяжелых дорогах отступления, непосредственно связана с раздумьями о самих этих дорогах, с особым местом их в судьбе воинов, сегодня идущих в наступление» [10, 172].

Вперед дорога — не назад,
Вперед — веселый труд;
Вперед — и плечи не болят,
И сапоги не трут.

И люди — каждый молодцом —
Горят: скорее в бой.
Нет, ты назад пройди бойцом,
Вперед пойдет любой [7, 64].

К значимым для балладного творчества 1940-х годов можно отнести тему дома («Баллада о доме» С. Гудзенко, «Баллада о товарище» А. Твардовского, «Дом в Вязьме» К. Симонова). Дом является символом прошлой мирной жизни, куда мыслями и душой стремился каждый солдат, как, например, в балладе Гудзенко:

Его
голубоватый дым
вперед
сильней приказа
тянет.
Его голубоватый дым
тревожит днем
и ночью будит.
Не будет никогда родным
ему передний край.
Не будет! [9, 37]

Основу баллад чаще всего составляет сюжетная ситуация, когда боец, проходя через родную деревню, находит пепелище на месте своей хаты, что усиливает ненависть к врагу и желание отомстить за поруганную землю, за отчий дом. У Твардовского иная сюжетная коллизия.

Безымянный солдат из баллады «Дом бойца» «на войну ушел из дому, А война и в дом пришла» [7, 54]. И теперь вместе с товарищами по взводу он лежит перед собственной избой, откуда их обстреливают враги. «Такой поворот событий заставляет хозяина по-иному оценить свой долг, солдатский, товарищеский, да и семейный» [6, 106]:

Это я здесь виноватый,
Хата все-таки моя.
А поэтому, ребята, —
Говорит он, — дайте я… [7, 54] —

и боец бросает гранату в свой дом, не видя в этом никакого самопожертвования.

Особое место в балладах военных лет занимает тема измены, отступничества, но поэты подходят к ней с разных точек зрения. К. Симонов в «Балладе («Я знаю, ты бежал в бою…»)» гневно обличает труса, бросившего свой окоп. А. Сурков («Двое») раскрывает эту тему на контрасте:

Один, крича и плача, побежал. <…>
И в спину беглеца впились четыре пули.
Другой боец не отступил ни шагу. <…>
Разил гранатами, колол штыком
И вырвался из замкнутого круга… [11, 88]

Твардовский же в «Балладе об отречении» показывает сложность и многогранность переживаний своих героев. Эпизод встречи сына-дезертира с родителями глубоко психологичен и внутренне драматичен. В центре — борьба чувств: любви к сыну и презрения к предателю, изменнику Родины. Радость матери, неожиданно увидевшей на пороге дома сына, сменяется недоумением, а недоумение — горьким стыдом за сына-дезертира и сознанием непоправимой беды, о которой Твардовский говорит, что это

Не та беда, что без вреда
Для совести и чести,
А та, нещадная, когда
Позор и горе вместе [7, 72].

Поэт не скрывает, что родителям нелегко дается отречение. Дрожащие руки матери, уронившие передник, ее сдавленный плач, напряженное молчание отца — старого солдата, его с трудом произнесенные слова: «Не сын ты мне отныне», — во всем этом — глубокие страдания стариков, на которых свалилось тяжелое испытание.

Во второй части баллады раскрывается психологическое состояние отступника, который, покинув родной дом, со всей остротой почувствовал свое одиночество: «И вот теперь он был один, Один на белом свете» [7, 73-74].

«Отступив от народной чести, от законов общества, ведущего борьбу с захватчиками, дезертир отступил и от самого себя, перестал быть личностью, членом семьи и народного сообщества» [3, 112].

Ни в дом родимого отца
Тебе дороги нету,
Ни к сердцу матери родной <…>
И кары нет тебе иной,
Помимо смертной кары [7, 74].

«Только в полной мере ощутив одиночество и отверженность, дезертир ощутил боль, и эта душевная боль стала началом возрождения в нем человека, сына, патриота и бойца» [3, 112]. Родная природа: тропа, «в задворках пропадавшая», молодая трава, «сгибавшаяся» под его ногами, березка, к стволу которой прислонился герой, — заставляет его почувствовать, что он русский человек, что у него есть нечто, за что он должен нести ответственность, и это нечто — Родина, народ:

Иди, беги, спеши туда,
Откуда шел без чести,
И не прощенья, а суда
Себе проси на месте. <…>
А может быть, еще тот суд
Свой приговор отложит,
И вновь ружье тебе дадут,
Доверят вновь. Быть может… [7, 74-75]

Важное место в балладах 1940-х годов занимает тема женщины на войне. Так, «Баллада про Катю Козлову» П. Антокольского, «Партизанка» М. Исаковского, «Русская мать» С. Васильева и др. рассказывают о подвигах и совсем юных девушек, и многое повидавших на своем веку женщин. Комсомолка Катя Козлова убивает жестокого «немецкого начальника»; старуха Антоновна поджигает свой дом с находившимися там фашистами; Агриппина встает на защиту пленного бойца, назвавшись его матерью, хорошо понимая, чем это может для нее обернуться. Эти стихотворения проникнуты патриотическим пафосом и глубоким трагизмом.

Женщины в балладах Твардовского тоже совершают героические поступки, но поэт говорит об этом просто, снимая балладный драматизм. Так, в балладе «Рассказ старика» Твардовский повествует о судьбе старухи Тимофеевны, которая погибает от рук врага, но сохраняет в себе человеческое достоинство. По-

следними словами героини были: «– Вот, — промолвила, — телушки Не дождались мы, старик…» [7, 86].

Героиня баллады «Награда», «два года покоя не зная», берегла красное знамя, «советскую прятала власть», за что была награждена орденом.

Смутилась до крайности баба,
Увидев такие дела:
— Мне телочку дали хотя бы,
И то б я довольна была… [7, 123]

Такая реакция женщины вызывает у читателя улыбку, тогда как для крестьянки, истосковавшейся за годы войны по скотине, которую забирали у деревенских жителей немцы, это желание вполне естественно.

В балладе «В пути» поэт создает собирательный образ солдатки, на плечи которой легли все тяготы войны. В диалоге со случайным попутчиком она с горькой иронией говорит о судьбе всех женщин, мужья которых сражаются на фронтах Великой Отечественной:

Черна на небе туча,
Страшна беда-война.
Да бабья мочь живуча <…>
На бабах все сейчас.
Осталось научиться
Рожать одним без вас [7, 114].

И в этих словах проявляются лучшие черты характера русской женщины, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

В балладных стихотворениях поэты часто обращаются к изображению детских судеб на войне («Майор привез мальчишку на лафете…» К. Симонова, «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным» П. Антокольского, «Баллада о младшем брате» О. Берггольц, «Баллада о мальчике» И. Сельвинского). Образы юных героев обобщены, условны, персонажи чаще всего безымянны, что характерно для романтической баллады. По словам А. М. Абрамова, поэт-романтик «всегда пишет не *вот этого* юношу, не *вот этого* мальчика, а явление» [10, 483].

Так, в «Балладе о мальчике, оставшемся неизвестным» П. Антокольский создает образ героя, «воплощающего в себе идею всенародного возмездия захватчикам» [3, 78]. Приметы мальчика самые общие: «смуглый, крепкий». Он похож на сотни других мальчишек. Неопределенен его возраст: «пятнадцать лет ему, иль десять, иль, может, меньше десяти» [12, 173]. Неизвестно, он ли продолжает мстить врагам или это делает уже другой мальчик.

А где же мальчик в серой кепке?..
Не знает кто-нибудь из вас, погиб ли он, где он сейчас? <…>
Ребят на белом свете прорва — не перечтешь, не вспомнишь всех.
[12, 172-173]

Твардовский, напротив, отказывается от всякой патетической приподнятости. Как справедливо заметила Т. Снигирева, «из объективного повествования, где акцентированы будничные и страшные в своей обыденности приметы войны, встает образ исковерканной души ребенка, обусловивший высокий лирический накал чувства поэта, сумевшего внешне сдержанно и скупо рассказать об одной из человеческих трагедий на войне» [13, 136]. Герой стихотворения Твардовского «В пилотке мальчик босоногий…», у которого детство отняла война, рано повзрослел: «закусив сухим пайком» на привале, он, «как большой», отправляет «с ладони крошки С великой бережностью — в рот» [7, 122], как это обычно делали крестьяне, знавшие цену хлебу, а на надоевший вопрос о его сиротстве этот «маленький мужичок» деловито отвечает: «– Ну, сирота. — И тотчас: — Дядя, Ты лучше дал бы докурить» [7, 122].

Наряду с темой детства в балладных стихотворениях военных лет развивается тема преемственности поколений, что подчеркивается уже в их названиях: «Сын артиллериста» К. Симонова, «Сын партизана» Б. Кострова и др. Так, герой баллады Симонова не просто чей-то сын, он сын артиллериста, а значит, он сознательно выбирает свою судьбу — служение Родине, готовность к самопожертвованию. Духовная связь героев афористически выражена их любимой поговоркой, которая рефреном звучит в самые трудные моменты жизни: «Держись, мой мальчик: на свете Два раза не умирать. Ничто нас в жизни не может Вышибить из седла!» [14, 218].

У Твардовского понятие преемственности поколений расширяется до масштабов всей страны: «Страна моя, земля моя, Одна — родня, одна — семья. <…> Встают отцы и сыновья… Страна моя, семья моя!» («Отец и сын» («Отец и сын июльским днем…»)) [7, 38].

Раскрывая внутренний мир героев, поэты военных лет используют различные приемы, одним из которых является сказовая форма («Рассказ старика» А. Твардовского, «Партизанка» М. Исаковского, «Русская мать» С. Васильева). Используя сказ, поэты создавали народные образы: рассказчик никак не выделял себя. Более того, говоря о событиях, где он выступал действующим лицом, старался скрыть свою роль, скромно переводя внимание слушателей и читателей на героические поступки других. Иногда он бывает даже недоволен собой, как, например, в «Рассказе танкиста» Твардовского: «И только не могу себе простить: Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку, А как зовут, забыл его спросить» [7, 45].

Сказовая форма особенно тесно сближает характерные для реалистической баллады обыкновенного героя и необычные обстоятельства. «Сама речь героя-рассказчика, ее будничный тон, просторечия снижают пафос, а юмор смягчает драматизм ситуаций» [6, 108] («Сержант Василий Мысенков», «Награда»).

Каждый поэт вырабатывает свое оригинальное средство психологического анализа, балладного изображения: А. Сурков оттачивает мастерство монолога, С. Гудзенко, П. Шубин — выразительную психологическую деталь, Твардовский активно использует несобственно-прямую речь, что позволяет ему «без авторского нажима, но при участии автора раскрывать самосознание героя» [6, 111] («Иван Громак», «Дом бойца»). Постижение характера ведется исподволь, ненавязчиво:

Лежит пехота. Немец бьет.
Молчит, лежит пехота.
Нельзя назад, нельзя вперед.
Что ж, гибнуть? Неохота! [7, 101]

В начале строфы отчетливо слышен голос автора («Лежит пехота»), а в самом конце — голос солдата («Неохота!»). «Между фразами-полюсами — зона подлинного сопереживания, где анализ естественно переходит в самораскрытие» [6, 112].

Исследователь поэзии военных лет И. К. Кузьмичев писал, что «баллада весьма бедна разного рода авторскими отступлениями и ремарками, так характерными для стихотворного рассказа, повести или поэмы…» [4, 289]. Это замечание никак нельзя отнести к балладным стихотворениям Твардовского, одним из приемов которого являются авторские рассуждения философского характера, перемежающиеся с сюжетными ситуациями. Они несут в себе лирический заряд. Например, в «Балладе о товарище»:

Как трудно дух бойца беречь,
Чуть что скрываясь в тень.
Чужую, вражью слышать речь
Близ русских деревень [7, 61].

Иногда философские рассуждения о жизни и смерти даются от имени героя: «Кому охота под огонь, Где рядом смерть твоя…» («В подбитом танке», [7, 81]) или «Ни смерть нельзя, ни рану Нам выбрать по себе» («В пути», [7, 113]).

Особый интерес в этом плане представляет стихотворение «Армейский сапожник». Лирическое отступление о войне и о тех бедах, разрушениях, утратах, глубоких ранах, которые она принесла людям, природе, всему живому, «включает в себя не только размышление поэта, но и как бы думы его героев — сапожника и солдата. Это размышление можно было бы назвать необычным лирическим отступлением, хотя дано оно от лица автора, но имеет форму несобственно-прямой речи», что позволяет рассматривать эти стихи «одновременно и как продолжение беседы сапожника и солдата» [3, 119-120].

Особую роль, как мы знаем, в произведениях играет пейзаж. По словам С. Страшнова, в балладе пейзаж «исключает конкретные картины, он обобщен, он неизменно символизирует Родину» [6, 89]. Например, в «Балладе о боевом знамени» И. Сельвинского:

Вся наша родина, раны ее,
Ветры, что стона полны,
Пламя зари, — пропитали шитье
Краснознаменной волны.
Она закипает с шумом прибоя.
Здесь как бы дышит народ [15, 52].

Иное дело у Твардовского. Природа в стихотворениях поэта самая обычная: «…Мороз. В лесу звенят сосульки, Подкова рубит лед сухой…» [7, 9]. Его пейзажи чаще всего лишены напряженности и повышенной эмоциональности, хотя иногда пейзаж все же экспрессивен и создает драматический колорит:

Кругом земля стонала стоном,
И осыпь дымная с ветвей
Ложилась белою попоной
На спины потные коней [7, 9].

Часто Твардовский включает в описание природы «военные» детали, создавая так называемый «военный пейзаж», как, например, в «Армейском сапожнике»:

Война поперек всей державы <…>
У Волги, у рек и речушек,
У горных приморских дорог,
У северных хвойных опушек
Теснится колесами пушек <…>
Наломано столько железа,
Напорчено столько земли… [7, 79]

В «военном пейзаже» мы видим подробности разрушений, но подается это без повышенной экспрессии в лексике, как перечисление. И подобных пейзажей немало в балладных текстах Твардовского.

Нельзя не сказать о названиях баллад военных лет. «Разведчик Лыков говорит» П. Шубина, «Баллада о красноармейце Демине» А. Прокофьева, «Баллада о разведчике Пашкове» А. Суркова. «Сержант Василий Мысенков» А. Твардовского. Не просто Пашков, а — разведчик, не просто Василий Мысенков, а — сержант. Таким образом, герои обозначаются еще и по своей «профессиональной» роли. Последнее, скорее всего, — влияние стихотворного очерка, который стал первым фиксировать «образцы доблестного солдатского поведения и осмыслять их как нечто закономерное, а не исключительное» [6, 80].

К особенностям поэтики Твардовского следует отнести отношение автора к своим героям. Поэт относится к своим персонажам с особым — родственным — теплом, как, например, в стихотворении «Иван Громак» («Сражался *мой* (курсив наш. — *Л. Б.*) Иван Громак, Боец, герой Смоленска» [7, 101]), что подтверждает местоимение «мой». «*Мой* Иван» Твардовского — это один из многих родных ему по духу солдат на той народной войне.

Балладная поэзия 1940-х годов стала яркой страницей отечественной литературы. Она отразила все этапы войны — от первых горьких дней поражения до победоносного наступления. Поэты прославляли

героизм и патриотизм советского народа, позором клеймили трусов, предателей, изменников Родины. Они воодушевляли бойцов на подвиг, придавали им уверенность в грядущей победе.

Балладные произведения Твардовского, как мы показали, тематически сходны с другими известными балладами Великой Отечественной войны и разделяют с ними общие поэтические принципы, но при этом имеют свои особенности, обусловленные гражданской и художнической позицией поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любарева Е. П. А. Т. Твардовский / Е. П. Любарева // История русской литературы. — Москва: Издательство Московского университета, 1963. — Т. 2. — С. 376-470.

2. Зелинский К. О лирике / К. Зелинский // Знамя. — 1946. — № 8-9. — С. 179-199.

3. Пьяных М. Ф. Ради жизни на земле: Русская советская поэзия о Великой Отечественной войне / М. Ф. Пьяных. — М.: Просвещение, 1985. — 272 с.

4. Кузьмичев И. К. Жанры русской литературы военных лет (1941-1945) / И. К. Кузьмичев. — Горький: Горьковское книжное издательство, 1962. — 455 с.

5. Прокофьев А. Поэмы и стихи / А. Прокофьев. — М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1971. — 424 с.

6. Страшнов С. Л. «Молодеет и лад баллад»: Литературно-критические статьи / С. Л. Страшнов. — М.: Современник, 1990. — 157 с.

7. Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 томах / А. Т. Твардовский. — Москва: Художественная литература, 1977. — Том 2. Стихотворения (1940-1945). Поэмы. Василий Тёркин. Дом у дороги. — 431 с.

8. Спивак И. А. Советская поэзия периода Великой Отечественной войны в жанровом развитии / И. А. Спивак. — Издание второе, дополненное. — Львов: Издательство при Львовском государственном университете, 1975. — 200 с.

9. Гудзенко С. П. Избранное: Стихотворения и поэмы / С. П. Гудзенко / вступ. ст., сост. и подгот. текста Л. Лазарева. — М.: Художественная литература, 1977. — 366 с.

10. Абрамов А. М. Лирика и эпос Великой Отечественной войны: Проблематика. Стиль. Поэтика / А. М. Абрамов. — Издание 2-е. — М.: Советский писатель, 1975. — 560 с.

11. Сурков А. А. Именем жизни: Стихотворения / А. А. Сурков. — М.: Советская Россия, 1986. — 240 с.

12. Антокольский П. Стихи и поэмы / П. Антокольский. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. — 295 с.

13. Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха: специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Снигирева Татьяна Александровна; Уральский государственный университет. — Екатеринбург, 1997. — 542 с.

14. Симонов К. Из трех тетрадей: Стихи, поэмы / К. Симонов. — Издание второе, дополненное. — М.: Военное издательство, 1990. — 368 с.

15. Сельвинский И. Избранное / И. Сельвинский. — М.: Советский писатель, 1950. — 340 с.

Воронежский государственный университет

Бобрицких Л. Я., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: bobritsckih@yandex.ru

Voronezh State University

Bobritsckih L. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature

E-mail: bobritsckih@yandex.ru

УДК 811. 161.1.

НОВЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МЕЖДУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОМ И СЛОВОМ[1]

Е. В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются устойчивые предложно-именные конструкции, возникшие в русском языке в последней четверти XX — первой четверти XXI вв. (см. с тараканами 'с причудами, странностями; неадекватный', по идее 'как будто, предположительно', выше крыши 'много, в избытке'). Дается семантическая, морфологическая, синтаксическая характеристика этих сочетаний, обсуждается неоднозначный лексико-грамматический статус таких образований и их полифункциональность.*

Ключевые слова: *предложно-падежные словоформы, устойчивое сочетание, фразеологический неологизм, современный русский язык, грамматический статус, синтаксическая полифункциональность.*

Abstract: *the article examines stable prepositional-nominal constructions that are fixed in Russian language in the last quarter of the 20th and first quarter of the 21st centuries. The semantic, morphological and syntactic characteristics of these combinations are described, and the ambiguous lexico-grammatical status of such formations and their polyfunctionality are discussed.*

Keywords: *prepositional-case word forms, stable combination, phraseological neologism, modern Russian language, grammatical status, syntactic polyfunctionality.*

Объектом описания настоящей статьи являются дискуссионные с грамматической точки зрения образования — устойчивые предложно-именные конструкции (УПИК). УПИК — это сочетания предлога и падежной формы имени (существительного, прилагательного, числительного или какой-либо субстантивированной части речи), характеризующиеся воспроизводимостью, семантической слитностью, в ряде случаев образностью, грамматической оформленностью и единством синтаксической роли (см. *по факту* 'действительно', *без тормозов* 'неуправляемый', *в пролете* 'в проигрыше, потерпев неудачу').

В современной лингвистике для этих образований нет единого наименования: встречаются разные обозначения, в известной степени выражающие теоретическую позицию исследователей. Одни лингвисты обращают внимание на близость таких образований словам и используют обозначения «эквиваленты слова» и «сочетания, эквивалентные слову» [1; 2; 3] или «структурные слова» (о соотносимых со служебными частями речи) [4]. Другие исследователи склонны считать предложно-именные конструкции единицами системы фразеологии, именуя их «одновершинными фразеологизмами» [5], «морфологически неизменяемыми фразеологизмами», «формами-идиомами» [6], «релятивными фразеологизмами» [7], «фразеологизированными предложно-падежными формами» [8; 9]. Часть ученых подчеркивает раздельнооформленность таких единиц, используя терминообозначения «предложно-именные сочетания» [10], «лексикализованные предложно-падежные словоформы» [11; 12], «устойчивые предложно-падежные сочетания» [13; 14] или их переходность, неоднозначность в грамматическом отношении: см. «лексикализованные предложно-падежные словоформы гибридного типа» [15]. Терминологическое разнообразие в данном случае — это отражение неоднородности этой группы и продолжающихся дискуссий относительно лингвистического статуса таких единиц, сочетающих признаки слова и фразеологизма.

Эти образования уже почти столетие являются объектом достаточно пристального внимания лингвистов: УПИК изучаются как база для формирования разных частей речи (прежде всего в связи с явлением адвербиализации и в аспекте образования составных предлогов, отдельная тема здесь — орфографическая сторона вопроса), также в отношении процессов фразеологизации, лексикализации и грамматикализации, причем нет единого понима-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления».

© Генералова Е. В., 2025

ния и этих явлений; в плане лексикографической интерпретации; создания общей типологии; в структурном и семантическом отношении; описываются отдельные группы этих единиц. Однако несмотря на такую длительную и серьезную историю изучения явления, вопрос далек от своего разрешения, и проблема лексико-грамматического статуса таких образований — это и по сей день актуальная лингвистическая тема.

Образование УППС характерно для русского языка с самого древнего периода в разные периоды его существования. Особенности формирования таких сочетаний описаны для периода древнерусского языка [16], языка Московской Руси [13; 14], XVIII в. [17] и далее, вплоть до современного русского языка.

Объектом настоящего исследования являются УПИК, возникшие в русском языке приблизительно за последние пятьдесят лет, т.е. в известном смысле эти единицы могут быть названы неологизмами. Материал был собран в процессе работы над словарем русской фразеологической неологики (см. подробнее [18]). Немаловажную роль при отборе материала и классификации его изначально как фразеологических единиц играло наличие единого значения и возможность написания с пробелом — на значимость критерия раздельнооформленности при изучении соотношения наречий и предложно-падежных сочетаний указывал еще Л. Л. Буланин [19: 183]. Но это исходное положение, использованное как критерий сбора материала, не снимает дальнейшего вопроса о грамматической природе таких образований, и общий обзор дает информацию и для теоретических размышлений.

Количественная характеристика материала следующая. Исследовательскую базу составили 176 единиц, которые были отобраны по неологическим словарям, словарям современной разговорной речи, словарям фразеологических неологизмов, интернет-источникам. Это 2,2% от общего объема фразеологических неологизмов (всего около 8000), собранных авторским коллективом, несколько меньший процент показывает один из немногих словарей фразеологических новаций: в «Словаре новых фразем и коллокаций русского языка» М. С. Добровой [20] УПИК составляют 1,7% всего материала (34 из 2000 единиц).

Строго говоря, таких образований в современном русском языке, вероятно, можно насчитать и больше. Во-первых, возможно, часть УПИК, образующихся в современном русском языке по продуктивным моделям, — это потенциальные фразеоконструкции. Так, ряды *до фонаря — до лампочки — до фени — до звезды — до балды — до задницы — до пупа — до форточки* ‘безразлично, все равно’ или *в тему — в кассу — в жилу — в масть* ‘подходит, удовлетворяет по каким-л. характеристикам’, включающие не синонимичные и не относящиеся к одной тематической группе существительные, могут быть интерпретированы не только как отдельные фразеологизмы-синонимы, образующиеся по одной структурной модели, но и как формирующиеся фразеоконструкции «до + N_2» и «в + N_4», и в этом случае следует признать, что количество УПИК будет расти и не может быть строго учтено. Во-вторых, список УПИК может быть расширен за счет некоторых сочетаний, функционирующих как устойчивые со сравнительным союзом (*как до жирафа*) и с отрицанием (*не в тему* — по терминологии В. Л. Архангельского, отрицательных предложно-именных сочетаний [10: 74]). При этом среди отрицательных сочетаний есть вообще без *не* не употребляющиеся, а есть соотносящиеся с соответствующими сочетаниями с положительным значением, но не всегда их семантика «зеркальна»: ср. «зеркальные» *в теме / не в теме* ‘об осведомленности / неосведомленности в чем-л.’ и «не зеркальные» *по делу* ‘хорошо, отлично’, *не по делу* ‘не к месту, не подходит’. В-третьих, корпус подобных УПИК в современном языке будет больше, если в качестве именных компонентов будут учтены и элементы обсценной лексики, т.к. немногочисленные корневые вульгаризмы активно образуют семантически единые, часто синонимичные между собой сочетания с различными предлогами.

Важным фактором при выделении УПИК как целостных образований является наличие у них единого значения. Однако этот принципиальный для дефиниции фразеологизмов критерий имеет свою специфику при дифференциации УПИК, поскольку их семантика основана на лексическом значении только одного знаменательного компонента, модифицированном грамматической и лексической семантикой предлога. Анализируемые УПИК неоднородны по степени развития переносного значения. Часть развивает образное переносное значение: *выше крыши* ‘много’, *на коленке* ‘небрежно, кустарно’, *на собаках* ‘о междугородних передвижениях: на электричках или автостопом’, *на соплях* ‘непрочно, ненадежно’. Для других сочетаний семантический сдвиг менее очевиден: см. *по идее* ‘как будто, предположительно’, *на стиле* ‘о наличии вкуса, стремлении быть в курсе актуальных модных тенденций’, *на позитиве* ‘об оптимистичном мировоззрении’. В таких сочетаниях семантический акцент смещается на предлог, и в этом смысле принципиально, что при образовании УПИК предлог не в меньшей степени, чем имя, создает основу для нового значения [21: 71]. Наконец, есть и сочетания, которые сложно отделить от свободных: *на контроле* ‘под постоянным наблюдением’, *в комплексе* ‘воедино, не разобщая одно от другого’, *без продыха(–у)* ‘без остановки, без передышки’, но их меньшинство. Таким образом, и при возможности выстроить шкалу переходности УПИК по степени спаянности компонентов, семантический сдвиг — важнейшее условие выделения

предложно-падежных сочетаний как устойчивых, которое и лежит в основе лексикализации, в процессе которой конкретные формы выделяются из парадигмы и начинают употребляться в самостоятельном значении.

С точки зрения структуры все УПИК — это сочетания предлога и имени. Что касается предлога, то наиболее частотными при образовании таких сочетаний в современном русском языке являются предлоги *на* (с ним образуется больше всего УПИК — 45 единиц) и *в* (31 УПИК), вторые по частотности — предлоги *по* (17), *до* (14), *без* (13), *за* (13), *с* (11), далее идут *под* (9), *для* (7), *от* (5) и др. Можно видеть, что это первообразные, простые предлоги, способные легко образовывать с полнозначной лексемой единое фонетическое слово и превращаться в приставку (при адвербиализации и других случаях конверсии). Именно возможной адвербиализацией и традиционным принципом передачи графического облика русских наречий обусловлены колебания относительно слитного или раздельного написания отдельных сочетаний с предлогами. Так, например, жаргонные обороты *по фиг, на фиг, на фига* включены и во «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова как фразеологические единицы [22: 715], и в «Русский орфографический словарь», причем в последнем предписано слитное написание «пофиг, *в знач. сказ. (жарг.)*» [23: 566] при раздельном *по фигу* [23: 566] и *на фиг, на фига* [23: 385].

Значительное количество сочетаний с простыми предлогами обусловлено многозначностью последних: в сочетании с определенными падежами существительных образуются различные продуктивные структурно-семантические модели. Так, «до + N_2» это образование сочетаний либо со значением ‘безразлично, все равно’ (см. выше) (реализуется семантика *до* как указание на границу распространения (до максимально удаленного объекта)), либо со значением максимального проявления действия (*до посинения, до очумения*) (семантика *до* как указание на степень, предел). «В + N_6» чаще всего обозначает различные состояния (*в замоте, в закруте, в моменте, в потоке, в пролете*), а «в + N_4» — уместность чего-л. /кого-л. (*в жилу, в тему*).

Есть и предлоги, зафиксированные в единичных УПИК: *выше* (*выше крыши* ‘много, в значительном количестве’), *впереди* (*впереди паровоза* ‘опережая события), *мимо* (*мимо кассы, мимо денег* ‘о неудаче, провале (в том числе финансовом)’) и др.

Что касается именного компонента, то в современном материале это практически исключительно сочетания с существительными. Помимо них есть отдельные сочетания, условно относимые к УПИК, — единичное сочетание с наречием *за бесплатно* ‘даром, без оплаты’, фиксирующееся с 1970-х гг. (ср. известное в языке ранее *за спасибо*), а также нетипичные образования *через не хочу* и *через не могу*, в которых в качестве имени выступает субстантивированная личная форма глагола с отрицанием.

Среди существительных — именных компонентов УПИК преобладают исконные или давно заимствованные лексемы (см. *по барабану, под ключ, с карманом*), но есть и новые заимствования (см. *в топе, по фану*). Существительные чаще используются в устойчивых сочетаниях в ед. ч., но в 24 УПИК (13,8% от общего количества) зафиксированы и в форме множественного числа (*по понятиям, с тараканами, без вариантов, в непонятках, на минималках*). Значительная часть именных компонентов представлена жаргонной лексикой, в том числе и семантическими жаргонизмами (см. *при капусте* ‘о богатом человеке’). Особо следует сказать об УПИК с существительными (как правило, жаргонного происхождения), которые неизвестны или единичны (возможно, окказиональны) в свободном употреблении: *с ранья* ‘спозаранку’, *на (в) крайняк* ‘в крайнем случае’. Их немного, но сочетания именно с такими существительными демонстрируют значительную степень слитности и особенно близки лексемам.

В отношении устойчивости УПИК следует отметить, что некоторые допускают вставку факультативного определения при имени: *с (большого) бодуна, в (полном) ажуре, до (глубокой) фени*, т.е. могут быть и двух-, и трехкомпонентными.

Большинство УПИК возникают из свободных сочетаний предлога и имени.

Небольшая часть конструкций происходит из устойчивых сочетаний, у которых глагол-компонент оборота перестает быть обязательным, утрачивается, в результате чего образуется независимое предложно-падежное сочетание с закрепленным значением. Например, известное устойчивое сочетание *бежать впереди паровоза* ‘опережать события’ известно в русском языке с середины 1990-х гг., но уже менее, чем через десять лет предложно-падежная форма получает возможность и самостоятельного употребления: см. *7К являлся самой сложной частью комплекса «Союз». Его надо было создавать «**впереди паровоза**». Без него 9К и ПК теряли смысл*. Б. Е. Черток. Ракеты и люди (1999) [24]; *Пока дело не касается энерготарифов, грузоперевозок или цен на уголь, Тулеев являет собой образец послушного Центру губернатора, радетеля народных интересов, полностью поддерживающего политику партии власти и правительства, готового жадно ловить каждое слово главы государства и **впереди паровоза** бросающегося выполнять наказы президента*. Е. Милая. Лояльный // «Вслух о…», 04.08.2003 [24]. Эти конструкции нельзя назвать эллиптическими, т.к. в приведенных выше контекстах самостоятельная УПИК наречного характера зависит уже от других глаголов. Аналогичным образом из фразеологических оборотов выделяются УПИК

под колпаком ‘под наблюдением, под контролем’ (ср. *держать под колпаком*), *под ключ* ‘в полной готовности‘ (ср. *сдавать /сдать под ключ*) и др.: см. *Что он* ***под колпаком****, Скварыш понял еще до исключения, может быть, даже зимою, когда получил однажды письмо из-за рубежа, из Кембриджа.* В. Быков. Бедные люди (1998) [24]; *В наше время существуют свадебные агентства, которые готовы «творчески» подойти к организации любой свадьбы «****под ключ****».* М. Альбедиль. «Покроют головушку, наложат заботушку»: о ритуальном символизме свадьбы // «Теория моды», 2014 [24].

Отдельные УПИК возникают из мемов, из масскультуры (например, распространению сочетаний *на чиле* и *на расслабоне* (изначально в одном контексте) способствовала песня популярного рэп-исполнителя Джигана.

Не только социальный, но и профессиональный жаргон является источником и отдельных именных компонентов, и самих УПИК. Так, исследователи обращают внимание на то, что ряд устойчивых сочетаний, образованных по формуле «в+N_6»: *в потоке, в принятии, в моменте, в ресурсе* приходят в русский язык из языка психологии и психотерапии (см. [25: 78; 26]). А. В. Демина пишет, что в шуточном словаре панганского языка («языка» туристов, посещающих остров Панган в Таиланде) выражение *в моменте* ‘обоснование полного отсутствия намерений и желания эти намерения / планы создавать’ охарактеризовано как ключевая фраза этого языка [25:78].

С учетом неоднозначности лексико-грамматического статуса устойчивых предложно-падежных наименований важна их грамматическая (морфологическая) и функциональная (синтаксическая) характеристика. По этому вопросу нет единого мнения, но важен, как нам представляется, тезис Г. Н. Сергеевой об их принципиальной полифункциональности и неясной морфологической природе [21: 55]. С точки зрения эквивалентности разным частям речи УПИК с определенной долей условности могут быть интерпретированы как соотносящиеся с определенными грамматическими классами (с учетом единства их семантики и синтаксической роли). Наибольшее количество УПИК, возникающих в современном русском языке, соответствует наречиям — 91 из 176 единиц (*под ковром* ‘скрытно, неявно’, *без балды* ‘серьезно, без розыгрыша’), 27 единиц эквивалентны категории состояния (*по барабану* ‘безразлично’, *(не) в напряг* ‘(не) сложно, затруднительно’), 50 — неизменяемым прилагательным (*без комплексов* ‘уверенный в себе, свободный в поведении’, *в адеквате* ‘пребывающий в сознании, обладающий способностью отвечать за свои действия’), 4 — предлогам (*на марше, с подачи, на излете, на обочине*), 4 вводных слова (*по идее, на минуточку, на секундочку, по ходу*).

Однако, следует сразу отметить, что приведенные цифры в известной мере условность, изучение синтаксических функций УПИК наглядно демонстрирует тезис о полифункциональности этой группы. Большинство наречных УПИК функционируют в роли различных обстоятельств: образа действия (*делать* ***на автомате***), места (*вернуться* ***из-за бугра***), времени (*живем* ***на изломе***), цели (*выступить* ***для галки***), степени (*работать* ***до очумения***), причины (*свитер* ***с бодуна*** *задом наперед надел*). Рассматривая функциональные разновидности наречных лексикализованных предложно-падежных словоформ на материале словаря структурных слов Р. П. Рогожниковой, Г. И. Панова и П. А. Городнянская выделяют группы сочетаний собственно наречного и наречно-конверсивного характера — «ЛППС, которые в одних условиях контекста выполняют наречную функцию, а в других — иную, не наречную. Это может быть: а) функция собственно предикатива, б) функция слова категории состояния и нередко в) функция какого-либо служебного слова» [27: 62]. В современном материале наречно-конверсивными УПИК оказывается более трети всех наречных сочетаний. Самой частотной вторичной функцией наречных УПИК оказывается предикативная: ср*. Он стоял в дверях безучастно, как будто и пришел сюда бессознательно,* ***на автопилоте****…* Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [24] и *Я был уже* ***на автопилоте*** *и хотел одного — закрыть глаза.* В. А. Ярмолинец. Приключение с гринкартой. Детективные записки русского репортера // «Волга», 2009 [24]. Некоторые УПИК употребляются и в обстоятельственном (наречном), и в определительном (атрибутивном) статусе: см. *квартира* ***под ключ*** *— сдается* ***под ключ***. Характерна для УПИК и возможность совмещать функции служебного и знаменательного слова. Возможно совмещение функции наречий в роли обстоятельств и предлогов: см. *Москва, и без того играющая второстепенную роль в северокорейском вопросе, оказывается здесь окончательно* ***на обочине***. К. Эггерт. Человек с президентскими амбициями // «Сноб», 2018 [24] и *Чтобы вдруг не оказаться* ***на обочине*** *всего мирового спорта*. По всем статьям // «Огонек», 2016 [24]. Ряд УПИК наречного характера известен в роли слов-предложений: в качестве таких утвердительных слов-предложений выступают сочетания *без вариантов, без вопросов, по факту* (относительно недавно развившее эту семантику), в роли этикетной формулы прощания зафиксирована УПИК *до связи*: см. *Давай завтра, часов в девять. Договорились?* ***Без вопросов****. Что еще?* Д. Корецкий. Менты не ангелы, но… [24]. Соотносимые с неизменяемыми прилагательными слова функционируют и как атрибутивные, и как предикативные: ср. *Мужика в доме нет, потому что крик* ***без тормозов****, дурной, припадочный.* В. Голованов. Эти квартиры // «Новый мир», 2004 [24], *Это был человек с бешеной энергетикой*

и совсем ***без тормозов***. Ч. Абдуллаев. Мистерия эпохи заката [24] и *Гурвич был* ***без тормозов****, чумовой, гиперактивный. Даже непонятно, как он сумел умереть*. А. Иванов. Комьюнити [24].

В целом полифункциональность и гибридность характерна для современных УПИК еще в большей степени, чем для таких сочетаний в истории языка.

Таким образом, класс УПИК активно пополняется, и в современном русском языке возникает значительное количество таких сочетаний в русле усиливающейся тенденции русского языка к аналитизму. Эти сочетания образуются прежде всего с первообразными простыми предлогами, больше всего неологических образований с предлогом *на*, далее — *в*. В качестве именного компонента выступают почти исключительно словоформы существительных, среди которых много жаргонизмов. Грамматически современные УПИК соотносятся с наречиями, атрибутивно-предикативными словами, категорией состояния, вводными словами и предлогами, синтаксически обнаруживают яркую полифункциональность и, выступая в роли обстоятельств, предикатов, определений, вводных слов, предлогов, слов-предложений, могут совмещать эти функции. С учетом того, что в настоящий период имеет место начальная стадия формирования таких конструкций (из свободных сочетаний, полноценных фразеологизмов с утратой глаголов, мемов), очевидно, на современном этапе развития языка образующиеся УПИК ближе к фразеологическим единицам, чем к слову. Вероятно, часть этих сочетаний в дальнейшим пополнит классы наречий, составных предлогов, неизменяемых прилагательных и т.п., однако исследователи современного материала подчеркивают «крайнюю нерегулярность закрепления в языке» таких форм и «трудную моделируемость процессов семантической деривации в этой области» [28: 43]. Фразеологизации способствуют такие факторы, как отсутствие употребления именного компонента в свободном употреблении, а также образование УПИК не по продуктивной модели (не в рамках фразеоконструкции), а как единичного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рогожникова Р. П. Об эквивалентах слова в русском языке / Р. П. Рогожникова // Вопросы языкознания. — 1977. — № 5. — С. 110-117.

2. Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства / Р. П. Рогожникова. — М.: Русский язык, 1991. — 254 с.

3. Мустайоки А. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что, в зависимости от, к сожалению* / А. Мустайоки, М. Копотев // Вопросы языкознания. — 2004. — № 3. — С. 88-107.

4. Морковкин В. В. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. — М.: Лазурь, 1997. — 420 с.

5. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. — М.: Омен: МГУ, 1998. — 259 с.

6. Лекант П. А. Современный русский язык / П. А. Лекант. — М.: Дрофа, 2000. — 472 с.

7. Шиганова Г. А. Релятивные фразеологизмы русского языка Г. А. Шиганова, С. А. Кабанова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. — 306 с.

8. Кабанова С. А. Фразеологизированные предложно-падежные субстантивные формы в сербском и русском языках / С. А. Кабанова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — Вып. № 11. — С. 91-99.

9. Григоренко О. В. Фразелогизированные предложно-падежные формы в современном молодежном жаргоне / О. В. Григоренко, Ж. И. Руденя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — Воронежский гос. пед. ун-т. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. — С. 55-58.

10. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. — Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского университета, 1964. — 316 с.

11. Пасечник А. А. Лексикализованные предложно-падежные сочетания и их репрезентация в лексикографии: автореф. дис. … канд. филол. наук / А. А. Пасечник. — Краснодар, 2005. — 20 с.

12. Сергеева А. Г. Семантические и функциональные свойства лексикализованных предложно-падежных словоформ в заключение, в завершение, в довершение: автореф. дис. … канд. филол. наук / А. Г. Сергеева. — Владивосток, 2007. — 22 с.

13. Генералова Е. В. *По барабану*: лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний / Е. В. Генералова // Вопросы лексикографии. — 2021. — № 19. — С. 32-51.

14. Реинер А. И. Устойчивые предложно-падежные сочетания, соотносимые с междометиями и модальными словами, в деловом и обиходном языке Московской Руси XVI-XVII вв. / А. И. Реинер // Филологический аспект.– 2024. — № 9 (113). — С. 14-20.

15. Конченко Т. В. Гибридные лексикализованные предложно-падежные словоформы с неопределённо-количественным значением *во многом, в большинстве (своём), в массе (своей)*: семантика и функционирование: автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. В. Конченко. — Владивосток, 2024. — 22 с.

16. Васильев А. И. Предложно-именные фразеологизмы древнерусского языка / А. И. Васильев // Славянская фразеология и паремиология. — Вып. 5. — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. — С. 30-35.

17. Раевская М. В. Внешняя омонимия фразеологических предлогов в деловом языке XVIII века (по материалам объединенного государственного архива Челябинской области) / М. В. Раевская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2014. — Т. 11, № 1. — С. 29-32.

18. Мокиенко В. М. Старое новое и новое новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов») / В. М. Мокиенко // Неология. Неография. — 2021. — Сб. научных статей Межд. научной конф. — Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2022. — С. 132-142.

19. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Буланин. — М.: Просвещение, 1976. — 207 с.

20. Доброва М. Словарь новых фразем и коллокаций русского языка / М. Доброва. — Оломоуц: Университет им. Ф. Палацкого, 2022. — 400 с.

21. Сергеева Г. Н. Лексикализованные словоформы: динамика языкового развития: избранные работы: к 60-летию кафедры русского языка / Г. Н. Сергеева. — Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. — 296 с.

22. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 878 с.

23. Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь: около 200000 слов. 4-е изд. / В. В. Лопатин. — М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. — 896 с.

24. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] URL: http: //www.ruscorpora.ru (дата обращения — 10.02.2025).

25. Демина А. Е. *В потоке, в моменте, в ресурсе*: о лексике современного (псевдо)духовного поиска / А. Е. Демина // Неология. Неография. — 2022: Сб. научных статей / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. – С. 79-84.

26. «Я сегодня не в ресурсе» (интервью с М. Кронгаузом) — Режим доступа: https://philology.hse.ru/conflictology/news/495480549.html (дата обращения — 10.02.2025).

27. Панова Г. И. Функционально-семантическая типология лексикализованных предложно-падежных сочетаний наречного характера / Г. И. Панова, П. А. Городнянская // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2013. — Т. 12. № 2. — С. 60-64.

28. Голубева В. К. О фразеологизации в кругу предложно-падежных форм и их наречных коррелятов / В. К. Голубева // Славянская фразеология и паремиология. Вып. 5. — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. — С. 39-44.

Санкт-Петербургский государственный университет

Генералова Е. В., кандидат филологический наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета

E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Saint Petersburg State University

Generalova E. V., Candidate of Philology, Associated Professor of the Departments of the Russian Language of the Philological Faculty

E -mail: elena-generalova@yandex.ru

УДК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ПОВЕСТЯХ А. С. КОТКИНА «ЗАПОВЕДНОЕ ОЗЕРО» И И. Н. МОЛЧАНОВА «В ЛЕСАХ СЕВЕРА»

А. В. Давыдова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация. *статья посвящена анализу художественной антропологии в контексте художественной картины мира в произведениях Северного текста русской литературы для детей. Материалом исследования являются повести А. С. Коткина «Заповедное озеро» и И. Н. Молчанова «В лесах Севера». Автор рассматривает образ человека в произведениях в его взаимосвязи с другими образно-семантическими элементами художественной северорусской картины мира (образами озера, леса, реки, мотивами границы, богатства и красоты северной природы, пути, испытания/инициации).*
Ключевые слова: *художественная антропология, Северный текст русской литературы для детей.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of artistic anthropology in the context of an artistic picture of the world in the works of the Northern text of Russian literature for children. The research material is the novel by A. S. Kotkin "Reserved Lake" and I. N. Molchanov "In the Forests of the North." The author considers the image of a person in works in his relationship with other figurative-semantic elements of the artistic North Russian picture of the world (images of a lake, forest, river, motifs of the border, wealth and beauty of northern nature, path, trial/initiation).*
Keywords: *art anthropology, Northern text of Russian literature for children.*

Образ человека в литературе часто становится предметом исследования в современной филологии. В общетеоретических работах делаются попытки определить сущность понятия «художественная антропология». При этом одни исследователи связывают его с категориями содержания художественного текста, как, например, В. В. Савельева [1]. От подобного понимания отталкиваются авторы многих работ, посвященных исследованию творчества конкретных художников (Н. А. Гвоздева [2], А. И. Куляпин [3] и др.). Другой подход к пониманию художественной антропологии сводится к осознанию ее как метода исследования (В. В. Башкеевой [4] и др.). Нам ближе интегративный подход Т. Б. Зайцевой, осознающей художественную антропологию «как исследование человека во всей его целостности… и как воплощение в творчестве… авторской художественно-философской концепции человека» [5, 3].

Стоит отметить, что для нашей работы также актуальны труды, посвященные антропологии детства, в которых оно мыслится как социокультурный феномен (А. В. Бабук [6], Я. В. Погребная и Е. И. Дворникова [7], А. В. Минаева, Д. Б. Коржавина [8]).

Кроме того, значимы исследования, которые изучают художественную антропологию в аспекте национальной идентичности. К этой проблеме обращаются как лингвисты, рассматривающие национальную языковую картину мира (Л. В. Миллер [9], Т. В. Симашко, М. Н. Маслова, Н. С. Морозова [10]), так и литературоведы (З. А. Кучукова, А. А. Жабоева [11], Т. В. Швецова [12] и др.). Близки к этой группе исследований работы, авторы которых изучают художественную антропологию локальных сверхтекстов (Н. А. Ермакова [13], Е. Н. Чупрова [14] и др.).

Известное горьковское определение литературы как человековедения актуально и для произведений Северного текста. На широком литературном материале рассматривает «семантические составляющие архетипического образа северного человека» М. Н. Гладцинова [15]. Образы арктических исследователей становятся предметом изучения в статье Н. П. Таньшиной [16]; а национальный характер в произведениях В. Белова — в работах Е. В. Крикливец [17] и А. П. Беловой [18]. Однако мы не нашли исследований, посвященных рассмотрению художественной антропологии в Северном тексте русской литературы для детей. Это свидетельствует о научной новизне нашей работы.

Рассмотрим особенности художественной антропологии в Северном тексте русской литературы для детей на примере повестей И. Н. Молчанова «В лесах Севера» (1958) и А. С. Коткина «Заповедное озеро» (1977), сходных по сюжету и системе образов персонажей. Итак, целью предпринятого исследования является рассмотрение особенностей художественной антропологии в контексте художественной картины мира в ранее не изученных произведениях Северного текста русской литературы для детей.

Уже в названии повести А. С. Коткина (1925-2007) «Заповедное озеро» обозначен ее центральный при-

© Давыдова А. В., 2025

родный образ. Несмотря на то, что действие происходит в Малоземельской тундре, автор центром художественного мира делает именно лесное, не тундровое озеро, что не свойственно для текстов, изображающих данную местность. При этом название повести содержит обобщение, так как в тексте идет речь о целой системе озер, куда на долгожданную рыбалку отправляются братья Костя и Федька с их дедом Кириллом Петровичем.

Повесть «В лесах Севера» И. Н. Молчанова (1903-1984) увидела свет в 1958 г. Произведение в жанровом отношении сближается с формой художественного краеведческого учебника, в котором автор, повествуя о приключениях героев, центральным делает образ северного леса.

Последний в рассматриваемом тексте воспринимается писателем широко, как модель мира, о чем свидетельствует множественное число лексемы, заявленной в названии. Леса Севера для автора становятся целым миром, живущим по своим законам, сам Север мыслится как лесное пространство. Для повести И. Молчанова характерен хронотоп леса как разновидность хронотопа пути.

Начало пути героев — еловый лес, где деревья сравниваются со стенами, что актуализирует образную ассоциацию «лес — дом». Для обозначения смешанного леса рассказчик использует диалектное слово «рада» [20, 9]. Несколько раз в повести встречается образ бора. Причем автор явно противопоставляет ельник и бор, как тьму и свет, замкнутость и простор. Так, описание бора отсылает скорее к описанию дворца с соснами-колоннами и высокими сводами из сомкнуты ветвей. Такие архитектурные ассоциации характеризуют восприятие рассказчиком леса как культурологическое.

Кроме того, для описания бора в повести устойчивы сказочные мотивы. Так, часто повторяется образ великанов-сосен, которые кажутся рассказчику живыми. Неудивительно, что в таком пространстве человек начинает за реальным ощущать необъяснимое. Так, рассказчик сравнивает два подхода к пониманию состояния человека, заблудившегося в лесу: научный — агорафобия [20, 28] и фольклорный (леший «водит по лесу и скрывает дорогу» [20, 32]). Сомнения в реальности происходящего у героя характеризуют северный лес как пространство пограничное.

Повести А. Коткина и И. Молчанова во многом сходны по мотивной и образной структуре. Так, мотив границы своеобразно развивается и в повести «Заповедное озеро», взаимодействуя в смысловом отношении с центральным природным образом через мотив отражения (реальный мир — иллюзорный, земля — небо).

Другой общий для повестей мотив — мотив красоты природы Севера. В повести А. Коткина он тесно связан с мотивом творчества. Дед, словно чудо, открывая внукам заповедное озеро, побуждает их испытывать восхищение красотой родной природы. Для старика красота мира — это его уникальность и неповторимость. Эта природосообразность отличает и образ самого Кирилла Петровича, который сравнивает себя с озером: «…стоялому озерцу не хочу уподобиться. Мне еще отец когда-то говорил, что сила всего живого — в движении…» [19, 5]. Эти вечное движение и неповторимость живой природы, явленные в человеке и окружающем его мире, становятся в повести основой для творчества. Дед сравнивает природу с творцом, писателем, создающим книгу [19, 7]. Исследование северной природы становится, по А. Коткину, своеобразным сотворчеством, когда человек-читатель пытается постичь замысел творца-писателя.

В повести Молчанова мотив красоты северной природы также связан с образом озера. При характеристике озера рядом с избушкой Анисима автор выделяет мифопоэтический мотив: старик сравнивает его с «морским глазом», которым «море-океан» «смотрит», «что делается в лесах» [20, 68]. У рассказчика этот образ вызывает фольклорную ассоциацию с «морским оком» из словацкой легенды [там же], что указывает на архетипичность мифопоэтических представлений старого северянина. Важно отметить, что в Северном тексте русской литературы для детей сравнение озера с глазом характерно для описаний тундровых, а не лесных озер (А. Членов «Как Алешка жил на Севере» и др.). Кроме того, мысль о том, что озеро, напрямую в Северном тексте для детей не связанное с хронотопом пути (в его пространстве герои не движутся), является своеобразным порталом для моря (водной стихии) в пространстве леса (стихии земли), самобытно актуализирует мотив единства различных элементов природного космоса Севера.

Еще одним сквозным для обоих текстов мотивом становится мотив биоразнообразия северного природного мира. У А. Коткина он реализуется прежде всего через зооморфные образы и смысловую оппозицию «человек — природа». Так, например, Кирилл Петрович образно называет озера «кладом» за их рыбные ресурсы [19, 11]; в повести упоминаются бурые медведи, «космари» [19, 7] — утиные выводки, выдра. Особое место в системе орнитоморфных образов повести занимает образ лебедя. Кирилл Петрович кается, что в молодости «ударял за лебедиными яйцами» [там же] и досадует на Костю, когда тот предлагает взять одно яйцо на яичницу. Дед горячо протестует: «Коль они на нашей земле, то наши. Их оберегает наш закон. А в лесу да в тундре закон этот лежит на совести людской. И добрый человек его не переступит» [19, 16]. Писатель поднимает не только острые, но и нравственно-психологические проблемы: отношение к природе является индикатором человеческой морали. Вот и отношение к лебедю — проверка внутренних ка-

честв героев. Братья наблюдают за поединком орлана и лебедя-самца. Способность видеть красоту родной природы, сопереживать ей, стремиться ее сберечь характеризуют маленьких северян как поэтичных, способных ценить прекрасное, эмпатичных людей. Герои, конечно, не идеальны, но в главном они с малолетства верны вечным нравственным установкам человечества, призванного ощущать ответственность за окружающий мир.

Кроме того, в связи с анималистическими образами и мотивом природного богатства северных озер в повести находится тема охоты, которая у А. Коткина решается неоднозначно. Костя наивно осуждает деда и его поколение за варварское отношение к природе в прошлом, считает их большими преступниками, чем он, не пожалевший одного лебеденка и держащий медведя на привязи. Кирилл Петрович же, не снимая с себя и своих сверстников вины, тем не менее хочет, чтобы внук задумался над мотивами, которые толкают человека на убийство животного. Мудрый Кирилл Петрович понимает, что настоящий охотник не должен переставать быть настоящим человеком.

С восприятием человека связан мотив богатства северной природы и в повести И. Молчанова. Мир леса видится глазами рассказчика, путешественника и следопыта. Герой точен и подробен при характеристике северных растений и животных, повествователь использует одну-две описательные детали, вводя в текст мотив биоразнообразия северного леса.

Значимым в обеих повестях становится и мотив пути, связанный с более частными природными образами. Устойчивым для произведений А. Коткина и И. Молчанова в этом контексте является образ реки. У первого река Соймянка — это своеобразная водная дорога, которая ведет героев к охотничьей избушке и заповедному озеру. Лодку по «рыжим водам» [19, 6] реки ведет Костя, ведь и сам мальчик «рыж от пяток до волос» [19, 3], подвижен, «остер на язык, боек, как быстроводная Соймянка» [там же]. Именно река становится настоящим испытанием, которое проходит герой. Всегда уверенный в себе и внешне смелый Костя после того, как в темноте переплыл реку, признается брату: «А я боялся!» [19, 49]. Для него спасение унесенной во время грозы лодки становится испытанием смелости и умения жертвовать собой ради других, в водах родной Соймянки Костя проходит своеобразный обряд инициации, преодолевая себя.

Схож в смысловом отношении с образом Соймянки образ безымянной реки, которая помогает героям вернуться домой, и в повести «В лесах Севера». Рассказчик дает ей точные характеристики в тексте: «Капризна северная река» [20, 83]. Как и движение в пространстве леса у заблудившихся путников, так и движение по реке связано для героев с преодолением препятствий, например порогов. Они вызывают у рассказчика воспоминания о путешествии по Ижме, «притоку полярной Печоры» [20, 85]. Обращение к воспоминаниям героя помогает автору увидеть своеобразие северных рек в целом.

Мотив испытания, преодоления себя, тесно связанный с системой образов персонажей и конфликтом, так же сближает повести А. Коткина и И. Молчанова. Так, в повести «Заповедное озеро» этот мотив реализуется через образ сопки Хольгеркамень. Первоначально она связана с легендой о Чертовой горе, которая издревле была сакральным местом для ненцев, хоронивших там своих умерших. Епишка, соратник прапрадеда Кости и Федьки, разорил ненецкую могилу, за что был наказан древними духами сумасшествием и страхом. Второй раз испытывает себя и проверяет правдивость легенды Костя, который уносит из ненецкого капища топор. И, наконец, в финале, поспорив с братом, испытывать себя на сопку отправляется Федька. Для мальчика это равносильно инициации: преодолевая страх, он обретает не только уверенность в себе, но и сближается с братом.

Подобная композиционная троекратность подчеркивает сакральный характер образа Хольгеркамня в повести. Кроме того, повтор мотива испытания позволяет говорить о символическом преодолении основных конфликтов. Психологический развивается между двумя близнецами. Косте и Феде 13 лет, «только внешностью и характером друг на друга не похожи ни капельки» [19, 3]. Самостоятельный, бойкий Костя доминирует над робким и трусоватым братом. Но при всей непохожести оба героя проходят испытание страхом, выдерживают его, что в итоге намечает путь к их внутренней близости. Испытания, пережитые на заповедном озере, дают им возможность ощутить внутреннее единство, которое изначально чувствует дед, называя их «братьями». Это обращение может быть прочитано и в другом контексте: Кирилл Петрович указывает на его собственное промысловое содружество с мальчиками. Недопонимание между дедом и Костей, который ищет правду по-своему, снисходительное отношение первого к Федьке оказываются тогда вполне преодолимыми временными трудностями, так как автор показывает, что у этих людей разных поколений куда больше общего, чем может показаться на первый взгляд: любовь к родному Северу, жажда жизни, стремление исследовать и защищать мир.

Герои повести И. Молчанова — северяне, люди леса. Их отношение к этому пространству неоднозначно. С одной стороны, лес кажется освоенным ими миром: они проложили по его земле свои тропы; у них «свои» места на его озерах, они строят избушки и целые поселки в лесах; в лесных ручьях оставляют берестяные ковшики для воды… С другой стороны, человек у И. Молчанова противостоит лесу как дикой природной стихии. Лес даже для любящего его северянина — пространство чужое, в ко-

тором «хорошо идти только знакомой дорогой» [20, 37]. Он проверяет героев. Так, в повести противопоставлены Павлик и Женька. Первого отец воспитывает как мужчину, промысловика. Второй –младший из путешественников — испытания лесом в отличие от друга не выдерживает. Он слаб не только телом, но и духом. Рисуя образы двух героев, автор словно показывает, каким разным может быть отношение к традициям предков. Женька явно отпадает от них, а Павлик, напротив, выступает их продолжателем.

В пространстве леса-мира у И. Молчанова встречаются люди разных поколений: старик Анисим, рассказчик — человек средних лет и дети. Они во многом похожи своей любовью к родным местам, стремлением их узнать и сберечь. Особо значим при этом в тексте образ рассказчика — воплощение настоящего, без которого невозможна связь прошлого и будущего. Он не раз подчеркивает в повести свою принадлежность к Северу и гордится ею. Читатель узнает, что герой имеет военный опыт, что сближает его с Анисимом. Кроме того, в речи рассказчика явно присутствует дидактическое начало: без излишнего морализаторства он стремится научить мальчишек выживать в пространстве мира-леса. Важно, что, ощущая себя старшим и ответственным за жизнь и здоровье ребят, рассказчик во время путешествия проявляет к ним уважение как к равным, видимо, потому что сам смог сохранить в себе ребенка. Неслучайно путь по лесу заставляет его вспомнить не только свои «взрослые», но и детские впечатления. Для рассказчика пребывание в пространстве леса — еще и возвращение к самому себе.

Наконец герой-повествователь — художник. Он очень внимателен к диалектным словам («Странное название накомарник» [20, 9], «рада») и поэтическому образу (глава «Дорога в дебри»). Его восприятие окружающего мира природы, с одной стороны, культурологично, так как, будучи человеком эрудированным, он активно привлекает для характеристики различных явлений свой культурный опыт. С другой — следует говорить об импрессионистичности его взгляда: рассказчик видит мир в точных деталях, он внимательный наблюдатель, образно и эмоционально воспринимающий природный космос. Герой способен ощущать единство с природой, видеть, слышать, чувствовать ее и за нее.

Интересны ему и люди. Рассказчик не оценивает, не судит, он любуется человеком Севера, узнавая в каждом из встреченных им людей знакомый ему с детства типаж. Отсюда его обобщения: «В этих краях принято всегда здороваться, когда видишь незнакомого» [20, 92]; «Старик, как и все северяне, говорил певуче, с растяжкой на “о”» [там же].

Все это доказывает, что для рассказчика путешествие по лесам Севера — это погружение в родной для него мир, исследовать который можно бесконечно. Неслучайно в финале мы не видим возвращение героев домой, что символично и указывает на то, что их путешествие не заканчивается. Интересно, что повесть А. Коткина так же не завершается возвращением героев домой, как будто история о погружении в природный мир Севера для героев не подходит к концу.

Таким образом, художественная антропология в повестях А. Коткина и И. Молчанова находится в тесной связи с художественной картиной северорусского мира. В первом произведении центром этого мира становится образ озера, а во втором — леса. Несмотря на это, повести сближает система устойчивых мотивов: границы и красоты, связанных с образом озера, богатства и разнообразия северной природы. Причем при их развитии в текстах для обоих авторов исключительно важной становится точка видения человека: А. Коткин раскрывает их через тему охоты и проблему сохранения природного мира, а для И. Молчанова определяющими становятся особенности восприятия рассказчика. При этом в видении мира Кирилла Петровича из «Заповедного озера» и героя-повествователя из повести «В лесах Севера» можно увидеть очевидную близость: оба персонажа представлены как опытные, знающие родной край охотники и исследователи, а также как художники. Сближает произведения и мотив пути, реализованный обоими писателями через образ реки, а И. Молчановым — и через хронотоп леса. Мотив пути в изученных текстах прочитывается не просто как движение в физическом пространстве, но и как духовные, нравственно-философские поиски персонажей, поэтому он сближается с устойчивым мотивом испытания человека/инициации и решается через конфликт произведений. Последний реализуется в структуре системы образов-персонажей, где представлены герои разных поколений. Острее конфликт старшего и юного поколений явлен в повести А. Коткина; у И. Молчанова представлено скорее единство прошлого, настоящего и будущего. Однако и в «Заповедном озере» намечается сближение поколений, к финалу противоречия теряют остроту, а центральным остается мотив наставничества, отражающий традиционную систему взаимоотношений людей на Севере. Кроме того, в обеих повестях присутствует антитеза в образах героев-детей. И если у А. Коткина намечен путь положительного разрешения психологического конфликта братьев, то И. Молчанов на примере приятелей показывает два различных возможных отношения человека к природе и традициям предков. Для художественной антропологии повести последнего характерен обобщающий принцип изображения: наряду с индивидуальными чертами герои, чьи образы поданы через восприятие рассказчика, обладают обобщающими, типологическим характеристиками, восходящими к авторскому видению человека леса, северянина. При всем своеобразии индивидуально-

авторского видения, отраженного в изученных текстах, устойчивые образно-семантические особенности сближают их и делают яркими образцами Северного текста русской литературы для детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева В. В. Художественная антропология / В. В. Савельева. — Алматы: АГУ им. Абая, 1999. — 281 с.

2. Гвоздева Н. А. «Найти в человеке человека»: художественная антропология Ф. М. Достоевского / Н. А. Гвоздева // Педагогический форум. — 2024. — № 1 (13). — С. 168-169.

3. Куляпин А. И. Миф о настоящем человеке в творчестве В. М. Шукшина / А. И. Куляпин // Филология и человек. — 2013. — № 4. – С. 26-34.

4. Башкеева В. В. Литературная антропология как метод анализа художественного текста / В. В. Башкеева // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 30-31 марта 2017 года. В 2-х ч. Ч. 1. / Под ред. Э. Р. Дроздовой. — Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ — 2017. — С. 18-23.

5. Зайцева Т. Б. Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор). Автореф. дис. … доктора филол. наук / Т. Б. Зайцева. — Екатеринбург, 2015. — 42 с.

6. Бабук А. В. Художественная антропология детства в литературе XIX в. / А. В. Бабук. — Минск: БГУ, 2018. — 143 с.

7. Погребная Я. В. Антропология детства в художественной литературе как парадигма образов ребенка и наставника / Я. В. Погребная, Е. И. Дворникова // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. — 2023. — № 2 (20). — С. 59-67.

8. Минаева А. В., Коржавина Д. Б. Концепт «детство» в художественной антропологии Ч. Диккенса / А. В. Минаева, Д. Б. Коржавина // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации / Под ред. Н. А. Вапник. — Москва, 2022. — С. 100-105.

9. Миллер Л. В. Лингвокультурная антропология и национальная художественная картина мира (лингвометодический аспект) / Л. В. Миллер // Русский язык в современном Китае. Сборник научно-методических статей V Международной научно-практической конференции / Под ред. А. Е. Горковенко. — Чита: ЗабГУ, 2017. — С. 77-80.

10. Симашко Т. В., Маслова М. Н., Морозова Н. С. Региональная языковая картина мира на базе арктических путешествий XVIII-XIX вв. / Т. В. Симашко, М. Н. Маслова, Н. С. Морозова // Арктика и Север. — 2021. — № 45. — С. 256-268.

11. Кучукова З. А., Жабоева А. А. Этническое своеобразие художественной антропологии (на материале поэзии Кайсына Кулиева) / Кучукова З. А., Жабоева А. А. // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Л. П. Егорова, А. А. Фокина, О И. Леплиной. — Ставрополь: СГУ, 2012. — С. 246-247.

12. Швецова Т. В. Поступок русского литературного героя в свете проблемы национальной идентичности // Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI веков. Коллективная монография / Под ред. Т. А. Шарыпиной, И. К. Полуяхтовой, М. К. Меньщиковой. — Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2016. — С. 276-284.

13. Ермакова Н. А. Художественно-антропологические концепты провинциального текста («Тяжелые сны» Ф. К. Сологуба) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых ученых / Под ред. А. Г. Кожевникова. — Томск: ТГУ, 2023. — С. 394-398.

14. Чупрова Е. Н. Локальные тексты как визуальные образы пространства народа коми // Человек. Культура. Образование. — 2014. — № 2 (12). — С. 230-244.

15. Гладцинова М. Н. Семантические составляющие архетипичекого образа северного человека в художественных текстах // Вологодский текст в русской культуре. Сборник статей по материалам конференции / Под ред. Е. Н. Ильиной, С. Ю. Баранова, С. Х. Головкиной. — Вологда: Легия, 2015. — С. 154-159.

16. Таньшина Н. П. Образ Арктики и полярных экспедиций в художественной литературе // Арктика: История и современность. Труды международной научной конференции, 20-21 апреля 2016. — СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2016. — С. 104-114.

17. Крикливец Е. В. Амбивалентная сущность национального характера в повести В. Белова «Плотницкие рассказы» и романе В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» // Проблемы художественной антропологии и литературной компаративистики. Сборник статей по итогам международной научной конференции / Сост. Т. В. Швецова, С. А. Дулова. — Архангельск: САФУ, 2024. — С. 17-22.

18. Белова А. П. Чекист молящийся (на материале трилогии В. Белова «Час шестый») // Проблемы художественной антропологии и литературной компаративистики. Сборник статей по итогам международной научной конференции / Сост. Т. В. Швецова, С. А. Дулова. — Архангельск: САФУ, 2024. — С. 31-35.

19. Коткин А. С. Заповедное озеро. — Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1977. — 62 с.

20. Молчанов И. Н. В лесах Севера. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. — 94 с.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Давыдова А. В., к.ф.н., доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

E-mail: a.davidova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Davydova A. V., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Literature, Higher School of Social and Humanities and International Communication

E-mail: a.davidova@narfu.ru

УДК 811.161.1'37

СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИ ВЫРАЖЕННЫХ «СВОЙСТВ ТРОИЦЫ» В «КНИГЕ ОБЛИЧЕНИЙ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИИ ВЕЧНОМ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА

А. В. Загуменнов

Вологодская духовная семинария

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация*: в статье осуществляется интерпретация двух фрагментов полемического сочинения протопопа Аввакума «Книга обличений, или Евангелие Вечное», в которых перечислены «свойства Троицы», т.е. атрибуты Бога, в равной степени приписываемые Отцу, Сыну и Святому Духу. Обосновано, что сложные слова в составе единой синтаксической конструкции формируют особую семантическую систему, передающую теологическое знание самого протопопа Аввакума. Также выявлены некорректные для богословия дефиниции композитов в привлеченных лексикографических источниках и произведено уточнение их значения.*
Ключевые слова*: сложное слово, лексика, семантика, интерпретация, текст, XVII век*

Abstract*: the relevance of the topic of our work is emphasized, firstly, by the steady interest of the scientific community in the meaning of units of different language system tiers, and secondly, by the weak linguistic study of the polemical work "The Book of Reproofs, or the Eternal Gospel". Archpriest attributes of the Holy Trinity is the author of this text, also he is the ideologist of the Old Faith of the second half of the 17th century. The key issue of the article is related to an adequate understanding of one syntactic construction, which includes complex words. These lexical units reveal the attributes of the Holy Trinity. The purpose of our work is to interpret two fragments taken from the text of the "Book of Reproofs, or the Gospel of the Eternal." The main research methods are description, comparison and contextual analysis. We substantiate those complex words within a single syntactic structure form a special semantic system that conveys the theological knowledge of the Archpriest Avvakum himself. We also identified definitions of composites that are incorrect for theology in the lexicographic sources involved and clarified the meaning in all cases found.*
Keywords*: compound word, vocabulary, semantics, text, philological hermeneutics, Old Belief, XVII century*

Вопросы лексической семантики в отечественном языкознании можно считать, как минимум, традиционной областью исследований [1; 2], как максимум — сферой, в которой сосредоточены усилия представителей самых разных научных направлений [3; 4]. С установлением когнитивно-дискурсивной парадигмы в языкознании [5] почти доказанным является положение, согласно которому «значение» слова в зависимости от контекста ситуации [6], жанра [7] и даже яруса языка как системы [8] может не совпадать с эталонной дефиницией в словаре. Ситуация многократно усложняется, когда мы вынуждены интерпретировать лексические единицы в отдаленном по времени тексте, в котором поднимается специфическая богословская проблематика. К подобному материалу изучения относится «Книга обличений», или «Евангелие вечное» протопопа Аввакума [9]. При стабильном интересе к творчеству данного идеолога староверия [10; 11; 12; 13; 14], как правило, большинство исследований проведено на материале «Жития…», а потому привлеченный нами текст остается для многих terra incognita.

В предлагаемой статье будут проанализированы две синтаксические конструкции, состоящие из перечисления сложных слов, раскрывающих «свойства» Бога-Троицы (Отец, Сын, Святой Дух). Уточнение дефиниций композитов производится в том числе с использованием «Словаря русского языка XI-XVII вв.», «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Полного церковнославянского словаря» прот. Г. Дьяченко, привлекаются в числе вспомогательных источников «Большой Катехизис» Лаврентия Зизания и сборник статей «Собрание краткия науки об артикулах веры».

Впервые протопопом Аввакумом некоторые из «свойств Троицы» в «Книге обличений…» раскрываются в предложении: «*Троица равнобожественная, трипрестолная, равнообразная, единосущная, равносущная, трисущная, триприсносущная, тріипостасная, трисіятелная*» [9: 586]. Дополнительные пояснения лексических единиц «до» и «после» приведенного предложения отсутствуют. Это в свою очередь обусловливает наше обращение к упомянутым ранее лексикографическим источ-

© Загуменнов А. В., 2025

никам для адекватного понимания заложенного в примере содержания. К сожалению, профильные «светские» словари не всегда учитывают специфику религиозного дискурса, а некоторые дефиниции, выведенные на материале «Книги обличений…», не соотносятся с основной темой обсуждения — свойствами Бога-Троицы. По этой причине адекватная интерпретация лексической составляющей синтаксической конструкции возможна только после «ревизии» статей из привлеченных лексикографических источников.

Для этого считаем необходимым в рамках предлагаемой работы ввести градуальный параметр оценки дефиниций на соответствие догматическому пониманию указанных свойств [15]: адекватное толкование → неадекватное толкование → отсутствие толкования. Первое звено цепи предполагает, что словарная статья соответствует соборно установленным рамкам понимания в православной теологии, второе звено, соответственно, фиксирует отступление от церковного понимания. Отсутствие дефиниции смещает ракурс с сопоставления между лексикографическими источниками на выстраивание общего значения конкретного композита.

1. **Адекватное догматическому пониманию толкование**. Равнобожественная [9: 586] — ‘одинаково божественный’ [16, 21: 114]; Трипрестолная [9: 586] — ‘имеющий три престола’ [16, 30: 161]; триприсносущная, [9: 586] — ‘Вечный в триединстве’ [16, 30: 161]; тріипостасная [9: 586] — ‘имеющий три ипостаси (ср. греч. τρισυπόστατος)’ [16, 30: 156]. Представленный перечень дефиниций не вносит ничего, что потенциально могло бы исказить адекватное исповедание Троицы: единство, равенство во всем, кроме предвечного рождения для Сына и предвечного исхождения для Духа Святого.

2. Неадекватное догматическому пониманию толкование.

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» дефиниции слов единосущная [9: 586] — ‘имеющий одинаковую сущность’, ‘одинаковый, точно такой же’ [16, 5: 30], равносущная [9: 586] — ‘имеющий одинаковую[1] сущность’ [16, 21: 117], равнообразная [9: 586] — ‘ведущий такой же образ жизни, имеющий такие склонности, нравы’ [16, 21: 116] и трисіятелная [9: 586] — ‘сильно сияющий’ [16, 30: 131] в отношении Троицы, как минимум, сомнительны. В первых двух случаях лексикографический источник фиксирует практически полное тождество, синонимию, но сама синтаксическая конструкция из текста протопопа Аввакума не дана как перечисление одних и тех же свойств. То, что равносущный и единосущный между собой связаны, подчеркнуто словообразовательными средствами языка, однако сходство второй части композитов не делает сами композиты синонимами, тем более в условиях специфически-богословского понимания. Согласно «Собранию краткия науки об артикулах веры», «сѹщество ѥсть вещь самобы́тна, нетре́бѹм и҃но́го къ своемѹ̀ составленїю» [17: л. 5]. В тексте Аввакума речь не может идти об одинаковости, поскольку ипостаси Троицы между собой разнствуют. Отец, Сын, Святой Дух могут быть 1) **едиными** по божественной сущности (что не умаляет их онтологического статуса: это именно Бог, а не сотворенная вещь) и 2) **равными** по божественной сущности (что не исключает их отличия друг от друга).

В других двух случаях (равнообразный и трисиятельный) известно, что «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18). Иисус Христос как вторая ипостась Троицы, находясь в тварном мире после Боговоплощения, вел безгрешный, но все-таки человеческий образ жизни. Толкование И. И. Срезневским слова «равьнообразьныи» как ‘равный’ [18, 3: 8] для анализируемого контекста недостаточно, поскольку не объясняет необходимость ввода композита в анализируемый ряд свойств.

Для адекватного толкования необходимо обратиться к тексту «Книги обличений…», где протопоп Аввакум от лица «поселянки» отвечает Федору Иванову, что «составы, и образъ, и лице тоже есть» [9: 631]. При учете этого замечания значение слова «равнообразная» по отношению к Троице следует определить, как ‘*равная по божеству лиц (Отец, Сын, Святой Дух) без утраты их отличительных черт внутри этого равенства*’. Иные формулировки по типу *‘равный по лицам’ или *‘одинаковый по лицам’ ведут к еретическим толкованиям, которые не закладывались в тексте Аввакумом.

Аналогичная ситуация и с отсутствующим в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского словом трисіятелная как ‘сильно сияющая’ в «Словаре русского языка XI-XVII вв.». Адекватное православному вероучению толкование предлагается в «Полном церковнославянском словаре» прот. Г. Дьяченко: ‘блистающій тройственнымъ сіяніемъ, трivпостасный (говор. О св. Троицѣ)’ [19, 733]. По нашему убеждению, именно в этой разнице дефиниций пролегает водораздел между сакральным и профанным употреблением одной и той же лексемы: три- является не градацией интенсивности излучения, а цельностью самого источника этого сияния.

3. Отсутствие толкования. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.», «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Полном церковнославянском словаре» прот. Г. Дьяченко отсут-

[1] Лица Троицы (Отец, Сын и Святой Дух) с точки зрения православного вероучения не могут быть «одинаковы» и «точно такими же» по отношению друг к другу: подобная дефиниция исключает наличие отличий, характерных для каждого из них в неразрывном единстве (нерожденность Отца, рождение Сына, исхождение Духа).

ствует слово трисущная [9: 586] (причем в «Книге обличений…» обнаруживается еще два употребления: трисущная, [9: 622], трисущная [9: 625]). По этой причине необходимо прояснить вторую часть анализируемого композита. В словаре И. И. Срезневского сущный со значениями ‘существующий’, ‘указывающий существенные свойства’ [18, 3: 635] оказывается близким к первому толкованию, данному в «Словаре русского языка XI-XVII вв.»: ‘такой, который обладает бытием, существующий’ [16, 29: 91]. Следовательно, при триприсносущная [9: 586] как ‘вечная в триединстве’, слово трисущная в отношении Троицы может быть определено и как *‘имеющая единое для трех лиц бытие, триединство’.

В следующей синтаксической конструкции, в которой раскрываются свойства Троицы, ключевую роль играют сложные слова с первым элементом равно-: «*Равнообразная Троица, и равносилная, равноумная, и равнословесная, и равноестественная, или, рещи, соестественная, единица трисоставная*» [9: 617]. В отличие от предыдущего фрагмента, семантика лексического состава в этом предложении описана лексикографическими источниками относительно корректно, не считая особо оговоренных случаев.

1. Адекватное догматическому пониманию толкование. Равносилная [9: 617] — ‘равный по силе’ [16, 21: 116], равнословесная [9: 617] — ‘в равной степени являющийся носителем божественного слова (λόγος), т.е. разума и воли’ [16, 21: 116], единица трисоставная [9: 617] — ‘имеющий три ипостаси (о Св. Троице)’ [16, 30: 164]. С учетом анализа предыдущей синтаксической конструкции синонимичными следует признать слова тріипостасная [9: 586] и трисоставная [9: 617]. Их тождество выводится с опорой и на уже упоминавшийся комментарий протопопа Аввакума («составы, и образъ, и лице тоже есть» [9: 631]), и на указание в «Большом Катехизисе» Лаврентия Зизания: «**Чи́мъ у҃бо ра́зньствꙋ҆ютъ е҆ди́нъ ѿ дрꙋго́ бж҃їм соста́вы, сирѣ́чь лица҆**» [20: л. 36], при том что «лицо» эквивалентно греческому «ипостась».

2. Неадекватное догматическому пониманию толкование. К этой группе относятся дефиниции слов равноестественная [9: 617] — ‘имеющий с кем-, чем-л. одну природу[2], сущность’ [16, 21: 115], соестественная [9: 617] — ‘тождественный по природе, единосущный’ [16, 26: 98], равнообразная (о котором мы уже говорили выше) и равноумная [9: 617] — ‘равный по уму’ [16, 21: 118]. По логике «Словаря русского языка XI-XVII вв.», равносущный, единосущный и соестественный — синонимичны, однако ранее мы уже внесли коррективы в интерпретацию первых двух лексем: равносущный — ‘равный по божественной сущности’, единосущный — ‘единый по божественной сущности’, но никак не ‘имеющий одинаковую сущность’.

Действительно, в предложении у Аввакума «равноестественная, или, рещи, соестественная» [9: 617] подчеркивается соотнесенность этих двух слов, однако многое зависит от того, какую функцию несет союз *или*. Ключ к пониманию этого фрагмента мы обнаруживаем в указании «Большого Катехизиса» Лаврентия Зизания: «**е҆ствество҆ е҃сть, ч҃ество всѣ҆. соста́въ же е҃сть ч҃ко҆. и҆ли́ си́це. е҆ствество҆ ѥ́па́вле҆ е҃сть павловство. составъ же есть па́велъ**» [20: л. 38]. Отметим, что ранее в этом же источнике о Иисусе Христе говорится, что «**и҆ко во и҆стинꙋ҆ во е҆ди́номъ соста́ве҆ е҃сть два҆ е҆ствства҆. бж҃тва҆же г҃ла҆ и҆ ч҃ества**» [20: л. 37]. Именно благодаря этому появляется возможность адекватной интерпретации союзной связи в предложении («равноестественная, или, рещи, соестественная») как уточняющей и снимающей (в философском смысле) возможность еретического толкования исходного высказывания. Из этого следует, что равноестественный — ‘равный по божественному существу’, соестественный — ‘соответствующий божественному существу’.

Относительно слова равноумная как ‘равный по уму’ [16, 21: 118] следует учитывать комментарий В. В. Колесова о том, что «сам умъ предстает как модальная возможность всякого действия, в принципе не только интеллектуального: одновременно это и вместилище воли» [21: 14]. По этой причине (как свойство Троицы) эта лексема должна интерпретироваться шире — *‘*равная по возможности исполнения задуманного*’.

Если заменить лексическую составляющую семантикой употребляемых слов, то два проанализированных нами предложения трансформируются в метатексты богословского характера. При таком подходе первый пример приобретает вид: Троица ‘одинаково божественная’, ‘имеющая три престола’, ‘равная по божеству лиц (Отец, Сын, Святой Дух) без утраты их отличительных черт внутри этого равенства’, ‘единая по божественной сущности’, ‘равная по божественной сущности’, ‘имеющая единое для трех лиц бытие, триединство’, ‘вечная в триединстве’, ‘имеющая три ипостаси’, ‘блистающая тройственнымъ сіяніемъ’. Отметим, что даже на уровне метатекста прослеживается системность того, что изначально дано как перечень лексически выраженных свойств Бога. Эта же процедура, если ее применить и ко второму фрагменту, позволяет нам выстроить запись вида: «‘равная по божеству лиц’ Троица, и ‘равная по силе’, ‘равная по возможности исполнения задуманного’, и ‘в равной степени являющаяся носителем божественного слова (λόγος), т.е. разума

[2] Согласно православному вероучению вторая ипостась Троицы — Иисус Христос — обладал двумя природами: божественной и человеческой, и если перенести это на всю Троицу, то каждая ипостась, согласно дефиниции в словаре, обладает двумя природами, но это в корне противоречит христианской догматике.

и воли', и 'равная по божественному существу', или, рещи, 'соответствующая божественному существу', единица 'имеющая три ипостаси'». Примечательно, что первый метатекст характеризует общую онтологию свойств, а второй — модус их действия, однако оба они очерчивают контур специфической «идеальной реальности» — теологического знания самого протопопа Аввакума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звегинцев В. А. Семасиология / В. А. Звягинцев. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1957. — 322 с.
2. Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков / М. М. Покровский. — Москва: Унив. тип., 1895. — VIII, 124.
3. Rajendran S. Semantic Change and Semantic Extension of Tamil Verbs. — Pune: Deccan College Post-graduate and Research Institute, 2021. — 271 p.
4. Ruyant Q. Semantic realism in the semantic conception of theories // Synthese. — 2021. — № 198. — pp. 1-21.
5. Тивьяева И. В. Развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы в исследованиях отечественных лингвистов (на материале защит кандидатских и докторских диссертаций в диссертационном совете Д 850.007.08) / И. В. Тивьяева, Э. В. Нерсесова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2023. — № 4(52). — С. 149-157.
6. Игнатова Ю. С. Семантика термина «конституция» в политическом и медийном дискурсах XXI века / Ю. С. Игнатова // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6(102). — С. 105-113.
7. Гриченко Л. В. Семантика и функционирование антропонимов в паремическом дискурсе / Л. В. Гриченко // Балтийский гуманитарный журнал. — 2023. — Т. 12, № 3(44). — С. 87-91.
8. Петунина А. Р. Семантика языка и семантика речи / А. Р. Петунина, А. А. Билялова, М. Н. Кемалова, Ф. Х. Сахапова // Глобальный научный потенциал. — 2022. — № 10(139). — С. 276-279.
9. Русская историческая библиотека Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века, Кн. 1, вып. 1. — Ленинград: [б.и.], 1927. — 960 стлб.
10. Лоевская М. М. Истоки эмоционально-экспрессивного стиля в Житии протопопа Аввакума / М. М. Лоевская // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2020. — Т. 17, № 1. — С. 79-82.
11. Маматов Г. М. Жанровые элементы мартирия в «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном» / Г. М. Маматов // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 493. — С. 73-81.
12. Мирзоева Л. Ю. Аксиологическая составляющая языковой картины мира (на материале «Жития протопопа Аввакума») / Л. Ю. Мирзоева // Неофилология. — 2019. — Т. 5, № 17. — С. 29-34.
13. Соболева Л. С. Полифония самоидентичности в «Житии» протопопа Аввакума / Л. С. Соболева, М. А. Голендухина // Сибирский филологический журнал. — 2019. — № 4. — С. 46-60.
14. Юрова А. В. Лексический состав «Жития» протопопа Аввакума как отражение процесса разрушения книжнославянского типа литературного языка / А. В. Юрова // Современные достижения молодежной науки: сборник статей II международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 12 марта 2020 года. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. — С. 289-293.
15. Давыденков О. В. Догматическое богословие: учебное пособие / протоиерей Олег Давыденков; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ПСТГУ, 2022. — 686, [1] с.
16. СлРЯ XI-XVII вв.: Словарь русского языка XI-XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 1-31, — М.: Наука — Азбуковник. 1975-2019. (Издание продолжается)
17. Собрание краткия науки об артикулах веры: сборник. — М.: Печатный двор, 20 января 1649 [20.01.7157]. — 88 л.
18. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. — Т. 1-3. — СПб., 1893-1912.
19. Полный церковно-славянский словарь (со включением в него важнейших древне-русских слов и выражений). Сост. Г. Дьяченко. — М.: изд-во Московской Патриархии, 1993. — 1120 с.
20. Зизаний Л. И. Катехизис большой / Л. И. Зизаний. — М.: Печатный двор, [ок. 29 января 1627]. — 395 л.
21. Колесов В. В. Когнитивные заметки по древнерусским текстам / В. В. Колесов // Язык и ментальность в диахронии: Материалы I Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых, Владимир-Суздаль, 26-28 сентября 2017 года. — Владимир-Суздаль: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2017. — С. 7-36.

Вологодская духовная семинария

Загуменнов А. В., доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, заведующий заочным сектором обучения

E-mail: zaw1991@mail.ru

The Vologda theological seminary

Zagumennov A. V., Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences, Head of the correspondence education sector

E-mail: zaw1991@mail.ru

УДК 811.161.1'37 (048)

О РЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ КРЫЛАТЫХ БИБЛЕЙСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ: КТО НЕ С НАМИ[1]...

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация: *в статье анализируется семантическая динамика библеизмов, т.е. крылатых слов и выражений, источником которых является Библия. Их сакральный источник во многом обеспечивает их долговечность и общую судьбу в разных языках христианского мира. В то же время именно их популярность может стать генератором их семантических и формальных преобразований. Достаточно типичный случай — их реидеологизация в новых социальных и политических условиях. Результаты этого процесса демонстрируются в статье на примере афоризма Иисуса Христа Кто не с нами, тот против нас.*
Ключевые слова: *афористика, библеизмы, крылатые слова, крылатые выражения, идеологемы.*

Abstract: *the article analyzes the semantic dynamics of biblical expressions, i.e. catchphrases and phrases, the source of which is the Bible. Their sacred source largely ensures their longevity and common fate in different languages of the Christian world. At the same time, it is their popularity that can become the generator of their semantic and formal transformations. A fairly typical case is their re-ideologization in new social and political conditions. The results of this process are demonstrated in the article using the example of Jesus Christ's aphorism Who is not with us is against us.*
Keywords: *aphoristics, biblical expressions, catchphrases, catchphrases, ideologemes.*

Вместе с религиозной свободой в современной России возродился и осознанный интерес к Библии, название которой (как и имя Бога) вновь стали писать и печатать прописными буквами. Популярность Священного Писания и обращение к библейским текстам широкой читающей публики несомненно повысили и активность употребления в художественных и публицистических текстах *библеизмов,* т.е. слов, устойчивых словосочетаний и афоризмов, возникших на основе Библии или библейского сюжета.

Было бы, однако, заблуждением прямолинейно связывать активизацию библеизмов с массовым отречением от тотального атеизма советской эпохи, как это делается в некоторых филологических исследованиях. Такова, например, констатация Т. В. Дементьевой в статье «Старославянские фразеологизмы в русском языке»: «Долгое время так называемые библеизмы были принадлежностью только книжной речи, многие из них употреблялись крайне редко, значение отдельных было непонятно, кроме того, можно было встретить их ошибочное употребление с искаженным смыслом, — пишет исследовательница. — Объяснение этому можно дать экстралингвистическое: отношение к религии, вере в нашем государстве для большинства было однозначным… Изменилась политика государства по отношению к религии, и фразеология, как и лексика, живо откликнулась на эти изменения. Возрос интерес к Библии — и перед нами десятки примеров «оживших» фразеологизмов» [1, 84].

Столь резкое противопоставление ситуации «до того» и «после того» представляется не совсем правомерным. Да, всё так: отношение к религии и к Библии в советское время было жестким и запретительным. Но ведь русский язык, насыщенный крылатыми словами и выражениями из разных источников, несмотря на несомненную зависимость от политических катаклизмов, тем не менее, активно или пассивно сопротивлялся насильственной «совлангвизации». В самой языковой системе всегда находятся внутренние силы, препятствующие автоматическому переключению регистров при очередной смене политических вех. Крылатые слова и выражения, к которым относятся и библеизмы, стали такими «акуммуляторами» традиционной религиозной и книжной культуры и потому сохранялись в русском языке довольно прочно, несмотря на антирелигиозные рекомендации и гонения на веру

[1] Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) в рамках проекта «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

© Мокиенко В. М., 2025

и верующих. Относясь к самоценному фонду нашего языка, библейские крылатые слова и выражения «по-прежнему влияют на наше сознание, создавая подтекст современной культуры» [2, 24].

Этот подтекст актуализировался и потому, что люди, возглавившие первое советское государство, первоначально были образованной элитой, весьма осведомленной в библейских текстах. Г. В. Плеханов, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, В. И. Ленин и их сподвижники постоянно цитировали Библию, — разумеется, по-своему комментируя и интерпретируя известные изречения. М. А. Алексеенко, посвятивший фразеологии вождя мирового пролетариата основательную монографию [3] и русско-украинский словарь [4], приводит, например, нескончаемые ряды именно библейской фразеологии, которые В. И. Ленин блестяще, зачастую новаторски употреблял: *да минует меня чаша сия* (соч. т., 336), *глас вопиющего в пустыне* (21, 336), *камень преткновения* (45, 370), *козел отпущения* (25, 86), *Не ходите на совет нечестивых* (49, 22), *обетованная земля* (16, 376), *горьким словом моим посмеются* (16, 143), *делом, словом, помышлением* (43, 222), *гроб повапленный* (9, 143), *петь вечную память* (13, 311), *Что делаешь, делай скорее* (13, 229), *грехи молодости* (26, 25) и мн. др. Не меньше такого рода оборотов во «Фразеологическом словаре языка В. И. Ленина» [5]. Естественно поэтому, что авторитетный до сих пор четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова такие библеизмы отражал. Отражал, правда, придавая многим из них новое идеологическое значение и (как это ни парадоксально) советскую стилистику [6].

Словом, оценивая ситуацию в целом, можно утверждать, что функционирование библейских по происхождению слов и оборотов в русских текстах с XIX века до середины 80-х годов XX века апокалиптической прерывности все-таки не испытало, несмотря на воинствующий атеизм. Прерывной оказалась их источниковедческая, историко-этимологическая интерпретация, поскольку многие, кто их употреблял, далеко не всегда уже знали, к какому источнику такие слова и выражения восходят, брали их, так сказать, из «вторых рук». А забвение (или намеренное затушевывание) первоисточника приводило к идеологической «перековке» библеизмов и их превращению, в сущности, в советские идеологемы. Так, выражение *злоба дня* открывало соответствующую рубрику наиболее актуальных новостей в «Правде» и большинства газет советского времени; оборот *вносить свою лепту* по частотности употребления превосходил разговорные фразеологизмы (хотя нередко употреблялся неверно — например, как *вносить весомую лепту в строительство коммунизма*; а афоризм Иисуса Христа *Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес 3:10) стал 12-й статьей Конституции победившего социализма (1936 г.), вылившись в принцип *Кто не работает, тот не ест*…).

Судьба каждого такого крылатого выражения с библейской перспективы не кажется такой уж неожиданной. Достаточно вспомнить новозаветную историю превращения ярого гонителя христиан Савла в одного из правоверных последователей и (говоря советизмом) «пропагандистов» учения Христа апостола Павла. Эта идеологическая метаморфоза также запечатлена в крылатом выражении *обратиться (превратиться) из Савла в Павла; сделаться (стать) из Савла Павлом* ‘о человеке, внезапно изменившем свои убеждения на противоположные’. Хотя оно в русском языке и не очень употребительно и имеет книжный привкус, но в некоторых газетных текстах становится именно характеристикой интересующей нас идеологической «перековки»:

Что ни говори о большевиках «ленинской гвардии», но они были люди идейные, шли в партию не ради карьеры. Но о какой идейности можно говорить применительно к подавляющему большинству «революционеров» 1988-1991 годов? <…> Вступали в ряды вполне зрелые люди, озабоченные своей карьерой. В искренность стремительного перерождения, чудесного *обращения из Савла в Павла* верится плохо. Аргументы и факты, 1995, 8 февр.

Характерным примером превращения библейской цитаты в советский лозунг является и знаменитая фраза Иисуса Христа *Кто не с нами, тот против нас*. Иисус произносит ее в двух Евангелиях с грамматическими и смысловыми вариациями:

Мф 12, 30: *Кто не со Мною, тот против Меня*; и кто не собирает со Мною, тот расточает.

Лк 9, 49-50: При сем Иоанн сказал: Наставник! мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами. Иисус сказал ему: не запрещайте; *ибо кто не против вас, тот за вас*.

Афоризм восходит к евангельской речи Иисуса Христа, где он отвергает обвинения фарисеев в том, что Он изгоняет бесов из бесноватого слепого и немого силою злого духа Вельзевула, и, споря с ними, утверждает, что делает это «Духом Божиим», который сильнее сатаны.

Это изречение воспроизводится на разных языках [7, 205-207]: англ. *He that (who) is not with us (me) is against us (me);* бел. *Хто не з намі (са мной), той супраць нас (мяне);* болг. *Който не е с нас (с мене), той е против нас (мене);* исп. *Quien no está conmigo, está contra mí;* ит. *Chi non è con me, è contro di me;* мак. *Кој не е со нас (со мене), тој е против нас (мене);* нем. *Wer nicht mit mir ist, der ist wider mich;* польск. *Kto nie jest z nami, jest przeciwko nam;* серб. *Ко није с нама, тај је против нас;* слов. *Kto nie je s nami, je proti nám*; словен. *Kdor ni z nami (z mano), je proti nam (meni);* укр. *Хто не з нами (зі мною), той проти нас (проти мене);* фр. *Quiconque n'est point avec*

moi est contre moi; хорв. *Tko nije sa mnom, protiv mene je;* чеш. *Kdo není s námi, je proti nám;* швед. *Den som inte är med oss, han är emot oss*. При этом характерно, что в тех из них, где эта фраза воспроизводится канонически, т.е. как точная цитата высказывания Христа, она менее употребительна и почти неизвестна.

Известным афоризм стал именно в обобщающей форме *Кто не с нами, тот против н.* И без преувеличения можно сказать, что ее популярность прямо связана с идеологическим перевоплощением в русском языке и именно в большевистском дискурсе, заточенном на идеологическое противостояние с идейными (и не только) врагами. Свидетельство этому — наши словари. Так, в предреволюционном словаре М. И. Михельсона, где скрупулезно отражены и оснащены литературными иллюстрациями русские и европейские крылатые слова и выражения, включая библеизмы, наш афоризм представлен лишь точной цитатой из Нового Завета [8, 1, 482]. Здесь не представлен ни один контекст из русской литературы или публицистики того времени, что для этого собрания крылатики нетипично. Следовательно, его стремительный взлет приходится именно на советское время.

И действительно, он соответствует эпохе классовой борьбы и революционной непримиримости, став лозунговым требованием полного, бескомпромиссного определения своей общественной позиции и жизненных целей. Не случайно одним из первых революционных деятелей, кто употребил афоризм в этом значении, был вождь мирового пролетариата, о чем с летописной точностью сообщает М. Горький в известном очерке «В. И. Ленин»: *«Кто не с нами, тот против нас*, — говорил он [Ленин]. — Люди, не зависимые от истории, — фантазия. Если допустить, что когда-то такие люди были, то сейчас их — нет, не может быть».

Слова Ленина, как известно, быстро разлетались на цитаты, и судьба афоризма была предрешена. Именно в таком, бескомпромиссном значении их стали употреблять и политики, и публицисты, и писатели, что отражено в известных словарях русских крылатых слов и выражений [9, 10,11,12 и др.].

Большинство из таких контекстов, по понятным причинам, очень точно воспроизводит и семантику, и форму этой сентенции. Вот типичные примеры:

*Агрессивно-послушное большинство вполне искренне поддерживало лозунги сталинской эпохи: «Если враг не сдается, его уничтожают», **«Тот, кто не с нами, тот против нас».** Это большинство — рабочие и колхозники — на собраниях и митингах поддерживало репрессии выкриками «Смерть фашистским наймитам!»* (Радиопередача «Чтобы помнили», 5.12.92.)

*В этом новом для мирового декоративного искусства явлении поражало всё — и нарочитая грубость формы, и профессиональная культура рисунка, ломкий декаданс и манерность фигур в сочетании с категоричностью лаконичных текстов, которые скорее напоминали приговор революционного трибунала, чем оптимистические лозунги светлого «завтра»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», **«Кто не с нами — тот против нас»**, «Кто не работает — тот не ест», «Кто душой и сердцем молод — в руки книгу, серп и молот», — это било по нервам и бесцеремонно врывалось в теплый уют комфортабельных петербургских квартир, от этого искусства веяло одновременно модой кирзовых сапог и духами «Коти».* (Ирина Шупер. Коллекция агитфарфора в собрании Музея на Делегатской // Независимая газета (приложение «Коллекция НГ»), 21.02.1998.)

*Ненавистническая осточертелая агитация по системе **«кто не с нами, тот против нас»** никогда не отличала позиций Марии Спиридоновой от Николая II, Леона Блюма от Гитлера, английского парламента от германского рейха.* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, т. 3.)

*… — Главная цель подобных [террористических] акций — запугать тех, кто хочет строить жизнь вместе с Россией. Те, кто направляет руку, хорошо знают, как сыграть при этом на чувствах исполнителя. «**Кто не с нами, те против нас**. Они враги народа, враги Аллаха».* (С. Герасименко, А. Евтушенко. Охота на святых людей. КП, 18.01.2001).

*Современный мир многообразен и многоцветен. И здесь нельзя подходить с позиций: **«Если не с нами, значит — против нас».*** (Магомед Толбоев, летчик-испытатель. КП, 28.05.2002).

***Кто не с нами, тот против нас**, а дальше — смотрите Невзорова и читайте Ленина: в политике только дурак верит на слово. (Марк Рац. … с Сергеем Кортуновым. Политика и политиканство* // Независимая газета, 01.06.1996. (НКРЯ).

Как легко увидеть, большинство авторов таких контекстов явно не связывает этот афоризм с крылатыми словами Иисуса Христа, а воспроизводит его именно в духе известного советского лозунга. Кстати, именно в таком идеологическом ключе он в свое время был воспринят и воспроизводился в языках нашего бывшего социалистического лагеря: таким его знают и помнят пожилые чехи, словаки, поляки, венгры… Ср. его любопытную трансформацию в речи 1962 года на заседании Совета Патриотического фронта бывшего премьер-министра Венгрии Яноша Кадара: *Кто не против нас, тот с нами*.

Особое внимание аналогичному словацкому выражению *Kto nie je s nami, je proti nám* уделили авторы недавно опубликованной монографии Д. Балакова, В. Ковачова и А. Тыроль [13, 220-225].. Они убедительно доказали, что это библейское выражение под влиянием социалистической идеологии и средств массовой информации претерпело то же семантическое преобразование, что и русское.

Наблюдая за языком послеперестроечных средств массовой информации, легко увидеть, что этот лозунг всё более насыщается негативной оценочностью, доходящей иногда до оскорбительного нигилизма:

Всякий раз, когда слушаешь этих тонко чувствующих, умных, возвышенных людей или читаешь их тексты, обнаруживаешь под всеми интеллигентными словесами совершенно хамский тезис: «*Все, кто не с нами, — быдло бессмысленное и проклятое*, вам никогда не понять того, что поняли мы, впрочем, и этого не надобно — мы наденем на вас наши правильные убеждения и без вашего согласия, в конце концов вы и не такое терпели». Н. Айрапетова. России нужна защита от правозащитников // Независимая газета, 10.12.1999. [14].

Популярность того или иного слова или выражения рано или поздно приводит к его креативному — удачному или неудачному, остроумному или аляповатому — преобразованию. Следы такой динамики нетрудно наблюдать и для нашего библейского афоризма.

Так, не успела в нашей стране произойти идеологическая «перековка» перестроечного и постперестроечного периода, как наш библеизм alias советский лозунг превратился в амбивалентную антипословицу: *Кто не с нами, тот под нами* [15, 234]. А писатели и журналисты стали его использовать во всё более и более разнообразных вариантах:

Но никакой пункт 58-й статьи не толковался так расширительно и с таким горением революционной совести, как 10-й. Звучание его было: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти…» <…> Подрывает все то, что не полностью совпадает! И ***тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас!*** (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ).

Как стало известно «Сегодня», «выработать предложения по совершенствованию законодательства о СМИ» поручено ведомству г-на Лесина. Нетрудно догадаться, в каком направлении пойдет процесс законотворчества. Ведь первый замсекретаря СБ Владислав Шерстюк считает, что на «фронтах информвойны» развернулась «кровавая битва». А на войне, как известно, не до объективности — там ***кто не с нами****…* (О. Одноколенко. Все свободны. // Сегодня, 24.06.2000 г.)

Здесь дело даже не в том, что в этой формулировке ясно просматривается старый большевистский принцип: ***кто не с нами — те составляют меньшинство,*** *с которым можно не считаться.* (В. Лапаева. У общества пока нет сил защитить свои интересы // Независимая газета, 28.10.2000.)

Такие наблюдения сейчас во многом обеспечиваются обильными материалами всесильного Национального корпуса (НКРЯ). Они убедительно демонстрируют витальность и динамичность древнего христианского афоризма. И в этом его современном идеологическом многоголосье можно выделить две семантические доминанты:

Первая — характеристика того, ***кто*** именно ***не с нами*** и — ***с кем*** именно этот «тот»*:*

«Утром проснулся и понял: ***кто не с нами, тот не с нами, Вайнахи*** (народы Северного Кавказа. — iz.ru) ***всегда с нами***». (Нурмагомедов ответил Макгрегору на оскорбление отца // Изв., 25.08.2018.)

«Могу сказать очень четко: ***кто не с нами, тот с властью****, — заявлял он. — Те, кто не входит в систему координат этой рабочей группы (по формированию единого списка кандидатов. — «Ъ»), работает с администрацией президента».* (В. Кличко держит удар // Коммерсант, 30.11.2011.)

Так или иначе, а три главных русскоговорящих героя (финн и двое россиян) живут и работают в Нью-Йорке, предаваясь веселому разврату, пока не встречают в клубе человека в майке с надписью ***«Кто не с нами, тот Киркор off»*** *(несложно догадаться, кто его играет)*. (Ж. Сергеева. Интимно состоялись // Труд-7, 05.03.2009.)

«Кто не с нами — те козлы!» *Партия «Родина» провела съезд победителей. Партийная жизнь. Вчера в Московском международном доме музыки (ММДМ) прошел IV съезд партии «Родина». — Понятно: кто не с нами — те козлы! — подвел незамысловатый итог философскому выступлению Дмитрий Рогозин, чем несколько обескуражил уходившую с трибуны докладчицу.* (Кто не с нами — те козлы!» // Коммерсант, 07.07.2004.)

Вторая — чему именно подвергаются те, ***кто не с нами***:

И тут уж на войне как на войне: ***кто не с нами, с теми не церемонятся****.* (С. Сергиевский. Нервная кампания без явных претендентов // Независимая газета, 14.09.2000.)

Кейс Converse, или ***Кто не с нами, тот под подошвой*** // Коммерсант, 29.08.2011.

«Кто не с нами, тот огребет»*, — предупредили герои пародии. («360» перепел хит «Тает лед» и позвал на весенний субботник* // lenta.ru, 31.03.2017.)

Прежде всего идеологема единства, общности нации без истерических клятв, факельных шествий и ***готовности убить всех, кто не с нами****.* (СЕАНС ОДНОВРЕМЕННОЙ ИГРЫ // Коммерсант, 25.07.2001.)

Подводя итог, хочется заметить, что судьба афоризма Иисуса Христа и необычна, и в то же время типична. Типичность ее заключается в том, что за двухтысячелетнее существование и бытование в разных языках и культурах он повторил закономерность изречения немецкого философа-мистика XV в. Фомы Кемпийского из сочинения «О подражании Христу» *Sic transit gloria mundi* — Так проходит земная слава. Его возглашают во время церемонии вступления в сан нового папы римского, сжигая пе-

ред этим трижды клочок ткани в знак того, что все земное, в том числе и получаемые им власть и почести призрачно, изменчиво и тленно. Язык, увы, также подвержен закону изменчивости и тленности земной славы. Тем не менее при этом в языке ничто не исчезает бесследно — и в этом необычность судьбы крылатых слов Иисуса. Они не просто сохранились, но пережили двойное воскресение. Воскресение и жизнеспособность даже при его мощных идеологических и семантических перевоплощениях. Земная слава подвержена тлению, но Слово Книги книг продолжает жить, обновляя свою семантику и стилистику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко М. А. Фразеология ленинской речи (1917-1923 гг.) / М. А. Алексеенко — Львов, 1975. — 107 с.

2. Алексеенко М. А. Фразеология ленинской речи и способы ее перевода / М. А. Алексеенко. — Львов: ЛГУ, 1989. — 205 с.

3. Байрамова Л. К., Денисов П. Н. Фразеологический словарь языка В. И. Ленина / Л. К. Байрамова, П. Н. Денисов. — Казань: КГУ, 1991. — 350 с.

4. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари, ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. — 624 с.; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008-2009: Берков В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. (Т. I. А–М. — 658 с.; — Т. II. Н–Я. — 656 с.) / под ред. С. Г. Шулежковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008-2009.

5. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. — 578 с.

6. Дементьева Т. В. Старославянские фразеологизмы в русском языке / // Диалектические процессы во фразеологии / Т. В. Дементьева // Тезисы докл. межвузовской научн. конф. — Челябинск, 1993. — С. 82-85.

7. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 808 с.

8. Колесов В. В. Славянорусский и церковнославянский в переводах Библии / В. В. Колесов // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. — СПб., 1994. — С. 23-30.

9. Лепта библейской мудрости 2018: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 томах / под общ. ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. Авторы-составители: З. К. Адамия, А. С. Алёшин, Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Д. Дракулич-Прийма, Е. Е. Иванов, Э. Коморовска, Э. Кржишник, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко, А. Морпурго, Н. Прасолова-Милчовска, Н. Райнохова, М. Руис-Соррилья, А. Саркисян, Ж. Финк-Арсовски, протоиерей М. Чабашвили, Я. Шинделаржова — Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. — Т. 1: А — О. — 316 с.; Т. 2: П — Я. — 336 с.

10. Лилич Г. А. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко., Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 639, [1] с.

11. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. — СПб.: [печатан в типографии Академии наук] — Т. 1, 1902. — 779 с. Т. 2, 1903. — 580+250 с.

12. Мокиенко В. М. Библейское наследие в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова / В. М. Мокиенко // Филологический класс. — 2023. — Т. 28, № 4. — С. 103-116.

13. НКРЯ: Национальный корпус русского языка — Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru

14. Серов В. В. Крылатые слова: Энциклопедия / В. В. Серов. — М.: Локид-Пресс, 2003. — 831 с.

15. Baláková Dana, Kováčová Viera, Tyrol Anton. Zo života biblickej frazeológie / Dana Baláková, Viera Kováčová, Anton Tyrol. — VERBUM — vydavateľstvo Katolíckej univerzity v Ružomberku. Ružomberok 2024. — 304 s.

Санкт-Петербургский государственный университет
Мокиенко В. М., профессор филологического факультета
E-mail: mokienko40@mail.ru

Saint-Petersburg State University
Mokienko V. M., Professor of the Philological faculty
E-mail: mokienko40@mail.ru

УДК 81 374

КОНКОРДАНС КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ: СОЗДАНИЕ КОНКОРДАНСА АНЕКДОТОВ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ КАФЕДРЫ РУНТ И УКАЗАТЕЛЯ СОВЕТСКИХ АНЕКДОТОВ М. МЕЛЬНИЧЕНКО

В. В. Нагорных

Московский Государственный университет им М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 2 июня 2025 г.

Аннотация: *конкорданс является популярной лексикографической формой, используемой преимущественно в писательской лексикографии с целью передать особенности стиля конкретного мастера слова. В статье рассматривается применимость конкордансов к исследованию фольклорных текстов и больших массивов данных. Рассмотрены особенности создания конкорданса с нуля и автоматизация процессов при помощи языков программирования. Приводятся примеры словарных статей и дается общая оценка метода исследования.*
Ключевые слова: *словарь, конкорданс, язык фольклора, анекдот, сказка, лексикография.*

Abstract*: concordance is a popular lexicographic form used primarily in literary lexicography in order to convey the style characteristics of a particular word master. The article examines the applicability of concordances to the study of folklore texts and large amounts of data. The features of creating a concordance from scratch and automating processes using programming languages are considered. Examples of dictionary entries are given and a general assessment of the research method is given.*
Keywords*: dictionary, concordance, folklore language, anecdote, fairy tale, lexicography.*

Конкорданс является популярной лексикографической формой, используемой преимущественно в писательской лексикографии с целью передать особенности стиля конкретного мастера слова. Согласно определению Большого толкового словаря С. А. Кузнецова, конкорданс — «алфавитный перечень всех слов какого-либо текста с указанием контекста их употребления» [1]. В литературоведении известны конкордансы отдельных авторов или групп. Так, известны конкордансы Ф. М. Достоевского, В. И. Даля, М. В. Ломоносова и др. Однако в отечественной лексикографии до недавнего времени отношение к данной форме было неоднозначным. С одной стороны, данная форма удобнее традиционного словаря, поскольку регистрирует все случаи употребления конкретной лексемы во всех контекстах какого-либо массива, что способствует созданию надежной базы исследования. С другой стороны, конкордансы, созданные в конце XX века, не были оценены специалистами филологами по достоинству, так как информационные технологии не были развиты настолько хорошо, чтобы обрабатывать большие объемы качественно. К тому же конкорданс «не содержит элементов собственно лингвистической обработки материала» [2], что снижало его пользу в глазах советских и затем российских лингвистов-филологов. Со временем технологии усовершенствовались и позволили взглянуть на конкорданс под другим углом: современные технологии поспособствовали автоматизации рутинного труда, что позволило избежать ошибок, связанных с усталостью или невнимательностью исследователя, а также помочь в исследовании текстов в полном объеме в короткий срок. Безусловно, первые архивы текстов появились еще до изобретения компьютера и интернета, но проблемы остались прежними. А. В. Рафаева выделяет следующие проблемы, связанные с составлением электронного архива:

- выбор формы хранения и предоставления данных;
- организация и систематизация данных;
- объединение фольклорных данных с данными других типов;
- решение вопроса о распространении данных [3].

При этом, были сделаны попытки применить компьютерные методы обработки текстов относительно фольклорного материала. В частности, долгое время были популярны исследования, посвященные порождению сюжета волшебных сказок на основе формулы В. Я. Проппа, что оказало влияние на развитие компьютерной лингвистики и информатики. А. В. Рафаева также поднимает вопрос о правомерности использования статистических методов относительно фольклорного материала и приходит к выводу, что данный метод нужно использовать при соблюдении двух условий. Во-первых,

© Нагорных В. В., 2025

у нас имеется большой объем материала, что позволяет увидеть неочевидные связи между единицами текста. Во-вторых, статистические методы анализа фольклорного текста нужно сочетать с другими методами или данными. Например, этнографическими или социологическими. Так, курские фольклористы А. Т. Хроленко и М. А. Бобунова использовали лексикографические средства для выявления территориальных особенностей языка фольклора. М. А. Бобунова предполагает, что именно конкорданс хорошо подходит для сопоставительных наблюдений. Именно им и принадлежит первый опыт создания конкорданса на основе фольклорного материала. М. А. Бобунова выделяет три принципа, на которых основано создание конкорданса. Первое — учет территориально-временной специфики языка фольклора, то есть выбираем материал по месту и времени. Второе — опора на жанровую дифференциацию материала, хоть и допускаются небольшие расхождения при работе с разнообразными жанрами, например традиционная бытовая песня. Третье — полнота описания: при создании конкорданса надо учитывать, что массив должен быть довольно информативным, чтобы его можно было использовать как для справочных, так и для исследовательских целей. М. А. Бобунова и А. Т. Хроленко положили начало использованию конкорданса в отечественной лексикографии. Более того, первый конкорданс был создан именно на основе фольклорного материала — 190 необрядовых лирических песен, записанных в Курской губернии в XIX в. и включенных в семитомный свод А. И. Соболевского «Великорусские народные песни». Конечный массив состоял из следующих элементов: заголовочное слово, статистическая характеристика, исчерпывающее число контекстов с паспортизацией. Данная структура предоставляет исследователю основу для сравнительных исследований с применением разных методик. Так, М. А. Бобунова и А. Т. Хроленко использовали в своем исследовании методику «аппликации» словников, тематических групп и словарных статей вместе с конкордансами, созданными на основе песен, записанных в разных регионах России (Курская, Архангельская и Олонецкая губернии и Кубань), что позволило выявить региональные своеобразия, которые проявляются на уровне списка терминов на примере межсемейных отношений. Таким образом, конкорданс дает возможность исследователю найти территориальные особенности языкового материала, на уровне вариантов и на уровне синтагматических и парадигматических связей. Безусловно, конкорданс, приводящий контексты необходимых лексем в безграничном объеме, иллюстрирующие заголовочные единицы словаря, и характеризующийся отсутствием толкований, в той или иной степени содержащих элемент субъективизма, может стать для специалиста-филолога надежной и объективной базой изучения языка устно-поэтических произведений и создания на его основе других, более масштабных словарей. При этом исследователь-филолог может задаться вопросом: в чем разница между конкордансом и словарем? Почему именно конкорданс будет представлять для нас более удобную форму?

А. Е. Поляков, И. А. Пильщиков, М. Б. Бергельсон во время работы над конкордансом к текстам Ломоносова дают ответ на наши вопросы. «Противопоставление между словарями и конкордансами идет сразу по нескольким шкалам — репрезентативности, ориентации на инвариант, смыслового или грамматического анализа» [4]. Для удобства интерпретации можно предложить следующую таблицу:

Таблица 1.

Противопоставление между словарем и конкордансом согласно А. Е. Полякову

Словарь	Конкорданс
Репрезентативность	
Ориентирован на репрезентативность и нормативность;	Ориентирован на исчерпывающее описание;
Ориентация на инвариант	
Стремится к нахождению инварианта;	Стремится к вариативности и нахождению всех контекстов лексемы;
Понимание термина «полнота»	
Определяется стремлением к исчерпывающему описанию значений;	Определяется исчерпывающим характером описания корпуса;
Смысловой/грамматический анализ	
Отсутствует.	Необходим для исследовательских целей.

Таким образом, мы можем отметить, что «идеальный» конкорданс обладает полнотой тезаурусного типа и является производной корпуса, так как в нем приведены все лексемы и контексты их употребления исчерпывающего массива.

Ранее мы упоминали, что конкорданс используется в писательской лексикографии и нами был рассмотрен опыт работы курских фольклористов по созданию конкордансов на основе фольклорного материала. В дополнение ко всему вышесказанному хочется отметить, что конкорданс А. Т. Хроленко и М. А. Бобуновой хорошо отражает «поэтический» жанр / локальные традиции жанра, но не дает шанса «поймать» исполнительскую стилистику. В то же время конкорданс конкретного сказителя может дать возможность вести дальнейшие исследования-сопоставления сразу на двух уровнях: жанровом («поэтический язык русской сказки») и персональном. Так, в публикации М. А. Бобуновой, посвященной сравнению новых и старых форм конкордансов, указывается, что современные конкордансы сохраняют привычную структуру, но при этом отличаются

по «принципу формирования словников, по объему приводимых контекстов и по наличию дополнительной информации» [5]. В процессе работы появились особые термины: «конкорданс нового типа, конкорданс обновленного типа, конкорданс нового поколения» [6].

При формировании словников составители все чаще разграничивают омонимы, которые разрабатываются в отдельных словарных статьях. Вспоминая конкорданс к текстам М. В. Ломоносова, можно отметить, что именно там «в случае омонимии к заглавной форме добавляются цифровые индексы, в основном соответствующие словарю А. А. Зализняка, например: град [осадки] — град [город] и др. Индексы добавляются также в том случае, если омонимы имеют различные грамматические признаки, например: знать с.ж. неод. — знать г. нсв. — знать вводн. Многозначные слова также могут подразделяться на подзначения: свет-свет [мир, бомонд]» [3].

Если в традиционных конкордансах обычно не даются толкования слов, то в новых к отдельным словам нередко приводятся краткие дефиниции или энциклопедические справки для общего представления об описываемом предмете.

Составителями все чаще используется разнообразная система помет, с помощью которых указываются характерные признаки описываемого слова. Снова приведем в пример конкорданс к текстам М. В. Ломоносова. Здесь отмечены грамматические признаки, свойственные определенному классу лексем (вид — для глаголов, род и одушевленность — для существительных).

Основная зона конкорданса — это контексты, которые традиционно ограничивались одной строкой, нередко обрывающейся на полуслове, поэтому пятая особенность связана с объемом контекста — завершенного и достаточного для понимания конкретного значения слова.

Порядок расположения контекстов в пределах словарной статьи, который различается в конкордансах в зависимости от поставленных задач.

Наличие дополнительных зон словарной статьи, произвольных в разных конкордансах, что необходимо в случае, если мы работаем с нестандартной лексикой, так как дополнительная зона способствует более точному раскрытию особенности словоупотребления.

Наличие информативных приложений к основной части словаря. Здесь также могут быть дополнительные файлы, которые поспособствуют лучшему раскрытию контекста или исследованию материала. Например, статистические данные.

Таким образом, главное отличие новой формы от старой заключается в трансформации словарной статьи и обоснованности новой терминологии. М. А. Бобунова также отмечает, что этот конкорданс продолжает развиваться. Хоть он и имеет все ту же традиционную словарную статью, его можно причислить к конкордансу нового типа, поскольку «особое внимание уделяется заголовочным единицам, в качестве которых в большинстве случаев выступает лексема» [6].

Вслед за курскими фольклористами нами в 2019 году был создан конкорданс сказок А. К. Барышниковой, который тоже можно причислить к современному типу [7; 8].

В ходе нашего исследования был составлен полный конкорданс на основе 140 сказок, 8.066 предложений, 65.161 словоупотреблений (совокупная длина текстов. Опираясь на черты нового конкорданса, выделенные М. А. Бобуновой, можно сказать, что наш конкорданс относится к новому виду по причине того, что в нашем случае мы, как и М. А. Бобунова и А. Т. Хроленко, используем более усовершенствованную форму заголовочных единиц — лексемы. При этом его структура напоминает конкорданс старого типа: заголовочное слово (лексема), статистическая характеристика (количество слов в предложении), паспортизация (номер сказки, номер предложения), а также исчерпывающее число контекстов. Важно подчеркнуть, что отличие нашего массива от старых состояло также в использовании информативных приложений к основной части словаря: нумерация сказок, архив с текстами, а также использование новой словарной статьи: мы не использовали отрывок предложения, а брали все предложение целиком, чтобы можно было понять контекст использования словоформы.

Таблица 2.

Фрагмент конкорданса сказок А. К. Барышниковой

№ сказки	№ сказки	№ предл	Слов	Нумерация	ЛЕММЫ	СлФТекст	**1**	**2**	**3**
67	‘1-01	233	3	14	А	А	V	чтоб	пригнал!
67	‘1-01	75	3	15	А	А	V	что,	ребята?
67	‘1-01	168	3	16	А	А	V	вы	что?

Здесь мы бы хотели рассказать о нашем опыте работы с конкордансом по отношению к материалам воронежской сказочницы А. К. Барышниковой. Лексика сказок очень разнообразна: использование формул по типу «в тридевятом царстве», «пир на весь мир» и так далее; разговорный стиль и особенности сохранения фонетической специфики во время записи, устаревшие слова и просторечия используются повсеместно и наш материал не был исключением. Вместе с этим тексты сказок предоставляют

лингвистам-филологам большое поле для исследований в этой области, и отчасти конкорданс помог решить эти задачи «точечно». Например, благодаря этому массиву нами были выявлены количественные и качественные характеристики лексических групп «цвета», «первостихии», «элементы быта» и выявлены особенности их употребления.

А. Т. Хроленко в своей статье, посвященной опыту создания и практики использования конкорданса, указывает, что конкорданс является перспективной базой филологических исследований [9]. В связи с этим, в рамках изучения массива анекдотов, собранных на кафедре РУНТ, и массива анекдотов, собранных М. Мельниченко, было принято решение автоматизировать обработку текстов и создание конкорданса. Для реализации автоматического создания конкорданса были выделены следующие задачи:

1. Предобработка текста, удаление лишних пробелов, выявление неправильной кодировки, удаление мусорных символов.
2. Подсчет предложений в анекдоте.
3. Подсчет слов в предложении.
4. Разбитие предложения по ячейкам в таблице Microsoft Excel.
5. Указание номера слова и указание его места в предложении.
6. Лемматизация.

Эти задачи были реализованы на языке Python версии 3.7. Выборка символов, подсчет слов и удаление мусорных символов в предложениях осуществлялась при помощи регулярных выражений. Для каждого из пяти тысяч анекдотов, собранных М. Мельниченко, создавался отдельный файл, в котором и осуществлялись все вышеперечисленные действия. Отдельные файлы крайне удобны, так как перед «склейкой» большого конкорданса целесообразно проверить файл на предмет погрешностей и ошибок. Лемматизация осуществлялась при помощи расширения «SEO EXCEL» в Microsoft Excel, распространяемого свободно.

Всего в ходе работы над конкордансом указателя советских анекдотов Мельниченко было обработано 5 852 анекдота, которые дали 110 926 строк конкорданса.

Массив, полученный в результате анализа архивных материалов кафедры РУНТ МГУ, был составлен из текстов анекдотов, записанных студентами в рамках практики в период с 1991 по 1993 годы. Аналогично массиву М. Мельниченко, предварительная обработка производилась с помощью студентов кафедры весной 2023 года. В результате все 3 420 анекдотов были оцифрованы и перенесены в формат.txt для дальнейшей обработки.

В качестве примера исследования, которое невозможно без конкорданса, хотелось бы привести следующую выборку частотности социальных типажей из нашего доклада на 30-й Международной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир: историческая память и поэтика героического». В таблице 3 приведены количества словоупотреблений, позволяющие судить об изменении фокуса народного интереса от эпохи к эпохе. Интересно, что несмотря на разноплановость источников, корреляция прослеживается и дает исчерпывающую картину преемственности.

Таблица 3.

Частоты словоупотреблений социальных типажей в преемственных массивах

Словоформа	Барышникова	Мельниченко	РУНТ
жена	255	143	143
мужик	218	132	160
отец	169	73	50
поп	146	7	10
барин	143	0	0
батюшка	134	5	2
царь	112	19	35
муж	109	56	187
солдат	99	77	21
сын	94	67	100
дьякон	91	2	0
ребенок	89	92	100
дочь	75	15	21
бабка	72	32	96
невеста	63	4	0
работник	61	151	20
попадья	47	0	0

Конкорданс предоставляет возможности для исследования больших массивов данных, предоставляя необходимые статистические данные одновременно с контекстами. Например, при рассмотрении наиболее частотных социальных типажей сквозь призму массива Мельниченко и кафедры РУНТ мы получаем не только избыточные статистические данные, но и контексты словоупотреблений, что позволяет нам судить об особенностях применения слова. В каждой из словарных статей приводится не только непосредственный контекст, но и номер источника, в котором мы можем подробнее изучить особенности употребления той или иной словоформы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Винокур Г. О. О языке художественной литературы: учеб. пособие для филол. спец. / Г. О. Винокур. — М.: Высш. шк., 1991. — 448 с.
3. Рафаева А. В. Компьютерные методы анализа фольклорного текста / А. В. Рафаева // Славянская традиционная культура и современный мир. — М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2011. — С. 179-204.
4. Поляков А. Е. Конкорданс к текстам Ломоносо-

ва — концепция и реализация / А. Е. Поляков, И. А. Пильщиков, М. Б. Бергельсон. — Режим доступа: http://rd.feb-web.ru/pollex-09.html (дата обращения: 10.05.2015).

5. Бобунова М. А. Конкорданс XXI в.: новая старая форма / М. А. Бобунова // Вопр. лексикографии. 2016. № 2 (10). — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konkordans-xxi-v-novaya-staraya-forma (дата обращения: 18.09.2024).

6. Бобунова М. А. Конкорданс русской народной песни: песни Сибири / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. — 176 с.

7. Кретов А. А. Составление конкорданса сказок А. К. Барышниковой / А. А. Кретов, В. В. Шмыглева // Афанасьевский сборник: Материалы и исследования Выпуск XV Народная куль тура и проблемы ее изучения. — В.: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. –С. 239-243.

8. Шмыглева В. В. Составление конкорданса сказок Анны Куприяновны Барышниковой / В. В. Шмыглева, А. А. Кретов // Научный альманах Традиционная культура — М.: Государственный российский дом народного творчества имени В. Д. Поленова МК РФ, 2018. — С. 188-191.

9. Хроленко А. Т. Автоматизированный конкорданс: опыт создания и практика использования / А. Т. Хроленко // Актуальные вопросы лексикографии. — Курский государственный университет, 2012

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Нагорных В. В., аспирант
E-mail: shmygleva.v@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
Nagornykh V. V., аспирант
E-mail: shmygleva.v@gmail.com

УДК 81,33

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В СТАТЬЯХ К. И. ЧУКОВСКОГО О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА

О. Н. Олейникова

Воронежский институт МВД Российской Федерации

Поступила в редакцию 25 июля 2025 г.

Аннотация: *в публикации дан анализ особенностей ввода К. И. Чуковским иноязычных вкраплений разных типов (полных и частичных) в тексты научного стиля речи, а именно в работы, посвященные проблемам переводов с иностранных языков на русский и с русского на иностранные языки. Материал исследования получен методом сплошной выборки. Доказана связанность ввода К. И. Чуковским в тексты иноязычных вкраплений с его полилингвизмом, экстралингвистическими факторами и тематикой текстов научного стиля речи. Обращено внимание на индивидуальное использование иноязычных вкраплений К. И. Чуковским в статьях.*
Ключевые слова: *К. И. Чуковский, иноязычные вкрапления, билингвизм, полилингвизм, языковая ситуация.*

Abstract*: the publication analyzes the features of K. I. Chukovsky's introduction of foreign language inclusions of various types (complete and partial) into the texts of the scientific style of speech, namely, in works devoted to the problems of translations from foreign languages into Russian and from Russian into foreign languages. The research material was obtained by continuous sampling. The connection of K. I. Chukovsky's input into foreign language texts interspersed with his polylingualism, extralinguistic factors and the subject matter of texts of scientific style of speech is proved. Attention is drawn to the individual use of foreign language inclusions by K. I. Chukovsky in articles.*
Keywords*: K. I. Chukovsky, foreign language inclusions, bilingualism, polylingualism, linguistic situation.*

К. И. Чуковский известен не только в нашей стране, но и далеко за рубежом как прекрасный детский поэт. Но этот выдающийся деятель отечественной культуры является также замечательным переводчиком и создателем ряда исследований, посвященных мастерству перевода. Благодаря К. И. Чуковскому, его работе переводчика, читатель получил возможность познакомиться с произведениями англоязычных литератур, в том числе с «Листьями травы» У. Уитмена, книгами Р. Киплинга, М. Твена, Д. Дефо и многих других авторов.

Также К. И. Чуковский является ученым-филологом, автором работ в том числе и о теории перевода и текстологии [1]. Он фактически создал свою теорию перевода художественного текста с иностранных языков на русский и с русского языка на иностранные языки.

Так как ввод иноязычных вкраплений в тексты связан с би- или / и полилингвизмом их автора, уровнем его образования, наличием би- и полилингвального окружения, необходимо остановиться на некоторых характеристиках языковой личности Чуковского и некоторых фактах, важных для рассмотрения указанной в названии статьи темы.

Чуковский великолепно владел английским языком, изучив этот не самый популярный в период его юности язык фактически самостоятельно, причем невероятными для подростка усилиями, о чем рассказал позже в автобиографической повести «Серебряный герб», дневниках и воспоминаниях [1]. Позднее он усиленно занимался английским языком, находясь в длительной командировке в Лондоне, достигнув уровня, близкого к русско-английскому билингвизму. И продолжал изучать нюансы British English и American English фактически всю жизнь.

Чуковский был также полным русско-украинским билингвом, что дало ему возможность понимать малейшие оттенки украинского словоупотребления и оценивать адекватность переводов с украинского языка на русский язык популярных в советское время авторов. Внук Чуковского вообще считал, что украинский язык был родным языком его деда [2].

К. И. Чуковский вырос в Одессе, где было многонациональное население. В городе сложилась уникальная языковая ситуация [3]. Половина населения считала русский язык родным, для трети родным языком был идиш. Этнические украинцы составляли менее 6% жителей города. Остальное население говорило на молдавском, греческом языках. Была небольшая диаспора этнических французов. Общеизвестно, что французскому языку уделяли большое внимание в классических российских гимназиях дореволюционной России. Образованные люди знали также латынь, немецкий, в меньшей степени

© Олейникова О. Н., 2025

английский. Проживание в Одессе требовало от его жителей хотя бы неполного двуязычия, при котором по необходимости в бытовой, производственной, иногда и в других сферах использовался родной и русский языки. Чуковский в той или иной степени мог объясниться на молдавском, французском, немецком языках и на идиш. В дневниках Чуковского есть упоминание о том, как он давал уроки латыни детям знакомых [1, т. 11]. Билингвам и полилингвам свойственен ввод в тексты иноязычных вкраплений [4]. Владение Чуковским иностранными языками оказывало несомненное влияние на ввод им в тексты разных стилей иноязычных вкраплений разных типов. Сама тематика его статей о переводе как особом виде деятельности филолога подразумевает включение в эти тексты научного стиля иноязычных вкраплений разного объема.

На сегодняшний день функционирование иноязычных вкраплений в произведениях К. И. Чуковского исследовано на материале текстов разговорного стиля, частично текстов публицистического стиля [5, 6, 7]. Тексты научного стиля этого автора пока не анализировались на предмет функционирования в них иноязычных вкраплений, что также делает тему данной публикации актуальной.

Исследованный материал представляет собой иноязычные вкрапления, введенные К. И. Чуковским в тексты статей о теории и практике перевода, об отдельных переводчиках, переводах произведений и т. п. Для отбора материала использовался метод сплошной выборки иноязычных вкраплений, в том числе из грандиозного труда «Высокое искусство», каким и считал Чуковский работу переводчика. В исследованных текстах обнаружены вкрапления из английского, французского, украинского, немецкого, латинского, итальянского, польского, киргизского и единичные вкрапления из некоторых других языков. В примерах статьи сохранена пунктуация источника.

В исследованных текстах превалируют вкрапления из английского языка. Это закономерно по ряду причин. Во-первых, именно с этим языком чаще всего работал К. И. Чуковский-переводчик. Во-вторых, в двадцатые годы прошлого века после создания по инициативе А. М. Горького издательства «Всемирная литература» в стране велась активная переводческая деятельность. Цель этой работы была высока: приобщить «нового советского читателя» к литературе на иностранных языках как к части культурного наследия. К. И. Чуковский вспоминал, что ему и другим мастерам перевода «Горький предложил составить нечто вроде руководства для старых и новых мастеров перевода, сформулировать те правила, которые должны им помочь в работе над иноязычными текстами» [1, т. 3, с. 8].

Многочисленные произведения американской и английской литератур переводились на русский язык, но при этом возникали проблемы с переводом. Чуковский решительно выступил против «кустарщины», как он называл переводы с огромным числом ошибок [1, т. 3]. Подчеркивая важность улучшения работы переводчиков в стране, Чуковский в начале «Высокого искусства» вводит частичные английские вкрапления в русской графике для описания ситуации, когда ученый редактор издательства не смог разобраться в переводе названия пьесы А. П. Чехова, приняв название за имя несуществующего английского автора. Чуковский пишет: «Я засмеялся прямо в телефон и объяснил, что Черри Орчард не английский писатель, а «Вишневый сад» Антона Чехова, ибо «черри» — по-английски вишня, а «орчард» — по-английски сад» [1, т. 3, с. 12]. Русская графика английских вкраплений подчеркивает некомпетентность ученого редактора в этом языке. Ситуацию в практике перевода нужно было спасать, чем и занимался К. И. Чуковский.

Полные и частичные вкрапления в исконной графике, то есть не ассимилированные или ассимилированные в определенной степени разными способами [4], выполняют в исследованном материале разнообразные функции. Большое количество английских вкраплений Чуковский вводит в тексты и использует их как доказательство необходимости улучшить качество перевода. Многие ошибки переводчиков вызывали не только возмущение Чуковского, но и смех по их поводу, что он и передает в текстах статей. Например, критикуя плохую работу переводчицы, он пишет: «Гоголь оказался у нее баснописцем, собака Каштанка — каштановым деревом (The Chestnut Tree)» [1, т. 3, с. 17]. Подобных примеров очень много.

Несомненно, исследованные тексты относятся к научному стилю речи, но они имеют множество особенностей, отличающих их от текстов других авторов, от так называемого типичного текста научного стиля речи. Перед автором данной статьи не стоит задача исследовать все эти особенности. Но необходимо отметить, что К. И. Чуковский использует иноязычные вкрапления для передачи своей иронии и даже сарказма по поводу ошибок переводчиков, а вкрапления разных типов (в исконной графике и кириллице) иллюстрируют это, например: «По-английски сирень — *lilac* (лайлак), переводчик же принял лайлак за лилию и создал неведомый в ботанике вид: лилия, растущая диким кустарником» [1, т. 3, с. 25-26]. Подобных примеров в текстах работ о переводах также много. Названия переведенных на русский язык произведений англоязычных авторов Чуковский пишет на языке-оригинале, например: «Шелли воспевает, например, брачную ночь («A Bridal Song») — и этого Бальмонту достаточно, чтобы наворотить от себя целую кучу затасканных штампов» [1, т. 3, с. 23]. Ввод библионимов в виде полных, то есть никак не ассимилированных английских вкраплений — это еще одна характерная черта

текстов К. И. Чуковского. В текстах Чуковского есть случаи смешения английских и русских отрывков текста в одной фразе, например: «И английский писатель не считает для себя невозможным начертать на книге, которую он дарит малознакомому: *To my friend* такому-то» [1, т. 3, с. 39]. Соединение в одной фразе отрывка иностранной и русской речи характерно для билингвов, каким и являлся К. И. Чуковский [4, 6].

Полными и частичными английскими вкраплениями в исконной и русской графике Чуковский иллюстрировал необходимость бережного отношения к каждому слову. Например, Чуковский пишет: «Но попробуйте перевести на английский язык фразу: «эта женщина прекрасный человек», и все будут смеяться над вами, если вы назовете ее *man*, так как *man* относится только к мужчинам» [1, т. 3. с. 56]; «То же относится и к слову *dear*, которое, судя по всем словарям, значит по-английски *дорогой*. Между тем оно употребляется при сухих, официальных отношениях: *dear Sir, dear Mr. Randel* — и скорее всего соответствует нашему слово *уважаемый*» [1, т. 3, с. 60]. Споря с некоторыми переводчиками по поводу того или иного перевода, Чуковский цитирует отдельные слова или выражения для подтверждения своей правоты, для исключения двоякого понимания текста, например: «Как два голодных ворона, сидящих на одном из дедовских дубов и громко кричащих в трубу, когда они учуют полуденный запах свежего человеческого мяса…» (of fresh human carrion)» [1, т. 3, с. 71]. Вероятно, число ошибок переводчиков с английского языка было очень велико, если К. И. Чуковский составил несколько списков слов на разных иностранных языках, в переводе которых были наиболее часты ошибки, допущенные при переводе текстов, и опубликовал их [см., напр.,1, т. 3, с. 96-97].

Следуя русской культурной традиции, Чуковский обозначает английские онимы их исконной графикой, дублируя русским эквивалентом. Например, так Чуковский называет произведения англоязычной литературы: «Всмотримся в переведенное им стихотворение Бернса «For A That and F That» («Честная бедность»)» [1, т. 3, с. 62]; «В подлиннике песня называется «The Lass that Made the Bed to Me» («Девушка, что постлала мне постель») [1, т. 3, с. 64]; «В 1819 году Шелли посвятил этим врагам демократии злую сатиру «Подобие» («Similes»)» [1, т. 3, с. 70]. Интересно, что Чуковский, часто вводя в тексты библионимы, редко цитировал английские стихотворные строки и совсем не приводил как пример целые тексты, например стихотворные. Но есть редкие исключения из этой закономерности. В виде полного вкрапления Чуковский ввел в свой текст четверостишье из Шелли [1, т. 3, с. 72].

Один из способов ввода английских вкраплений в текст Чуковским — присоединение к английскому слову падежного окончания русского языка. Например: «Вот эту-то жалкую дверь Диккенс иронически назвал portal′ом — термин, применяющийся главным образом к величавому входу в храм» [1, т. 3, с. 88]. В работах о переводческих проблемах такой способ ввода вкрапления в текст редок по сравнению с исследованными текстами других стилей [5, 6, 7]. Частичные вкрапления других типов (не входящие в словоизменительную парадигму, в систему согласования) многочисленны, особенно в ситуациях пояснения Чуковским тончайших оттенков лексического значения слов. Например: «Ни в одном словаре вы не найдете, что animal это не только животное, но и *скотинка*, что extravagant это не только сумасбродный, но и *чудаческий*, что a drink не только напиток, но и *пойло*» [1, т. 3, с. 89]. Чуковский требовал от переводчиков глубоких познаний в языке, с которого они переводят, а также в языке, на который делается перевод.

Значительно меньше в исследованном материале французских и украинских вкраплений. Их примерно поровну. С помощью французских вкраплений К. И. Чуковский иллюстрирует, например, ошибки переводчиков: «Виссарион Белинский перевел слово «vaisseaux» — корабли, а в подлиннике речь шла об артериях» [1, т. 3, с. 49]. Еще примеры: «Французское artiste, равно как и английское artist, — не «актер», но живописец» [1, т. 3, с. 97]; «В романе «Черноокнижник» А. В. Дружинина кто-то переводит русскую фразу: «Кабинет его квартиры сыр» — при помощи такой французской ахинеи: «…logement est tres fromage» [1, т. 3, с. 16].

Произведения многих украинских авторов активно переводились. Но и без перевода тексты близкородственного языка, особенно стихотворные, были в определенной степени (без подробных деталей) вполне доступны для понимания русскоязычных читателей. К. И. Чуковский, прекрасно зная украинский язык, обратил внимание на некую спешку в переводе украинских слов, созвучных русским. Он доказывал необходимость тщательного, обдуманного, неспешного выбора слова для использования при переводе. Переводчики использовали украинское слово «мамо» как эквивалент русского слова «мать» в переводных текстах. Например: «Без него отец и мамо» [1, т. 3, с. 54]. Между тем *мамо* — это звательный падеж украинского слова, несочетаемое в данном случае со словом *отец*. К. И. Чуковский пишет, что «слово *мамо* в русском языке не имеется» [там же]. Спешка и невнимательность переводчиков, а также так называемые «ложные друзья переводчика» приводили к многочисленным абсурдным ошибкам в переводах с украинского языка на русский. Чуковский приводит пример: «По-украински *гоните — женить*. Не подозревая об этом, переводчик подумал, что дело идет о свадьбе, и написал в переводе: — Женить его! женить!» [1, т. 3, с. 14].

Немецкие вкрапления, введенные в тексты Чу-

ковским, всегда даны в исконной графике, и они немногочисленны. К. И. Чуковский вводит полные вкрапления для уточнения неправильного, по мнению Чуковского, перевода. Например: «Всюду, где у Бюргера упоминается постель (Brautbelle, Hochzeitbett), Жуковский целомудренно пишет: ночлег, уголок, приют» [1, т. 3, с. 28]. Подчеркивая сложность перевода в художественном тексте пословиц и поговорок, Чуковский уточняет с помощью полного немецкого вкрапления его значение: «В подлиннике поговорка звучит так: «Und sag er auf golden Stuhl, der Frosch hopft wieder in den Pfuhl» [1, т. 3, с. 107].

Доказывая некорректность переводов с латыни, Чуковский в исконной графике приводит цитату из Овидия [1, т. 3, с. 99]. Но таких примеров немного.

По культурной традиции, сложившейся в России еще в XIX в., Чуковский вводит в тексты вкрапления Международного фразеологического фонда [4]. Это вкрапления, которые без перевода понимались образованной частью читателей благодаря особенностям системы классического российского гимназического и вузовского образования. Чуковский не злоупотреблял количеством иноязычных вкраплений МФФ. Включение таких вкраплений в тексты связано, как правило, с наднациональной функцией слов и выражений МФФ [8]. Например, Чуковский ввел полное латинское вкрапление: «Lumen coeli, sancta rosa!» [1, т. 3, с. 15]. Интересен способ ввода в текст следующего очень популярного латинского вкрапления: «… по поводу «et cetera» (и прочее), которым обмолвился Евгений Онегин в шутливом разговоре с Владимиром Ленским» [1, т. 3, с. 336]. Указанный латинизм Чуковский счел необходимым перевести. Подобный способ ввода вкрапления в текст не характерен для единиц МФФ. Вероятно, К. И. Чуковский понимал, что для того нового читателя, для которого М. Горький и задумал серию «Всемирная литература», прежде всего в просветительских целях, лучше привести в тексте перевод латинского изречения. В следующем примере вкрапления МФФ даны без перевода. Эти слова стали заимствованиями в русском языке: «Как в сонетах чуть ли не над каждым стихом можно поставить музыкальные обозначения — allegro, andante и т.д.» [1, т. 3, с. 200]. К вкраплениям МФФ относится оним, широко распространенный в стране 30-40-х годов прошлого века: «Лишь после революции, когда возникли такие издательства, как «Всемирная литература», «Academia», Гослитиздат…» [1, т. 3, с. 252]. Некоторые входящие в МФФ вкрапления в текстах Чуковского связаны с национально-культурной спецификой текста, например: «Между тем оно употребляется при сухих, официальных отношениях: dear sir, dear Mr. Randel — и скорее всего соответствует нашему *уважаемый*» [1, т. 3, с. 60].

Большое внимание К. И. Чуковский уделял переводам на русский язык произведений авторов из республик Средней Азии и Закавказья, в том числе и фольклорных. В работе «Высокое искусство» Чуковский писал, что «художественный перевод есть дело государственной важности, в котором кровно заинтересованы миллионы людей: украинцы, белорусы, грузины, армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики и другие народы, впервые получившие возможность обмениваться своими литературными ценностями» [1, т. 3, с. 10]. Вкрапления из языков бывших союзных республик есть, но они малочисленны. Узбекское вкрапление в русской графике и русском грамматическом оформлении введено Чуковским в текст с пояснением: «Поэтому Гафур Гулям перевел четырехстопный лермонтовский ямб тринадцатисложным «бармаком» (то есть силлабическим размером)» [1, т. 3, с. 77]. К. И. Чуковский приводит цитату на киргизском языке перевода письма Татьяны к Онегину: «Сизге жазам — мындан башка эмне дейм. / Мындан башка мен эмнени айта алам. / Билем эми, баары өзундун эркинен, / Көцулуц калып жек көрсөц да жок айлам …» [1, т. 3, с. 77]. Трудность цитирования снималась тем, что киргизы использовали кириллицу.

Таким образом, спецификой ввода К. И. Чуковским иноязычных вкраплений в тексты статей о теории и практике перевода является прежде всего то, что автор использует иноязычные вкрапления для передачи отрицательных эмоций, связанных с появлением в стране огромного числа откровенно слабых переводов. Второй особенностью является широкий круг языков, вкрапления из которых введены Чуковским в тексты научного стиля. Обращает на себя внимание также то, что он, человек высокой культуры и образованности, бережно следовал традициям ввода в тексты иноязычных вкраплений, которые сложились к началу XX в. в России, но и учитывал постепенное изменение языковой ситуации. В связи с этим объем иноязычных вкраплений, введенных К. И. Чуковским в исследованные тексты, невелик, что отличает его тексты от текстов XIX в. [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. / Сост., коммент. Е. Чуковская. — 2-е изд., электронное, испр. — М.: Агентство ФТМ: Лтд, 2012-2013.

2. Андрей Королев, Елена Поляковская. Вспоминая вареники «з вышней» — Режим доступа: https://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/radioperedachi/andrej-korolev-elena-polyakovskaya-vspominaya-vareniki-z-vyshnej (Дата обращения 19.04.2025)

3. Из истории Одессы. Здесь всегда говорили на русском языке. — Режим доступа: https://history-club.livejournal.com/203617.html (Дата обращения 19.04.2025)

4. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. — 144 с.

5. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах разговорного стиля К. И. Чуковского / О. Н. Олейникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология. Журналистика. 2024. — № 1. — С. 36-40.

6. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в лондонской корреспонденции К. И. Чуковского / О. Н. Олейникова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2024. — № 4. — С. 98-103.

7. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в воспоминаниях К. И. Чуковского о современниках / О. Н. Олейникова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2025. — № 2. — С. 74-81.

8. Бабкин А. М. Словарь иноязычных вкраплений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 3 т. / А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. –– СПб., 1994.

Воронежский институт МВД Российской Федерации

Олейникова О. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков

E-mail: oon_2004@mail.ru

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Oleynikova O. N., Candidate of Philology, Docent of the Department of Russian and Foreign Languages

E-mail: oon_2004@mail.ru

УДК 81’367.625.45

ОТГЛАГОЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВОВЛЕЧЕННОСТИ В КАКОЕ-ЛИБО ДЕЛО» В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. В. Победаш

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация*: работа посвящена анализу группы отглагольных дериватов, появившихся в последние годы в молодежной речи: йогнутый, зожнутый, веганутый, тиктокнутый, гикнутый и др. Отмечено, что рассматриваемые определения появились в речи как слова с пейоративной оценкой, но в настоящее время часть определений теряет негативную оценку, стремясь к нейтральности и к ироничному обозначению человека, в высшей степени увлеченного чем-либо.*
Ключевые слова: *отглагольная деривация, дериват, производное слово, аффиксальное словообразование.*

Abstract: *the paper is devoted to the analysis of a group of verbal derivatives that have appeared in recent years in youth speech: yogified, healthified, veganized, TikTokified, geekified and others. It is noted that the definitions under consideration appeared in speech as words with pejorative evaluation, but nowadays some definitions lose their negative evaluation, tending to neutrality and to ironic designation of a person highly enthusiastic about something.*
Keywords: *verbal derivation, derivative, derivative word, affixal word formation.*

В работах современных лингвистов происходит смещение фокуса внимания с изучения письменного языка на анализ языка живого общения, разговорной речи, потому что «непосредственное устное общение продолжает оставаться важнейшей сферой функционирования языка» [1, 54]. Изменения на лексическом уровне начинаются с появления в разговорной речи языковых единиц, которые со временем могут войти в литературный язык. Большая часть новых языковых единиц зарождается в речи молодежи, так как для молодежной субкультуры характерна склонность к самовыражению, оценке, поиску новых способов заявить о себе, скрыть информацию от тех, кто «не в теме». «Сленг — это смелое, неподконтрольное изменение языка, его самый быстро и динамично развивающийся пласт» [2, 105].

Данная статья обусловлена появлением в речи молодежи прилагательных и причастий, образующихся по одной из существующих словообразовательных моделей, но приобретающих новый оттенок значения. Особенности аффиксального словообразования, морфемное членение сложных формантов рассматривали такие ученые, как [3-8]. Предметом исследования выступают такие отглагольные дериваты, как *веганутый, йоганутый, зожнутый, тиктокнутый, ютюбнутый и пр.* В ходе работы обратимся к словообразовательному анализу на основе примеров, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка [9], социальных сетях и сети Интернет.

Сама форма производных слов не является новой, в Толковом словаре разговорной речи под ред. Л. П. Крысина (далее — ТСРРР) [10-12] и Толковом словаре молодежного сленга [13] встречаем такие жаргонизмы, как *долбанутый, прибабахнутый, сдвинутый, тронутый, чокнутый, шарахнутый и др.* В словаре молодежного сленга дается следующее определение: «долбанутый — *груб.* ненормальный, ведущий себя как сумасшедший» [13, 54]. А. А. Юнаковская предлагает следующее определение: «долбанутый — неодобр. Человек, ведущий себя неадекватно» [14]. Если мы обратимся к словообразованию, то долбанутый аналогично с замкнутый, достигнутый, вывернутый, изогнутый, упомянутый, сдвинутый как страдательное причастие прошедшего времени образуется от глагола долбануть при помощи суффикса -т. То есть долбанутый — это человек, которого долбанули, и он стал ненормальным, ведет себя неадекватно.

Прибабахнутый, по определению ТСРРР, «со странностями, причудами». Является прилагательным, пометы: сленг., неодобр., шутл. [11, 370]. В словаре молодежного сленга: прибабахнутый — *шутл.-ирон.* или *неодобр.* странный, необычный [13, 92]. Прибабахнутый образовано от глагола прибабахнуть (разг.-сниженное. Сильно ударить, стукнуть по кому-, чему-л., убить) при помощи суффикса -т-. Глагол прибабахнуть реже используется, чем суще-

© Победаш Е. В., 2025

ствительное прибабах — странность, причуда [11, 369] и выражение с прибабахом — со странностями [13, 92].

«Тронутый — о человеке: не вполне нормальный» (*Тронутый немного, с молотилки упал*). Часть речи: прилагательное. Помета: пренебрежительное. [12, 601]. Образовано от глагола тронуть — ударить или избить кого-л. [там же]. То есть тронутый — это человек, которого тронули — сильно ударили, и он стал не совсем нормальным.

«Сдвинутый — имеющий отклонения в поведении, ненормальный, странный». Часть речи: причастие в значении прилагательного, пометы: сленговое, неодобрительное [12, 69]. Сдвинутый — о человеке, который сдвинулся, «повредился» в уме, ведет себя странно.

Таким образом, разговорные слова *долбанутый, прибабахнутый, тронутый, сдвинутый, чокнутый, шизанутый* и подобные образованы от глаголов, по модели страдательных причастий прошедшего времени, но в данный момент в речи выступают качественными прилагательными: он еще более чокнутый, чем ты; совсем шизанутый; самый долбанутый и пр. Данная группа слов объединена значением негативной оценки, так неодобрительно говорят о человеке, который ведет себя странно, неадекватно, ненормально.

Вместе с тем в последние десятилетия появились речевые единицы, похожие по форме, но содержащие новые смысловые оттенки.

Мы выделили несколько тематических групп, соответствующих тем областям жизнедеятельности, к которым они относятся.

Первая группа — Здоровый образ жизни, правильное питание, спорт. Относятся такие прилагательные, как йоганутый (или йогнутый), веганутый, зожнутый.

Йоганутый, или йогнутый. Так называют человека, который не просто занимается йогой как системой физических упражнений, а воспринимает ее как философию, науку, буквально живет ей. Рассмотрим некоторые примеры из Национального корпуса русского языка [9]: «*Йоганутые.* Йога стала сейчас моднейшим направлением, все приверженцы завернуться в хитрую загогулину в один голос вопят, что эти практики обладают чудесной целительной силой».

«Благодаря им эта сугубо прагматичная и супердейственная дисциплина для работы с телом и умом превратилась в разновидность шизы, а «*йоганутый*» стало именем нарицательным». «В жару сесть в шортах на черную раскаленную поверхность сидений может только *йогнутый*». «Наш *йогнутый* друг занимается изготовлением статуэток Будды».

«Разговор двух приятелей:

— Открыл для себя йогу. Занимаюсь в группе утром и вечером. В обед делаю дыхательную гимнастику. А перед сном медитирую.

— Да, ты просто *йогнутый*!»

Таким образом, прилагательное «йоганутый» имеет значение высокой степени вовлеченности в йогу. При этом в сети многие комментаторы употребляют это выражение с негативной оценкой: ср. йоганутая на голову как больная на голову; совсем йогнулся!

В настоящее время большое значение в молодежной среде имеют соцсети: Вконтакте, тикток, телеграм, ютюб, Дзен. Многие специалисты ведут свои каналы, монетизируют деятельность, поэтому выбирают для номинации слова, вызывающие отклик у молодой аудитории. Так, можно встретить ники ЙОГАнутый астролог, йоганутый гид, в твиттере — йоганутый орхитектыр, в телеграме — йоганутый свечевар, йоганутый психолог; на ютюбе — йоганутый эксперт, юмористический журнал «Совсем йогнулись». Здесь можно говорить об отсутствии пейоративной экспрессии, «йоганутыми» называют себя люди, которые плотно занимаются йогой. Еще пример: «Интересная программа развлечений — это весомая причина поехать на ЙОГАнутый сплав! Ведь 40% положительного отдыха зависит от программы, которая вовлечет каждого! У нас по-другому не бывает!» — данное рекламное предложение не содержит отрицательной оценки, скорее, наоборот, служит для привлечения внимания понимающей аудитории, тех, кто тоже занимается или интересуется йогой.

Веганутый. Слово обладает ярко выраженной негативной оценкой. Веганутыми называют агрессивно настроенных вегетарианцев, которые навязывают другим свою точку зрения и предосудительно относятся к тем, кто ест мясо и молочные продукты. В сети много комментариев пользователей, которые разделяют вегетарианцев и веганутых, например:

«Есть вегетарианцы, а есть *веганутые*. Это 2 разных понятия. Вегетарианцы просто не кушают мясо по своим личным соображениям, и никому этим не мешают… А *веганутые* пытаются навязать дебильную точку зрения что от мяса только вред, болезни, карма разрушается, и прочую дичь втирают. Им нужно к психиатру» [15]. «Обычно наоборот происходит, выпячивают свои пристрастия как раз *веганутые*» [16].

К примеру того, что слово может употребляться без пейоративной экспрессии, относится название ресторана для вегетарианцев в Москве «Веганутые», который не так давно закрылся.

ЗОЖнутый, Зожнутый

Зожнутыми иронично называют людей, чье следование здоровому образу жизни проявляется в высокой степени. Рассмотрим несколько примеров:

«В новогодние праздники даже *самые «зожнутые» из нас* поддаются соблазну съесть что-то вкусное и не очень полезное, выпить шампанского… Давайте поговорим о том, как подготовить свой организм к последствиям соблазна!» [17]. «Своим по-

ведением *не в меру «зожнутые»* (от «ЗОЖ», то есть слишком увлеченные здоровым образом жизни) местные мамы вредят детям, формируя опасные пищевые привычки, с возмущением рассказала «Златоуст.инфо» один из опытных городских педиатров» [18]. «Даже однозначно положительное явление вроде ЗОЖ может стать поводом для троллинга. Неологизм *«зожнутые»* — яркое тому подтверждение» [19]. «ЗОЖнутые: 3 звезды, которые сошли с ума из-за диет. Как знаменитости теряют разум из-за диет» [20].

«Марина

Может, уже не надо больше пирожков?! Помоему, это уже край!

Глеб

Чего ты прицепилась. Сколько хочу, столько и ем. Я ж тебе не говорю, что ты стала *ЗОЖнутая — край*!» [21].

Прилагательное *зожнутый* также имеет отрицательную оценку, выражает высокую степень приверженности здоровому образу жизни и насмешку над этим окружающих. Об этом свидетельствует и ближайшее окружение слова: *зожнутая — край, не в меру зожнутая, самые зожнутые из нас.*

Вторая группа слов связана с Интернетом, увлечением компьютером и социальными сетями. Относятся такие прилагательные, как тиктокнутый, ютюбнутый, гикнутый.

Тиктокнутым называют молодого человека, который буквально помешан на социальной сети Тикток, является ее активным пользователем. В Открытой книге-словаре человеческих качеств и состояний представлено следующее определение: «Тиктокнутый — увлекающийся просмотром интернетного Тик-тока, приколов, забав, неожиданных придумок, любитель облегченного креатива, не обремененного идеями и высоким качеством, сам создающий материалы, не требующие напряжения ума и серьезного отношения» [22, 439]. К примерам: «Неопознанный *тиктокнутый* объект: что известно о лексике ТикТока» [23]. *Насколько* ты *тиктокнутый*? [24]. Социализация по-кемеровски: *тиктокнутый* водитель маршрутки оштрафован за просмотр видео за рулем [25].

Популярная соцсеть стала источником ряда неологизмов, связанных с ведением контента, просмотрами и участниками. Из однокоренных слов отметим: тиктокер — активный участник сети, снимающий видеоролики; тиктокнуться — постоянно думать о том, какой видеоролик снять и выложить в сеть (примеры: *с нами и ТикТокнуться можно; совсем уже народ тиктокнулся; я, например, со своими детьми уже тиктокнулся совсем; Одна Лайкнулась, другая Тиктокнулась, и дедушка совсем не знает как же примирить девчонок*).

Ютюбнутым называют человека, в высшей степени увлеченного платформой Ютюб, который постоянно снимает или смотрит видеоролики в этой сети.

Приведем примеры: «Не *Ютюбнутый*, поэтому видео не снимаю, правда прикольных есть парочка» [26]. «Страх берет, когда видишь, как наступает электронная орда во всей, не побоюсь этих слов, общественно-политической жизни. То какой-то *ютюбнутый* пранкер по-изуверски пошутил после трагедии в Кемерово» [27].

Отметим, что редко встречаются примеры употребления прилагательных, образованных по той же модели, от названий других популярных сетей: твитер — *твитернутый король*.

В сетевом словаре блогера, или Блоговаре толкуется неологизм *блоганутый* — тихий псих. Несет полную чепуху, но никого не трогает [28]. Однако данное определение практически не употребляется в речи.

Гикнутый, гик является англицизмом, образовано от английского geek — человек, чрезвычайно увлеченный чем-либо, фанат. Первоначально гиками называли людей, увлеченных высокими технологиями и инновациями, потом значение слова расширилось до людей, увлеченных технологиями, фантастикой, входящих в фэндома. В русском языке дефиниция гикнутый связана с компьютерными технологиями, высокой степенью увлеченности гаджетами, программированием, компьютерными технологиями, о чем говорят примеры: «Что делать если ты *гикнутый* музыкант-программист? Пишем музыку на Javascript» [29]. «Слегка *гикнутый* бывший студент (а ныне преподаватель) и программист. Пишу на C++, Visual Basic, Assembler, Java, PHP и др.» [30]. «Я *гикнутый на всю голову*, мне и не нужно быть здоровым. В школе вместо тетради я писал в «ворде» (офисное приложение Microsoft Word. — *Forbes*), после уроков играл в игры или просто копался в «винде» [31].

Появление этой группы слов обусловлено популярностью соцсетей среди молодежи, которая демонстрирует высочайшую степень вовлеченности в виртуальное пространство, создание контента и возможность зарабатывать в этой сфере.

Заимствование существительного гик из английского языка связано с отсутствием в русском языке эквивалента, geek означает человека, помешанного на каком-либо увлечении, хобби, страсти, в частности computer geek можно перевести как компьютерный маньяк. Поэтому к английскому гик добавился формант -нут-, который в настоящее время в живой речи добавляет значение помешанности на чем-либо, высшей степени вовлеченности.

Третья группа связана с приверженностью какой-либо теории, фанатичному следованию за идеей.

Сюда относим прилагательные рерихнутый, толкинутый.

Рерихнутый — человек, в высшей степени увле-

ченный идеями мыслителя и живописца Николая Рериха, который исследовал Восток, проводил спиритические сеансы и искал Шамбалу. В разговорной речи имеет негативную оценку: «Очередной «*рерихнутый*», т.е. тот, кто по следам Рериха Шамбалу ищет. То виденья ему грезятся, то апокалипсис, теперь вот могила Чингисхана». «У подножия Белухи *рерихнутые* ковыряют норы, общаются с космосом, устраивают ритуальные песни и пляски, пугая местных староверов». «В этом музее местные *рерихнутые* собираются» [9].

Таким образом, рерихнутыми называют не только приверженцев Рериха, но и людей, фанатично интересующихся Востоком, восточными практиками, поиском Шамбалы.

Аналогично образовано прилагательное *толкинутый* — человек, в высшей степени увлекающийся фантастическим миром, созданным в трилогии Толкиена «Властелин колец». Среди совсем новых определений можно отметить прилагательное *шаманутый* — фанат творчества певца Шамана; *билануты лазаренок* — образовано от фамилий Билан и Лазарев — так называется фанстраница певцов в социальной сети.

Четвертая немногочисленная группа слов связана с индустрией моды и красоты. Относим такие прилагательные, как *брендануты, мейкапнутый*.

В речи фиксируется несколько значений слова брендануты: во-первых, богатый человек: «*Брендануты* припрутся на крещение со своим золотым чаном церковь еще не выбрана, а чан уже дома стоит и ждет своего часа» [32]; во-вторых, человек, для которого важно приобретение именно брендовых вещей: «*Самые брендануты* сейчас поползут дербанить государственные деньги на фирменные маечки и кепочки, потому, что айдентика по-русски это запоминающийся образ бренда, а также выделение компании на фоне конкурентов» [33]. Документальный фильм «Брендануты: Разоблачение фэшникон» (2020).

В-третьих, брендануты — относящийся к бренду, являющийся таковым (с негативной оценкой): «Двадцать лет назад все *брендануты* машины были такими же небезопасными, как и сегодняшние китайские. И что? Их меньше покупали?» [34].

Реже встречается определение *мейкапнутый*, относится к человеку, который слишком увлекается макияжем:

«Все про карандашную технику или губы дьявола можно найти на аккаунте у Машуковского (mashukovsky) или, как он себя называет, «мейкапнутый король». Если вам интересно «как же сделать самый яркий и интересный макияж», то это к нему» [35].

В сети также зафиксированы страницы мейкапнутые, мейкапнутый гороскоп. Также нам единично встретилось выражение *филлернутый свисток* — о губах, увеличенных при помощи филлеров.

Интернет настолько глубоко вошел в общественное сознание, что не только стал способен влиять на речь молодежи, но и через нее оказывать влияние на естественный язык. При этом уровень вовлеченности с каждым годом становится только выше, потому что блогинг становится полноценной работой, приносящей хороший доход. Появление большого количества людей, увлеченных определенной соцсетью, идеей, теорией или образом жизни, привело к образованию отглагольных прилагательных, отражающих высокую степень вовлеченности в какое-либо дело. Стоит отметить, что это не совсем новая модель словообразования, прилагательные рерихнутый, толкинутый появились около 20-25 лет назад. А в речи современной молодежи под воздействием образца появляются прилагательные тиктокнутый, ютюбнутый, брендануты, мейкапнутый, йогнутый и т.д. Наблюдается образование новых словообразовательных цепочек: тикток — тиктокнуться — тиктокнутый –тиктоктокнутость, йога — йогнуться –– йогнутый — йогнутость, веган — веганутьcя — веганутый — веганутость. Изначально рассматриваемые определения появились в речи как слова с пейоративной оценкой, на это указывает и частотное употребление в связке с фразеологизмом *на всю голову:* тиктокнутый на всю голову, веганутый на всю голову. Но в настоящее время часть определений теряет негативную оценку, стремясь к нейтральности и к ироничному обозначению человека, в высшей степени увлеченного чем-либо. Так, канал владельца автомобиля тойота wish называется WISH'анутый: вся правда о 13ти летней Toyota Wish. Определения употребляются уже не только для характеристики лиц, но и для именования разных мероприятий, организованных для таких увлеченных людей: *йоганутый сплав, CHEESE-анутый тур на сыроварню.*

Сленг — это своего рода словесный маркер, который отпечатывается на каждом поколении и характеризует самые актуальные процессы. В настоящий момент одним из таких процессов является компьютеризация, здоровый образ жизни, самопознание и саморазвитие. Сленг является лабораторией для тестирования новых слов и форм, которые либо отбрасываются, либо остаются в языке. И только время покажет, останутся ли подобные прилагательные в языке и насколько велик потенциал образования слов по рассмотренной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев; под ред. О. Б. Сиротининой. — Саратов, 1985. — 210 с.

2. Каркаева М. А. Эволюция в деривации молодежного сленга / М. А. Каркаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — № 3(81). — Тамбов: Гра-

мота. — С. 105-107.

3. Петрухина Е. В. Актуальные вопросы системного словообразования // Славистика: синхрония и диахрония: сб. статей к 70-летию И. С. Улуханова / Е. В. Петрухина. — М.: Азбуковник Москва, 2007. — С. 142-154.

4. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. — М.: Астра семь, 1996. — 221 с.

5. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студ. вузов / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 304 с.

6. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). — М.: Наука, 1996. — С. 90-141.

7. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл-Текст»: монография / И. А. Мельчук. — М.: Школа «Языки русской культуры»; Вена: Венский славистический альманах, 1995. — 715 с.

8. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 296 с.

9. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: https://ruscorpora.ru/

10. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А–И. / Отв. ред. Л. П. Крысин. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 776 с.

11. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3: П–Р. / Отв. ред. Л. П. Крысин. — 2-е изд. — М.: Издательский дом ЯСК, 2020. — 824 с.

12. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4: С–Т. / Авторы-составители: Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова и др. — М.: Издательский дом ЯСК, 2021. — 680 с.

13. Захарова Л. А., Шуваева А. В. Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): учебно-методич. пособие / Л. А. Захарова, А. В. Шуваева. — Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2014. — 126 с.

14. Юнаковская А. А. Показатели конфликтного общения русских / А. А. Юнаковская. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-konfliknogo-obscheniya-russkih-1/viewer (дата обращения: 01.03.2024)

15. Почему вегетарианцы такие злые в большинстве своем? — Режим доступа: https://otvet.mail.ru/question/192790620 (дата обращения: 10.01.2024).

16. Почему я ем мясо. 5 аргументов в споре с вегетарианцами. — Режим доступа: https://www.yaplakal.com/forum7/st/100/topic2197203.html (дата обращения: 10.01.2024).

17. Подготовка организма к празднованию Нового года. — Режим доступа: https://www.estelab.ru/blog/blog/training-the-body-to-celebrate-the-new-year/ (дата обращения: 01.02.2024)

18. Мамаша, уймитесь: как родительницы Златоуста «наживают» своим детям диабет // Новости Златоуста — Режим доступа: https://zlatoust.info/news/obshchestvo/mamasha-uymites-kak-roditelnitsy-zlatousta-nazhivayut-svoim-detyam-diabet/ (дата обращения: 01.03.2024)

19. Гвинет Пэлтроу, Кэмерон Диас и другие звезды с нездоровым пристрастием к здоровому образу жизни // Buro. — Режим доступа: https://www.buro247.ru/beauty/trends/13-nov-2020-unhealthy-addiction-to-health.html (дата обращения: 01.03.2024)

20. ЗОЖнутые: 3 звезды, которые сошли с ума из-за диет // Газета.ру. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2018/08/a_11890291.shtml (дата обращения: 19.03.2023)

21. Сергеева Олеся. Жирный. — Режим доступа: https://readli.net/chitat-online/?b=1253875&pg=2 (дата обращения: 20.04.2024)

22. Безрукова В. С. Открытая книга-словарь человеческих свойств и состояний / В. С. Безрукова. — Вологда: Родники, 2022. — 536 с.

23. Ермакова О. Неопознанный тиктокнутый объект: что известно о лексике ТикТока / О. Ермакова // Изборник. — Режим доступа: https://www.izbornik.ru/interesting/about_tiktok (01.0.1.2020)

24. Насколько ты тиктокнутый? // Moi-portal. — Режим доступа: https://moi-portal.ru/testy/test/694890-naskolkoty-tiktoknutyy/ (дата обращения: 20.03.2024)

25. Социализация по-кемеровски: тиктокнутый водитель маршрутки оштрафован за просмотр видео за рулем. — Режим доступа: https://fishki.net/4016769-socializacija-po-kemerovski-tiktoknutyj-voditely-marshrutki-oshtrafovan-za-prosmotr-video-za-rulem.html (дата обращения: 02.02.2022)

26. Овен: форум. — Режим доступа: https://owen.ru/forum/showthread.php?t=16508&page=2 (дата обращения: 01.06.2024)

27. Палиндром Ал. Электронные мозги уже выносят мозг! — Режим доступа: https://www.bobrlife.by/opinions/e-lektronny-e-mozgi-uzhe-vy-nosyat-mozg/ (дата обращения: 03.03.2024)

28. Блоговарь (словарь блогера, или «Толковый богослов»). — Режим доступа: https://newostrie.ru/posts/1801-blogovar-slovar-blogera-ili-tolkovyi-bogoslov.html (дата обращения: 01.04.2024)

29. Что делать, если ты гикнутый музыкант-программист? // Cubozoa. — Режим доступа: https://cubozoa.ru/blog/%D1%87%D1%82%D0%BE-%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%B8-%D1%82%D1%8B-%D0%B3%D0%B8%D0%BA%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%8B%D0%B9-%D0%BC%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%82-%D0%BF/ (дата обращения: 01.03.2024)

30. Хабр — Режим доступа: https://habr.com/ru/users/andreybotanic/ (дата обращения: 01.05.2024)

31. Forbes — Режим доступа: https://www.forbes.ru/profile/398351-ivan-bakaidov (дата обращения: 01.04.2024)

32. Агентство нужных новостей. — Режим доступа: https://vk.com/wall-84928719_318838 (дата обращения: 01.02.2024)

33. Новый Калининград. — Режим доступа: https://vk.com/wall-24701002_1124477 (дата обращения:

01.02.2024)

34. Автокадабра: автомобильный форум. — Режим доступа: https://autokadabra.ru/users/kozak (дата обращения: 01.03.2024)

35. Топ-5 полезных блоггеров в Instagram // Дзен. — Режим доступа: https://dzen.ru/a/XjhZl5oM51xWWPVy (дата обращения: 12.04.2024)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Победаш Е. В., кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков

Email: elka_evgeniya@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Pobedash E. V., Candidate of Pedagogy, Lecturer of the Department of Comparative Studies of Languages

Email: elka_evgeniya@mail.ru

УДК 821.161.1-94

ДНЕВНИК НАТАЛЬИ КОРНИЛЬЕВОЙ «ДНИ ОКАЯННЫЕ ВЕКА СЕГО…» КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ И ФАКТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Н. В. Пращерук

Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 2 июня 2025 г.

Аннотация*: в статье анализируется дневник Н. Корнильевой, названный автором по аналогии с известными дневниковыми записями И. А. Бунина. Показывается, как жанр автодокументалистики обретает черты литературы свидетельства о кризисных явлениях современной эпохи. В дневнике не только фиксируются факты и события 2014 г. и 2022-2024 гг., но и с опорой на широкий исторический и философский контекст дается их интерпретация. Украино-донбасское / российское противостояние трактуетак трагедия библейского масштаба, в основе которой лежит глубокий духовный кризис. Личные оценки и размышления автора соотносятся с точкой зрения выдающихся деятелей русской и мировой культуры. Это придает дневнику масштабность и концептуальность. Рассматривается художественная составляющая дневника: поэтические описания, портреты, субъектная организация текста. Выявляется авторская позиция, системно и последовательно выраженная в дневнике. Делается вывод о высоком содержательном и коммуникативном потенциале произведения.*

Ключевые слова*: Корнильева, дневник, Бунин, литература свидетельства, документальное, факт, событие, контекс,; художественное.*

Abstract: *the article analyzes the diary of N. Kornilyeva, named by the author by analogy with the famous diary entries of I. A. Bunin. It shows how the genre of auto-documentary art acquires the features of literature of testimony about the crisis events of the modern era. The diary not only records the facts and events of 2014 and 2022-24, but also provides their interpretation based on a broad historical and philosophical context. The Ukrainian-Donbass/Russian confrontation is interpreted as a tragedy of biblical proportions, based on a deep spiritual crisis. The author's personal assessments and reflections are correlated with the point of view of outstanding figures of Russian and world culture. This gives the diary a large-scale and conceptual nature. The artistic component of the diary is considered: poetic descriptions, portraits, subjective organization of the text. The author's position, systematically and consistently expressed in the diary, is revealed. A conclusion is made about the high content and communicative potential of the work.*

Keywords*: Kornilyeva, diary, Bunin, literature of testimony, documentary, fact, event, context, artistic.*

Дневник Натальи Корнильевой «Дни окаянные века сего…» [Корнильева] опубликован в 2025 г. в издательстве «Вече», в рубрике «Слово Донбасса»[1].

Своим заголовком он отсылает читателя к известным дневниковым записям И. А. Бунина «Окаянные дни» [1]. Заголовок, ко многому обязывающий, представляется вполне оправданным, поскольку, как и в случае с дневниками русского классика, определяет пафос, угол зрения пишущего, систему его оценок, специфику прочтения описываемых событий и переживаний. Автор дневника и сам в ряде случаев указывает на прямые переклички собственных впечатлений и переживаний с бунинскими «Окаянными днями»: ««*Я теперь всеми силами избегаю выходить без особой нужды на улицу. И совсем не из страха, что кто-нибудь даст по шее, а из страха видеть теперешние уличные лица.*» (курсив автора), — в который раз потрясают меня бунинские фразы из «Окаянных дней» — точечным соответствием с моими переживаниями[2]. Искаженные ненавистью и зло-

[1] Н. Корнильева родилась в Купянске Харьковской обл. Окончила факультет романо-германской филологии Пермского государственного университета. Работала переводчиком, преподавателем английского и русского языков. Проза публиковалась на сайтах «Столетие», «Камертон», «Православие.ру», в журналах «Москва», «Наш современник», «Дальний Восток» в сборнике «Код Мазепы. Украинский кризис: битва за Новороссию». Живет в Севастополе.

© Пращерук Н. В., 2025

[2] Обнаруживать подобное соответствие увиденного и переживаемого бунинским «Окаянным дням» свойственно и другим очевидцам событий украино-донбасского противостояния. Вот что замечает автор «Писем из Донецка» Л. П. Квашина: «Прошлась в сумерках по району — окна в крестах или вообще выбиты и закрыты фанерой, затянуты целлофаном, как у Бунина, «нигде ни огня, ни одной живой души» … жутковато» (11.02. 2015) // [8, 19].

бой — это еще полбеды. А лица равнодушных — моя хата с краю… А лица хамские, которые вдруг явили звериный оскал в полную силу, с полным как бы правом: «В свободной стране живем… и никто нам не указ!» [11, с. 21][3].

Следует отметить, что и по структуре, и по пространственной привязке эти дневники схожи. Бунинские «Окаянные дни» включают две части: «Москва, 1918 г.» и «Одесса, 1919 г.». Дневник Корнильевой также состоит из двух частей: «Моя война. Записки очевидца. Полтава, 2014 г.», «Моя война. Записки очевидца. Севастополь, СВО, 2022-2024 гг.».

Другое дело, что Бунин писал дневник, переживая, как он полагал, полное крушение прежней России, а Корнильева ведет записи с верой в то, что выпавшее на страну и народ испытание — временный этап, за которым неизбежно придет победа над силами зла, над «окаянством», обрушившимся на Родину. Не случайно многие и многие записи заканчиваются утверждениями: «Так победим»; «Победа будет за нами»; «Сим победиши» (с. 109, с. 118, с. 137, с. 170, с. 172, с. 181, с. 183, с. 189, с. 206, с. 216 и др.).

Оба эти произведения не только являются фактом автодокументалистики, но и, как справедливо заметил в свое время немецкий буниновед Д. Риникер, характеризуя бунинские «Окаянные дни, обладают чертами «художественными и публицистическими» [15, 331].

Однако целью этой статьи не является сопоставление современного и прецедентного текстов. Это задача другого исследования. В фокусе нашего внимания — дневник нашей современницы.

В начале 2000-х гг. выросший интерес к автодокументалистике, в частности к дневникам, мотивировался тем, что дневники «идеально встраиваются в постмодернистскую эстетическую парадигму» [4]. Подобная исследовательская установка находила подтверждение в феномене наступившей эпохи «публичной интимности» [5, 68-73; 12, 162-167] с ее широко распространившимися сетевыми дневниками [Там же]. Вместе с тем А. Зализняк в своей работе о дневнике как жанре указывает и на другие возможности изучения дневников: «В рамках традиционной эпистемологии дневник может изучаться для разных целей и, соответственно, разными науками». Она выделяет пять таких целей, одной из которых является «извлечение сведений, касающихся упоминаемых в дневнике *реальных людей, событий и обстоятельств* [курсив — *А. Зализняк*]. Для этого могут быть использованы дневники любых авторов; область знания — история» [4].

Думается, в настоящее время актуализируется именно такой подход к изучению дневников — как одной из разновидностей литературы свидетельства [6; 7, 5-7; 10]. Причем, полемизируя с исследовательницей, замечу, что такое изучение важно не только для историков и, безусловно, не исключает внимания к художественной составляющей подобных произведений. Эти дневники, отзывающиеся сердцем на кризисные и катастрофические события современности и соединяющие в себе документальное и художественное, нередко наследуют лучшие черты русской литературы, которая всегда остро осознавала себя частью истории и культуры — как национальной, так и мировой. Достаточно вспомнить «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского [2].

Поэтому изучение современной автодокументалистики — чрезвычайно актуальная сегодня сфера интересов именно литературоведческой науки, учитывающей тот факт, что, следуя традиции, авторы этого направления сопрягают собственные судьбы и собственное творчество с судьбами родной страны.

Прежде чем обратиться непосредственно к сочинению Корнильевой, необходимо кратко остановиться на теории жанра дневника. Исследователи выделяют целый комплекс признаков этой жанровой формы литературы, а именно: датировку записей, фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексию, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальную незавершенность, наличие косвенного адресата и отсутствие единого замысла [3; 4; 9; 10; 13; 16, 87 и др.]. Казалось бы, дневник Корнильевой отвечает всем этим параметрам.

Между тем спорными или, по крайней мере, относительными в рассмотрении дневника как жанра представляются такие черты, как «отсутствие единого замысла» и «нарушение причинно-следственных связей» [4]. «Дни окаянные века сего…» с самого начала разрушают эти стереотипы, впрочем, как и дневниковые записи Бунина.

Единый замысел и вполне определенная авторская установка прочитываются как в названии дневника, так и в заголовках его частей: «Моя война. Полтава, 2014 г.», «Моя война. Севастополь, СВО, 2022-2024 гг.» (пусть даже дневник первоначально не имел таких названий). Повтор словосочетания «моя война» еще более акцентирует и замысел автора, и стратегию размещения записей. Что касается причинно-следственных связей, то они, на первый взгляд, не очевидны, но единство замысла и концептуальность общего видения описываемых событий как раз и выстраивают систему причин и следствий в интерпретации увиденного и пережитого.

Большой эпиграф из «Дневника писателя» 1877 г. Достоевского о войне (с. 3) с самого начала настраивает читателя на то, под каким углом зрения, с опорой на какие традиции следует читать дневник, и органично (вплоть до лексических перекличек) связан с первой записью: «Вот и пришло военное

[3] Далее все ссылки даются по этому изданию, в круглых скобках указывается страница.

время. Говорят, каждому поколению — своя война. Великую Отечественную я не застала и успела прожить мирные полвека. По-разному была устроена эта жизнь, но пороха мы не нюхали. Думала, авось проскочу. Не тут-то было (…). Вот приметы: по всей Украине действуют профессиональные наемные группы под видом стихийной оппозиции. Скорее всего, будут жертвы — для затравки. Задача — раскачать национальную рознь. Новостям верить нельзя, сплошные провокации. Это не украинская, а мировая война. Сегодня она уже в Полтаве: железными ломами «с тяжким звероподобным рвением» крушат мостовую на площади, бьют в барабаны, швыряют коктейли Молотова. Смотрю, как все это происходит — сидя дома у монитора. Шок» (с. 3-4).

Уже по первой записи очевидно, что автор не только фиксирует происходящее и свои переживания по поводу тех или иных событий, но стремится их обобщить, вписать в национальный и общемировой контекст, в контекст международной политики: «Очевидно, американцы решили наказать нас за Сирию» (с. 4); «Это не украинская, а мировая война» (с 4).

Следует отметить выразительность и точность языка, образность лексики. Просторечия («…авось, проскочу. Не тут-то было»; «грандиозный шухер» и др.) сочетаются с яркими метафорами («пока Россия по уши в смирительной рубашке Олимпийских игр» (с. 4); «Ой, нельзя русского медведя вилами в бок!») (с. 4).

При этом повествование очень динамично, передает напряженность и накал переживаемых событий. Характерна активность глагольных форм: «Торопятся, делают все быстро, нагло — по классической схеме цветных революций» (с. 4); «…крушат мостовую на площади, бьют в барабаны, швыряют коктейли Молотова» (с. 4). Состояние пишущего при этом передано кратким, но очень выразительным назывным предложением: «Шок» (с. 4). Точка в конце — более чем оправдана и уместна как констатация состояния от свершившегося и свершающегося, поверить в которое пока очень трудно, почти невозможно.

Наверное, самое важное в таких сочинениях — фиксация увиденного своими глазами, услышанного из первых уст, пережитого лично. Когда речь идет о переломных, катастрофических событиях, личный дневник становится свидетельством об этих событиях, является по существу документом эпохи. Дневник Н. Корнильевой можно считать таким документом. Ценность подобных свидетельств неоспорима и возрастает со временем. В связи с этим уместно вспомнить отклик заведующего кафедрой истории русской литературы и теории словесности ДонГУ, жителя Горловки А. А. Кораблева на первые публикации «Писем из Донецка», автором которых была его коллега по кафедре доцент Л. П. Квашина: «Во время информационной войны возрастает ценность независимых источников. Таким частным свидетельством, но имеющим значение документа, являются блокадные письма Л. П. Квашиной, доцента Донецкого университета». Этим суждением он предварял в 2015 г. републикацию писем на своей странице в Фейсбуке [14, 46]. Думается, такая оценка вполне оправданна и по отношению к дневнику Н. Корнильевой: в аннотации указывается, что «Моя война» началась с писем к близким людям о событиях, происходящих на Украине, событиях, подготовивших кровавый Майдан 2014 г.». И это закономерно, поскольку эпистолярии — жанр автодокументалистики, наиболее содержательно и структурно близкий дневникам.

Свидетельство автора «Дней окаянных века сего…» объемно по смыслу и форме, многопланово. Это фиксация событий и фактов, бытовые зарисовки, психологические портреты, услышанные и воспроизведенные диалоги, реплики, реакции, оценки окружающих.

В поле зрения автора — достаточно широкая география: Полтава, Донецк, Луганск, Славянск, Киев, позднее Крым, Севастополь, Россия, Украина. Зафиксированные события, записанные факты дополняют друг друга, обеспечивают всему воспроизведенному убедительность: «Крым воссоединился с Россией. Многие украинцы восприняли это как личную обиду. Утром в прощёное воскресенье народ разделился на два потока: одни шли в церковь, другие на митинг против «красной сволочи» (…) Помоги нам, Господи» (с. 9-10); «Расстрел мирных жителей в Мариуполе… Сожгли и расстреляли милиционеров, отказавшихся стрелять в безоружный народ, собравшийся на парад. Заехали в город танками, разбомбили здание МВД, снаряд попал в жилой дом, погибла семья с ребенком, женщину — за георгиевскую ленточку — обвязали георгиевскими лентами за руки-ноги и разорвали на части. Это правда. В украинских новостях все наоборот: террористы зверски расстреляли мирную демонстрацию, украинские войска и милиция погибли, спасая город. В Луганской области расстреляли семью в машине на глазах у ребенка, потом девочке выстрелили в голову. Убили священника, прямо в автомобиле. В Херсоне мэр на митинге назвал Гитлера освободителем… Это на самом деле происходит! Я не сплю» (с. 37); «9 мая по всем украинским каналам крутили фильмы про войну. Все как обычно, кроме того, что фильмы — без исключения американские» (с. 37); «11 июня 2014. Массовое осквернение памятников. В день рождения великого поэта расписан всякой гадостью памятник Пушкину в Харькове» (с. 50); «Батюшка на исповеди благословил «хранить молчание в агрессивной среде»… «Записывайте факты, придет время, люди готовы будут принять правду»» (с. 50); «В Славянске местные бабушки напекли пирожков со снотворным и накор-

мили голодных карателей, которые пытались войти в город. Пока бойцы спали, отряды самообороны угнали у них всю технику» (с. 39); «Отвечаю на сто пятьдесят тысяч тревожных вопрошаний в связи со страшной трагедией в Севастополе. Кассетными бомбами по пляжу! В разгар воскресной жары! Запредельно. Мои все живы (…) В Севастополе много пляжей, но Учкуевка и Любимовка — самые удобные для детей и самые многолюдные (…) Не случайно был выбран день — на Троицу, не случайно — место: пляж, где много детей. Не случайно время — 12 часов дня. С нами воюют враги рода человеческого» (с. 282); «Вывоз икон и мощей из Киево-Печерской Лавры. По сути своей происходящее является прямым и незаконным ограблением РПЦ» (с. 177-178) и мн., мн. др.

Этот ряд примеров, из которых складывается картина происшедшего, можно продолжать достаточно долго. Каждая запись такого рода информативна и одновременно выразительна, помогает читающему словно увидеть своими глазами, пережить то, о чем пишет автор, или соотнести собственные знания и переживания с представленными в книге обстоятельствами и событиями.

Зафиксированные события уточняются, дополняются, содержательно проблематизируются бытовыми зарисовками, психологическими характеристиками окружающих. Корнильева обладает даром живописания и мастерством создания портретов. Приведем два примера: «Татьяна из Донецка, посреди снарядов, рвущихся повсюду, иногда совсем близко, каждый день одевается, как в театр: коралловые бусы, платье, шляпка; красит губы и выходит в скайп. На линии помехи, можно либо говорить, либо лицезреть. Мы молча смотрим друг на друга минуту-другую, потом отключаем видеокамеру и говорим. Она повествует о происходящем в городе и утешает меня, сидящую в «тихом» месте, находя разумное объяснение каждому событию этой дикой войны. Неизменно оптимистичное (…) Прелестна ирония этой маленькой храброй женщины: в ответ на мои сетования на тяготы жизни в оккупации она радушно улыбается: «Так в чем же дело — приезжай к нам, у нас безопасно: вокруг все свои…» (с. 64-65); «Моя добрая знакомая, с которой мы давно не виделись, привела ко мне дочку — протестировать уровень английского. Тридцать пять лет, хозяйка магазина «Посуда», псаломщица нашего храма. Активная, участливая, из тех, кто всегда поможет. Жизнь сводила нас в разные дни по разным поводам. И вот теперь, теперь — она говорит страшные вещи. Антироссийская и антипутинская риторика в самых крайних выражениях. Юго-восток Украины… она искренне презирает: «Это не люди, это быдло, ты посмотри, как они живут! Голь перекатная, что с ними считаться… «» (с. 28). Характерно, что портретные зарисовки содержат реплики от первого лица тех, о ком идет речь. И это одна из форм их «прямого присутствия» в тексте, форма их самораскрытия.

Реплики отдельных персонажей дневника дополняются целыми каскадами высказываний, в которых отражены настроения окружающих:

««Крысы бегут с корабля», — кричат нам вослед, а мне больно за тех, кто остается.

— как? вы собираетесь поселиться в Крыму? (…)

— мы его непременно «повернем»!

— да там земля будет гореть!

— американские корабли снесут Крым с лица земли — и поделом!

— в Крым придут турки и восстановят историческую справедливость!

— Путин превратит Крым в пустыню голодающих ватников и алкашей, как и всю остальную Россию!

— татары поднимут бунт и изгонят всех русских!» (с. 66).

Автор широко использует и формы несобственно-прямой речи, что — наряду с прямой речью персонажей и воспроизведенными репликами окружающих — создает сложную субъектную организацию текста, объемность повествования. И это особенно важно для такой жанровой формы, как дневник, предполагающей яркую и преимущественную субъективность высказывания. Приведем характерные примеры: «Жду встречи с подругой, мне кажется, я к ней готова. И вот она, моя дорогая, с улыбкой и арбузом. Спокойной беседы, однако, хватило на полчаса. Все кончилось плохо. Подруга ушла, хлопнув дверью. А я узнала, что это Россия бомбит Донецк и Луганск, а также убивает беженцев. Беженцы бегут только в Украину — припадают к родникам ридной неньки (…) Нескончаемые колонны бегущих в Россию людей — чистой воды фейк для таких микроцефалов, как я (…) У нацгвардии нету ни градов, ни ураганов — откуда им взяться? Наемников из Польши, Румынии, Америки, Канады, Швеции, Прибалтики, Израиля и пр. придумали проклятые российские СМИ. Фашистов, нацистов и «Правого сектора» в природе страны не существует. А нацистские парады по городам Украины проводят нежные розовые «онижедети». Ну, забили где-то палками девочку-другую из Донецка, ну ладно, пусть пошалят. Путин, чтоб вы знали — антихрист. Россия — агрессор по жизни, мировое зло…» (с. 61-62); «Татьяне вчера позвонила подруга из Киева. Поинтересовалась, какой район в Донецке самый престижный.

— А тебе зачем?

А вот зачем. Ее сыну и остальным новобранцам нацгвардии в Киеве перед очередным походом на Юго-Восток официально пообещали: как только возьмут Донецк, они могут выбирать себе квартиру в любом районе города, даже если там кто-то живет» (с. 67).

Несобственно-прямая речь — это как будто одна из возможностей для автора «переварить», переосмыслить сказанное, которое по своему содержанию кажется невозможным, фантастически неправдоподобным, но это сказанное нужно включить уже как реальность, как свершившийся факт в мир собственный, соприкоснувшийся с кровавым, страшным абсурдом происходящего.

Первая часть завершается записями о том, что автор переехал в Крым, в поселок Фронтовое под Севастополем. Начинается крымская хроника. Она строится на постоянном соотнесении прошлого и переживаемого настоящего. В этой части больше экскурсов в историю, философию и богословие, больше обобщений. С такого обобщения о русском человеке и начинается крымская часть дневника (с. 70-73), которой так же, как и в первой части, предшествует эпиграф из «Дневника писателя» Достоевского.

Сразу же четко и прямо выражена поддержка начала СВО: «Слава Богу, началось! Господи, помоги. Так вышло, что в 14-м мне пришлось покинуть пылающую Украину, и когда я «случайно» купила дом в черте города Севастополь, в селе под названием Фронтовое, на улице 345-й Дивизии, я поняла: моя война не закончилась. Друзья шутили: первым делом посади гранаты. Тогда было смешно. Гранаты я посадила. Теперь думаю, надо было посадить еще калаш, БТР и установку ПВО» (с. 73). Но даже не будь этой записи, позиция автора дневника очевидна, органична, логически проистекает из записей, оценок, размышлений первой части. Для тех, кто по убеждению или неведению считает СВО неоправданной агрессией по отношению к братской стране, материал дневника будет особенно полезен.

«Дни окаянные века сего…» поучительны не только запечатленными, а значит, не оставленными в забвении фактами и событиями, но и обширностью, глубиной их толкований. Осмысляя то, что случилось с Украиной и со всеми нами, Корнильева обращается к широкому кругу авторитетных, знаковых для русской и мировой культуры имен. Мы попадаем в поле напряженного полилога, в который включены Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, И. А. Ильин, И. А. Бунин, Ф. И. Тютчев, П. А. Столыпин, В. И. Даль, о. П. Флоренский, свт. Феофан Затворник, свт. Николай (Сербский), арх. Аверкий (Аушев), Н. А. Бердяев, Данте, Д. Неру, Х. Ортега-и-Гассет, Н. Бехтерева, Ю. Кабанков и многие, многие другие. Сам этот круг великих личностей, которым «предоставлено право прямого высказывания» (в дневник включены обширные цитаты из трудов названных писателей, философов, богословов), свидетельствует о том, что автор дневника укоренен в пространстве культуры и русской духовной традиции.

Поэтому закономерно, что осмысление драматических и трагических событий современной эпохи осуществляется многопланово, одновременно в разных, но взаимосвязанных аспектах. Одним из приемов, помогающих выстроить объемную целостную концепцию запечатленного, становится прием прямого соотнесения переживаемого здесь и сейчас с тем, что уже было в нашей истории и культуре и что уже истолковано в трудах великих предшественников и современников. Вот некоторые из записей, в которых происходящее интерпретируется в психологическом, историческом, философском ключе: «Да, серьезным мутациям подверглись мы в области самоидентификации. Чего стоит потерявшая инстинкт самосохранения нация, не уважающая свою культуру и свой народ? «Народ, не имеющий национального самосознания, есть навоз, на котором произрастают другие народы» (П. А. Столыпин) (с. 29); «Попытка размышления об условиях, при которых раковые клетки в человеческом сообществе активизируются и смертельно поражают здоровые клетки. Беру «помощь клуба» (далее идет большая цитата из известного философского труда Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», в котором эпоха второй половины XX в. трактуется как время господства человека массы и наступающего на культуру варварства) (с. 84-86).

Между тем автор не останавливается на объяснениях социально-психологического, исторического или философского характера. В лучших традициях русской философии и русской духовной культуры Корнильева последовательно, на протяжении всех дневниковых записей выходит в сферу бытийных вопросов и духовного измерения разразившихся в нашей стране, да и в мире в целом, катастрофических событий. Так, она опирается на идеи о. П. Флоренского: «Несомненно, Украина — величайшая трагедия русской цивилизации. Трагедия библейского масштаба, в основе которой лежит глубокий духовный кризис. На наших глазах малая часть отделилась от целого и объявила себя целым. По сути, это ересь, одно из тягчайших духовных заболеваний. О. Павел Флоренский точно определяет ересь как «злое само-утверждение», как рассудочную односторонность, утверждающую себя как всё. Расщепление целостности естественным образом приводит к распаду и гибели всего организма — и части, и целого. В свою очередь, ис-ЦЕЛЕНИЕ от болезни может быть достигнуто только ВОССТАНОВЛЕНИЕМ ЦЕЛОСТНОСТИ всего организма.

Это есть религиозно-философское обоснование правомерности и, более того, необходимости осуществляемой ныне Россией военной операции на Украине…» (с. 74-75).

Выразительны, афористичны, часто очень образны оценки самой Корнильевой, в которых она последовательно акцентирует внимание на духовных первопричинах отраженных в дневнике событий: «Именно потому, что все силы ада сейчас активно пытаются выбить нас из седла, расколоть на «мнения» и сомнения, подбить на бунт — и насладиться

картиной для зла привычной: как мы сами станем истреблять друг друга. Именно поэтому мы должны всеми силами удержать равновесие. Сосредоточиться. Отложить на время все разногласия. Исторгнуть из себя злокачественное (…) Так победим» (с. 109); «Открылось все потаенное. Прозрачной стала суть. Полутона поглотило огромное солнце войны. Осталось белое и черное… Просто и ясно является и светит нам с Небес искомая национальная русская идея: спасать мир. Ничего нового под солнцем» (с. 112).

Следует отметить, что соединение в личном дневнике размышлений и оценок его автора с обширнейшим содержательным контекстом, представленным суждениями великих деятелей культуры, вполне органично, придает дневнику концептуальность и масштабность. Достигается особый эффект концентрации взаимосвязанных смыслов, глубокого постижения причин и следствий тех процессов современности, о которых пишет Корнильева.

Автор дневника — православный человек, чувствующий и понимающий религиозные смыслы тех или иных явлений действительности. Поэтому записи непосредственно связаны с церковным календарем, в них обязательно указываются православные праздники, время постов и поминовений усопших: «Духов день парит над нами. Над нашими радостями, скорбями, страхами и сожалениями. Над живыми и умершими, плохими и хорошими… Над полем боя и золотым пшеничным полем. Над муравейником мегаполиса и тихим деревенским погостом. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит». Ровно и одинаково благодатно для всех. А мы что, что мы можем?.. Дышать — или выбрать тьму» (с. 283); «Радоница. Радостная встреча с любимыми, которые уже на светлой стороне. Христос Воскресе! И упразднилась смерть» (с. 161).

Корнильева обильно цитирует священные тексты, святоотеческую литературу. Обращение к русской духовной традиции в дневнике не результат начетничества и богословских штудий, а выстраданная и осознанная мировоззренческая и нравственная позиция. И это особенно ярко проявляется, в том числе, в понимании общей вины и ответственности за происшедшее, за то, что случилось с некогда единым русским миром, и за то, что нас ждет в будущем: «Надо понимать, что активизация нацизма — это следствие, в том числе и того, что мы с вами как главная движущая сила плохо делаем свое дело» (с. 133); «Устоит ли мир, сегодня зависит только от одного человека: и этот человек — я сам. Если каждый будет так думать, а не по привычке пенять на кого-то, если каждый сделает свой личный выбор, и, далее, не на словах, а на деле, повернет всю свою жизнь в противоположном направлении, со всеми вытекающими, то тогда Господь может продлить жизнь на земле» (с. 286).

Корнильеву как христианку отличает и острое чувство красоты и благодати Божьего мира. При всем абсурде и ужасе реальности это чувство помогает жить и верить в Победу, сохранять «самостоянье». Оно словно освещает дневник особым светом. Поэтому в дневнике немало поэтических описаний, согретых любовью к окружающему: «Крымская ночь на террасе. Все вокруг до того совершенно, что кажется ненастоящим. Полная луна над кипарисами, словно нарисованная на холсте декорация — на скорую руку, бездонная пропасть неба, ночные шорохи, цикады, дрожащий во влажном воздухе звук далекого поезда. И падающие на террасу яблоки. Господи, спаси и сохрани нашу бедную прекрасную землю» (с. 179). Такие описания, украшенные изысканной образностью, неожиданными метафорами, свидетельствуют о несомненном литературном даре автора дневника.

Впрочем, владение литературным письмом обнаруживается не только в подобных фрагментах, но и в обрисовке окружающих людей, в умении выстроить диалоги, в лексическом богатстве речи повествователя, органично соединяющей разговорный язык с высокой образностью.

Следовательно, «Дни окаянные века сего…» можно с уверенностью отнести к фактам современной литературной жизни, к произведениям, демонстрирующим то, что словесность обладает огромным содержательным и коммуникативным потенциалом. Именно потому, что — вопреки, казалось бы, невозможному (если иметь в виду события, о которых пишет автор) — из хаоса созидается порядок, «жизнь жительствует», а читатель, пройдя весь этот трудный текст, испытывает катарсис, получая ответы на многие вопросы и укрепляясь духом в своем противостоянии «окаянству».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Окаянные дни / Бунин И. А. Окаянные дни. Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. Тула: Приокс. кн. изд-во, 1992. С. 19-128.

2. Достоевский Ф. М. Полн. Собр. соч.: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 25. Публицистика и письма. Дневник писателя за 1877 год, январь-август. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. — 470 с.

3. Егоров О. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра / О. Егоров. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 281 с.

4. Зализняк А. Дневник: к определению жанра / А. Зализняк // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 106. — С. 162-181. — Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html (дата обращения: 06.06. 2025).

5. Захарьин Д. Антропология и генеалогия интимности / Д. Захарьин // Nahe Schaffen, Abstand halten. Zur Geschichte der Intimitat in der Russischen Kultur / Hrsg. N. Grigor'eva, Sch. Schahadat, I. Smirnov.

Wiener Slawistischer Almanach. SBd. 62. Wien; Munchen, 2005. — S. 61-84. — Режим доступа: https://www.academia.edu/7072339/Zakharine_Dmitri_Захарьин_Дмитрий_2005_The_History_and_Genealogy_of_Intimacy_in_Russia_orig_История_и_генеалогия_интимности_Wiener_Slawistischer_Almanach_62_2005_special_issue_61_85 (дата обращения: 06.06. 2025).

6. Зильберманн Й. Литература свидетельства как письмо свидетеля / Й. Зильберманн // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории: сборник трудов международной научной конференции / сост. и ред. С. М. Соловьев. — М., 2013. — С. 120-128.

7. Иванова де Мендоса Ж. М. Становление и художественные характеристики жанра свидетельства в испано-американской литературе: Автореф. дис. … к. филол. н. / Иванова де Мендоса Ж. М. — М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН Российской академии наук. 2020. 31 с.

8. Квашина Л. П. Документ эпохи. Письма из Донецка (2015-2023 гг.) — Л. П. Квашина, Н. В. Пращерук. — СПб.: Алетейя, 2024. — 132 с.

9. Кобрин К. Р. Дневники: между текстом и жизнетворчеством. Похвала дневнику / К. Р. Кобрин // Новое литературное обозрение. — 2003. — № 61. — С. 288-295.

10. Кознова Н. Н. Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров / Н. Н. Кознова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». — 2009. — № 1. — С. 137-143.

11. Корнильева Н. Дни окаянные века сего… / Н. Корнильева. — М.: Вече, 2025. — 320 с. (Слово Донбасса).

12. Кронгауз М. Публичная интимность / М. Кронгауз // Знамя. — 2009. — № 12. — С. 162-167.

13. Михеев М. Дневник как эго-текст / М. Михеев. — М.: Водолей, 2007. — 264 с.

14. Пращерук Н. В. «Письма из Донецка» Л. Квашиной: эго-текст, документ эпохи и факт литературной жизни / Н. В. Пращерук // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2023. — № 3. — С. 46-52.

15. Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И. А. Бунина / Д. Риникер // И. А. Бунин: pro et contra / Сост. Б. В. Аверина, М. Н. Виролайнена, Д. Риникера. — СПб.: РХГИ, 2001. — 1016 с. (Русский путь).

16. Сметанина С. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. Сметанина. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 382 с.

Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Пращерук Н. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: pnv1108@gmail.com.

Ural Federal University Named After the First President of Russia B. N. Yeltsin

Prashcheruk N. V., Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of the Faculty of Philology

E-mail: pnv1108@gmail.com.

УДК 821.161.1

РАССКАЗ Ф. Д. КРЮКОВА «ИЗ ДНЕВНИКА УЧИТЕЛЯ ВАСЮХИНА»: ИСПОВЕДАЛЬНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю. И. Сёмина

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация: *в статье содержится анализ рассказа малоизученного русского прозаика Ф. Д. Крюкова (1870-1920) «Из дневника учителя Васюхина». Этот рассказ явился первым в так называемом «учительском цикле» писателя, где им была предпринята попытка выйти за рамки бытописания казачества. Анализ произведения в свете психобиографического подхода позволяет выявить в персонаже авторские черты. Говоря о внутреннем конфликте главного героя, Крюков делится собственными сокровенными переживаниями с читателем. Мечтающий об учительском «маленьком подвиге» главный персонаж, в силу равнодушия и отчуждения окружающих, на которых направлен его благородный порыв, разочаровывается и в профессиональной, и в общественной деятельности. Трагедия благородного просветителя Васюхина обнаруживает очевидную преемственную связь с судьбами так называемых лишних людей — героев отечественной литературной классики XIX столетия.*
Ключевые слова: *Ф. Д. Крюков, «Из дневника учителя Васюхина», психобиографический подход, исповедально-автобиографический, автобиографический персонаж, лишний человек.*

Abstract: *the article contains an analysis of the story of the little-studied Russian novelist F. D. Kryukov (1870-1920) "From the diary of teacher Vasyukhin". This story was the first in the writer's "teacher's cycle", where he attempted to go beyond the theme of the ordinary life of the Cossacks. The analysis of the work in the light of the psychobiographic approach makes it possible to identify the author's features in the main character. Speaking about the inner conflict of the main character, Kryukov shares his own intimate feelings with the reader. The main character, who dreamed of a teacher's "small feat", becomes disillusioned with professional and social activities due to the indifference and alienation of others, to whom his noble impulse is directed. The tragedy of the enlightener Vasyukhin reveals an obvious continuity with the fates of the so-called superfluous people, heroes of the Russian literary classics of the 19th century.*
Keywords: *F. D. Kryukov, "From the diary of teacher Vasyukhin", psychobiographic approach, confessional-autobiographical, autobiographical character, extra person.*

Рассказ «Из дневника учителя Васюхина», опубликованный в июльской книге журнала «Русское Богатство» за 1903 год, стал одним из первых шагов Ф. Д. Крюкова к преодолению казачьего регионализма: писатель совмещает в тексте произведения быт донской станицы и опыт своего учительства в Орле. Крюков затрагивает актуальную для российской жизни начала XX века проблему отношений интеллигенции и народа, которая близка ему как казаку по рождению, но в силу полученного образования и переезда в город оказавшемуся «по другую сторону культурного рубежа» [1]. Главный персонаж рассказа — умерший от чахотки учитель Алексей Егорович Васюхин, тетрадь с записями которого обнаруживает прибывший ему на смену в Х-ское приходское училище преподаватель, «проглотивший» дневник своего предшественника «за один присест» и предлагающий его вниманию читателей. «Дневник учителя Васюхина» является единственным известным произведением Федора Крюкова, имеющим дневниковую форму. Согласно записям В. М. Проскурина (1912-1990) [2], журналиста, земляка писателя, идея рассказа была почерпнута Крюковым из повести И. С. Никитина «Дневник семинариста» [3]. Проскурин не приводит обоснований этого влияния, но мы попробуем их отыскать.

Сюжет повести Никитина, кроме собственно почерпнутой дневниковой формы и указания на нее в названии рассказа [4], был близок Крюкову по ряду личных причин. Во-первых, юный Крюков хотел связать жизнь с духовным саном. В очерке «О пастыре добром» 1915 года писатель вспоминал, что, желая «чем-нибудь послужить родному краю… подумывал… надеть иерейскую рясу и этим способом стать поближе к народу» [5]. Во-вторых, семинарист Никитина — Василий Белозёрский — из семьи зажиточного крестьянина Воронежской губернии. Крюков тоже рос в довольно состоятельной по станичным меркам донской казачьей семье, а деревенский сад Белозёрского, в котором «настоящий рай: тихо, светло», похож на сохранившийся до настоящего времени крюков-сад в родной станице Крю-

© Сёмина Ю. И., 2025

кова — Глазуновской. Да и диалектизмы текста «Дневника семинариста», свойственные граничащей с Областью Войска Донского Воронежской губернии (гумно, зипун и др.), были близки и знакомы Федору Крюкову с детства. Впрочем, и сам Крюков протягивает нить от персонажей повести Никитина к своему молодому учителю, называя главного героя «Дневника учителя Васюхина» комбинацией собственных имен из «Дневника семинариста»: Алексей Васюхин от Василия (Белозёрского) и Алексея (Яблочкина); последний — лучший друг Белозёрского, умерший юношей от чахотки. Собственно, смерть Васюхина от чахотки тоже отсюда. При этом, в отличие от И. С. Никитина, создававшего «имитацию реального дневника» [6], Крюков, сам активно ведший дневниковые записи, целенаправленно привносит в «Дневник учителя Васюхина» черты автобиографизма.

Итак, Алексей Васюхин — молодой учитель, «рожак», как говорят на Дону, казачьего хутора Есаулова, приехавший в станицу Х для работы в приходском училище. В неназванной станице Х усматривается по ряду черт родная Крюкову Глазуновская. В Глазуновской было церковно-приходское училище, в котором до гимназии учился сам писатель. Училище находилось сразу за церковью, стоящей перед домом Крюковых. Расположение церкви и училища в Глазуновской совпадает с описанием из «Дневника учителя Васюхина»: Васюхин «присаживался на лавочке возле палисадника» у дома и смотрел «…на следующий… перекресток…», где была видна «церковная ограда «…а потом… училище». Привычка Васюхина «сидеть на лавочке возле палисадника», по воспоминаниям одностаничников Крюкова, собранным В. М. Проскуриным, была присуща самому автору рассказа: «(Крюков) имел обыкновение сидеть на улице, у палисадника, под большим деревом» [7].

Сюжет рассказа «Из дневника учителя Васюхина» можно условно разделить на две основные части, которые, разумеется, являются взаимосвязанными: первая — это учительство Алексея Васюхина в Х-ском приходском училище; вторая — история его влюбленности в казачку Катю Медведеву. Ключевую же роль в смысловой структуре произведения играет внутренний конфликт главного персонажа, обусловленный мучительными поисками персональной идентичности (Васюхин везде ощущает себя «лишним»), который выводится из указанных частей в заключительную — третью. Молодой учитель Васюхин приехал в Х-ское приходское училище «мечтая… о… будущей деятельности», где он будет «героем жизни… скромным, но героем», несущим просвещение своему народу. Будущая работа представлялась Алексею «увлекательным, полным борьбы, глубокого интереса и в конечном результате торжествующим» подвигом. Однако «опыт охладил его воображение». Он увидел, что «жизнь, которая течет кругом… не подходит… для подвига» [8]. Это была «слишком обыкновенная жизнь», в которой основным стремлением стало добывание средств на пропитание себе и на помощь хозяйству отца.

Атмосфера училища Х-ской станицы в рассказе схожа с обыденностью провинциальной гимназии Орла, в которой преподавал Крюков и где «скука была естественным состоянием» [9]: ученики называли гимназию «затхлой, скучной и бессердечной», а учителей — «черствыми, усталыми и потерявшими веру и охоту к жизни» [10]. В первой части сюжета Крюков наделяет Васюхина своим собственным настроением разочарованного педагога. Алексей Васюхин риторически задается вопросом, неужели его ожидает «лишь однообразная служба начального учителя, со всеми ее раздражениями, терзаниями, страхами и сознанием ничтожности достигаемых результатов?..» [8]. То же читаем в дневнике самого Крюкова, еще недавно горевшего желанием «послужить народу» [11], а в августе 1902 года записавшего: «…ничего я не способен сделать: ни дома… ни на службе…» [12], и чуть позднее: «…впереди — ровное, покорное, несчастливое выполнение долга» [13].

Вторая часть сюжета: платонический роман Васюхина и Кати Медведевой. Катя — «миленькая» казачка, которая «пользовалась в станице репутацией одной из самых интересных девиц». Катя мила с учителем, но собирается выйти замуж за другого. Опечаленный этим известием Васюхин то ли в шутку, то ли всерьез спрашивает у Кати, пошла бы та за него замуж? Девушка смеется и отказывает. Причина, по ее словам, в том, что она простая казачка, которая любит «на улицу ходить, песни играть», а с ним должна будет быть «учительшей», чего ей совсем не хочется, да и Васюхин с ней, по ее мнению, «для разгулки времени». Васюхин завидует жениху Кати — Климке, «высокому, смуглому, курчавому» казаку «в фуражке набекрень», который дерется на «кулачках», «играет» песни, и все у него понятно и просто.

Вторая, любовная, часть сюжета также автобиографична. Катя Медведева так похожа на крюковскую реальную Руфину с «серебряным голоском» из автобиографического рассказа «В камере № 380» [14] (сравним в рассказе «Из дневника учителя Васюхина» дневниковую запись Алексея Васюхина о Кате: «Голосок у нее тоненький, как звон серебряного колокольчика»). В общении с женщинами Крюков обнаруживает конфузливость своего alter ego Васюхина, что ярко раскрывается в «орловском» дневнике писателя в октябре 1902 года: «Я хочу с ней связи, но и боюсь ее. Я боюсь… что придется терять время, быть смешным и недалеким в роли ухаживателя… терзаться ревностью»; и еще: «…я — не ее романа и скучен, и нерешителен для нее…» [15].

Первые две части сюжета рассказа подготавливают почву для третьей. Васюхин не только разо-

чаровывается в своей работе, не только не может быть вместе с симпатичной ему казачкой — он чужой для всех станичников, хотя рожден таким же казаком, как и они. «Ученость» не позволяет ему гулять с молодежью, наслаждаться весельем с хохотом и «крепким словцом». Васюхину хочется бежать к ним, смешаться и «смеяться с этой беззаботной толпой… не думать ни о чем». Он, с одной стороны, тяготится тем авторитетом, который отделяет его от сверстников, да и от более взрослых станичников, относящихся к нему с уважением, но и некоторой настороженностью. Но, с другой стороны, Васюхин и сам понимает, что далек от этих людей, интересы которых сводятся к прогнозу урожая и обсуждению свежих сплетен, а удовольствия — к шумным толканиям на ярмарке, дракам «на кулачках» и пьяным песням в кругу станичников под «пиликанье гармоник». От понимания этой невстроенности в окружающую жизнь ему становится «тоскливо и тяжело»: «Я никогда не чувствовал себя таким одиноким и чужим для всех…какая грусть на сердце» [8]. Крюков, пользовавшийся безусловным авторитетом в родной станице Глазуновской, испытывает схожие ощущения отчужденности от своего народа. В очерке «В тиши звенящей» он пишет о своем приезде в отпуск на родину: «Молодой хоровод звуков, и песни, и смех, и визг … влекут и волнуют меня. Но я знаю: там я чужой…» [16].

Социально-психологический тип «лишнего человека» хорошо известен в русской литературе и разнообразно в ней представлен. Полагаем, Васюхин рождался под влиянием не только дневника Василия Белозерского, но и образов Чулкатурина и Базарова, что подтверждается значительным количеством тургеневского интертекста в произведениях Крюкова. Отличие Васюхина от Базарова, Рудина, Обломова, являющихся архетипическими персонажами, вобравшими в себя черты целого поколения, но ставших вневременными литературными героями, состоит в том, что он не претендует на роль «зеркала эпохи», — в нем трагедия «маленького человека», который по собственному желанию или по воле случая оказывается вне жизненных интересов и приоритетов окружающего общества. Метания крюковского героя, если их рассматривать вне социально-исторического контекста, могут показаться малозначительными: ведь речь идет всего-навсего о сложностях общения индивида, получившего университетское образование, с непросвещенными земляками. На самом же деле Крюков затрагивает поистине глобальную трагическую коллизию, ибо ментально-цивилизационная пропасть между интеллигенцией и народом, которая мучила его alter ego Васюхина, стала одной из главных причин вскоре разразившейся в России революционной катастрофы. Благодаря склонности Крюкова к рефлексии, которая выливалась на страницы его собственных дневников, нет сомнения, что рассказ «Из дневника учителя Васюхина» является исповедально-автобиографическим текстом, пронизанным авторским самоанализом, который заключается, по словам Л. Я. Гинзбург, «в той прямой и открытой связи, которая существовала между нравственной проблематикой», занимавшей автора, и «проблематикой его героев» [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гао Хань. Донское казачество в художественном восприятии Ф. Д. Крюкова и литературный контекст: дис. … канд. филолог. наук: защищена 25.04.2024 / Гао Хань. — Москва, 2024. — 224 с.
2. Выписки и копии документов о Крюкове Федоре Дмитриевиче. // ОР РГБ. Ф. 838 (Проскурин Виталий Матвеевич). Карт. 5. Ед. х. 1. Л. 19.
3. Никитин И. С. Дневник семинариста / И. С. Никитин. — Санкт-Петербург: Деятель, 1912. — 109 с.
4. Заварзина Л. Э. «Дневник семинариста» И. С. Никитина: поэтика заглавия / Л. Э. Заварзина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — № 12. — 2025. — С. 20-23.
5. Крюков Ф. Д. О пастыре добром (Памяти о. Филиппа Петровича Горбаневского) // Федор Крюков. Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки. — М.: АИРО-XXI, 2021. — 368 с. — С. 359-364.
6. Володина Н. В. Документально-художественный хронотоп в повести И. С. Никитина «Дневник семинариста» / Н. В. Володина, Н. А. Дегтярев // Верхневолжский филологический вестник. — № 4 (23). — 2020. — С. 8-15.
7. Записи рассказов о Крюкове Федоре Дмитриевиче и его семье различных лиц. 1965-1980 // ОР РГБ. Ф. 838 (Проскурин Виталий Матвеевич). Карт. 5. Ед. х. 3. Л. 4.
8. Крюков Ф. Д. Из дневника учителя Васюхина // Федор Крюков. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя. — М.: АИРО-XXI, 2020. — 432 с. — С. 18-49.
9. Ковалева Т. В. Два взгляда на систему российского образования и воспитания: Федор Крюков и Лидия Чарская / Т. В. Ковалева // Федор Дмитриевич Крюков: возвращение к читателю. Материалы Всероссийской научной конференции / сост. И. В. Самарина. — Орел: АНО «Духовно-патриотический центр «Вятский посад», 2024. — 256 с. — С. 71-82.
10. Самарина И. В. Мятежники за партами. Забастовка в Орловской мужской гимназии 1905 года (по материалам государственного архива Орловской области) / И. В. Самарина // Федор Дмитриевич Крюков: возвращение к читателю. Материалы Всероссийской научной конференции / сост. И. В. Самарина. –Орел: АНО «Духовно-патриотический центр «Вятский посад», 2024. — 256 с. — С. 89-113.
11. Смирнова Е. А. «Случайный писатель»: раннее творчество Ф. Д. Крюкова в журнале «Русское Богатство» Е. А. Смирнова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8. Литературовед. — № 1 (13). 2014. — С. 52-62.

12. Крюков Ф. Д. Дневники. 1899-1904 // ОР РГБ Ф. 654 (Крюков Федор Дмитриевич). Карт. 1. Ед. хр. 10. Л. 7, 138.

13. Крюков Ф. Д. Записные книжки с литературными записями… 1903-1904 // ОР РГБ Ф. 654 (Крюков Федор Дмитриевич). Карт. 1. Ед. хр. 17. Л. 40.

14. Крюков Ф. Д. В камере № 380 // Федор Крюков. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. — М.: АИРО-XXI, 2020. 468 с. — С. 340-361.

15. Федор Крюков. Маруся. Из дневника писателя 1902-1904 годов. – Режим доступа: https://nestoriana.wordpress.com/2018/04/20/krjukov_marucya/ (дата обращения: 26.01.2024).

16. Крюков Ф. Д. В тиши звенящей // Федор Крюков. Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки. — М.: АИРО-XXI, 2020. — 368 с. — С. 215-233.

17. Гинзбург Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. — Л.: Худож. лит., 1976. — 448 с.

Санкт-Петербургский государственный университет
Сёмина Ю. И., аспирант
E-mail: yuliyasemina@mail.ru

Saint-Petersburg State University
Semina Y. I., Postgraduate student
E-mail: yuliyasemina@mail.ru

УДК 821.161.1.09+929Пыпин

А. Н. ПЫПИН В АКАДЕМИИ НАУК: К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗРЯДА ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Е. В. Степанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Поступила в редакцию 22 мая 2025 г.

Аннотация: *статья посвящена деятельности А. Н. Пыпина в Академии наук. Рассматривается его участие в организации Разряда изящной словесности и связанных с этим изменениях в Положении о II Отделении. Высказывается мысль, что предложенное Пыпиным расширение круга научных исследований Отделения русского языка и литературы (ОРЯС) закрепляло развитие академического литературоведения по направлениям теории и истории литературы, литературной критики.*
Ключевые слова: *А. Н. Пыпин, Академия наук, Отделение русского языка и словесности, Разряд изящной словесности, литературоведение.*

Abstract*: the article is devoted to the activities of A. N. Pypin at the Academy of Sciences. The article considers his participation in the organization of the Category of Fine Literature and related changes in the Regulations on the Second Department. The author suggests that the expansion of the range of scientific research proposed by Pypin at the Department of Russian Language and Literature consolidated the development of academic literary studies in three areas: theory and history of literature, and literary criticism.*
Keywords*: A. N. Pypin, Academy of Sciences, Department of Russian Language and Literature, Category of fine Literature, literary criticism.*

Деятельность Александра Николаевича Пыпина в Императорской Академии наук, с 1898 по 1904 гг., до настоящего времени не имеет своего обобщающего исследования. В научных трудах академический период его жизни зачастую представлен лишь перечнем проектов, в которых он принимал участие [1, 60–61; 2, 91–92]. Среди них: редактирование «Сборника» и «Известий» Отделения русского языка и литературы (с 1899 г.), работа в комиссии Академии наук по празднованию 100-летия А. С. Пушкина (1898–1899), в комиссии Министерства народного просвещения по реформированию средней школы (1901), участие в разработке проекта учреждения Разряда изящной словесности (1899), издание сочинений Екатерины II (с 1901 г.), организация Русского и Международного съездов славистов (1901–1903). Уже все вышеперечисленное демонстрирует колоссальный объем работы, подтверждая слова современников ученого о его невероятной работоспособности. Подчеркнем, что к моменту избрания Пыпина ординарным академиком ему было 65 лет.

Целью нашего обращения к деятельности Пыпина в Академии наук стало его участие в организации Разряда изящной словесности, «самая организация которого, — по словам А. А. Шахматова, — вырабатывалась при участии Александра Николаевича» [3, 194].

История учреждения Разряда изящной словесности связана с празднованием 100-летнего юбилея Пушкина. В октябре 1898 г. по инициативе Президента Академии наук великого князя Константина Константиновича была создана Комиссия по подготовке пушкинских торжеств. В ее состав вошли государственные деятели, представители литературы, искусства, науки.

10 января 1899 г. на очередном заседании Комиссии почетный член Академии министр финансов С. Ю. Витте высказал мысль о том, что «Академия могла бы почтить память А. С. Пушкина учреждением особого разряда словесности, в состав которого должны войти выдающиеся писатели и художники слова» [4, 12]. Константин Константинович вынес озвученное предложение на обсуждение академиков II Отделения, которые выразили свое положительное отношение, посчитав, что создание такого разряда станет благотворным для развития русской литературы.

К началу 1899 г. Комиссия разработала «Программу предполагаемого чествования памяти А. С. Пушкина», пункт 10 гласил: «Положено ходатайствовать пред Его Императорским Величеством об учреждении при Императорской Академии наук отделения изящной словесности в память А. С. Пушкина» [5, 34–34 об.]. Последующие несколько месяцев ушли на согласование выраженного Академией решения с министром народного просвещения, министерством финансов и императором. Наконец, 29 апреля 1899 г. был подписан высочайший указ (опубликован 26 мая (ст. стиль) — в день рождения

© Степанова Е. В., 2025

Пушкина), в котором в ознаменование 100-летнего юбилея поэта в Академии наук создавались «посвященные его памяти» Разряд изящной словесности и особый Фонд имени Пушкина. В указе отмечалась историческая связь Разряда с Российской академией: «вновь учреждаемый разряд должен составить одно целое с Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук, образованный из Императорской Российской Академии, членом которой был Пушкин; на открываемые в сем Отделении новые должности Академиков должны быть избираемы как писатели-художники, так равно ученые исследователи в области словесности…» [6, 375–376].

В основанной в 1783 г. Екатериной II Российской Академии совместно работали ученые и писатели. В 1841 г. учреждение было соединено с Академией наук в виде особого II Отделения русского языка и словесности. Как писал К. К. Арсеньев, «В состав нового отделения вошли на правах действительных академиков только четырнадцать из числа сорока девяти членов Российской Академии; остальным было присвоено звание почетных членов отделения русского языка и словесности. Со смертью последнего из них это звание исчезло бесследно» [7, 1].

Деятельность II Отделения сразу же приняла исключительно научный характер. Основным направлением работы академиков стало изучение русского и славянских языков. При этом один из параграфов Положения об ОРЯС гласил, что лингвистическое направление трудов не помешает «входить в область изящной словесности и русской истории», включая работу над историческими памятниками [8, 855].

В новых условиях Академикам Отделения предстояло разработать проект нового Положения деятельности ОРЯС, в котором четко был бы определен статус и полномочия членов Разряда изящной словесности.

При том, что организация Разряда была принята академиками, практическая деятельность его членов в работе Отделения была непонятной. Слишком ясно сознавались объективно существующие различия между литературой и наукой, ученым и писателем. Всё это предстояло преодолеть, выработав единственно верное решение.

16 октября 1899 г. под председательством М. И. Сухомлинова состоялось заседание II Отделения, на котором А. Н. Пыпин представил записку «О значении разряда изящной словесности» следующего содержания:

«Вопрос очень важный и требующий особого внимания, потому что касается самого существования всего учреждения — Академии и её Русского отделения.

Академия наук есть академия *наук*. Её Русское отделение точно так же посвящает свои труды *науке* о русском языке и словесности. До сих пор Отделение занято было по преимуществу этими вопросами с чисто исторической и чисто филологической точки зрения, — в самой истории обращаясь особенно к старым периодам языка и словесности.

«Разряд изящной словесности» вводит в круг занятий Отделения новую сторону предмета, чрезвычайно важную и до сих пор мало привлекавшую внимание Отделения. В понятие «словесности», действительно, должна входить не только старая, исторически и филологически объясняемая словесность, но и словесность в ее существе, т.е. не только история, но и теория словесности, — или целый вопрос об искусстве, его теория и история, теория эстетики и эстетическая критика. Это — предметы великого значения, — и теория искусства, одно время как бы забытая наукой после падения метафизической эстетики (в школе Гегеля), теперь снова вызывает ревностные исследования с новых точек зрения, привлекая к объяснению предмета самые широкие научные средства — от психофизиологии до археологии и наблюдения проявлений искусства на первобытных ступенях человеческого развития. Вопрос эстетической критики, — особливо в ввиду новых направлений в самой изящной словесности, крайнего развития реализма (даже «натурализма» у Золя), и с другой стороны, символизма и декадентства, — усложняется новыми требованиями.

Все эти предметы, до сих пор чуждые трудам Отделения, выступают сами собой, когда совет Отделения усиливается «разрядом изящной словесности». Введение этого «разряда» нельзя не приветствовать как благотворное расширение деятельности Отделения на предметы «словесности», которые до сих пор оставались ему чужды и которые однако заслуживают самого серьезного внимания и в чисто научном, и в литературном отношении.

Но как должно отнестись Отделению к этой новой, стоящей перед ним, задаче? По всему значению деятельности Академии Наук, Отделение должно принять эту задачу именно с ее научной стороны, т.е. озаботиться тем, чтобы выяснить постановку тех научных вопросов, работа над которыми обязательна для Отделения, когда перед ним поставлена область «изящной словесности».

Обязанность Отделения состоит в том, чтобы определить те предметы *науки*, которые необходимы для объяснения вопросов «изящной словесности». Эти предметы представляются сами собой: теория искусства, в частности, теория словесности, и научная постановка эстетической критики.

Только этим путем, — т.е. когда вопрос «изящной словесности» будет поставлен в Отделении как вопрос *науки* об изящной словесности, — только этим путем может быть сохранено научное *единство* и научное *достоинство* Отделения. Как люди науки, предполагаемые члены Отделения по предметам теории и истории искусства, в частности те-

ории словесности и эстетической критики, не будут чувствовать себя чуждыми другим работам Отделения, — что, несомненно, бы произошло, если бы представительство «изящной словесности» в Отделении было понято буквально и замещено именно «писателями-художниками» — поэтами, романистами и драматургами. Последние (кроме разве какого-либо исключительного случая) оставались бы не только равнодушны, но и в научном смысле чужды тем интересам историко-литературным и филологическим, которые составляют все существо Отделения: обе стороны были бы стеснены различием их интересов, и представители чистой «изящной словесности» еще более были бы поставлены в неловкое и стеснительное положение в составе целой Конференции Академии наук.

Но если «изящная словесность» должна занять место в работах Отделения только в чисто научном смысле, как может быть исполнено определение Положения, что в Отделение могут быть набираемы писатели-художники? Так как, — по вышеуказанным соображениям, — их непосредственное участие в научных работах Отделения представляется несовместимым с их чисто художественной деятельностью, по принципиальному различию художества и науки, то участие писателей-художников и их роль в Отделении должны быть определены иным образом.

Единственным средством совмещения специалистов науки и писателей-художников в «разряде изящной словесности» и в целом в составе Академии Наук представляется установление группы «почетных членов (и корреспондентов?) Второго отделения Академии наук по разряду изящной словесности», — которые принадлежали бы к Отделению не только honoris causa, но могли бы принимать и действительное участие в заседаниях и работах Отделения, или по приглашениям, исходящим от Отделения (в таких случаях, напр., как присуждение Пушкинских премий, или при иных вопросах, касающихся изящной словесности), или по заявлениям самих почетных членов, когда они желали бы представить на усмотрение Отделения, или для совместного обсуждения какие-либо их собственные работы или предложения. В собраниях и конференциях они не имели бы надобности присутствовать)» [9, 10–12].

Учреждение Разряда изящной словесности, по мысли А. Н. Пыпина, ставит перед академиками два основных вопроса — расширение сферы научных исследований ОРЯС и определение статуса литераторов в научном учреждении.

Как представителю научного сообщества ему очевидна невозможность деятельности писателей и поэтов в стенах Академии наук, объединение в ней «художников слова» и ученых уже само по себе противоречит ее статусу как института науки. «Академия наук есть академия *наук»,* — констатирует он, выделяя главное слово курсивом.

С момента организации II Отделения, отмечает ученый, его члены были сосредоточены преимущественно на вопросах истории языка и литературы. Между тем с образованием Разряда изящной словесности в область научного изучения ОРЯС должна войти и «словесность в ее существе», под которой Пыпин подразумевает ту часть литературы, которая мало интересовала академиков — теория литературы и литературная критика.

Отметим, что научная деятельность Пыпина с 1854 г. протекала параллельно с публицистической. Вопросы развития русской литературы, литературной критики, эстетических концепций находились в области его профессиональных интересов не только как историка литературы, но и как сотрудника и редактора двух ведущих журналов второй половины XIX в. — «Современника» и «Вестника Европы». Вместе с тем с юности круг его общения составляли отечественные поэты и писатели, литературные критики, для которых вопрос об искусстве был принципиальным вопросом, определявшим не только специфику их творчества, но и мировоззрение, и общественно-политическую позицию. Пыпин был не просто свидетелем смены нескольких художественных направлений в развитии русской литературы второй половины XIX в., но как член редколлегий «Современника» и «Вестника Европы» был участником этих процессов, более 30 лет в той или иной степени участвуя в публикационной политике беллетристических отделов журналов. Широкие вопросы в области теории литературы и ее эстетики, литературной критики в отличие от других академиков, были ему понятны и близки. Вероятно, именно поэтому Пыпину было предложено подготовить Записку.

Обращает на себя внимание, что в осмыслении нового направления деятельности ОРЯС Александр Николаевич выступает не с консервативных, а с прогрессивных позиций. Он убежден, что эстетика словесного творчества должна стать предметом научного исследования. В этом — требование времени. В современной литературе, представленной множеством направлений, Пыпин отмечает возрождение интереса к собственно художественной стороне произведения. Таким образом, ученый, чье эстетическое формирование проходило рядом с Н. Г. Чернышевским, в круге «Современника», с главенством идеи над поэтикой произведения, непризнанием «чистого искусства», констатирует историческую смену эстетической концепции. Как любое историческое явление, новые взгляды на искусство требуют своего осмысления, в том числе и научного.

Пыпин уверен, что именно эта научная сторона вопроса области изящной словесности должна быть поставлена перед членами Отделения. Он говорит о замещении шести новых должностей ординарных академиков, введенных в штат ОРЯС с учреждением

Разряда изящной словесности, при этом заявляет, что вакансии должны занять вовсе не поэты, писатели и драматурги, а люди науки по предметам теории и истории искусства. Полномочия же литераторов ему видятся ограниченными, в качестве особых членов — почетных, либо корреспондентов.

Итогом заседания стала разработка академиками проекта статей для внесения их в действующее Положение об ОРЯС. В письме от 30 ноября 1899 г. Президент Академии наук Константин Константинович сообщал Министру народного просвещения Н. П. Боголепову предлагаемые формулировки новых статей, отмечая, что из шести, «четыре… составлены вновь, так как относятся к учреждаемому впервые Разряду изящной словесности. Остальные две статьи…, составлены соответственно как требованиям науки, в ее современном состоянии, так и расширению круга занятий Отделения» [5, 19].

В окончательной редакции эти дополнительные статьи были утверждены императором 23 декабря 1899 г. Их содержание показывает несомненную перекличку с выступлением Пыпина. Так, по преимуществу лингвистический предмет занятий Отделения русского языка и словесности был существенно расширен литературоведческим: «Русский язык во всем его объеме, с его наречиями и говорами; история Русского языка; история Русской литературы и культуры; Церковно-Славянский язык; южные и западные славянские языки и их история; история славянских литератур; история иностранных литератур по отношению к русской; история и теория искусства; теория словесности и историко-литературной критики» [6, 1248]. Безусловно, это был значимый шаг для оформления литературоведения как науки о теории, истории литературы и литературной критики. Впервые в Академии наук официально закреплялось всестороннее изучение «изящной словесности» через осмысление сущности литературы как искусства, процессов ее происхождения и развития, выявление культурно-исторических и общественных связей, общих закономерностей развития художественного творчества, законов создания художественного произведения, а также его оценки и истолкования.

Расширение круга занятий Отделения возлагалось в Положении на действительных академиков Разряда изящной словесности, избираемых из писателей и ученых исследователей. Участие же почетных академиков и корреспондентов в составе писателей и литературных критиков определялась их членством в Комиссии по присуждению Пушкинской премии.

Таким образом, деятельность Пыпина в Академии наук — важный этап его научной биографии. Благодаря широте научных знаний, большому редакционно-издательскому опыту, а также своей активной, просветительской, общественной позиции он сумел внести существенный вклад в развитие академической филологии, обратив внимание на необходимость широкого научного изучения художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балыкин Д. А. А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли / Д. А. Балыкин.— Брянск: Грани, 1996. — 209 с.
2. Озерянский А. С. Александр Николаевич Пыпин (к биографии ученого) / А. С. Озерянский // А. Н. Пыпин. Материалы к биографии. — Саратов: Амирит, 2017. — С. 4-94.
3. Степанова Е. В. А. А. Шахматов об А. Н. Пыпине / Е. В. Степанова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. —2020. — Т. 20, вып. 2. — С. 192-195.
4. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1899 год… // Сборник отделения русского языка и литературы Императорской Академии наук. Т. 66. — СПБ.: Типография Императорской Академии наук, 1901. — С. 1–66.
5. РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 143. ЕХ № 103.
6. Полное собрание законодательных актов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. — СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1902. — 1324 с.
7. Арсеньев К. К. Российская Академия и Разряд изящной словесности / К. К. Арсеньев // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. LXX, № 4. Отд. оттиск. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1901. — 22 с.
8. Полное собрание законодательных актов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI. Ч. 1. — СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. — 924 с.
9. Извлечения из протоколов заседаний отделения русского языка и словесности императорской академии наук // Сборник отделения русского языка и литературы Императорской Академии наук. Т. 69. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1901. — С. 1–26.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Степанова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры начального языкового и литературного образования Педагогического института

E-mail: ste-jelena@yandex.ru

Saratov State University

Stepanova E. V., Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of primary language and literary education at the Pedagogical institute

E-mail: ste-jelena@yandex.ru

УДК 80

ПОНЯТИЕ ‘РЕМЕЙК’ В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

Т. А. Тернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация: *в статье обобщен материал, касающийся трактовки, истории и типологии ремейка в разных областях гуманитарного знания, прежде всего, в искусствознании и филологии, сделаны выводы о возможности адаптаций предложенных типологий к литературе и драматургии, приведены примеры художественных произведений. Востребованность термина ‘ремейк’ в разных областях гуманитарного знания отражает состояние современной науки, ее дискуссионный характер.*
Ключевые слова: *гуманитарные науки, филология, искусствоведение, ремейк, типология*

Abstract*: the article summarizes the material concerning the interpretation, history and typology of remake in different areas of the humanities, primarily in art history and philology, draws conclusions about the possibility of adapting the proposed typologies to literature and drama, and provides examples of works of art. The demand for the term ‘remake’ in different areas of the humanities reflects the state of modern science and its controversial nature.*
Keywords*: humanities, philology, art history, remake, typology.*

Междисциплинарность является показательной чертой современного научного знания, что проявляется в наличии ряда терминов, востребованных разными гуманитарными дисциплинами. Одним из них является ремейк (от англ. «remake» — переделка). Это понятие порождено киноискусством и первоначально было элементом языка искусствоведения. Впоследствии термин прочно закрепился в области филологии.

Единый вариант написания слова ‘ремейк’ не сложился: бытует два варианта его написания (ремейк / римейк).

Дискуссионным моментом является статус ремейка. Ремейк может восприниматься как прием и как жанр, например, в современной драматургии (пьеса «Гамлет. Нулевое действие» Л. Петрушевской). Ремейк может восприниматься и шире — как социокультурный феномен, проявление постмодернистского мышления, для которого не существует никаких культурных авторитетов, никаких сложившихся однозначных культурных контекстов.

Ремейк принадлежит к числу так называемых «вторичных текстов», созданных на основе переосмысления преимущественно классического культурного наследия. В ряду смежных с понятием ремейк — интертекстуальность, пародия, пастиш.

Ремейк считается порождением американской культуры, и его появление соотносится с 30-ми годами XX века. Существование ремейка на русской почве — момент дискуссионный. Причина дискуссионности состоит в специфике отечественного варианта постмодернизма, существование которого также нередко ставят под сомнение на основании того, что в русской культуре на современном этапе ее развития сохраняются ценностные ориентиры, но используются новаторские приемы. Г. Нефагина пишет: «Ремейки — произведения, вторичные в западной культуре, на русской почве приобретают самостоятельную ценность. Русские переделки — это не переделки даже, а новые произведения» [5, 282]. Исследователь не отрицает существование ремейка как такового в русской культуре, но говорит о том, что отечественные ремейки позволяют демонстрировать некие новые смыслы с использованием известных образцов.

Ремейк является одной из характерных тенденций в развитии русской драматургии рубежа XX-XXI вв. Примеры ремейка представлены в творчестве самых разных драматургов: Н. Коляды («Тройкасемеркатуз, или Пиковая Дама», «Старосветская любовь»), М. Угарова («Смерть Ильи Ильича»), Г. Горина («…Чума на оба ваших дома!», «Кин IV»), О. Богаева («Черный монах», «Башмачкин»), Б. Акунина («Чайка», «Гамлет»), Н. Садур («Панночка»), И. Вырыпаева («Валентинов день»), К. Костенко («Чайка (remix)») и др.

Объектами такого рода переделки могут стать прецедентные тексты (прецедент (от лат. praecedens «предшествующий») — случай, имевший место в прошлом и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода).

Теория прецедентности — это одно из самых интенсивно развивающихся направлений современной филологии и других гуманитарных наук. Его рассматривают в лингвистике, культурологи, литературоведении. Среди наиболее активных источни-

© Тернова Т. А., 2025

ков прецедентности в современной культуре можно выделить литературу, театр и кино, политику, экономику, музыку, спорт, рекламу.

Теория прецедентности впервые была предложена и теоретически обоснована Ю. Н. Карауловым. Исследователь назвал прецедентными «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности. Прецедентные тексты можно было бы назвать хрестоматийными в том смысле, что если даже они не входят в программу общеобразовательной школы, если даже их там не изучали, то все равно все говорящие так или иначе знают о них, — прочитав ли их сами или хотя бы понаслышке. Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [4, 216].

Прецедентными тексты (в широком смысле) становятся в том случае, если они входят в национальный культурный обиход (являются лингвоэтносоциальными маркерами), известны широкому кругу современников, неоднократно становились объектами обращения. Прецедентные тексты являются элементами коммуникации в культуре.

Е. А. Земская считает, что прецедентными могут быть тексты, включенные в текст в неизменном виде (цитация) и в трансформированном, переиначенном (квазицитация), поскольку они хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах [3, 157].

Когда говорят о прецедентности литературных источников, имеют в виду не только литературу как индивидуально-авторское творчество. Прецедентны мифы, былины, предания, сказки («Колобок», «Теремок», «Репка»), библейские притчи (о блудном сыне, о добром самаритянине), публицистические произведения историко-философского и политического звучания (например, труды Льва Гумилева по этногенезу или «История государства Российского» Н. М. Карамзина). Из произведений художественной литературы для русского национального сознания прецедентны тексты А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Островского, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, М. Горького, М. Шолохова и др.

Прецедентные тексты используются как включенные в другие не ради себя самих, а ради достижения иных целей. Место прецедентного фрагмента напоминает место экфрасиса в основном тексте. Тем более что прецедентное обращение не ограничено пределами одного вида искусства (например, литература — литература), а может быть сферой контактов разных видов искусства (музыка — литература). В ряде случаев понятия ‘экфрасис’ и ‘прецедентный текст’ смыкаются, если автор литературного произведения отсылает читателя к известному материалу культуры (например, «Лунная соната» Бетховена в «Гранатовом браслете» А. И. Куприна).

Именно прецедентные тексты становятся объектами переработки при создании ремейков.

Осмысление ремейка началось в 50-е годы XX века на Западе. Французский кинокритик Андре Базен в 50-е годы опубликовал работы «По поводу повторов» и «Переделано в США» [1]. Речь в них идет о кино, хотя предлодженные идеи можно распространить на восприятие ремейка вообще. В работах выделяется два типа отношения к прошлому. Первый тип — синефилический. Он предполагает трепетность, влюбленность в ушедшую культуру; осознание дистанции между воспринимающим субъектом и тем, что происходит на пленке. Мир зрителя воспринимается как прагматический, профанный, а миф кино — как высокий, элитарный.

Второй тип восприятия не получает в исследовании конкретного названия, однако проговаривается его суть. Этот тип предполагает возможность замены оригинала копией, он не исходит из ощущения пиетета перед первоисточником. Это не значит, что первый тип не предполагает возможность ремейка — речь идет о ремейке, в котором отдана дань уважения к оригиналу. Второй тип предполагает возможность ремейка деконструктивного плана.

Еще один источник в плане осмысления ремейка — сборник 1982 г. «Мертвые шедевры». Центральная статья в нем принадлежит американскому киноведу Томасу Лейчу. Он обозначил следующие разновидности ремейка [11]:

1. Повторная экранизация. Ее цель — перечитать текст в широком смысле, найти в нем то, что оригинал упустил из вида.

2. Up-dating — стремление не просто перечитать произведение, но желание осовременить сюжет.

3. Оммаж — предполагает скрупулезную транскрипцию первоисточника. Исходит из желания отдать ему дань уважение — следствие синефилического подхода к первоисточнику.

4. Настоящий ремейк — способен суммировать все другие апелляции к первоисточникам.

Приведем примеры: повторная экранизация — фильм «Анна Каренина», up-dating — «Служебный роман. Наше время» (пересказ сюжета советского фильма «Служебный роман» с учетом современных реалий), оммаж — сериал «Очень странные дела» (оммаж детским приключенческим фильмам 1980-х гг.)

Представленную типологию можно применить не только к кино, но и к литературе. Допустим, на обозначенный Т. Лейтчем вариант «повторной экранизации» похожа пьеса М. Угарова «Облом-off», где сохраняется основа текста, но усиливается мотив инфантильности главного героя — Ильи Обломова, имеющего диагноз тотус, цельность.

На up-dating похожи эксперименты начала XX века, когда нередко авторы обращались к классическим сюжетам, например, в рамках постановок театра В. Мейерхольда: пьеса Островского «Лес» стала пьесой об эпохе НЭПа.

Под сомнение можно поставить возможность оммажа в литературе: транскрипция первоисточника средствами литературы означала бы буквальное его переписывание. Относительно близкими случаю являются переводы, например, баллад В. А. Жуковским («Ундина», в отличие от «Светланы» и «Людмилы» достаточно близка к оригинальному тексту Г. А. Бюргера).

«Настоящим ремейком», по терминологии Т. Лейтча, можно считать многочисленные драматические и прозаические тексты 1950-2000 гг. (Е. Попов «Накануне накануне» и др.).

Попытки типологии ремейка нашли отражение и в отечественном гуманитарном знании. Я. А. Пархоменко в диссертационном исследовании «Художественная природа ремейка в контексте современного экранного искусства» [6] рассматривает ремейк, типологизируя его на основании двух критериев:

по степени «заимствования сюжета», «совпадения сюжетной структуры и стилистической модели <…> оригинала и ремейка» [6, 21]: полный ремейк, точный ремейк, частичный ремейк, относительный ремейк, компонентный ремейк, компилированный ремейк, ремейк-намек (вольный ремейк), ремейк-стиль, ремейк-прием, псевдоремейк (ложный ремейк) [6, 23-44];

по «технологическому типу» [6, 24]: «форматный» ремейк, ремейк-пересказ, ремейк-модернизация, ремейк-интерпретация, переводной ремейк, адаптированный ремейк (телесериал), авторизованный ремейк, постмодернистский ремейк, ремейк-пародия, ремейк-сиквел, ремейк-приквел, анимационный ремейк, любительский ремейк, паразитирующий ремейк [6, 24-25].

Исследователь выстраивает свою типологию применительно к кинематографу, продолжая традицию западного истолкования ремейка. При всей оригинальности предложенных позиций выделенных критериев для описания обозначенных видов ремейка явно недостаточно. Так, из предложенного ряда явно выбивается «постмодернистский ремейк», выделяемый на основании не частного случая условных «технологий», а на основании стоящего за ними специфического мировоззрения.

Можно было бы предложить обособить и виды ремейка, которые связаны с разными вариантами выстраивания художественной коммуникации (вспомним, что ремейк — вторичный текст, являющий собой диалог двух сознаний: автора и работающего с его материалом): ремейк-пересказ, ремейк-интерпретация, авторизованный ремейк.

Отдельно можно было бы рассмотреть виды ремейка, наиболее показательно направленные на диалог с воспринимающим сознанием: ремейк-пародия, ремейк-адаптация и т.д. По критерию источника ремейка можно было бы выделить ремейк-экранизацию и анимационный ремейк (достроив этот ряд ремейком музыкальным, литературным и др.).

Попыткой описать музыкальный ремейк на основании предложенных Я. А. Пархоменко позиций предлагает И. С. Базлов [2].

Типологии ремейка существуют и в области филологии. Одной из первых подобную попытку предприняла Т. Ратабыльская, на материале современной белорусской драматургии выделив такие типы ремейка, как репродукция, концептуальная контаминация, адаптация и переработка. Отталкиваясь от предложенной классификации [7, 193], Е. Таразевич предлагает свой более широкий спектр способов «переделки» классических произведений. Примечательно, что типология Е. Таразевич [8], [9] получила широкую популярность. Исследователь использует неканонические — метафорические названия для обозначения разновидностей ремейка:

1. Ремейк-мотив (похож на первый тип, выделенный американским киноведом). В этом случае первоначальный замысел используется, но претерпевает идейно-художественную интерпретацию.

Проиллюстрируем выделенный тип примерами: М. Угаров «Облом-off» — добавлена новая идейно-художественная интерпретация, «Вишневый садик» А. Слаповского, «Чайка спела» Н. Коляды, «Сахалинская жена» Е. Греминой.

2. Ремейк-сиквел — продолжение сюжетной основы оригинала. Сохраняется система персонажей, но вводится новый герой, новый сюжетный поворот.

Примерами могут быть «…Чума на оба ваших дома!» Г. Горина; «Поспели вишни в саду у дяди Вани» В. Забалуева и А. Зензинова.

В основном примеры такого типа — за рамками художественности и, по преимуществу, принадлежат полю беллетристики: это многочисленные продолжения «Анжелики», «Унесенных ветром» и т.д. Существуют также принадлежащие к массовой культуре продолжения «Войны и мира», «Евгения Онегина», «Анны Карениной».

3. Ремейк-контаминация — в пределах одного текста совмещается несколько классических сюжетов — несколько первоисточников.

Иллюстрациями к типу могут служить «Кин IV» Г. Горина, «На донышке» И. Шприца. В романе Е. Попова «Накануне накануне», несмотря на название, отсылающее к конкретному произведению Тургенева, есть отсылки и к другим тургеневским текстам — «Ася», «Отцы и дети».

4. Ремейк-стеб — случай, когда в конечном продукте полностью деконструируется текст-оригинал. Тип такой переделки может быть далеко не только развлекательным. Вполне может быть, что таким

способом автор показывает нерешенность проблем, которые были заданы в первоисточнике.

Возможные примеры: «Гамлет и Джульетта» Ю. Бархатова, «Гамлет-2» Г. Неболита, «Заседание завкома» В. Сорокина.

Разноаспектен вопрос соотношения ремейка с классической культурой. М. А. Черняк дает на него следующий ответ: «…ремейк, как правило, не парадирует классическое произведение и не цитирует его, а наполняет его новым смыслом, актуальным содержанием, при этом обязательной остается оглядка на классический образец, повторяются его сюжетные ходы, практически не изменяются типы характеров, а иногда и имена героев, но другими остаются доминантными символы времени. <…> Задача ремейка — проявить, дописать или переписать оригинальный текст, который по ряду причин сохраняет свою актуальность и востребованность в новой культурной ситуации, но в то же время нуждается в содержательной ревизии» [10, 187]. Приведенное высказывание демонстрирует отношение к ремейку как к вторичному явлению культуры, в то же время подчеркивает, что сам факт создания на основе произведения текста-ремейка повышает статус оригинала.

Востребованность термина ‘ремейк’ в области филологии, культурологии, искусствознания и др. отражает состояние современной науки, ее дискуссионный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базен А. Что такое кино? / А. Базен. — М.: Искусство, 1972. — 382 с.

2. Базлов И. С. Ремейк: типология, характеристики, принципы и свойства / И. С. Базлов // Вестник науки. — 2024. — № 5 (74). — С. 1678-1684.

3. Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — М.: Наука, 1996. — 157 с.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: ЛИБРОМ, 2019. — 264 с. — С. 216.

5. Нефагина Г. Н. Русская проза конца XX века / Г. Н. Нефагина. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 320 с.

6. Пархоменко Я. А. Художественная природа ремейка в контексте современного экранного искусства / Я. А. Пархоменко. — автореф. дис. … канд. искусствоведения. — М., 2011. — 32 с.

7. Ратабыльская Т. Герменеўтыка і сучасная драматургія / Т. Ратабыльская // Спыніся, імгненне. Стар. тэатр. Жыцця Беларусі 1990-х г. — Мінск: Каўчэг, 2000. — С. 193.

8. Таразевич Е. Ремейк в современной русской драматургии / Е. Таразевич // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: сб. ст. по материалам Международной научной-практической конференции. — Пермь: Перм. гос. педагог. ун-т, 2005. — Ч. 1. — С. 318-321.

9. Таразевич Е. Г. Интертектуальность как текстообразующий фактор в русской и белорусской драматургии конца XX — начала XXI веков / Е. Г. Таразевич. — автореф. дис. … канд. филол. наук. — Минск: ИЯЛ им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси, 2010. — 25 с.

10. Черняк М. А. «Новый русский» князь Мышкин: к вопросу об адаптации классики в современной массовой литературе / М. А. Черняк // Серия «Symposium», Российская массовая культура конца XX века. — Выпуск 15 / Материалы круглого стола 4 декабря 2001 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — С. 187.

11. Leitch T. M. Twice-Told Tales: The Rhetoric of the Remake / T. M. Leitch // Dead ringers: the remake in theory and practice. — SUNY Press, 2002. — P. 37-63.

Воронежский государственный университет

Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Ternova T. A., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Literature of the XX and XXI Centuries, Theory of Literature and the Humanities.

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

УДК 821.112.2: 82-32

ОППОЗИЦИИ «СЕВЕР–ЮГ» В НОВЕЛЛЕ Т. МАННА «ТОНИО КРЁГЕР»

О. В. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация*: рассматриваются мировоззренческие и эстетические приоритеты творчества Томаса Манна на примере ранней новеллы «Тонио Крёгер» — в контексте оппозиции «Север–Юг», характерной для европейского культурного пространства в целом. Фиксируются специфические смыслы и символика топосов новеллы, поясняются проблема двоемирия и типология характеров в свете «южного» и «северного» начал. Актуализируются положения жанровой модели «Künstlernovelle», принципы психологизма Т. Манна, концепция искусства. Выделяется проблема конфликта буржуазного и эстетического, реальности и искусства, особенно характерные для раннего творчества писателя.*

Ключевые слова*: Т. Манн, «Künstlernovelle», искусство и художник, двоемирие, Север–Юг, жизнь, искусство, бюргерский (bürgerlich).*

Abstract: *this paper examines the priorities of aesthetics and ideology in Thomas Mann's work by using his early short story Tonio Kröger as an example and in the context of the North and South opposition characteristic of the European cultural space as a whole. The paper is focused on specific meanings and symbolism of the story's topoi. It also explains the issue of the writer's 'world duality' and the typology of characters in the light of the 'southern' and 'northern' origins. The paper updates the principles of Mann's «Künstlernovelle» genre model, as well as his work's psychological features and his concept of art. Particular attention is paid to musical and physical codes of the story which form its structure convey the meaning.*

Keywords: *Thomas Mann, «Künstlernovelle», art and artist, world duality, North and South, life, art, bourgeois*

Новелла «Тонио Крёгер» (1901-1903) [1] — концептуальное произведение Томаса Манна, которое представляет характерный пример не только раннего творчества писателя, но и в целом его метода и проблемно-тематических приоритетов, а также является одним из важнейших художественных документов его личной истории, частью автобиографического дискурса. В литературоведческих исследованиях новелла часто рассматривалась в контексте взаимодействия национальных литературных традиций — немецкой и русской ([2], [3]), немецкой и скандинавской ([4], [5]).

Ядром всех рассуждений Манна становятся проблемы «жизни» и «Духа», «немецкого пути» и культуры (термины писателя), фиксирующие ключевые для немецкого сознания понятия. Именно поэтому в его творчестве как постоянная величина выступает модель *«прозы о художнике»,* остро востребованная в XX в. и транслирующая приоритеты немецкой культурной традиции в целом. Константами специфического немецкого жанра «Künstlerroman» («Künstlernovelle») были проблемы творчества — в самых разных аспектах.

Противоречивое, даже двойственное видение мира свойственно Манну (в раннем творчестве особенно), и это неоднозначное качество реализуется в новеллистике, эссеистике данного периода, в романе «Будденброки», где каждое произведение дополняет, оттеняет рядом находящиеся, где варьируются общие темы и предлагаются близкие решения.

Эта двойничная картина мира представлена в произведении «Тонио Крёгер» на разных уровнях. Прежде всего — в структуре новеллы, где эпизоды-«главки» расположены «зеркальным» образом (по 4 в каждой из двух частей текста), знаменуя этапы пути Тонио в искусство и к пониманию самого себя. Двоемирие реализовано в системе контрастных доминант, определяющих художественно-смысловые опоры произведения и восходящих в целом к мировоззренческим приоритетами и поискам самого Т. Манна: бюргерское–интеллектуальное, поэтическое, жизнь–искусство, дух–материя (телесность), старое–новое.

Оппозиция ***«Север–Юг»*** является одним из важных элементов двойничной системы координат в новелле и обозначается в сюжетной канве, в расстановке персонажей и построении характеров, в аллюзиях к немецким/европейским традициям, в смысловой направленности. Кроме того, «северные» приоритеты писателя, но и его личная связь с «югом» (Мюнхеном), позволяют трактовать эту новеллу в контексте его семейной истории, как своеобразный пример расчета Манна с собственными призраками прошлого и настоящего.

© Тихонова О. В., 2025

Принципиально важным нам представляется один из ракурсов трактовки новеллы, восходящий к концепции искусства Т. Манна. Это дискуссия вокруг основных эстетических тенденций XIX века — романтической и реалистической, которые понимаются им широко — как общекультурные, универсальные, ментальные, но и национальные, социальные, личностные, характерологические, психологические, даже биологические. В новелле эта дискуссия выстраивается с помощью принципа двоемирия. Оно очевидно вырастает из конфликта «проклятого своим даром» художника [1, 139] и обыденного мира, противостояния болезненной тоски, томления (Sehnsucht) и здоровой добропорядочности, Духа и жизни. Но по ходу действия этот конфликт усложняется, его трактовки становятся противоречивыми, сопровождаются авторской иронией. Он развивается с помощью аллюзивных конструкций, связанных с немецкими (Ницше, Вагнер), русскими (Толстой, Достоевский) культурными и литературными контекстами в открытую дискуссию о путях современной Манну духовной культуры. Мы обратим внимание лишь на некоторые аспекты двоемирия Томаса Манна.

Оно проявляется в особых географии и ***топографии*** новеллы. Тонио Крёгер происходит из старого бюргерского рода, укоренившегося на Севере Германии. Автор фрагментарно, в ключевых эпизодах прослеживает путь своего героя. В этом пути Тонио описывает своеобразный круг: от города своего детства на берегу Северного моря — через Юг с эпицентром в Мюнхене (немецкой столице искусства) — вновь к родному городу. Затем он держит путь в Данию — новую точку своего притяжения. Копенгаген, а затем и приморский городок Хельсингер, куда Тонио путешествует по бурному морю на пароходе, тоже становятся лишь промежуточными пунктами, а герой движется еще севернее, на самое острие датской земли — в рыбацкий поселок Аальсгарде, а затем и вовсе остается жить на Севере. Топосы города и моря противопоставлены, но образуют в чередовании статики и динамики своеобразный круг, по которому движется герой. Примечательно, что этот круг не замыкается на возвращении в исходную точку, вне его создается новая.

Родной северный город (который в тексте новеллы остается безымянным, но аллюзивно отсылает к родному для Манна Любеку) в описаниях предстает как «тесный», «сумрачный», старомодный, со средневековыми видами и с сонно-знакомыми улицами, с характерными локациями и маршрутами — церковью, родным домом и побережьем. Туристический, на первый взгляд, посыл посещения повзрослевшим Тонио города детства определяет структуру данного фрагмента. Тонио проходит через весь город, двигаясь маршрутом своего детства, и в конце него буквально упирается в свой бывший дом. Мотив дома сталкивается с мотивом возвращения к истокам, но история «блудного сына» подана автором иронически (в эпизоде с полицией и таможней). Воспоминания, пробуждающие ностальгическое настроение героя, контрастно соотносятся автором с констатацией мелочей и деталей. Именно эти детали делают картину очень достоверной в стремлении прорисовать *«среду»*, из которой вышел Тонио и с которой всегда диссонировал, но которая «проросла» в его сознании особыми комплексами. Переправа Тонио на датскую сторону символизирует переход в новое качество.

Северным городам противопоставляются южные: итальянские, с «бархатной голубизной небес», вином, «горячащим кровь», «сладостной чувственностью», а также и немецкий Мюнхен. Последний представлен локально и в специфическом ракурсе — через ограниченное пространство небольшой мастерской художницы Лизаветы Ивановны на Шеллингштрассе, но с акцентом на распахнутом окне, «глядящем на северо-запад», где «царит синева небес», птичий щебет, солнце и «золотистый вечерний свет» [1, 135]. Контраст южных и северных мест дополняется и природной циклизацией — северные локации Тонио посещает осенью, а Мюнхен описан в весеннюю пору.

Уже сложившаяся и закрепленная романтиками *культурно-эстетическая антитеза* топоса Юга как рая для искусства и средоточия жизненной энергии — и топоса Севера как холодного, грозного, стихийного, у Манна воспроизводится, но трансформируется. Данная двойничная конструкция наполняется порой противоположными смыслами. В начале пути Тонио проходит крещение Югом как поэт, но скоро его начинает тяготить напыщенность, изыски и «развращенность» жаркого и светлого Юга, где он, обретая свободу творить, напитываясь избытком «жизни», парадоксально теряет саму суть этой жизни (любовь) и одновременно суть творчества — его человечность, яркость, страстность. Искусственность южных мест гонит его на поиски «настоящего». А ограниченность, холодность, рациональность и «буржуазность» (терминология Манна) родного Севера, отвергнутая им изначально, становится теперь спасением, напитывает Духом и чувствами, но еще больше при этом отдаляет от людей.

Двоемирие, заостренное с помощью оппозиции «Север–Юг», раскрывается также в ***типологии характеров*** героев новеллы и закрепляется в контрастных психотипах персонажей.

Тонио Крёгер — дитя Севера и Юга, и это противоречивое двуединство отражается в его внешнем облике, поведении, мировоззрении, в его судьбе. Конфликт его сознания поясняется автором происхождением, наследственностью, он биологически обусловлен и закономерно проявляется в творческом пути. Его отец — негоциант из приморского

города, представитель древнего рода, «был человеком северного темперамента», «склонным к созерцательности и грусти, основательным и пуританскикорректным» [1, 170]. А его «смуглая пылкая» мать — «черноволосая красавица», которую «отец привез из далеких краев, расположенных в самом низу карты», — была легкомысленной, взбалмошной, человеком инстинкта, а не рассудка [1, 120]. В самом Тонио эти качества соединились, но не растворились друг в друге, они пришли в противоречие и подпитывали его страдания исключительного человека, а значит — «чужого», одиночки. Даже его имя **(**Антонио Крёгер) — «ненормальное», «дурацкое»**,** «бюргерское имя, чуть тронутое налетом экзотики» [1, 134], которое уже есть воплощенная антитеза, — выступает как родовой знак, как печать исключительности. Его экзотическая «южная» внешность, чувствительность, упрямство, постоянный самоанализ, граничащий с мнительностью, «удивительная проницательность» и, наконец, поэтическая страсть, углубляют пропасть между ним и «обычными» людьми и, с другой стороны, порождают его болезненную тоску, «завистливое томление» [1, 134] и ревность к последним.

Живым воплощением противоположного типа людей выступают его одноклассники Ханс и Инге, совершенные во всем — от внешнего вида («голубоглазые и белокурые») до жизненной философии: они живут в «счастливом единении со всем миром», радостно, легко, весело, задорно, беспечно и беззаботно, они — «жизнелюбивые счастливцы», не знающие мук духа, страданий одиночества. Все человечество, все персоны ближнего круга Тони делятся им на таких как он — и тех, *кем он хотел бы быть*. На исключительных, меланхоличных, неуклюжих и странных в обыденной жизни, экзотичных и страстных, с неровным типом психики — и благопристойных, добропорядочных, обычных, уверенных в себе, респектабельных, самодостаточных людей со здоровой психикой, устойчивыми реакциями и жизненными навыками.

Оппозиция «художники–филистеры», «люди духа– люди обыденности», прочитываемая в новелле на первый взгляд в традиционной романтической трактовке, оказывается более сложной. Тонио — не воплощение абсолютной духовности и стремления к Идеалу, но и не «обыденный человек»; обе его стороны не просто противопоставлены, они обе тоже «раздваиваются», даже искажены в некотором роде. Его творческое начало трансформируется в мучительные поиски стиля, демонстрирующего «прихотливую изощренность вкуса» [1, 134], а любовь к людям и жизни превращается в патологическую манию и не питает его творчество, лишенное человечности. Его искусство превращается в «тяжкий труд», служение Духу — в «работу», построенную на «усердии». И, в конце концов, диагноз Лизаветы Ивановны, русской художницы, которой он открывает душу («Вы – просто заблудший обыватель»*),* он осознает и принимает.

Если гофмановский Крейслер, идя на компромисс с «просто хорошими людьми», не принимает их и презирает, то Тонио у Манна стремится к ним, ненавидя и любя, он жаждет слиться с ними — и одновременно не может и не хочет этого, он стремится избавиться от своей исключительности, воспринимает свой дар как своего рода болезнь, при этом сначала пестует его, а потом растрачивает в погоне за формальным совершенством, но затем и за жизнеподобием. В этом смысле манновская концепция находится в русле традиции, характерной для немецкого «Künstlerroman» XX века, но в целом отражает и глубинные противоречия времени, в котором проблема «человечности» искусства закономерно сопрягалась с проблемой человечности творца [7].

Конфликт северного и южного начал, продемонстрированный в типологии и в характерологии героев новеллы, получает еще одну сторону реализации — ***«биологическую»,*** телесную, материальную.

Тело Тонио не обладает совершенством, благопристойной гармонией. С детства он не только отличается цветом кожи и темно-каштановыми буйными кудрями, кустистыми бровями на фоне «белокурых и голубоглазых» Ханса и Инге. Он не строен и не сложен как древние боги, не обладает горделивой осанкой и безупречностью вида — свидетельством «осознания собственных неоспоримых совершенств» [1, 127]. Он зациклен на своем ***не***совершенстве, поэтому «белокурые и голубоглазые» привлекают его своей противоположностью, «достраивая» его личную гармонию, — с помощью *любви*, которую он к ним испытывает, и тоски по жизни как Идеалу.

Физическое превосходство реализуется у Ханса и ему подобных в спорте, танцах, в культе здорового тела, в единении с себе подобной совершенной женщиной — Инге. Тонио, напротив, с годами растрачивает здоровье, сначала в вихре примитивных чувственных наслаждений, которые истощают его тело, но не дают ни любви, ни тепла. А затем его здоровье угасает тем больше, чем глубже его погоня за совершенством в формальном искусстве. Преодоление мировой скорби, «томления по жизни» и рабское подчинение искусству делают из него старика, истощенного духовно и физически. И только северная природа Дании оказывается способна вдохнуть в него жизнь, давая надежду на возрождение.

Телесное качество акцентируется и через ***гастрономический мотив***. Яркая, экзотичная южная пища сопоставляется с «тяжелой пищей Севера», от которой «становишься грустным и неповоротливым» [1, 157]. Но именно она, как и пряная, насыщенная южная атмосфера в целом, медленно и подспудно убивает Тонио — все 13 лет он страдает болезнью желудка. Невозможность нормально питаться, мотив

болезни, разъедающей тело, соотносятся с контрастным «всеядным» качеством Ханса, который во время деревенского праздника с танцами — кульминации драматического действия новеллы — страстно, с наслаждением поглощает огромный торт в компании таких же здоровых телесно и душевно едоков-друзей. *Метафора поглощения пищи* встраивается Манном в типологию системы персонажей и заостряет конфликт телесности и духовности, физиологии духа и плоти. Физическая несостоятельность Тонио, болезненность тела и сознания, доведенная до крайности, становятся одним из слагаемых его *кризиса* и требует разрешения.

Ключевая сцена праздника с танцами соединяет все темы и мотивы новеллы, стягивает их в узел, ведет к разрешению. И зримо представляет еще одно качество новеллы Манна — ***музыкальное***.

Музыка, акустические образы и знаки не только играют здесь важную роль в создании фона для движения судьбы героя, психологических характеристик персонажей, в выстраивании подтекста, в детализации «двухмерной» модели мира. Это звуки города, музыка кадрили на танцах в школе и на деревенском празднике, музыка моря и ветра на краю мира в Дании и дома на побережье, музыкальная вакханалия в кульминации последней сцены, упоминаемая Девятая симфония Бетховена.

Но весь текст в своем единстве представляется апологией музыкального искусства. Квинтэссенцией концепции музыкальности тех гениев, которыми безмерно восхищался сам Т. Манн: Бетховена — мастера классической музыки, Р. Вагнера — реформатора и автора идеи «тотального», синтетического искусства. Интересно, что их позиции и специфика музыкального мышления лишь косвенно считываются в тексте новеллы, хотя Бетховен однажды в ней все же упомянут. Но их «след» интуитивно обнаруживается в ***музыкальности композиции*** новеллы, ведущей к основным смыслам.

С одной стороны, структура новеллы аллюзивно отсылает к *сонатной форме*, где два основных элемента — главная и побочная партии — в ходе музыкального развития проходят все стадии становления, трансформации и завершения, они достигают в основной части произведения (кульминации, коде) вершины, а затем ведут к разрешению в финале. Эта форма обладает особыми качествами, сопоставимыми с чертами литературной драмы (конфликтность, ориентация на поэтапное развитие действия, сочетание в нем контрастных «линий» и мотивов, концентрация на напряженной ситуации и проч.). Так и в новелле Манна ведущая тема искусства и художника сопрягается с темами жизни, культуры, буржуазности, а реализуется через мотивы Севера и Юга, реализма и декаданса, энергии и тоски, детства и взрослости, тела и духа. Все они «модулируются» (выводятся на новый уровень) и разрешаются после момента наивысшего напряжения в сцене ночи деревенского праздника. Здесь сходятся все темы и мотивы, а герой является и сторонним наблюдателем, и активным участником действа, но в особом его качестве — отнесенном внутрь индивидуального сознания. Для Тонио это момент экстаза и катарсиса, обретения жизни после длительного «нездоровья» души и тела, воскресения после умирания. В следующем за кодой финале (в письме Тонио) темы повторяются в своих главных элементах и образуют заключительное гармоническое единство — при этом сам герой дает оценку своего пути и «сводит» все линии своей судьбы воедино, в том числе и линии Духа — и «сладостной и пошлой мелодии жизни» [1, 170].

Но в новелле есть и *вагнерианский код,* противостоящий классической сонатной форме. Выстраивается он через обыгрывание Манном известного *лейтмотивного принципа*, предполагающего сквозной музыкальный тематизм, то есть проведение через все повествование постоянных тем, служащих опорой музыкально-драматического действия и характеристиками персонажей. Более того, лейтмотивность означает, по мнению самого Т. Манна, повторение, варьирование, доведение до максимума отдельных мотивов, «цитирование самого себя», неумолимое «втолковывание одного и того же» [8].

В новелле этот принцип является принципиально важным. Здесь действительно происходит постоянное варьирование, «навязывание» определяющих характеристик персонажей, текст изобилует повторяющимися речевыми конструкциями, ключевыми словами, формулами (например, «как бы я хотел быть тобой»), присутствуют также умножение, нагромождение определений («белокурые и голубоглазые», «тесный и узкий город» и др.). Кроме того, в целом в композиции можно выделить удвоение, «зеркальное» повторение сцен и ситуаций (танцы, путешествие по морю, дорога домой, ситуация болезни). Сочетание этих конструкций создает ясное восприятие ведущей идеи и логической связи ее с сопутствующими. Как заметил сам Манн в статье о Вагнере, воспроизводя слова Ницше об его кумире и сопернике, Вагнер, несомненно, «самый неучтивый из всех гениев», «он словно измором берет слушателя, твердит ему одно и то же без конца, пока тот не придет в отчаяние и не уверует» [7].

Таким образом, оппозиция «Север–Юг», при пристальном внимании автора все же к северному сознанию, темпераменту, стилю жизни и типу культуры, не только становится приметой двойственности героя, но и ставит эту двойственность под сомнение. Единство противоположностей, заложенных изначально в тело и душу героя, оказывается на поверку сложной иллюзией, где ни одна из сторон полноценно не определяет его натуру. Он сам констатирует свою двойственность как «промежуточное» поло-

жение, как несовпадение ни с одним из контрастных приоритетов: «Я стою между двух миров, ни в одном не чувствуя себя дома, и потому мне приходится тяжело». Совершая в финале выбор — в пользу блаженной обыденности, в пользу «жизни» во всех ее проявлениях, Тонио констатирует: «Ведь что может сделать из литератора поэта, то как раз моя обывательская любовь к человечному, живому, обыденному» [1, 171].

Эта цель, это возможное, но пока не осуществленное качество творчества Антонио Крёгера, обретенные им на краю северного мира, но вне привычной родины, коррелируют с мыслями и настроениями самого автора, неоднократно подчеркивавшего свое глубокое «литературное пристрастие к северному духу и колориту» [8, 51]. Отдавая дань Югу — символу «всей духовно-чувственной авантюрности, всей холодной страсти художничества», он воспевает Север — как «символ всякой сердечности, всякой бюргерской отчизны, всякого глубоко коренящегося чувства, всяческой сокровенной человечности» [8, 51].

ЛИТЕРАТУРА

1. Манн Т. Тонио Крёгер / Т. Манн // Томас Манн. Новеллы. — М.: Художественная литература, 1956. — С. 117-172.

2. Ишимбаева Г. Г. Интертекст русской литературы в новелле Т. Манна «Тонио Крёгер» / Г. Г. Ишимбаева // Российский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 1. — С. 68-74.

3. Жеребин А. И. Томас Манн и «юношеский миф русской литературы» / А. И. Жеребин // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2013. — Т. 72. — № 1. — С. 45-51.

4. Marx L. Thomas Mann und die skandinavischen Literaturen / L. Marx // Thomas-Mann-Handbuch / Hrsg. von H. Koopmann. — Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verl., 2005. — S. 164-199.

5. Смирнова В. А. Скандинавское влияние в творчестве Т. Манна / В. А. Смирнова // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 1. — С. 99-107.

6. Карельский А. В. Долг гуманности (Романы о художниках Т. Манна и Г. Броха) / А. В. Карельский // От героя к человеку. Два века западноевропейской литературы. — М.: Советский писатель, 1990. — С. 318-357.

7. Манн Т. Страдание и величие Рихарда Вагнера / Т. Манн / Пер. А Кулишер. — Режим доступа: http://wagner.su/Mann/Wagner (дата обращения 20.08.2025)

8. Манн Т. Речь в Стокгольме на банкете при получении Нобелевской премии / Т. Манн // Художник и общество: Статьи и письма: Пер. с нем. / Сост. и предисл. С. Апта; послесл. И. Голика. — М.: Радуга, 1986. — С. 49-51.

Воронежский государственный университет

Тихонова О. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: olnem@yandex.ru

Voronezh State University

Tikhonova O. V., Associate Professor. Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature

E-mail: olnem@yandex.ru

УДК 81'374

СОЦИУМ КАК КОГНИТИВНЫЙ СТИМУЛ ВЕРБАЛИЗАЦИИ АГРЕССИИ

М. А. Фирсова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация*: целью данной статьи является лингвистическое представление социума как когнитивного стимула вербализации агрессии в русском языке. Источником для исследования послужили тексты комментариев к новостным текстам, опубликованным на портале информационного агентства «РИА Новости», порталов «Комсомольская правда» и «КаспийИнфо». Установлено, что когнитивные области «Финансовая политика», «Здравоохранение», «Международные отношения» являются продуктивными информационными источниками для выражения негативных смыслов читателей.*

Ключевые слова: *вербальная агрессия, когнитивная область, комментарий, негативные смыслы, лингвопрагматический потенциал.*

Abstract: *the purpose of this article is the linguistic representation of society as a cognitive stimulus for the verbalization of aggression in the Russian language. The source for the study was the texts of comments on news texts published on the portal of the RIA Novosti news agency, the Komsomolskaya Pravda and CaspianInfo portals. It has been established that the cognitive areas "Financial Policy," "Health," "International Relations" are productive information sources for expressing negative meanings of readers.*

Keywords: *verbal aggression, cognitive field, commentary, negative meanings, linguopragmatic potential.*

Дестабилизационные процессы, происходящие в современном мире и обществе, проблемы на международной арене, влияющие на социально-культурную жизнь, имеют разные формы отражения в коммуникативном медиапространстве: в информационных теле- радиопередачах, ток-шоу, журналистских расследованиях и т.п. При этом экспликация негативной оценочности, присутствующая при комментировании новостных текстов, нередко происходит как за счет нелитературных, стилистически сниженных языковых единиц, так и за счет единиц, в семантике которых в процессе функционирования актуализируются инвектогенные смыслы.

Для современной лингвистической науки остается актуальным исследование вербальной агрессии, особенности функционирования которой рассматриваются как в коммуникативно-дискурсивной [1], [2], [3], так и в когнитивно-дискурсивной парадигмах [4]. Эти направления исследования обосновывают сущностные характеристики репрезентации вербальной агрессии в разных дискурсивных условиях. Однако в аспекте когнитивистики не до конца решенным остается вопрос о том, какие внутренние механизмы лежат в основе порождения вербальной агрессии, какие области человеческой деятельности служат источником для ее оязыковления.

Отмечается, что личностная область в системе отношений «Человек — Человек» включает набор черт, свойств и качеств человека (внешних, морально-нравственных, поведенческих и пр.), каждая из которых может стать для языковой личности «раздражителем». Социальная область в системе отношений «Человек — Общество» образуется поступающей извне информацией любого типа и тоже способна спровоцировать агрессивную речевую реакцию. Названные области формируют функционально-когнитивные конгломераты агрессивного в языке: «Человек — Человек» и «Человек — Социум» [5, 60].

Целью данной статьи является лингвистическое представление социума как когнитивного стимула вербализации агрессии в русском языке.

«Социум» в аспекте когнитивной лингвистики понимается как стимул, который активизирует в ментальной сфере человека процессы восприятия и анализа информации и может стать «возбудителем» разных реакций, в том числе и агрессивных. Следовательно, когнитивный стимул «Социум» является для языковой личности толчком к речевой деятельности, эксплицирующейся в форме вербальной агрессии.

Информация, поступающая из текстов новостей, освещающих социально значимые сферы человеческой деятельности, подвергается адресатами анализу, ментальной обработке, в результате чего информационные тексты приобретают реакции в виде комментариев разных пользователей. Тексты комментариев содержат лексические и фразеологические единицы, маркеры вербальной агрессии, обладающие негативной эмоциональной оценочностью.

© Фирсова М. А., 2025

Материалом исследования послужили тексты комментариев к новостным текстам, опубликованным на портале информационного агентства «РИА Новости», порталах «Комсомольская правда» и «КаспийИнфо». Выборку составили комментарии к новостным текстам за 2023-2024 годы, размещенные в рубрике «Общество». Всего нами было проанализировано 350 комментариев. В ходе исследования использовался лингвокогнитивный подход, служащий основой для выявления единиц — вербализаторов агрессии как результатов осмысления социально значимой информации. В работе нашел применение метод семантического анализа единиц, участвующих в процессе категоризации вербальной агрессии, а также метод компонентного анализа.

Т. И. Стексова подчеркивает в речевом жанре комментария оценочно-императивную направленность, которая позволяет адресанту свободно варьировать оценочность и экспрессивность высказывания [6, 88]. А. О. Якель определяет «агрессивный комментарий» как коммуникативный инструмент виртуального дискурса и как реактивный жанр [7, 77]. Ненормативность, целенаправленность, реактивный характер, свойственные комментарию, позволяют рассматривать его именно как агрессивный речевой жанр. Комментарии обладают агрессивным лингвопрагматическим потенциалом, который реализуется посредством выражения негативного отношения адресанта к комментируемому объекту и имеет целенаправленное отрицательное воздействие.

Социальная новостная повестка формируется различными темами, объединенными в рубрику «Общество». Анализ включенных в данную рубрику статей позволил выделить 3 когнитивные области, провоцирующие комментарии с наибольшим числом агрессивных реакций читателей: финансовая политика, миграция, здравоохранение.

Рассмотрим каждую когнитивную область.

Когнитивная область «Финансовая политика»

Вербальная агрессия выступает релевантной речевой реакцией на когнитивный стимул «Социум», включающий такую когнитивную область, как «Финансовая политика». Неудовлетворенность финансовым благополучием, эмоциональное напряжение, связанное с нехваткой денежных средств, несоответствие новостной повестки реальным экономическим условиям вызывают гнев, раздражение, негодование читателей новостных порталов, что находит отражение в соответствующих вербальных реакциях. Большинство негативных комментариев, содержащих средства вербальной агрессии, содержится именно к текстам, в которых поднимаются вопросы финансовой политики.

Разнообразие проблем, связанных с проведением государством финансовой политики, определило «зонирование» данной когнитивной области и выделение таких когнитивных зон агрессивных комментариев, как 1) «Оплата труда и пенсия», 2) «Ценообразование» и 3) «Система кредитования населения».

1) «Оплата труда и пенсия»

Обратимся к примерам. Новостной текст под заголовком «Названа сумма пенсионных накоплений, которую можно получить» (РИА Новости, 29.10.2024) содержит комментарии, вербальная агрессия в которых направлена на тему публикации и участников описанных событий. Например: *«Не верю уже ничему — опять очередной треп».* В данном контексте автор комментария с помощью грубо-просторечной лексемы *треп* — ‘пустые разговоры, болтовня’ [8, 857] выражает сомнение в достоверности информации, содержащейся в тексте статьи. Агрессия со стороны автора комментария обусловлена тем, что он воспринимает информацию данной статьи как не соответствующую истинному положению дел. Лексическая единица *очередной* (треп) указывает на неоднократность, с точки зрения комментатора, совершения действия по дезинформации читателей.

В комментарии «*Клоуны! Не позорились бы перед всеми. Совсем совесть потеряли лицедеи и лицемеры. Благодетели мать вашу!»* вербальная агрессия направлена на инициаторов пенсионной реформы (финансистов и работников пенсионной системы) и выражается в метафорических номинациях *клоуны, лицедеи, лицемеры.* Лексема *клоун* употребляется в значении ‘несерьезный человек, посмешище’. Сотрудники Пенсионного фонда ассоциируются у автора комментария с цирковыми артистами, исполняющими сатирические номера, основанные на приемах гротеска, осмеяния при помощи искаженного изображения. С помощью номинации *лицедеи,* употребленной в значении ‘притворщик’ [9, 191], и негативной номинации *лицемеры* автор комментария выражает скепсис по отношению к финансистам, прогнозирующим получение пенсионных накоплений. Раздражение, вызванное ложной информацией, выражается также грубо-просторечным восклицанием *Благодетели мать вашу!,* в котором лексемой *благодетели* автор иронично называет лица, на которые направлена его речевая агрессия, и ставит под сомнение их действия. Названные социальные номинации формируют агрессивный потенциал комментария и представляют собой речевую рефлексию на наиболее «проблемные» ситуации, касающиеся финансовой сферы.

Публикация с заголовком *«Число российских семей, которым денег хватает на все, достигла рекорда»* (РИА Новости, 31.10.2024) повествует о финансовом благополучии российских семей. Текст содержит комментарии, авторы которых выражают несогласие с содержащейся в тексте информацией. Большинство комментаторов ставит под сомнение правдивость изложенного, поскольку оно не отражает реального положения дел о финансовой ста-

бильности российских семей. Ключевые лексические единицы, с помощью которых вербализуется агрессия, имеют значение ‘неправда’, ‘ложь’. Например: *«Вранье!», «Неприкрытое грязное вранье», «Вранье с каждым годом все наглее и изощреннее», «Голимое вранье», «Какое наглое вранье».* Разговорная *лексема вранье* — ‘ложь, вздор’ [9, 225] сопровождается экспрессивными оценочными определениями: *наглое, голимое, грязное*, усиливающими негативный эффект высказываний. Другой комментарий — *«Полнейшее вранье, рассчитанное на идиотов»* — содержит просторечную бранную единицу *идиот* ‘дурак, тупица, болван’ [9, 631], относящуюся к широкому кругу лиц, в том числе к читателям новости. Кроме того, негативные интенции авторов комментариев выражаются восклицательными конструкциями, построенными по модели *Что за + имя сущ.*!, в которых вербализаторами агрессии выступают переменные компоненты *дичь, бред, чушь.* Например: *«Что за дичь!», «Что за бред!», «Что за чушь!»*. Пренебрежение к содержанию новости также отмечается в комментарии *«Какая болтология»*, где просторечная ироничная лексема *болтология* — ‘пустые, под видом значительных, переговоры’ [8, 51] также выражает сомнение в истинности новостной информации.

Следовательно, негативные эмоциональные реакции, вербализация которых происходит по агрессивному сценарию, актуализируются чаще всего по причине нарушения одного из основных коммуникативных постулатов — постулата истинности.

2) «Ценообразование»

Информация о повышении цен на продовольственные и другие товары является мощным стимулом для негативных реакций со стороны читателей. Например, к новости об увеличении цен на сливочное масло имеется следующий комментарий: *«ЦБ – вражина»* (КаспийИнфо, 20.09.2024). Автор высказывания выражает агрессию, направленную, по его мнению, на виновника повышения цены — центральный банк, обозначенный просторечной бранной лексемой *вражина* — ‘враг’ [8, 100].

Новость под заголовком *«Производители вернули цены на молоко на прежний уровень»* (РИА Новости, 15.11.2024) сопровождается комментариями, в агрессивной форме выражающими несогласие авторов с содержанием исходного текста. Например, *«Хватит уже пургу гнать».* В данном контексте вербальная агрессия выражается посредством жаргонной фразеологической единицы *гнать пургу* — ‘лгать, врать, вести бессмысленный разговор’ [8, 706]. Автор комментария *«А до какой цены, опять туфта!»* агрессивно реагирует на содержание новости жаргонной лексемой *туфта* — ‘вранье, обман’ [8, 865]. Вербальная агрессия в данных примерах обусловлена несоответствием описанного в статье факта реальным ценам на молоко, что служит стимулом для выражения негативных реакций.

3) «Система кредитования населения»

Сфера кредитования является источником новостей, в которых нередко поднимаются вопросы, касающиеся увеличения ставок на кредиты, ипотеку или изменения условий кредитования, что потенциально не может не вызвать агрессию со стороны читателей. Например, в статье под заголовком *«Что происходит с ипотекой в крупнейших банках»* (Комсомольская правда, 23.10.2024) сообщается, что банки стали приостанавливать выдачу средств на льготную ипотеку. Комментарии к данной статье представляют собой агрессивные вербальные реакции на ее содержание. Например: «*Наебулина зарабатывает на России деньги для Запада. Эту болячку надо давно приговорить к “излечению”».* Автор намеренно искажает фамилию председателя Центрального банка России Эльвиры Набиуллиной с целью оскорбления. Эрратив *Наебулина* построен по модели табуированного глагола *нае…ть* — ‘обманом брать верх над кем-либо, надувать кого-либо’ [8, 463]. Кроме того, контекст содержит агрессивную медицинскую метафору *болезнь — средства лечения*. Автор комментария соотносит обманные действия главы Центрального банка с *болячкой*, требующей *излечения*.

Другой комментарий к данной статье характеризует действия банков, выдающих льготные ипотечные кредиты, и действия государства: *«Банкам глубоко плевать на эти лимиты. Им копейка от государства капает стабильно. А вот как государство позволяет из себя терпилу делать — вопрос».* Агрессия говорящего выражается, во-первых, глаголом *плевать* — ‘относиться к кому-либо, чему-либо с полным пренебрежением, презрением’ [8, 606], который описывает действия банков, во-вторых, жаргонной лексемой *терпила* — ‘жертва’ [8, 843], характеризующей поведение государственных структур. Таким образом, агрессия комментатора носит двунаправленный характер.

Таким образом, тексты, заполняющие когнитивную область «Финансовая политика», содержат информацию, которая дестабилизирует эмоциональное состояние адресатов и является провоцирующим фактором вербализации агрессии. Чаще всего агрессия связана с восприятием полученной информации как ложной, отсюда — агрессивные речевые реакции с использованием просторечных, жаргонных и отрицательно заряженных слов и выражений.

II. Когнитивная область «Здравоохранение»

На проанализированных нами порталах новости из сферы здравоохранения занимают второе место по числу агрессивных комментариев. Заголовки статей носят в основном предупреждающий и аналитический характер. Например: *«Роспотребнадзор предупредил о росте заболеваемости в конце лета»* (Комсомольская правда, 16.08.2024). Вербальная реакция на этот информационный повод носит агрес-

сивный характер, детерминированный употреблением вульгаризма: *«Еще этого говна не хватало»*.

Обыденные знания о том, как протекала пандемия коронавируса, хранящиеся в культурной памяти, провоцируют комментарии типа: *«Опять намордники, как собаки все в намордниках».* В данном случае *намордник* (в значении ‘медицинская маска’), с одной стороны, выступает знаком болезни, с другой стороны — лингвокультурным маркером агрессивного, основанным на зооморфной метафоре: собака в намордник — человек в медицинской маске. Автор другого комментария устанавливает на основе прочитанного особые причинно-следственные связи: он предполагает, что информация о росте заболеваемости есть не что иное, как спланированные действия, направленные на увеличение продаж вакцины: *«Кто-то опять закупил вакцину, и подороже надо впихнуть».* Агрессия вербализуется посредством просторечной лексемы *впихнуть* (подороже) (в значении ‘продать’), с помощью которой оцениваются действия объектов речи.

Новость с заголовком *«Употребление более трех чашек кофе в день вредит здоровью»* (Комсомольская правда, 19.11.2023) включает аналитические данные, доказывающие вред чрезмерного употребления кофе. Комментарий к ней содержит прямую вербальную агрессию, реализующуюся негативной номинацией. Например: *«Ученые бездельники — заняться больше нечем»* указывает на бессмысленность проведенных исследований. Автор пренебрежительно номинирует ученых *бездельниками*, тем самым дискредитируя их научную деятельность.

На наш взгляд, когниция «Здравоохранение» стимулирует агрессию в том случае, если полученная информация не соответствует личному негативному опыту комментатора в этой области.

Когнитивная область «Международная политика»

В настоящее время у России складываются напряженные отношения с западными странами, что не может не отражаться на российских гражданах, проживающих за рубежом. Так, встречаем новостной текст под заголовком *«Латвия ужесточила правила продления ВНЖ для ряда россиян»* (Комсомольская правда, 14.08.2024), на который имеются агрессивные речевые реакции, оформленные в жанре комментария. Стимулом для вербальной агрессии служит информация о россиянах, к которым применяются неоправданно строгие меры для проживания за рубежом. Например, комментарий *«Фашисты шпротные. Фу»* содержит агрессивную бранную лексему *фашисты* — маркер чуждости, употребляемый как порицающий. Автор комментария выражает пренебрежение к представителям миграционных органов Латвии, что подчеркивается употреблением уничижительного адъектива *шпротные*, отсылающего к «опознавательному признаку» Латвии — крупного производителя всем известных шпрот. Таким образом происходит экспликация презрительного отношения ко всем жителям Латвии, подкрепляемая междометием «фу», выражающим ‘презрение, отвращение’ [9, 586].

Негативно номинирует жителей Латвии автор следующего комментария: *«Проебалтам, получающим российскую пенсию, прекратите выплаты. Или так и будем кормить»*. Лексема *прибалты* намеренно искажается и становится фонетически созвучной деривату от табуированного глагола *прое..ть*, который в контексте имеет значение ‘упустить, растерять’.

Отношение к «чужому» (иному государству, его артефактам и ментефактам) и «чужим» (представителям иной национальности или культуры) составляет значимую часть когнитивной области «Международная политика» и в современных геополитических условиях нередко становится стимулом вербализации агрессии. Таким образом, социум как когнитивный стимул вербализации агрессии служит для читателей новостных порталов источником для негативных реакций, выраженных в комментариях с использованием средств вербальной агрессии. Отрицательные эмоции — стимул негативных оценок — являются предопределяющим условием для эксплицирования агрессии в речи.

Выделенные и проанализированные когнитивные области «Финансовая политика», «Здравоохранение», «Международные отношения» являются продуктивными информационными источниками для выражения негативных смыслов читателей. Когнитивная область «Финансовая политика», включающая три подгруппы «Оплата труда и пенсия», «Ценообразование», «Система кредитования населения», по результатам проведенного исследования, является самой многочисленной по числу комментариев. Выявлено, что недоверие к действиям государственных структур, кредитных организаций и производителей вызывает агрессивные вербальные реакции, содержащие просторечные, жаргонные лексемы. Когнитивная область «Здравоохранение» служит источником для выражения имплицитной вербальной агрессии, если полученная информация не соответствует личному негативному опыту комментатора в этой области. Когнитивная область «Международная политика» содержит комментарии к новостным статьям, которые построены на оппозиции «Свой — Чужой». Социум как когнитивный стимул выражения вербальной агрессии в комментариях, на наш взгляд, представляет собой мощный источник возбудителей агрессивных речевых реакций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаптева М. Л. когнитивные стимулы вербализации агрессии / М. Л. Лаптева, М. А. Фирсова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024. — № 3. — С. 59-67.

2. Стексова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Т. И. Стексова // Жанры речи. — 2013. — № 9. — С. 85.

3. Якель А. О. Речевой жанр «агрессивный комментарий» как коммуникационный инструмент в виртуальном дискурсе новых медиа А. О. Якель // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2019. — № 3. — С. 76-80.

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

5. Пекарская И. В. Агрессия в языке и речи / И. В. Пекарская // Вестник Избиркома РХ / отв. ред. И. Е. Ауль. — Абакан, 2007. — С. 28-29.

6. Федорова К. И. Реализация речевой агрессии: стратегия дискредитации и стратегия манипулирования в англоязычных СМИ / К. И. Федорова, Н. В. Сабурова, С. В. Николаева // Вестник СВФУ. 2016. № 5 (55).

7. Темиргазина З. К. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе / З. К. Темиргазина, М. С. Бачурка // Жанры речи. — 2017. — № 1.

8. Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики / Д. И. Квеселевич. — М.: Астрель: АСТ, 2011.

9. Словарь русского языка в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. А. П. Евгеньева. — Изд. 3-е, стер. — М.: Русский язык, 1985.

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Фирсова М. А., доцент кафедры русского языка

E-mail: firsovamariaa@yandex.ru

Astrakhan State Tatishchev University

Firsova M. A., Associate Professor of the Russian Language Department

E-mail: firsovamariaa@yandex.ru

УДК 821.161.1

ДВОРЯНСТВО КАК НОСИТЕЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ПОЗДНИХ РОМАНАХ ДОСТОЕВСКОГО

Чжэн Сыцун

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию образа дворянства в поздних романах Ф. М. Достоевского как носителя ключевых идеологических конфликтов переходной эпохи. На материале романов «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» анализируются особенности распада дворянской идентичности, проявляющиеся через речевые стратегии, когнитивные паттерны и нарративные структуры персонажей. Выявляется двойственность образа дворянства между стремлением сохранить традиционные ценности и осознанием их утраты. Работа раскрывает, как через художественные образы Достоевский моделирует социокультурные трансформации второй половины XIX века.*

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, дворянство, идеологический конфликт, кризис идентичности, речевые стратегии, когнитивная поэтика.*

Abstract*: this article is devoted to the study of the image of the nobility in the late novels of F. M. Dostoevsky as a bearer of key ideological conflicts during a transitional historical period. Based on an analysis of the novels The Possessed, The Adolescent, and The Brothers Karamazov, the paper examines the features of the disintegration of noble identity, which are manifested through the characters' speech strategies, cognitive patterns, and narrative structures. The duality of the nobility's image is revealed, oscillating between the desire to preserve traditional values and the awareness of their loss. The study demonstrates how Dostoevsky, through his artistic representations, models the socio-cultural transformations of the second half of the nineteenth century.*

Keywords*: F. M. Dostoevsky, nobility, ideological conflict, identity crisis, speech strategies, cognitive poetics*

Вопрос о месте дворянства в творчестве Ф. М. Достоевского представляет собой одну из актуальных проблем литературоведения. В поздних романах писателя дворянство предстает не только как социальный слой, но и как выразитель идеологических трансформаций эпохи. В условиях кризиса традиционных ценностей России второй половины XIX века именно дворянские персонажи становятся отражением глубинных духовных и мировоззренческих конфликтов, что придает художественным образам особую напряженность и многоплановость.

Актуальность темы обусловлена необходимостью более глубокого осмысления того, каким образом в художественной системе Достоевского дворянство воплощает борьбу старых и новых идеалов, становясь выразителем переходного состояния общества.

Объектом исследования выступают образы дворянских персонажей в романах «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы», в которых сложное переплетение социальных, нравственных и философско-религиозных мотивов придает дворянству ключевую роль в раскрытии идеологических конфликтов эпохи. Предмет исследования заключается в анализе функций дворянских образов и их роли в художественном отражении кризиса идентичности.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей репрезентации дворянства в позднем творчестве Достоевского как носителя ключевых идеологических противоречий времени. Для достижения цели предполагается рассмотреть историко-культурный контекст изображения дворянства, проанализировать основные идеологические конфликты в образах дворянских персонажей, а также выявить специфику авторской концепции кризиса традиционных ценностей.

Несмотря на активное развитие исследований творчества Ф. М. Достоевского, проблема репрезентации дворянства как носителя идеологических конфликтов в его поздних романах остается недостаточно разработанной. Существующие работы преимущественно сосредоточены на религиозно-философских аспектах, оставляя без должного внимания социально-идеологическую динамику сословной проблематики.

Современные исследования в основном акцентируют внимание на философской и нравственной составляющей произведений писателя. Так, Г. И. Романова анализирует образы мещан и чиновников,

© Чжэн Сыцун, 2025

не затрагивая идеологический контекст дворянства [1]; Л. А. Крылова, Ж. Т. Кадыров и Г. К. Синбаева исследуют кризис дворянской семьи в «Подростке», ограничиваясь социальной плоскостью [2]. Текстологические труды Н. А. Тарасовой посвящены истории создания текстов, но не их социокультурной интерпретации [3]. Работы А. Б. Криницына [4], Е. А. Федоровой [5] и К. А. Баршта [6] затрагивают отдельные аспекты духовной проблематики, не выстраивая целостной картины кризиса дворянского сознания. Интересной в методологическом отношении представляется концепция бинарности элит А. П. Погорелого [7], однако ее прямое применение к анализу художественного текста еще требует разработки. Таким образом, в научной литературе сохраняется теоретическая лакуна, заключающаяся в отсутствии комплексного анализа дворянства как художественного носителя идеологических конфликтов в позднем творчестве Ф. М. Достоевского.

Для выявления особенностей репрезентации идеологических конфликтов через образы дворянских персонажей применяется сравнительно-типологический метод, направленный на сопоставление различных стратегий самоидентификации героев в романах «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Анализ речевых характеристик персонажей осуществляется с использованием положений теории речевых актов [8], что позволяет интерпретировать высказывания героев как выражение их идеологических установок и внутреннего кризиса. Концепция дискурсивной идентичности [9] служит теоретическим основанием для анализа того, каким образом через речевые паттерны и нарративные структуры отображаются процессы разрушения традиционной дворянской идентичности и поиска новых ценностных ориентиров.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ ДВОРЯНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ «БЕСЫ»: МЕЖДУ КОНСЕРВАТИЗМОМ И НИГИЛИЗМОМ

Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» демонстрирует кризис дворянского сословия через призму противостояния двух мировоззренческих систем — консерватизма и нигилизма. Внутренние противоречия дворянских персонажей проявляются не только на уровне сюжетных действий, но и через речевую организацию их дискурса, характерную для периода переходной культурной идентичности.

Степан Трофимович Верховенский представляет собой тип дворянина-либерала, оказавшегося в плену собственных иллюзий. Его высказывания изобилуют архаичными оборотами, патетической лексикой и усложненной синтаксической структурой:

«*Я мечтал быть трибуном народа… я хотел говорить — и толпы должны были рыдать!*» [10] Подобная речевая самоинсценировка отражает стремление сохранить за собой роль духовного лидера общества, однако в реальности его слова теряют перформативную силу. Верховенский-старший оказывается неспособным влиять на действительность — его речь становится риторическим жестом, лишенным реального коммуникативного воздействия. Через это автор фиксирует распад прежней идеологии просвещенного дворянства, потерявшей связь с актуальными общественными процессами.

Николай Ставрогин, напротив, олицетворяет новую форму дворянского кризиса: внутреннюю пустоту и утрату идентичности. Его минималистические реплики, доминирование коротких синтаксических конструкций, отказ от внятных суждений создают образ человека, для которого сама проблема идеологического выбора утратила смысл. Знаковым становится его признание:

«*Я ничего не утверждаю и ничего не отрицаю*». Лингвистически здесь наблюдается обнуление модальных компонентов речи: отсутствие утверждения и отрицания указывает на нейтрализацию позиции субъекта, неспособного к смысловому самоопределению. Ставрогин представляет собой «пустой знак» в системе ценностных координат эпохи, ставший продуктом разложения традиционного дворянского мировоззрения.

Особое место занимает образ Варвары Петровны Ставрогиной, чей речевой портрет сочетает императивные структуры, сарказм и элементы иронической дистанции. В ее репликах доминируют приказы и оценочные конструкции:

«*Вы были не борец, а разлагатель!*». Жесткая директивность ее высказываний свидетельствует о попытке сохранить традиционные формы власти и влияния в условиях утраты реального статуса. Однако сама агрессивная речевая стратегия выдает кризис самоидентификации: Варвара Петровна цепляется за ускользающую социальную и моральную доминанту, не осознавая необратимости происходящих изменений.

Нигилистический дискурс в романе («бесы») оформляется в упрощенной, предельно рационализированной речевой форме: укороченные фразы, декларативные утверждения, отсутствие сложных ценностных обоснований. На фоне этой речевой экономии старая дворянская речь выглядит архаичной и неэффективной, что подчеркивает несовместимость старого сословного сознания с новой идеологической реальностью.

В «Бесах» через речевые и когнитивные особенности персонажей Достоевский реконструирует драму идеологического раскола внутри дворянского сословия. Консервативное стремление удержать традиционные ценности сталкивается с нигилистическим отрицанием любых основ. Дворяне в романе, утрачивая единую речевую и идейную платформу, превращаются в символ внутреннего распада переходной эпохи.

КРИЗИС ДВОРЯНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОМАНЕ «ПОДРОСТОК»: ИСТОКИ И ПРОЯВЛЕНИЯ

Роман «Подросток» раскрывает еще одну грань кризиса дворянского сословия, акцентируя внимание на внутренних причинах утраты его социальной и культурной миссии. В отличие от «Бесов», где противостояние консерватизма и нигилизма носит открытый характер, в «Подростке» деградация дворянской идентичности проявляется в скрытых, повседневных формах речевого и поведенческого саморазоблачения.[11]

Ключевым носителем кризиса становится фигура Андрея Петровича Версилова. Его речь отличается размытостью модальных компонентов, чрезмерной экспрессивностью и непоследовательностью аргументации. В разговорах с Аркадием Версилов часто прибегает к протяженным, избыточно усложненным конструкциям:

«*Я хотел бы быть тем, кем, быть может, быть уже поздно… хотя кто знает, может быть, еще можно начать сначала…*» Такое речевое поведение свидетельствует о глубоком внутреннем разладе: лексическая неопределенность, модальные колебания и постоянные самооговорки отражают неспособность к четкой самоидентификации. Версилов, типичный выходец из старого дворянства, стремится сохранить идеалы «*чести*» и «*достоинства*», но в реальности его ценностная система оказывается глубоко эрозированной.

Особую роль играет выбор тем и стратегий самооправдания. Версилов постоянно апеллирует к идеалам прошлого, но делает это в дискурсивной рамке личных обид, разочарований и мелочных страстей. Его признание: «*Я, может быть, хотел бы великого… но вышло так мелко, что сам смеюсь*», — демонстрирует не только разрыв между идеалом и реальностью, но и осознание собственной неспособности к реальному действию.

На уровне когнитивной организации текста Версилов мыслит в категориях недостижимого величия, противопоставляя мечту и действительность. Его речевая стратегия построена на постоянных уступках («*может быть*», «*если бы*», «*а вдруг*»), что показывает внутреннюю капитуляцию перед социальными и нравственными вызовами эпохи.

Аркадий Долгорукий как антагонистический образ младшего поколения наследует эту раздвоенность, но уже в утилитарной, прагматической форме. Его стремление к «самосозданию» лишено романтических иллюзий, однако попытки имитировать самостоятельность приводят к механическому заимствованию речевых и поведенческих клише. Аркадий говорит об «идее стать Ротшильдом», но его фразы наполнены стандартными оборотами коммерческой риторики, что указывает на утрату индивидуальной глубины.

В «Подростке» Достоевский через специфику речевых стратегий и когнитивных установок персонажей демонстрирует процесс эрозии дворянского сознания. Утрата органической связи между ценностями и реальным поведением приводит к распаду идентичности: старшее поколение погружается в бесконечное рефлексирование и самооправдание, а младшее — в поверхностную прагматику. Оба полюса, несмотря на различия, свидетельствуют о невозможности сохранения целостной дворянской модели личности в условиях социального и культурного перехода.

ПРОБЛЕМА ВЕРЫ И НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА В РОМАНЕ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»: ДВОРЯНСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ДУХОВНОГО КРИЗИСА

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский переносит акцент с социального распада дворянства на его внутренний, экзистенциальный кризис. Духовные искания героев приобретают характер борьбы за сохранение или обретение утраченной целостности личности. В условиях разложения традиционных мировоззренческих систем дворяне становятся носителями драматического поиска новых оснований бытия.

Федор Павлович Карамазов — фигура, в которой обостренно проявляется утрата нравственного содержания сословного статуса. Его речь строится на упрощенных структурах, наполнена вульгаризмами, насмешками, грубостью: «*Не будь мне сытно и весело, застрелился бы! А так живу!*». Лексическая примитивизация и сниженная тональность высказываний фиксируют глубочайший обвал традиционных понятий о чести, достоинстве и ответственности. В устах Федора Павловича нет ни следов той речевой культуры, которая в дореформенной России считалась атрибутом дворянской принадлежности. Его фигура символизирует крайний полюс моральной деградации сословия.

На противоположной стороне находятся Алеша Карамазов и, в определенной мере, Иван. Их речевые модели сохраняют элементы рассудочной рефлексии, морального сомнения и поисков смысла. Алеша говорит кратко, но внутренне сосредоточенно, его реплики часто оформлены в виде вопросов или молитвенных формул: «*Иди и веруй, даже если не веришь…*». Алешин дискурс строится на допущении внутреннего диалога между верой и сомнением. Его речевые акты, несмотря на краткость, насыщены модальностями надежды, сострадания и признания собственной слабости. В этом проявляется одна из последних попыток сохранить дворянский кодекс духовной ответственности через смирение и служение.

Иван Карамазов, напротив, демонстрирует распад веры через интеллектуальную аргументацию.

Его знаменитая формула: «*Если Бога нет, то все позволено*», — раскрывает внутреннюю логику отрицания, где рационализация вытесняет моральное чувство. Ивана отличает гипертрофированная логичность речи, изобилующая риторическими приемами, гипотетическими построениями, усиленными модальными операторами («*если*», «*допустим*», «*возможно*»). Его дискурс оформляет когнитивную модель разрушения традиционной системы ценностей на уровне структурированного логического построения, что делает его голос особенно убедительным и вместе с тем трагическим.

В «Братьях Карамазовых» образ дворянства предстает раздвоенным между полной деградацией (Федор Павлович) и напряженным духовным поиском (Алеша, Иван). Речевые стратегии персонажей отражают не только личностные особенности, но и глубинные процессы культурной и идеологической перестройки [12]. Дворянство у Достоевского окончательно утрачивает единую идентичность, превращаясь в полифоническую систему разорванных голосов, каждый из которых по-своему свидетельствует о кризисе эпохи.

Анализ поздних романов Ф. М. Достоевского позволяет выявить дворянство как ключевой символ кризисной эпохи, переживающей глубокую культурную и мировоззренческую трансформацию. На протяжении трех произведений — «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» — дворянские персонажи последовательно утрачивают статус носителей единой ценностной системы, превращаясь в полифоническую совокупность противоречивых голосов.

В «Бесах» раскол внутри дворянской среды проявляется как противостояние консерватизма и нигилизма. Персонажи, еще стремящиеся опереться на традиционные основы, демонстрируют внутреннюю слабость, не способную противостоять идеологической эрозии. Ставрогин, Варвара Петровна и Верховенский-старший становятся носителями распадающейся идентичности, где традиционные формы поведения и речи теряют свою социальную и моральную продуктивность.

В «Подростке» кризис приобретает иную форму: процесс разрушения дворянского самосознания происходит изнутри. Герои утрачивают связь между идеалами и реальностью, их речи полны сомнений, уступок, самоиронии. Версилов как воплощение старого дворянства погружается в рефлексивную инерцию, в то время как новое поколение, представленное Аркадием, демонстрирует поверхностную прагматизацию идеалов, утратив глубокую духовную перспективу.

В «Братьях Карамазовых» проблема веры и нравственного выбора выносится в центр кризиса дворянской идентичности. Герои оказываются перед необходимостью личного морального решения в условиях разрушения коллективных ценностных ориентиров. Распад речевой культуры Федора Павловича, духовные искания Алеши и трагический рационализм Ивана показывают три возможных ответа на вызов времени — цинизм, вера и скептическое отрицание.

Обобщая выявленные закономерности, можно заключить, что образ дворянства у Достоевского приобретает черты двойственности и внутренней антиномичности. С одной стороны, дворянские персонажи стремятся сохранить остатки традиционного мира — чести, веры, социальной миссии. С другой стороны, их речь, действия и мыслительные стратегии свидетельствуют о невозможности возврата к утраченным основаниям. Дворянство оказывается между прошлым и будущим, между разрушением старых форм и мучительным поиском новых смыслов, что делает его художественным воплощением переходной культурной эпохи.

Таким образом, в позднем творчестве Достоевского дворянство теряет роль устойчивого носителя национальных ценностей и превращается в сложную метафору идеологической неопределенности. Через распад их речевых структур, когнитивных моделей и нарративных стратегий писатель передает драму разрыва между уходящим миром традиции и неопределенностью нового времени.

Проведенное исследование позволило выявить особенности репрезентации дворянства в позднем творчестве Ф. М. Достоевского как носителя ключевых идеологических конфликтов переходной эпохи. На материале романов «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» установлено, что дворянские персонажи утрачивают свою традиционную идентичность, становясь выразителями внутреннего кризиса российского общества второй половины XIX века.

Распад дворянского сознания проявляется на уровне речевых стратегий, когнитивных установок и нарративных структур. В «Бесах» противостояние консервативных и нигилистических позиций обнаруживается в разрыве между традиционными ценностями и их языковым воплощением. В «Подростке» утрата органической связи между идеалами и реальным поведением приводит к внутренней эрозии самосознания. В «Братьях Карамазовых» духовный кризис сосредоточен вокруг проблемы веры и нравственного выбора, определяя финальную точку эволюции дворянского образа.

Дворянство в поздних романах Достоевского предстает как символ двойственности и внутренней противоречивости: между сохранением старых ценностей и невозможностью их реального воплощения в изменяющемся мире. Через распад речевых форм, модификацию когнитивных схем и трансформацию нарративных стратегий автор передает драму разрушения традиционной идентичности и поиска новых оснований существования.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более глубоком анализе когнитивных и дискурсивных моделей кризисной идентичности в русской литературе конца XIX века, а также в изучении специфики репрезентации идеологических конфликтов через речевые и повествовательные структуры в других произведениях Ф. М. Достоевского и его современников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова Г. И. Специфика собирательных образов в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского / Г. И. Романова // Известия ЮФУ. Филологические науки. — 2024. — Т. 28. — № 3. — С. 108-117.

2. Крылова Л. А. Кризис дворянской семьи в 70-е годы XIX века в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» / Л. А. Крылова, Ж. Т. Кадыров, Г. К. Синбаева // Вестник КУ имени Ш. Уалиханова. — Серия филологическая. — 2024. — № 2. — С. 153-164.

3. Тарасова Н. А. Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) / Н. А. Тарасова // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2020. — № 2 (10). — С. 153-169.

4. Криницын А. Б. Поэтика и семантика скандала в поздних романах Ф. М. Достоевского / А. Б. Криницын // Преподаватель XXI век. Литературоведение. — 2016. — № 2. — С. 407-419.

5. Федорова Е. А. Идея спасения и национальные традиции в романах Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского / Е. А. Федорова // Культура и образование. — 2021. — № 3 (42). — С. 67-76.

6. Баршт К. А. Алексей Карамазов — последователь архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) / Баршт К. А. // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2021. — № 4. — С. 7-35.

7. Погорелый А. П. Бинарность идеологических позиций российской элиты как фактор отечественной истории / А. П. Погорелый // Человек и общество. 2022. — № 1. — С. 116-130.

8. Дённингхаус С. Теория речевых жанров М. М. Бахтина в тени прагмалингвистики / С. Дённингхаус // Жанры речи: Сборник научных статей. — 2002. — № 3. — С. 104-117.

9. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л. В. Енина // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 159-167.

10. Достоевский Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. — М.: Aegitas, 2015. — 1085 с.

11. Боровски М. Мотив двоиничества в творчестве Ф. М. Достоевского / М. Боровски // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога: сборник научных трудов. — 2018. — С. 149-154.

12. Пономаренко Е. В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности / Е. В. Пономаренко // Вопросы филологии. — 2007. — № 1. — С. 14-23.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Чжэн Сыцун, аспирант
E-mail: 943005731@qq.com

Lomonosov Moscow state university
Zheng Sicong, postgraduate
E-mail: 943005731@qq.com

УДК 82-14

О ПОЭТИКЕ И ПРОБЛЕМАТИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. А. ФЕТА «ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ» (1889): ЖАНР, ФЛОРОКОД, КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Г. А. Шпилевая, У. Ю. Борисова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация*: в данной работе анализируется стихотворное послание А. А. Фета вдове А. К. Толстого, С. А. Толстой (Бахметевой), в котором поэт использует флорокод роза / резеда, обозначающий два периода жизни адресата. Так как «визитной карточкой» А. К. Толстого является стихотворение «Колокольчики мои…», во многом определившее его литературную репутацию, то мы предположили, что два стихотворения (фетовское и толстовское), перекликаясь, создают своеобразный диалог. «Текст колокольчиков» достаточно обширный, он дополняет такие образы, как поддужный колокольчик и церковный колокол, фигурирующие в стихотворениях поэтов XIX-XX вв. Фетовское «послание», содержащее элементы «алфавита Флоры», является свидетельством глубокой человечности, подлинной эмпатии, отражающих культурные традиции общества того времени.*
Ключевые слова*: А. К. Толстой, А. А. Фет, флорокод, анжамбеман, «текст колокольчиков», эмпатия, стихотворное послание.*

Abstract*: in this article analyzes the poetic message of A. A. Fet to A. K. Tolstoy's widow, S. A. Tolstaya (Bakhmeteva), in which the poet uses the flora code rose / mignonette, denoting two periods of life. Since A. K. Tolstoy's "calling card" is the poem "My little bells …", which largely determined his literary reputation, we assumed that the two poems (Fet's and Tolstoy's), echoing each other, create a kind of dialogue. The "text of the bells" is quite extensive, as it complements such images as the bow bell and the church bell, which appear in the poems of poets of the 19th and 20th centuries. Fet's "message", containing elements of the "alphabet of Flora", is evidence of deep humanity, genuine empathy, reflecting the cultural traditions of the society of that time.*
Keywords*: A. K. Tolstoy, A. A. Fet, florocode, anjambeman, the image of bells, empathy, poem message.*

Целью настоящей работы является выявление точек соприкосновения двух произведений (фетовского послания «Графине С. А. Толстой» и знаменитого толстовского «Колокольчики мои…»), что дает возможность уточнить некоторые аспекты мировоззренческих позиций двух поэтов-современников. Мы попытаемся выполнить задуманное путем выявления некоторых биографических данностей (приятельские отношения А. А. Фета с А. К. Толстым и Софьей Андреевной, которой и посвящено анализируемое послание), посредством сопоставления цветочных кодов стихотворений (роза — резеда — колокольчики). Так как «текст колокольчиков» в отечественной поэзии обширен, то в поле нашего исследования попадают произведения других поэтов XIX-XX веков, демонстрирующие большое разнообразие и объем значений указанного образа: колокольчик-цветок / поддужный колокольчик / церковный колокол.

Много ценной информации о духовном и интеллектуальном родстве А. А. Фета и семьи А. К. Толстого содержится в воспоминаниях первого, считавшего, что его приятель — один из самых образованных, благородных и духовно здоровых современников. Тему отношений А. А. Фета и А. К. Толстого достаточно часто затрагивали историки русской литературы, отмечалось, что поэты были хорошо знакомы, состояли в переписке, обменивались визитами, ценили талант друг друга (что не мешало «созданию» пародий Козьмой Прутковым, например, «С персидского, из Ибн-Фета»: «Осень. Скучно. Ветер воет…»), но принадлежали к различным литературным направлениям: А. К. Толстого интересовали социально-исторические темы (преимущественно в драмах и прозе), А. А. Фет принципиально их избегал и, как известно, объектом изображения выбирал личные переживания, искусство. Однако в последние годы мнение несколько изменилось, замечено, что, при всем различии идиостилей, писателей объединяет тема «запредельности» Божьего творения [4, 92], это заключение следует из наблюдений над образами «времени и вечности» в лирике А. К. Толстого и А. А. Фета. Отмечается также, что оба автора даже продемонстрировали единство приемов поэтический речи, например, в «безглагольных стихотворениях» [там же] при создании «обобщенного образа России» («Чудная картина…» и «Край ты мой, родимый край»), представляя эстетическое видение

© Шпилевая Г. А., Борисова У. Ю., 2025

отчизнолюбия. Приведенные факты позволяют согласиться с тем, что «А. К. Толстой не без основания считается представителем “фетовской школы”», он действительно был «нетипичный», но все же последовательный «сторонник “чистого искусства”» [там же, 91].

Важные идеи можно почерпнуть из работ филологов, создавших аналитические работы о лирике А. А. Фета, которую невозможно понять, «если не видеть, что элементы условной красивости спаяны в ней с живым, конкретным и сильным отражением реальности» [2, 140]. Из монографий последних лет необходимо отметить исследование М. С. Макеева, посвященное творческой биографии А. А. Фета (где затрагивается и тема его отношений с русскими поэтами — Н. А. Некрасовым, А. К. Толстым, К. К. Романовым (К.Р.) и пр.), включающее тонкий, убедительный анализ особенностей типологии образов отечественной поэзии второй половины XIX века в целом. Важнейшей чертой поэтики А. А. Фета автор называет изображение «проявления красоты жизни» [7, 108] в самых обыденных, не всегда «беспечальных» явлениях; в качестве примера приводится образ *хандры* в стихотворении «Не ворчи, мой кот-мурлыка…». Данное замечание проливает свет и на анализируемое нами послание вдове друга, где присутствует пафос умиротворения, смирения, утверждения приоритета простых, скромных реалий жизни.

В 1889 году А. А. Фет посвятил вдове А. К. Толстого, С. А. Толстой (Бахметевой), следующее стихотворение:

Где средь иного поколенья
Нам мир так пуст,
Ловлю усмешку утомленья
Я ваших уст.

Мне всё сдается: миновали
Восторги роз,
Цветы последние увяли:
Побил мороз.

И безуханна, бесприветна
Тропа и там,
Где что-то бледное заметно
По бороздам.

Но знаю, в воздухе нагретом,
Вот здесь со мной,
Цветы задышат прежним летом
И резедой [12, 167].

Четырнадцать лет нет А. К. Толстого, и стихотворение начинается с вывода о том, что с уходом из жизни близкого человека «нам мир так пуст». Бытие вдовы писателя, блестяще образованной дамы, хозяйки литературного салона, талантливой пианистки, певицы, самодостаточной личности, конечно, не укладывается полностью в пушкинское признание «всё в жертву памяти твоей…», однако в фетовском послании присутствует некое значимое дополнение к нему, так как представлена сходная ситуация, ее не менее драматический вариант. Дополнение это напоминает об очень личном для А. А. Фета переживании (гибель когда-то любимой им женщины, с которой расстался за год до ее трагического ухода), а также раскрывает суть жизненного настроя адресата, С. А. Толстой. Уточняется к тому же отношение самого адресанта к истории любви и жизни четы Толстых: сочувствие им, добрая память о встречах, понимание всех тонкостей их непростого бытия.

В данном стихотворении мы наблюдаем то, что Б. В. Томашевский определил как «сознательное неразличение субъекта и объекта», то есть «поэт о внешних явлениях говорит так, как о своих душевных переживаниях, перемешивая свои внутренние впечатления и внешние образы» [10, 233]. Указанную ситуацию в субъектной сфере лирического произведения поддерживают законы выбранного жанра — *послания:* обращение к единомышленнику, духовно близкому человеку. «Внешний образ» здесь — настроение того, кому посвящено стихотворение, отметим, что это область «другого» (но не чужого) жизненного пространства, с которым «биографический» автор связан общей эмоцией, а именно: ощущением невосполнимой утраты. Изображенный жест — «Ловлю усмешку утомленья / Я ваших уст» — указывает на диалог без слов, взаимное понимание.

На внутреннее напряжение, на более глубокие эмоции (нежели обозначенные) намекают *анжамбеманы* («переносы», показывающие, что «метрическое членение не совпадает с синтаксическим» [3, 151]): «Ловлю усмешку утомленья / Я …; миновали / Восторги…; безуханна, бесприветна / Тропа…». Анжамбеманы всегда значимы, они маркируют эмоциональный скачок (или остановку перед ним, связанную с волнением), а в данной ситуации еще и демонстрируют особую фетовскую суггестию, его умение «навеять», указать, не называя. Этому способствуют личные местоимения «нам», «ваших» (отнесение к персонажам, которые вполне могут существовать в реальном мире), «со мной», уравнивающие переживания говорящего и слушающего, который как бы присутствует, является «синхронным адресатом». Очевидно, что природа приведенных местоимений далека от *обобщенно личных*, и это явно соотносит мир лирического произведения с миром диегетическим — более показанным, нежели рассказанным (миметическим). «Со мной» побуждает сопоставить лирическое «я» стихотворения с автором «биографическим» в силу его дружбы с тем, кто указан в заглавии послания; к тому же образ жизни А. А. Фета (помещика, добросовестного хозяйственника, который не понаслышке знал, что такое *борозда* (здесь это и поэтический образ)), философские

взгляды этого поэта-мыслителя также «читаются» в подтекстовых пластах произведения.

Обязательным адресатом в лирике, как известно, является и сам читатель, именно на него ориентирован *зачин* (аналог экспозиции в эпосе) любого произведения. По мнению исследователей композиции стихотворений (например, Т. И. Сильман), это и есть *эмпирическая* часть, призванная помочь «договориться» автору с реципиентом текста о чем-то *общеизвестном*, на котором в произведении далее базируются эмоциональный и философский пласты. «Идеальным» читателем в рассматриваемом нами случае, видимо, А. А. Фет представлял человека с жизненным опытом, пережившего немало сложных ситуаций, даже потерь. Эффект «присутствия» читателя в мире рассматриваемого стихотворения обеспечивается и глаголами, большинство из них имеют форму настоящего времени («ловлю», «мне все сдается…»), они как бы приглашают к диалогу, предполагают эмпатию. Автор, как видно, таким образом настаивает на важности незамедлительного отклика, взаимопонимания, погружения в переживание, настроение Другого, что является утверждением высокой ценности человеческого общения, показателем значимости настоящей, искренней дружбы.

Множественные пиррихии, неравное количество слогов в ямбических строках, кажется, таят загадку. И верно! Пара цветов — *роза* и *резеда* — выбраны для сопоставления неслучайно. Роза в символической флористике означает любовную страсть, а резеда (от лат. resēdāre — исцелять), извлеченная из холодной борозды, умаляет боль, врачует. К. И. Шарафадина, много лет плодотворно изучающая «алфавит Флоры», семантику букетов в литературе, заметила по поводу данных фетовских строк следующее: «Ведь бледные цветы, вырванные из мертвой земли, более устойчивы, чем пышная роза, метафора ушедшей молодости» [13, 355].

Знаток лирики А. А. Фета, М. С. Макеев, напоминает, что для этого поэта «сопоставление предметов важнее их “воздействия” друг на друга» [7, 106]. Действительно, роза и резеда — это не только два символа, два полюса «флорокода», это ещё и вехи жизни героини стихотворения. Важны и они, и пространство между ними, обозначающее время, протекшее от юности к гораздо более поздним периодам. «По бороздам» промелькнула и тень ушедшего *друга*, и упомянутая скромная *резеда*, спасенная от смерти в холодной земле; второй образ напоминает о том, каким ароматным, медоносным цветок был «прежним летом» (в прежнем бытии) и каким врачующим он может стать теперь.

Скромная, но стойкая резеда отсылает нас к другому неброскому, но такому же выносливому, неустрашимому цветку — колокольчику, воспетому А. К. Толстым в по-русски хрустально-чистом стихотворении «Колокольчики мои…». Эти незаметные темно-голубые цветы в известном лирическом произведении связываются с полем, лихим славянским конем, «гулом колокольным», звонкой музыкой праздничных колоколов. Несмотря на мощные, динамичные, яркие, оптимистичные образы (буран, «светлое посланье», «новая слава», «мед и брага льются») колокольчики, «цветики степные», в концовке стихотворения (созданного в 1840-х годах и напечатанного в 1854 году в «Современнике») все же не веселы, так как слишком сложны размышления поэта о судьбе Родины:

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая? [9, 57].

«Текст колокольчиков», как известно, не ограничивается «флорокодом», он в отечественной поэзии имеет массу версий: это «И колокольчик — дар Валдая / Гудит, качаясь под дугой» (Ф. Н. Глинки), и «Как сильно колокольчик дальний / порой волнует сердце нам» («Граф Нулин» А. С. Пушкина), и «Колокольчик однозвучный / Утомительно гремит» («Зимняя дорога» А. С. Пушкина), и «Мой двор уединенный … / Твой колокольчик огласил» («И. И. Пущину» А. С. Пушкина)…

Существует и совсем не радостный мотив: «У того же Пушкина можем отыскать указания на особое звучание “почтовых”, “дилижансных”, и “фельдъегерских” колокольчиков <…> — если первые несут новую весть или новые впечатления, то последний является знаком беды» [6, 110-111]. Как видно, друг друга дополняют неброский, нежный цветок, поддужный колокольчик (знак встречи желанного гостя), жизнерадостный «малиновый» звон церковных колоколов. Но рядом и определенные тревожные намеки, предостережение, а именно: визит фельдъегеря (нежеланного гостя), сигнал «авральных» ударов колокола (извещающих о происшествии, например о пожаре, о нашествии неприятеля и пр.).

Со временем, под воздействием трагических событий отечественной истории, оттенок неблагополучия в «тексте» колокольчиков / колоколов, на наш взгляд, начинает преобладать. У А. К. Толстого есть еще один пример (создан 5 декабря 1855 года, во время Крымской войны), отражающий реальный фрагмент русской жизни:

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая
бомба
Грянула. С треском кругом от нее разлетелись
осколки,
Он же вздрогнул — и к народу могучие медные
звуки

Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая [9, 130].

Можно вспомнить о «Новгородском предании» (1880) К. К. Случевского («Разбили колокол, разбили…»), о «Колоколе и колокольчике» (1909) И. Северянина («Грузно каялся грешный колокол»). XX век, к сожалению, щедрый на трагедии, пополнил историю литературы произведением (содержащим экфрасис) «Гойя» (1959) А. А. Вознесенского («…тело, как колокол, / било над площадью голой…»), пронзительными «Куполами» (1974) В. С. Высоцкого («В синем небе, колокольнями проколотом, / Медный колокол, медный колокол / То ль возрадовался, то ли осерчал…») и пр.

Особую «пуанту» поставил в рассматриваемом «тексте» колокольчиков-колоколов, указывающем на широкий «сверхтекст» (по учению В. Н. Топорова, он заставляет расширять «свои собственные пределы», создавая связи «внетекстовые»), а также подвел итог своим стихотворением «Время колокольчиков» (1984) А. Н. Башлачев. Выдающийся рок-поэт создал глубочайшие исторические, общественно значимые, при этом окрашенные личным, неповторимым переживанием образы: «Жрали снег с кашею березовой. / И росли вровень с колокольнями»; «Звонари черными мозолями / Рвали нерв медного динамика»; «Звонари по миру слоняются. / Колокола сбиты и расколоты»; «Если нам не отлили колокол, / Значит здесь — время колокольчиков»; «Но если есть колокольчик под дугой, / Так, значит, всё. Давай, заряжай — поехали!»; «Эй, Братва! Чуете печенками / Грозный смех русских колокольчиков?»; «И пусть разбит батюшка Царь-колокол / Мы пришли, мы пришли с гитарами»; «Свистопляс — славное язычество. / Я люблю время колокольчиков» [1, 13-15].

По-постмодернистски собирая все колокольчики и колокола отечественной поэзии, главным «нервом» своего стихотворения, на наш взгляд, А. Н. Башлачев делает все же созданную им скрытую метафору «сердце-колокольчик» («Ты звени, звени, звени, сердце под рубашкою»), видимо, отсылая читателя и слушателя к северянинскому образу («…это медное сердце собора»), а может быть, и к толстовскому финалу «Колокольчиков…»: «И ковшей славянских звук / Немцам не по сердцу» [9, 57]. В любом случае, безусловно, башлачевский вариант волнует «до сердечной боли» — таково мнение ценителей творчества этого поэта.

Очевидно, что со временем в поэзии соединились природное, интимное и общественное, гражданское: колокольчик-цветок / колокольчик поддужный / колокола — «сердца» храма / колокол — сердце поэта.

В литературоведении справедливо отмечалось, что с момента знакомства российской читательской аудитории со стихотворением А. К. Толстого «Колокольчики мои…» функция колокольчика-цветка существенно расширилась: «Степные цветки никому не принадлежат, поэтому звонят, что называется, “обо всех” — и, конечно, о русской истории, движением которой определена жизнь и современная судьба этих “всех”» [6, 119]. Как видно, очень «к месту» вспомнился и Э. Хемингуэй с его общеизвестным «For Whom the Bell Tolls».

Итак, А. А. Фет «отпевает» А. К. Толстого не скромными колокольчиками, а безыскусной, но душистой, целебной резедой. Об А. А. Фете, пережившем трагедию любви и смерти Марии Лазич, было сказано, что после потрясения он больше не будет «смешивать действительность и высокую поэзию, искать идеал в отношениях с людьми, в том числе в любви» [7, 138]. Ценно и утверждение о том, что со временем идеалом этого поэта становится семейное спокойное счастье, описанное И. В. Гете в поэме «Герман и Доротея» (1796-1797) — в истории простого немецкого крестьянина и не менее простой «девушки-беженки». Именно «простые» мать Германа, аптекарь и пастырь помогают влюбленным обвенчаться и начать трудовую семейную жизнь. Жизнь поэта-помещика А. А. Фета, как известно, проходила в «приземленных» упорнейших трудах по благоустройству приобретаемых имений, в каждодневных заботах о многочисленных родственниках. Не без иронии исследователем отмечается, что при осмотре и покупке очередного поместья «наличие жимолости, изящных тропинок и холмов или соловьев в соседней роще во внимание не принималось» [7, 247]. Как видно, даже сама нелегкая жизнь труженика, «биографического» автора, А. А. Фета, ассоциируется с растениями — жимолостью и всем тем, что произрастает в отечественных рощах (*простых* и знакомых каждому).

В своих воспоминаниях А. А. Фет, восстанавливая впечатления от знакомства с А. К. Толстым и его супругой, пишет, что Софья Андреевна (Бахметева) была умелой хозяйкой, ее «чайный стол» всегда был интересен, она могла приятно удивить гостей своей отличной игрой на фортепиано, а ее пение заставляло всех «задышать лучшею жизнью» [11, 186]. Знаменательно, что А. А. Фета радовал сам факт общения графа и графини с гостями с «истинно высокой простотой» (безусловно, аристократической). Если литературная репутация А. К. Толстого связана с его хрестоматийно известным «Колокольчики мои…», то характеристика самого поэта определена фетовской фразой о том, что граф был человеком на редкость естественным, «нравственно здоровым» [11, 188]. Таково общее мнение и многих других современников.

Кстати, послание поэта С. А. Толстой также отмечено *простотой*, естественностью, незамысловатой изысканностью, что подтверждают разговорная интонация («побил мороз», «по бороздам», «мне…сдается…»), краткость строк. Создается впечатление, что А. А. Фет не только последовательно разделял,

вслед за А. Шопенгауэром и под гнетом жизненных невзгод, высокое и низкое, сложное и простое, поэзию и хозяйственные заботы, но и пытался в поисках спасительной гармонии найти их точки соприкосновения. Одна из них, на наш взгляд, представлена в стихотворении «Где средь иного поколенья…», в котором *роза* и *резеда* уравнялись в тр***о***пе, подобно так называемому *обратному* сравнению, как известно, «борющемуся» со стандартами. А. А. Фет «переворачивает» привычные представления, сопутствующие слишком известному флорошифру розы (безграничное счастье, бушующая страсть, блестящее положение, безусловная красота, вызывающая восхищение), и отдает предпочтение незаметной резеде — полезной, утоляющей боль, печаль. Здесь также уместно вспомнить «обратные» сравнения Козьмы Пруткова, наиболее часто приводимые в литературоведческих справочниках: «Небо, усеянное звездами, всегда уподоблю груди заслуженного генерала», «Бердыш в руках воина то же, что меткое слово в руках писателя» [5, 133, 124]. Приведенные «обратные» прутковские сравнения, иронично перевернутые в борьбе с банальностью, и фетовская роза, уступившая место более ценной резеде, подчеркивают некоторое родство художественных законов творчества и мировоззренческих концепций двух выдающихся отечественных писателей: А. К. Толстого и А. А. Фета.

Возвращаясь к фетовскому лирическому посланию С. А. Толстой, отметим, что его композиция *спиралевидна*, так как, размышляя о непреходящей памяти, о врачевании душевных ран, *человек* стихотворения А. А. Фета поддерживает одну и ту же тему, но пространственно меняет «точку обзора». Возобновление начатого (что «сопровождается резким изменением эмоциональной окраски» [8, 85]) позволяет намеченному мотиву звучать гораздо более оптимистично, чему способствует смена форм глагола на будущее время: «Цветы задышат прежним летом…».

ЛИТЕРАТУРА

1. Башлачев А. Как по лезвию / А. Башлачев. — М.: Время, 2005. — 256 с.
2. Бухштаб Б. Я. Русские поэты: Тютчев, Фет, Козьма Прутков, Добролюбов / Б. Я. Бухштаб. — Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1970. — 247 с.
3. Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. — Ленинград: Советский писатель, 1975. — 664 с.
4. Кожуховская Н. В. Время и вечность в лирике А. К. Толстого / Н. В. Кожуховская // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — № 2 (39). — С. 90-93.
5. Козьма Прутков. Полное собрание сочинений. — Москва-Ленинград: Советский писатель, 1965. — 428 с.
6. Кошелев В. А. «Время колокольчиков»: литературная история символа / В. А. Кошелев // Александр Башлачев: исследования творчества. — М.: Русская школа, 2010. — С. 95-125.
7. Макеев М. С. Афанасий Фет / М. С. Макеев. — М. .: Молодая гвардия, 2020. — 443 с.
8. Никишов Ю. М. Лирическая спиральная композиция / Ю. М. Никишов // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 13: Poetyka literatury rosyjskiej: podejścia i interpretacje = Поэтика русской литературы: подходы и интерпретации. — Łódź, 2020. — S. 81-90.
9. Толстой А. К. Полное собрание стихотворений: в 2 т. — Т. 1. Стихотворения и поэмы / А. К. Толстой. — Ленинград: Советский писатель, 1984. — 640 с.
10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 334 с.
11. Фет А. А. Мои воспоминания. 1848-1889. Часть II / А. А. Фет. — Москва: Типография А. М. Мамонтова и Ко, 1890. — 406 с.
12. Фет А. А. Стихотворения / А. А. Фет. — Ленинград: ГИХЛ, 1956. — 380 с.
13. Шарафадина К. И. «Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 544 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилевая Г. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: 19alex04@mail.ru

Борисова У. Ю., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature

E-mail: 19alex04@mail.ru

Borisova U. Y., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature

УДК 82.03

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ СЕРГЕЯ КОЗЛОВА «ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ»

Юй Цзыхань

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация: *повесть писателя Сергея Козлова «Время любить» написана в социальном контексте 1990-х годов и, отражая и критикуя социальные и гуманитарные проблемы, важные темы, выраженные в произведении, носят универсальный характер — поиск и осмысление универсальных, онтологических истоков проблем существования человечества, не зависящих от конкретных исторических и социальных обстоятельств. Поскольку главный герой изобрел машину времени, в тексте часто переплетаются разные исторические эпохи, а сам герой легко преодолевает границы времени, находясь одновременно в разных временных и социальных измерениях. Такая обстановка позволяет произведению глубоко осмыслить такие категории, как вечность, судьба, вера, любовь и т.д. Цель данного исследования заключается в анализе художественного времени и пространства в произведении, демонстрируя их роль в формировании характеров и раскрытии авторского замысла. Анализ показывает, что Козлов использует путешествия во времени не просто как литературный прием, а как инструмент для исследования духовных поисков человека, его взаимоотношений с собой, с другими и с Богом, что делает повесть значимым примером современной духовной прозы.*
Ключевые слова: *Сергей Козлов, современная духовная проза, «Время любить», хронотоп.*

Abstract: *Sergei Kozlov's novella "Time to Love" is written in the social context of the 1990s and, while reflecting and criticizing social and humanitarian problems, the important themes expressed in the work are universal in nature — the search for and understanding of the universal, ontological origins of the problems of human existence, independent of specific historical and social circumstances. As the protagonist has invented a time machine, different historical epochs are often intertwined in the text, and the hero himself easily overcomes the boundaries of time, being simultaneously in different temporal and social dimensions. This setting allows the work to deeply comprehend categories such as eternity, fate, faith, love, etc. The purpose of this study is to analyze the artistic time and space in the work, demonstrating their role in shaping characters and revealing the author's intention. The analysis shows that Kozlov uses time travel not simply as a literary device, but as a tool for exploring the spiritual quests of man, his relationship with himself, with others, and with God, which makes the novella a significant example of modern spiritual prose.*
Keywords: *Sergei Kozlov, modern spiritual prose, "Time to Love", chronotope.*

Сергей Сергеевич Козлов — современный русский писатель, его творчество представляет представляет собой значимое явление в современной русской литературе, отражающее тенденции возвращения к духовным ценностям и православной традиции. Его произведения характеризуются глубиной философской мысли, обращением к экзистенциальным вопросам и поиску духовно-нравственных ориентиров в современном мире. Писатель уделяет особое внимание проблеме взаимоотношений человека и Бога, внутреннему преображению личности и духовному пути современного человека, что органично вписывает его произведение в контекст современной духовной прозы.

Современная духовная проза, формирующаяся на рубеже XX-XXI веков, представляет собой значимое направление в российском литературном процессе, объединяющее тексты религиозно-нравственной тематики с выраженной ориентацией на православную традицию. Генезис этого явления связывают с возрождением интереса к христианским ценностям в постсоветский период, что обусловило синтез сакрального и художественного дискурсов. Как подчеркивает М. С. Краснякова, «Христианская религия остается для современного человека едва ли не единственным гарантом духовной и нравственной стабильности, в основе которой четкая и проверенная веками система ценностей. Именно новое направление нагляднее всего отражает поиск человеком духовно-нравственных ориентиров в хаотичной современной реальности» [3, 169]. Стилистическое своеобразие современной духовной прозы проявляется в синтезе канонических форм и новых нарративных стратегий. Если ранние работы (архим. Тихон Шевкунов, О. Николаева) тяготели к агиографическим образцам и паломническо-

© Юй Цзыхань, 2025

му очерку, то после 2000-х годов жанровое разнообразие современной духовной прозы развернулось во всю ширь, включая автобиографическую исповедь, притчу, фрагментарные зарисовки и даже элементы мистического реализма.

Сюжет повести «Время любить», изданной в 2011 году, отражает историко-социальный контекст жизни России 1990-х годов. В период распада Советского Союза российское общество переживало потрясения, связанные с потерей политического влияния, ослаблением армии и нестабильностью экономики. Для того чтобы показать внутреннюю жизнь людей в особый исторический период рубежа веков, автор вводит образ машины времени, с помощью которого создает инструмент для формирования фантастической реальности. В романе С. Козлов формирует многомерный хронотоп, включающий следующие пласты: прошлое, настоящее, будущее и вечность. Путешествуя между этими измерениями, главный герой не только пытается спасти других персонажей и исправить их ошибки, но и, что более важно, ищет ответы на экзистенциальные вопросы: кто он, каково его место в мире и как ему выстроить отношения с Богом.

Погружая главного героя в мир прошлого, писатель фокусируется на двух уровнях. Первое измерение сосредоточено на личном аспекте главного героя, происходит раскрытие специфики его внутренней эволюции. В соответствии с традициями современной православной художественной литературы, центральный персонаж представляет «особый тип героя, духовная эволюция которого предполагает прохождение опорных ситуаций — стартовой, кризисной, выборной и финальной как форм индивидуального испытания» [4, 31]. Очевидно, что главный герой Сергей Павлович Кошкин, будучи ученым, является выразителем рационального знания, но его поведение во многом связано со стремлением вырваться из оков научного разума. Одним из наиболее очевидных последствий падения коммунизма стала высокая степень поляризации российского общества. И главный герой произведения, Кошкин, — одна из жертв этих перемен. Резкое снижение собственного социального статуса и личного заработка разрушают его жизнь: от него уходит любимая жена, и он чувствует себя чужим в изменившемся мире. Это вызвано изменением социального и культурного контекста, поэтому первоначальная цель его попытки вернуться в прошлое с помощью машины времени — спасти потерянную любовь, ведь возвращение в прошлое не только компенсирует личностный кризис, но и позволяет уйти от угнетающей реальности. При этом автор показывает, что старания Кошкина тщетны, а для его бывшей жены, Елены Андреевны, время, когда они любили друг друга, осталось в прошлом: «Что им тогда было нужно? Ничего, кроме друг друга. Никто из них не думал, на что купить завтра буханку хлеба или в какой валюте хранить сбережения… И, казалось бы, сегодня у нее тоже есть любовь. Причем любовь, помноженная на благополучие и все мыслимые в этом мире гарантии. Но, как ни крути, есть в ней привкус расчета, меркантильная затравка, зернышко такое. Расчет этот то тут, то там выползает, как кривая строчка на платье. И при этом глянь со стороны — живут душа в душу два любящих друг друга, два удачливых партнера, и в высшем свете показываются как эталон современной семьи» [2, 61]. В сознании Елены их «время любить» закончилось, и хотя это было драгоценное, чистое время, общество и люди меняются, и она не жалеет о том, что сделала выбор в пользу благополучной жизни.

В романе Кошкин с помощью машины времени возвращается в прошлое и снова встречается с Еленой, что заставляет женщину, проживающую свою настоящую жизнь, по-настоящему задуматься о правильности своих перемен. Она начинает вспоминать себя прежнюю, диаметрально противоположную своей нынешней успешной и прагматичной сущности, признает, что такие люди, как Кошкин, которые могут сохранить себя в условиях перемен, — настоящие победители, и даже начинает сомневаться в правильности социальных тенденций настоящего. Бесспорно, что возвращение Кошкина в прошлое с помощью машины времени в определенной степени повлияло на Елену, но любовь, которая когда-то была между ними, может остаться только в прошлом, и невозможно желать ее продолжения в настоящем, потому что «…любовь рычагами и кнопками не управляется. Никакое сочетание электромагнитных полей не способно вызвать или реанимировать это самое сильное на земле чувство» [2, 52].

Второй уровень этого пространственно-временного измерения прошлого писатель устанавливает в масштабах всей нации. В повести друг Кошкина, Василий Дорохов, несколько раз возвращается в прошлое, чтобы спасти своих товарищей, погибших на войне. Сергей Козлов создает в романе сложную систему пространства-времени, в которой любое действие, совершенное после возвращения в прошлое, вызывает ряд различных реакций, необратимо влияющих на реальность.

Подобная художественная установка, сопоставляющая прошлое и настоящее, создает ощущение “вечности” и углубляет историческую значимость произведения. Эта идея перекликается с мыслями Д. Франка о том, что в определенной литературе «Прошлое и настоящее предстают в пространстве как замкнутое вневременное единство, в котором несмотря на внешние различия между ними стерто всякое ощущение исторической последовательности самим актом совмещения» [6, 212]. Алейхан и Бекхан, чеченские братья, выбрали противоположные пути под влиянием Кошкина. Алейхан, осознав абсурд войны через категорию «любви» (к себе, ближним

и Высшей Воле), обрел духовную свободу. Бекхан, погруженный в ненависть к врагам, инакомыслящим и брату, стал разрушителем, отрицающим универсальные истины. Их судьбы иллюстрируют, как выбор между любовью и ненавистью определяет перспективы искупления: первый устремлен к свету, второй обречен на духовную гибель без шанса на искупление.

В процессе изображения будущего по-прежнему ключевой характер носит идея любви. В книге Кошкин переносит богача Рузского в будущее на три года позже, где тот оказывается таким же богатым, как и прежде, но умирающим от болезни. Когда-то он тоже растворился в потоке времени и работал даже больше, чем все остальные: «Нет времени остановиться, оглянуться, подумать, нет времени по-настоящему любить, нет времени вчитываться в книги, нет времени съездить на кладбище, чтобы помянуть родных, нет времени отстоять службу в церкви…» [2, 102]. Столкнувшись с угрозой неминуемой смерти, он понял, что погоня за славой, богатством и деньгами никогда не закончится, и что любовь — это самое важное в его ограниченном времени.

Можно заметить, что герои книги путешествуют между прошлым и будущим, но их конечной целью и точкой приземления является «настоящее»: Кошкин хочет вернуть свою потерянную любовь в настоящем, Дорохов — спасти погибших товарищей, а Рузский в своем путешествии познает истинный смысл того, как жить заново. В конечном счете, машина времени Кошкина предстает не столько инструментом для изменения судьбы, сколько средством познания себя и мира. Как отмечает один из героев, обращаясь к Кошкину, «мне думается, ты не изобрел эту машину, ты ее выстрадал» [2, 11]. Именно благодаря машине времени персонажи получают возможность переосмыслить свое существование и взглянуть на настоящее с новой перспективы. М. М. Бахтин в статье «Формы времени и хронотопа в романе» доказывает, что именно хронотоп играет основополагающую роль в образном оформлении авторского замысла, в его сюжетном выстраивании и, кроме того, в жанровой организации текста [1, 398-399]. В романе маркеры пространства и времени сливаются в узнаваемое и конкретное целое. Время здесь сгущается и сворачивается в нечто художественно зримое, а пространство напрягается, чтобы быть втянутым в движение времени, сюжета и истории. Знаки времени должны проявляться в пространстве, а пространство должно быть понято и измерено через время.

Сергей Козлов через понятие «машина пространства-времени» делает разные пространства-времена взаимосвязанными, реализует технику синхронности между разными пространствами-временами. Это также чрезвычайно похоже на «вертикальный хронотоп» Бахтина. Они также превращают диахроническое в синхронное, также применяют трансцендентальный подход к разрешению исторических противоречий. Этот художественный прием не отрицает и не стирает закон линейного, горизонтального развития истории, а скорее уважает его как необходимое условие, то есть гетерохронность является предпосылкой синхронности. Кроме того, новаторство заключается в единстве противоречий, то есть гетерохронность и синхронность не являются противоположными понятиями, а интегрированы. Синхронность чтит гетерохронность, и таким образом гетерохронность входит в синхронность. В то же время гетеротопии сталкиваются и взаимодействуют друг с другом в рамках общего времени, порождая диалог и новые смыслы. Эта установка также подводит к центральной мысли романа, которая заключается в том, что машина времени может быть использована для спасения других и изменения истории, но бесполезно пытаться изменить направление собственной жизни, потому что «нет, это не Кошкин менял посредством своего изобретения настоящее, прошлое или будущее; если здесь и присутствовало движение человеческой воли, то оно являлось всего лишь усилением векторной тяги высших сил, нисходящих оттуда, где давно уже был решен исход главных событий» [2, 96]. Функция машины времени — приближение к истине, по словам А. Н. Семенова, «история с изобретением машины времени лишь благодатная основа для того, чтобы попытаться разобраться в том, кто мы, как люди, как страна, как народ, из какого прошлого мы пришли и чего ждем от нашего будущего» [5, 112]. Все усилия, которые люди в книге предпринимают на разных временных отрезках, дают разные варианты на разных временных отрезках. Как говорится в книге: «главное — то есть точка прибытия — неизменна, а вот варианты движения к ней могут быть самыми разными» [2, 114].

Хотя общее направление движения истории необратимо, огромная картина, возникающая из этих бесчисленных вариантов действий людей по собственной воле в масштабах Бога, — это путь к разрешению конфликта между человеком и миром, путь движения человечества из настоящего в будущее, и даже, по мнению писателя, возможно, единственный путь. Как видим, писатель всегда с разочарованием и ностальгией смотрит в прошлое, а также с надеждой — в будущее, но, в отличие от некоторых других писателей, Козлов в целом оптимистично смотрит на будущее русской нации и считает, что начало и источник всего — настоящий момент, и что для этого нужны коллективные усилия.

В конце романа Кошкин отвозит свою возлюбленную Варю в «Город влюбленных» — пространство, принадлежащее им обоим, где происходят сцены, похожие на те, что бывают в реальной жизни, только там нет понятия времени, и это личное, веч-

ное место, которое принадлежит только влюбленным: «Взгляни, жизнь придет сюда через двадцать девять минут! Здесь еще нет времени. Потому что время измеряется только людьми. Даже для других живых организмов оно не имеет такого значения. Времени здесь нет, а любовь есть!» [2, 163]. В глазах писателя любовь способна преодолеть ограничения пространства и времени. Если тройное пространство-время в произведении можно интерпретировать как символы трех видов знаков: незабываемого прошлого, неостановимого настоящего и неизбежного будущего, то это идеализированное пространство представляет собой своего рода «исключение», «место вечности», к которому стремится писатель и которое преодолевает ограничения обыденности. «Вечное место», к которому стремится писатель за пределами ограничений мира, пишет автор в эпилоге: «Да! Если вдруг вы увидели, как на ваших глазах посреди улицы исчезла влюбленная пара, не удивляйтесь. В Городе влюбленных ворота не закрываются никогда (ибо «никогда» по своей категоричности граничит с понятием «всегда», а стало быть, с той самой вечностью). Кто знает, может, и вы сподобитесь там побывать» [2, 166]. Благодаря «Городу влюбленных», «время любви» не исчезнет, а обретает объективные черты.

Повесть Сергея Козлова «Время любить» является произведением, в котором переплетаются разные временные измерения, образуя сложное и многогранное художественное пространство. Используя мотив машины времени, автор не только исследует социальные и исторические проблемы 1990-х годов, но и обращается к вечным вопросам человеческого существования. В заключении, подчеркнем что, через призму личных трагедий и духовных поисков героев, Козлов показывает, как любовь, память и вера могут помочь человеку преодолеть трудности времени и обрести истинный смысл жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М.: Худож. лит., 1975. — 504 с.
2. Козлов С. С. Время любить: роман / С. С. Козлов. — М.: Сибирская Благозвонница, 2011. — 398, [1] с.
3. Краснякова М. С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: дис. … канд. филол. наук / Краснякова М. С. — Воронеж, 2016. — 206 с.
4. Леонов И. С. Православная художественная проза XXI века: типология и поэтика: специальность 10.01.00 «Литературоведение»: дис. … д-ра филол. наук / Леонов Иван Сергеевич. — Волгоград, 2019. — 388 с. — EDNKHEULG.
5. Семенов А. Н. «Я хотя бы знаю диагноз…»: Конфликт в прозе Сергея Козлова / А. Н. Семенов. —СПб.: Издательская программа АПИ, 2010. — 160 с.
6. Франк Дж. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, ст., эссе / Дж. Франк; сост., общ. ред. Г. К. Косикова. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — 510,[1] с.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Юй Цзыхань, аспирант филологического факультета
E-mail: oly88877@yandex.ru

Pushkin State Russian Language Institute
Yu Zihan, Postgraduate Student of the Faculty of Philology.
E-mail: oly88877@yandex.ru

УДК 070.1:796 (470)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И ПАРНОЙ РАБОТЫ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАТОРА

Д. В. Амелин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июня 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматривается комментарий как феномен современной демонстрации спортивных соревнований на телевидении и в «новых медиа». Выделяются особенности индивидуальной и парной работы комментатора во время эфиров, описываются фрагменты соответствующих трансляций.*
Ключевые слова*: комментарий, спорт, монолог, диалог, телевидение, новые медиа.*

Abstract: *the article considers commentary as a phenomenon of modern demonstration of sports competitions on television and in the so-called "new media". The peculiarities of individual and paired work of the commentator during the broadcasts are highlighted; fragments of the respective broadcasts are described.*
Keywords: *commentary, sports, monologue, dialogue, television, new media.*

Данная статья посвящена феномену индивидуального и парного спортивного комментария на примере трансляций с футбольных и баскетбольных матчей. Как правило, такие соревнования широко освещаются в средствах массовой информации, в частности на телевидении. Кроме того, в современных реалиях болельщики могут наблюдать за играми с помощью так называемых новых медиа, которые получили распространение в последние годы. В каждом из этих случаях спортивные комментаторы осуществляют свою работу в прямом эфире или в записи. Они анализируют игровые моменты, предоставляют зрителям потенциально интересную для них информацию о том или ином матче, погружая их в контекст происходящего на футбольном поле или баскетбольной площадке, а в некоторых случаях — при необходимой технической возможности — предлагают аудитории стать непосредственными участниками обсуждения соревнований, пробуждая в ней интерес к спортивному противостоянию.

Для более успешного понимания особенностей индивидуального и парного комментирования сначала раскроем значение базового термина «комментарий». В соответствии со словарем С. А. Кузнецова, это «рассуждение, пояснительное или критическое замечание по поводу чего-либо» [1, 560]. В. М. Смирнов считает, что данное определение применимо и к спортивным трансляциям, поскольку комментарий в области спорта так же, как и другие жанры, «отражает действительность с нужной глубиной и охватом документального материала» [2, 288]. Документальность выражается в том, что спортивный комментарий основан на рассказе о реальных игровых моментах и действующих лицах (спортсменах, болельщиках, арбитрах, тренерах и т.д.).

При выполнении работы мы использовали материалы 50 трансляций Российской премьер-лиги (2009-2025 гг.), Лиги чемпионов УЕФА (2009, 2017 гг.), чемпионата мира по футболу (2018 г.), NBA (2023 г.). Анализ данных эфиров позволил нам дать более узкие определения рассматриваемых нами видов спортивного комментария и выявить их характерные черты.

Индивидуальный вид спортивного комментария — это полноценный монологичный текст, выраженный в устной форме и порождаемый активным участником коммуникации — комментатором — во время какого-либо соревнования. Сложность данного вида комментария состоит в удержании внимания зрителя. Оратору необходимо тонко чувствовать грань между комментарием и пересказом происходящего на площадке. Чтобы соблюсти соответствующий баланс, комментатор включает в свой монолог повествование о прошлых результатах спортсмена, которого показывают на экране в определенный момент эфира, о его личной жизни, планах на текущий турнир. Например, Владимир Стогниенко, комментируя матч сборных России и Египта на чемпионате мира по футболу 2018 г., заострил внимание на звездном футболисте египтян Мохаммеде Салахе, который на тот момент являлся одним из сильнейших игроков английского «Ливерпуля» и мирового футбола в целом: «На ваших экранах — человек, забивший пять мячей в квалификации к мундиалю. Его приезда в Россию на чемпионат мира все ждали, ждали и мы. Приятно соперничать с сильней-

© Амелин Д. В., 2025

шими. Он провел фантастический сезон, Мохаммед Салах. Для Египта это настоящий футбольный символ и кумир. Перед матчем в одном из интервью он заявил, что его команда ставит самые высокие цели на этот турнир».

Кроме того, при индивидуальном комментировании важна молниеносная реакция спортивного комментатора на какие-либо нестандартные обстоятельства в матче. В таких случаях он должен продемонстрировать наличие в своем профессиональном арсенале такого качества, как импровизация. Встреча «Сатурна» и «Спартака» в рамках РПЛ в 2009 г. послужила ярким примером импровизационной составляющей эфира. В одном из моментов игры неожиданно болельщик выбежал на поле с трибуны и пробил пенальти вместо футболиста «Спартака». Комментатор Георгий Черданцев сразу же среагировал и с юмором произнес следующую фразу: «И человек побежал. Давай, забивай! Гол! Какой жесткий парень. Молодец. Что охрана-то спит, интересно?»

В предыдущих публикациях нами уже упоминались характерные черты данного вида работы на спортивных матчах: независимость ведения эфира, монологичность, субъективность мнений [3, 119-120]. Раскроем каждую из этих особенностей.

Так, независимость ведения эфира предполагает, что комментатор самостоятелен при подготовке к трансляции и во время нее. Именно он следит за содержательно-смысловым аспектом ведения матча. Монологичность речи обусловлена тем фактом, что комментатор порождает устный текст один, отсюда и единственно возможная форма подачи его высказываний — монолог. Субъективизация мнений и оценок подразумевает, что высказывания о действиях игроков, судей, тренеров и других участников матчей приводятся в эфире исключительно как авторская точка зрения комментатора.

Первые две характеристики иллюстрируются приведенными выше примерами из матча сборных России и Египта по футболу на ЧМ-2018, а также встречи «Спартака» и «Сатурна» в рамках РПЛ-2009. Если говорить об упомянутой субъективизации, то в качестве примера можно привести фрагмент трансляции матча Лиги чемпионов между казанским «Рубином» и «Барселоной», который состоялся 20 октября 2009 г. в Испании. Комментатор той игры Юрий Розанов субъективно отозвался о защитнике каталонцев Жераре Пике: «Он, безусловно, бомба прошлого розыгрыша Лиги чемпионов. Говорили про него, что вот-вот растет парень, который затмит и Пуйоля, и вообще всех центральных защитников в Европе, но пока, на мой взгляд, затыкать за пояс даже Пуйоля ему рановато, но потенциал у него громадный: и вверху хорош, и лидерские качества сумасшедшие, и свое дело знает хорошо».

Помимо индивидуального комментирования, на телевидении и в «новых медиа» мы часто встречаемся с реализацией парного комментирования. С нашей точки зрения, парное комментирование — это полноценный диалогичный текст, выраженный в устной форме и порождаемый активными участниками коммуникации — комментаторами — во время какого-либо соревнования.

После проведенного анализа 50 трансляций Российской премьер-лиги (РПЛ) за 2024-2025 гг. и Лиги чемпионов УЕФА за 2017 г. мы пришли к выводу: в 70% случаев матчи комментировали два человека, причем эта тенденция прослеживалась нами как в играх РПЛ, так и Лиги чемпионов УЕФА. Отсюда следует вывод, что в современной онлайн-среде парный комментарий стал вытеснять его индивидуальный аналог. По нашему мнению, это вызвано необходимостью обеспечивать дуализм суждений и оценок происходящего на поле или паркете; то есть, работая в паре, комментаторы повышают объективность во время трансляции соревнования.

В анализируемых матчах дуэты комментаторов составляли либо два журналиста, либо тандем из журналиста и приглашенного эксперта. Впрочем, такое деление довольно условно, так как со временем журналист вполне может стать экспертом, то есть таким специалистом, который не только хорошо разбирается в том или ином виде спорта, но и постоянно следит за всеми спортивными новостями [4, 67]. Например, Дмитрий Губерниев, много лет комментируя биатлон и водные виды спорта, фактически стал в них экспертом.

Кроме того, в роли комментаторов, способных озвучивать свое независимое экспертное мнение, выступали также и заслуженные спортсмены, давно завершившие игровую карьеру. Так, 19 апреля 2017 г. экс-тренер ЦСКА и сборной России Леонид Слуцкий вместе с Нобелем Арустамяном комментировали ответный матч 1/4 финала Лиги чемпионов между «Барселоной» и «Ювентусом». Приведем фрагменты стенограммы той футбольной встречи и исследуем их.

Шла 27-я минута матча. Счет не был открыт, а мяч находился на половине поля «Барселоны».

Л. Слуцкий: «Сейчас уже попытки прессинга по-прежнему есть, но они уже очень редкие, и, на мой взгляд, они уже не такие основательные, в отличие от того, как это было вначале». В этом отрывке мы замечаем частотность употребления Л. Слуцким некоторых слов (в данном случае слова «уже»). Скорее всего, это связано с его волнением перед работой в прямом эфире и отсутствием такого опыта. Однако специалист старался донести до аудитории свои тактические наблюдения, очевидные для него в силу богатого тренерского стажа.

Другим характерным моментом этого матча стало следующее обращение Н. Арустамяна за экспертной оценкой к Л. Слуцкому по ходу игры:

Н. Арустамян: «Мяч на Игуаина и нарушение правил! А было ли?»

Л. Слуцкий: «Прав! Еще раз повторю: здесь арбитр даже какие-то спорные эпизоды трактует в пользу «Ювентуса» для того, чтобы показать, что он независим от этого давления, которое может быть».

Подобный опыт высоко оценили зрители и журналисты. Известно, что на следующий день на одном из популярных спортивных сайтов вышел материал с заголовком «Думай сам. Почему тренеры-комментаторы — это круто» (издание «Чемпионат», автор статьи Антон Михашенок).

Тем не менее, несмотря на признанный успех такой пары комментаторов (журналист — эксперт) в данном конкретном случае, можем сказать, что такие тандемы являются крайне рискованными, потому что далеко не все эксперты могут совладать со своими нервами перед эфиром и иметь навыки соответствующего публичного выступления. В связи с этим комментаторский дуэт из двух журналистов является более практичным, поэтому, на наш взгляд, и применяется чаще всего. В этой паре очень важно взаимопонимание двух людей, потому что оба комментатора в равной степени участвуют в ведении трансляции.

Например, Георгий Черданцев и Сергей Дурасов в эфире «Матч ТВ» были лаконичны в своих репликах по ходу игры 20-го тура МИР РПЛ между ЦСКА и «Химками» 8 марта 2025 г. Комментаторы дополняли друг друга. В качестве доказательства этого мы взяли следующий фрагмент стенограммы данного матча:

Г. Черданцев: «Кисляк разгоняет атаку «армейцев», хорошо двигается с мячом, ищет варианты, но, мне кажется, передержал мяч. С другой стороны, дождался фола со стороны соперника, и зарабатывает ЦСКА штрафной удар».

С. Дурасов: «Очень легкое касание Веры, обратите внимание — едва задел Кисляка, но он это почувствовал, он понял, что лучшим вариантом будет падение, ну и штрафной через паузу Шафеев все же назначил».

Обращает на себя внимание то, что синтаксис диалога отличается тем, что каждая последующая реплика продолжает предшествующую, либо строится под влиянием ее структуры [5, 469-473]:

Г. Черданцев: «Здесь травки на флангах немного не хватает, в контроль мяча играть будет сложно, хотя Марко Николич как раз сказал о том, что, учитывая превосходство «Химок» в мощи и физической силе — «Химки» действительно по статистике хороши: они лидеры 19-го тура по проценту выигранных единоборств — 58 они выиграли. Для сравнения даже больше, чем у «Факела». Представляете, у «Факела» выиграть — у одной из самой бойцовской команды нашего чемпионата. С учетом этих обстоятельств Николич предложил своим футболистам поиграть внизу, но газон вряд ли будет способствовать такому футболу».

С. Дурасов: «Может, тебе чисто визуально сверху так и кажется, но мяч-то ходит быстро — не скачет, не дробит. Пока футболу ничего не мешает».

Приведенный пример убеждает в том, что при парной работе спортивный комментатор должен адаптировать свою речь к сказанным словам своего коллеги [6, 69-102].

Ранее нами уже отмечались такие особенности парного комментирования состязаний, как: зависимость в ведении эфира от коллеги-напарника, диалогичность речи, распределение «ролей», объективизация мнений и оценок происходящего на поле/паркете и за его пределами, обратная связь от второго комментатора [7, 4-5]. Объясним их значение более подробно.

Так, зависимость в ведении эфира от коллеги-напарника предполагает, что фразы одного комментатора неразрывно связаны с высказываниями другого оратора.

Диалогичность речи обусловлена тем фактом, что комментаторы порождают устный текст вдвоем, отсюда и единственно возможная форма подачи их высказываний — диалог.

Объективизация мнений и оценок происходящего на поле/паркете и за его пределами подразумевает то, что действия игроков, судей, тренеров и других участников матчей комментаторы трактуют с двух сторон, при этом их точки зрения могут и совпадать, и отличаться.

Данные характеристики полностью противоположны чертам индивидуального (одиночного) комментирования. Более того, мы можем выявить и уникальные особенности парного комментария, которые являются его квинтэссенцией, они не сравнимы с чертами индивидуального комментирования:

- распределение «ролей» (один комментатор — ведущий, другой — на втором плане, либо оба комментатора делят время примерно поровну);
- обратная связь от второго комментатора (второй оратор может дополнять, поправлять коллегу, также между ними возможны дискуссии в течение трансляции).

Важно понимать, что во время эфира «картинка» имеет большее значение, чем журналист, так как любой болельщик включает телевизор или онлайн-сервис в надежде посмотреть в первую очередь сам матч, а не послушать комментатора/комментаторов. Ведущие матча — вне зависимости от их количества — играют роль тех же зрителей, которые, находясь на месте событий, ведут диалог с фанатами и дают им свою оценку происходящему. Причем в условиях «новых медиа» мнения зрителей могут быть не только услышанными, но и озвученными бла-

годаря чату трансляции. Такая функция приводит к включенности болельщиков в обсуждение матчей, так как они могут отправлять сообщения, видимые не только другим зрителям, но и самому комментатору, который может напрямую общаться со своей аудиторией и воздействовать на нее. Например, комментатор Игорь Знаменский во время своей работы на баскетбольном матче плей-офф NBA 2022/23 между Бостоном и Филадельфией задавал зрителям по ходу трансляции следующие вопросы: «А как вы думаете, друзья, какая из команд забросит мяч в корзину в следующий раз?»; «Крайне интересно, где вы находитесь, смотря наш сегодняшний матч?»

Аудитория активно откликалась на эти и другие вопросы комментатора — все участники эфира вместе обсуждали игровые моменты, потому что каждый из них имел право голоса. Так возник эффект диалогичности, связанный с отсутствием второго комментатора. Данный феномен К. В. Снятков назвал «внутримонологической диалогичностью» — использованием диалогических единиц в монологической речи с учетом примерного представления состава аудитории, которая смотрит трансляцию [8, 420-426]. Такое явление распространено при индивидуальном комментировании в «новых медиа», оно требует отдельного более глубокого изучения.

Таким образом, мы увидели, что спортивный комментарий является распространенным явлением в современной массовой индустрии на ТВ и в «новых медиа». Мы выяснили, что на экранах парный вид комментария преобладает над индивидуальным. Тем не менее у каждого из них есть свои особенности. Комментарии призваны не только описывать происходящие эпизоды соревнования, но и анализировать их. Как правило, именно эти роли (журналиста и эксперта) распределяют между собой спортивные комментаторы во время трансляции. Ими могут быть как сами профессиональные журналисты, так и приглашенные специалисты: экс-тренеры, спортсмены, судьи — для достижения дуализма мнений о происходящем на поле или площадке, а также для максимально объективной оценки этих событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный толковый словарь русского языка. — М.-СПб., 2008. — 959 с.
2. Смирнов В. М. Жанры радиожурналистики / В. М. Смирнов. — М.: Аспект Пресс, 2002.
3. Амелин Д. В. О специфике индивидуального спортивного комментария / Д. В. Амелин // Коммуникация в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации». — Воронеж, 2025. — Ч. II. — С. 119-120.
4. Михайлов С. А. Спортивная журналистика / С. А. Михайлов. — СПб., 2005.
5. Пригоровская Т. М. Особенности диалогической речи в рамках теории диалогического / Т. М. Пригоровская // StudNet. — 2020. — № 4 (3). — С. 469-473.
6. Bell A. Audience accommodation in the mass media // Contexts of Accommodation: Developments in Applied Sociolinguistics / ed. by H. Giles, J. Coupland, N. Coupland. Paris: Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1991. — Pp. 69-102.
7. Амелин Д. В. О специфике парного спортивного комментария / Д. В. Амелин // Акценты. Новое в массовой коммуникации: альманах. — Воронеж, 2025. — Вып. 3-4. — С. 4-5.
8. Снятков К. В. Речевое поведение спортивного телекомментатора в аспекте монологичности/диалогичности / К. В. Снятков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 73-1. — С. 420-426.

Воронежский государственный университет
Амелин Д. В., аспирант кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: dimoncov@mail.ru

Voronezh State University
Amelin D. V., Postgraduate Student of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: dimoncov@mail.ru

УДК. 316.472.4

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ТЕЛЕКАНАЛА RT В КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Н. С. Гегелова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Московский университет им. А. С. Грибоедова

Ду Юйвэй

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 31 августа 2025 г.

Аннотация: *целью статьи является анализ использования социальных медиа в международной коммуникации. Авторы дают обобщенную характеристику коммуникационной стратегии официальных аккаунтов RT на самой популярной открытой социальной медиа платформе Weibo в Китае.*
Ключевые слова: *телеканал RT, Weibo, социальные медиа, международная коммуникация.*

Abstract: *the aim of the article is to analyze the use of social media in international communication. The authors provide a general description of the communication strategy of RT's official accounts on the most popular open social media platform Weibo in China.*
Keywords: *RT TV channel, Weibo, social media, international communication.*

В настоящее время международная коммуникационная среда претерпевает изменения, и медиаиндустрия движется в сторону цифровизации и сетевого взаимодействия. В глобальном масштабе европейские и американские СМК определяли международное общественное мнение и всегда занимали сильные позиции в сфере традиционного международного взаимодействия и общения. Однако с наступлением эры интернета, особенно эры социальных медиа, стало появляться большое количество социальных медиаплатформ, таких как YouTube, Sina Weibo (далее — Weibo) и др. Использование социальных медиа международными новостными каналами для передачи информации стало новым эффективным способом международной коммуникации.

В традиционных медиа платформах внешняя коммуникация в основном находится в руках правительственных чиновников или крупных столичных медиагрупп, а направление коммуникации — одностороннее, от СМК к аудитории, и аудитория занимает пассивную позицию в этой системе коммуникации. После появления новых средств массовой информации одноканальная система превращается в многомерное сообщество, в котором каждый может общаться с каждым, или со всеми, или с некоторыми одновременно [1, 29-33]. В информационной коммуникации это выражается в том, что восприятие страны международной общественностью теперь формируется не только на основе официальных СМИ, но и в большей степени на основе информации, размещаемой обычными людьми в социальных сетях. Международная коммуникация традиционных СМИ сталкивается с новыми вызовами.

Будучи самой популярной открытой социальной сетью в Китае, Weibo обладает огромным объемом информации, которую производят и с которой взаимодействуют в китайских социальных сетях. Согласно опубликованным финансовым результатам Weibo за четвертый квартал и полный 2023 г., общий доход Weibo за 2023 г. составил 1,76 миллиарда долларов США, а количество ежемесячных активных пользователей на конец четвертого квартала — 598 миллионов [2]. RT запустил свой аккаунт на Weibo — @今日俄罗斯RT — в мае 2017 года. По состоянию на 1 июня 2024 г. у RT было 1,92 миллиона подписчиков на китайской платформе Weibo. Как российское новостное СМИ RT смогло завоевать широкое признание и медийное доверие в особой китайской интернет-среде и в определенной степени положительно и позитивно повлияло на восприятие китайской аудиторией образа российского государства. Поэтому изучение коммуникационной стратегии RT на Weibo имеет практическое значение.

В данной работе в качестве объекта исследования взят официальный аккаунт Weibo @今日俄罗斯RT. Все информационные данные, опубликованные в 2023 году, выбраны в качестве образцов с помощью Python, данные образцов отсортированы и проанализированы. Именно в этом году Китай полностью либерализовал контроль над эпидемией Синьгуаньцунь, и аккаунт привлек много внимания и подписчиков, публикуя информацию с высокой частотой в этот

© Гегелова Н. С., Ду Юйвэй, 2025

период, поэтому данные этого года являются типичными и репрезентативными. Что касается международных коммуникационных стратегий СМИ на социальных платформах, предыдущие исследования носят относительно поверхностный характер и не содержат глубоких исследований, основанных на количественном анализе. Учитывая богатство выборки и целесообразность исследования, в связи с большим объемом данных, из более чем 20 000 твитов было отобрано 4 815 путем равноудаленной по времени выборки и отбора твитов за первую полную неделю каждого месяца в качестве образца.

Исследование кодировалось тремя профессионально подготовленными, взаимно независимыми кодерами. Коэффициент Каппа[1] теста на межкодерную надежность составил около 0,81, а средняя надежность кодирования соответствовала требованиям теста на согласованность. Предпочтения телеканала RT в формировании повестки дня при выпуске новостей и способы выпуска новостей были проанализированы, чтобы обобщить коммуникационную стратегию телеканала RT на китайских платформах социальных сетей и сделать выводы, соответствующие объективной реальности.

Согласно статистике контента, размещенного на официальном аккаунте Weibo @今日俄罗斯RT, темы новостей делятся на пять тем: политика, экономика, культура, общественная жизнь и военное дело. Что касается выборочных данных, то 59% опубликованного контента связано с темой международной общественной жизни, 21% составляют политические темы, 15% контент, связанный с военными вопросами, и на последних двух местах — культурные и экономические темы соответственно. Как видно социальная жизнь, политика и военное дело — это три темы, которые встречаются чаще всего. Причина относительно небольшого количества экономических тем заключается в том, что такая информация требует более высокого уровня профессиональных знаний, а большинство пользователей не имеют специальной подготовки для восприятия такой информации.

В настоящее время взаимодействие телевизионных медиа в большей степени направлено на взаимодействие зрителей с телевизионным контентом, а не на взаимодействие между телевидением и зрителями. Довольно редко каналы пытаются привлечь интернет-аудиторию к сотворчеству, используя интерактивную функцию социальных сетей [3, 3-16]. RT уделяет большое внимание взаимодействию с аудиторией. На платформе социальных сетей и на официальном сайте телеканал RT оперативно ответит на комментарии и отзывы аудитории, ответит на вопросы и опасения аудитории. Такое позитивное отношение к взаимодействию способствует повышению чувства доверия и принадлежности аудитории, повышению имиджа бренда и влияния телеканала RT. Между российской экспертной группой и обычными нетизенами был создан механизм немедленной коммуникации, позволяющий проективно ставить вопросы и получать в режиме реального времени ответы на них, с помощью хэштега #RT просит вас задавать вопросы [4, 76-84]. Оперативная группа Weibo RT в Китае продемонстрировала свой профессионализм и способность к маркетингу, используя такие уникальные функции Weibo, как функция хэштегирования событий.

Следующим этапом исследования является определение типа публикации. В данном исследовании они были разделены на три категории: текст, текст и изображение, текст и видео. В категорию «текст» входят сообщения, содержащие только текстовые описания, а также сообщения с изображениями, которые сопровождаются текстовыми описаниями. Из 4 815 сообщений 31,8% были в виде текста с картинками, 66,3% — в виде текста с видео и 1,9% — в виде обычного текста. Исходя из этого можно сделать вывод, что официальный аккаунт @今日俄罗斯RT предпочитает публиковать в первую очередь текст с видео, затем текст с картинками, а текст использует только для анонсов, причем чаще всего с картинкой, содержащей слова для увеличения насыщенности контента.

Как показывает анализ, текст с видео — единственный динамичный носитель информации, его информационная емкость намного превосходит текст или картинки, он занимает первое место. Такой текст обладает богатым чувством иерархии, которого нет в картинках и тексте, и поэтому очень эффективен в распространении информации. Текст с видео — один из самых распространенных видов публикации информации в официальном аккаунте RT. По большей части это публикации, не снятые журналистами издания, а полученные из других источников (пресс-службы, соцсети, другие СМИ) [5, 3-22]. Продолжительность видеороликов составляет менее 5 минут, а их содержание — новостные сообщения. Это наиболее эффективная форма распространения информации, которая, как было доказано, соответствует характеристикам и привычкам аудитории на платформах социальных сетей, учитывая эффективность распространения и интерес. В связи с очевидной фрагментарностью информации, распространяемой на социальных медиаплатформах, видеоролики, размещаемые RT на Weibo, также являются короткими.

Второе место по частоте публикаций занимает текст с картинками –картинки являются достаточно эффективной формой распространения информа-

[1] Коэффициент Каппа-статистика, используемая для измерения надежности взаимной оценки качественных элементов. Значения Каппа выше 0,8 свидетельствуют об полном или адекватном согласии.

ции, их форма более интуитивна, не нужно читать одно за другим, как текст, что экономит время. Самое главное, что визуальное воздействие картинки достаточно сильное особенно в сочетании с разумной ее обработкой или использовании спецэффектов. Такой материал часто может произвести глубокое впечатление на аудиторию, причем воздействие его будет более длительным по времени.

«Россия сегодня», как официальное интернационализированное зарубежное пропагандистское СМИ, в своей внешней коммуникации преуменьшает значение государственной и национальной коммуникации, стараясь разбавить официальную подоплеку для повышения доверия к себе. В то же время оно избирательно и обоснованно формирует повестку дня из глобальных новостей, направляет аудиторию в созданную им «виртуальную среду», влияет на ее мнение и даже формирует его для реализации своих коммуникационных целей [6, 301-315].

Вместе с тем влияние средств массовой информации развитых западных стран отражается в двух аспектах: СМИ западных стран по-прежнему являются влиятельными в мире; западные страны владеют медиаплатформами в эпоху интернета. В частности, международные мейнстримные платформы социальных медиа в основном находятся в руках западных стран, особенно Соединенных Штатов, и поэтому западные страны приобретают право голоса в области формирования общественного мнения в интернете. Сеть их платформ охватывает весь мир, каждый пользователь должен соблюдать правила платформы, иначе он будет подвергнут санкциям и потеряет право голоса. Страна-владелец платформы приобретает возможность доминировать над международным общественным мнением в интернете. Поскольку у России нет социальной медиаплатформы с глобальным влиянием, то какими бы мощными ни были ее СМИ, она все равно вынуждена полагаться на западные социальные медиаплатформы для международной коммуникации.

Исследования показывают, что стратегия Russia Today по использованию социальных сетей для международной коммуникации в Китае оказалась успешной. RussiaToday хорошо улавливает потребности аудитории и отслеживает горячие новости, а также создает «виртуальную среду» с особенностями RT, используя неофициальные формы выражения. Создатели официального аккаунта «Россия сегодня» изучают и хорошо знают привычки интернет-пользователей, и в соответствии с особенностями получения информации пользователями в эпоху интернета в основном используют форму публикации «текст + короткое видео», чтобы отвечать предпочтениям аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорова Л. Г. Трансформа аудитории новых медиа / Л. Г. Егорова, Д. В. Туманов // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2022. — № 4 (55). — С. 29-33.

2. Финансовый отчет Weibo за четвертый квартал и полный 2023 года. — Режим доступа: https://zh.ir.weibo.com/zh-hans#/(дата обращения:08.09.2024).

3. Щепилова Г. Г. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия / Г. Г. Щепилова, Л. А. Круглова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2018. — № 3. — С. 3-16.

4. Инь Симэнь. Russian digital diplomacy towards China in the context of the Russian special military operation in Ukraine: The instance of the official Weibo account of the embassy of the Russian federation in China / Симэнь Инь // Вестник ВолГ У. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. — 2023. — № 3. — С. 76-84.

5. Колесниченко А. В. Мультимедийные жанры в современных российских СМИ / А. В. Колесниченко // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2023. — № 2. — С. 3-22.

6. Yablokov I. Conspiracy Theories as a Russian Public Diplomacy Tool: The Case of Russia Today (RT) / I. Yablokov // Political Studies Association. — 2015. — С. 301-315.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Московский университет им. А. С. Грибоедова.

Гегелова Н. С., доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций

E-mail: mikhail0001@mail.ru

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Ду Юйвэй, аспирант кафедры массовых коммуникаций

E-mail: 1042228058@pfur.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow University named after A. S. Griboyedov.

Gegelova N. S., Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications

E-mail: mikhail0001@mail.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

Du Yuwei, Postgraduate Student of the Department of Mass Communications

E-mail: 1042228058@pfur.ru

УДК 070

ПРОЛЕТАЯ НАД ГНЕЗДОМ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

М. Ю. Горохов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 мая 2025 г.

Аннотация: *в рецензии рассматривается учебное пособие А. А. Червакова «Политическая журналистика: информационные жанры». Дается комплексный анализ работы с точки зрения ее формы и содержания, а также соответствия поставленным задачам по выработке у аудитории новых знаний в рассматриваемой сфере и практических навыков по освещению данной тематики в СМИ. Делается вывод о несомненной теоретической и прикладной значимости пособия как для студентов, так и для действующих редакционных сотрудников.*
Ключевые слова: *политика, журналистика, политическая журналистика, информационные жанры, теория и практика СМИ, анализ, интерпретация, прогноз.*

Abstract: *the review examines the textbook by A. A. Chervakov «Political Journalism: information genres». A comprehensive analysis of the work is given in terms of its form and content, as well as its compliance with the set tasks of developing new knowledge in the audience in the area under consideration and practical skills in covering this topic in the media. A conclusion is made about the undoubted theoretical and applied significance of the manual for both students and current editorial staff.*
Keywords: *politics, journalism, political journalism, information genres, theory and practice of the media, analysis, interpretation, forecast.*

Емко по содержанию и ярко по форме выражения — с этого хотелось бы начать разговор о вышедшем в Издательском доме ВГУ учебном пособии А. А. Червакова «Политическая журналистика: информационные жанры». Безусловно, оно являет собой результат глубокого осмысления автором обширного теоретического материала в сочетании с оценкой современных реалий рассматриваемой им предметной области — взаимодействия политики и журналистики.

Интересен уже сам ракурс этого рассмотрения: обе сферы, как будто отражаясь друг в друге, начинают играть в глазах читателя новыми красками. И аудитория вслед за автором то взмывает над ситуацией (подобно символического орлу, упомянутому в прологе к одной из частей), то погружается в самую сердцевину описываемых процессов — приближаясь к тому самому центру колеса Ашоки, приводящему в движение остальные части социального механизма (еще один авторский образ, но отдельно о них — чуть позже). В результате такого стереоскопического видения и равноудаленной по отношению к обеим сферам позиции мы получаем возможность оценить рассматриваемые феномены объемно и максимально объективно.

Автору, очевидно имеющему не только обширные знания в рассматриваемых вопросах, но и четкие представления об особенностях практического функционирования как политики, так и журналистики, удается вырваться из плена какого-то одного видения. И судить о них с позиций собственной внеположенности. Вероятно, этому способствует как раз наличие практического опыта в обеих из них — он и дает возможность «стать на обе ноги», чтобы «выпрыгнуть» на новую орбиту, преодолев притяжение узкопрофессиональных стереотипов мышления. В результате пособие получилось масштабным по охвату в теоретическом плане и полезным в смысле практического применения.

Обращаясь к миру политических процессов во всей их диалектической сложности, А. А Черваков не просто показывает его многогранность и многослойность, но еще и делает очень «живым»: населяет множеством субъектов с неодинаковыми возможностями, мотивами и разнонаправленными устремлениями; описывает взгляды на политику историка, политолога, политконсультанта, журналиста (причем внутри самой журналистики амплуа разделяются на репортера и обозревателя). А роли в ее формировании отводит многочисленным акторам — как первого плана (правителям, контролерам, арбитрам, противникам, союзникам), так и второго (оппонентам, лоббистам, функционерам, агентам).

Да, здесь трудно не воскликнуть вслед за классиком, что каждый из них играет не одну: едва ли выделенные категории в соответствии с требованием чистоты классификации являются взаимоисключающими. Грани между ними несколько размыты. Например, не до конца понятно, чем агенты отличаются от союзников. Да и журналист в какие-то моменты

© Горохов М. Ю., 2025

может выступать как в первом, так и во втором качестве — в зависимости от задач, типа издания и т.д. А в утверждении: «Уровень компетентности у журналиста, т.е. наличие обширных знаний о политических институтах, явлениях, процессах, опыта политического анализа, зависит от того, в какой роли он выступает» [1, 78], — и вовсе причину и следствие стоит поменять местами: скорее не уровень зависит от роли, а роль от уровня.

Впрочем, не всегда можно требовать от теоретических построений гуманитарной науки идеального совпадения с практическими проявлениями описываемых феноменов. Сама же классификация выглядит весьма интересной и наглядно иллюстрирует многообразие политической «фауны». К тому же полисубъектность на уровне отдельных лиц дополняется еще и формами их коллективных взаимодействий (институты и силы). Столь пристальное внимание к предмету рассмотрения и разрешительная способность примененной автором «оптики» — как в данном конкретном вопросе, так и в остальных — действительно впечатляют.

При этом нельзя не отметить более широкий (и глубокий) подход внутри самой работы по сравнению с тем, что заявлен в ее названии. В нем применительно к политической журналистике фигурируют лишь информационные жанры. В то время как сам характер исследования внутренних пружин и внешних проявлений политических процессов, вводимый понятийный аппарат (политическая интрига, сдвиг и т.д.), а также особенности рассмотрения приводимых примеров отличаются аналитичностью. Складывается ощущение, что вторую группу жанров автор оставил на потом — для следующих публикаций. Но многое из того, что он уже успел изложить в качестве базовых элементов рассмотрения политического дискурса с позиций журналиста, в полной мере относится и к ней. В этой связи возникает вопрос: быть может, не менее логичным было бы сначала описать весь специфический инструментарий для отображения данной тематики, а потом уже проследить, какие его части и насколько задействованы в разных жанровых группах и формах?

Отсюда же вытекает и собственно «жанровый вопрос». Наряду с выделяемым А. А. Черваковым сообщением (по сути — обыкновенной заметкой) фигурирует просто заметка (в его авторском понимании), а также ее расширенный вариант, которые с точки зрения более привычных теоретических воззрений тяготеют как минимум к комментарию: именно за счет наличия в них осмысления и интерпретации, трактовки. Или к корреспонденции: когда речь идет о рассмотрении причинно-следственных связей в рамках локальной — в данном случае политической — ситуации. Ведь заявленной задачей журналиста становится не констатация исключительно событийной стороны случившегося, а «установление политической значимости событий, которые появляются в отслеживаемом информационном потоке».

На наш взгляд, этот момент является одним из наиболее дискуссионных: не давая жанровых определений и вроде бы опираясь на существующие концепции исследователей этого вопроса, автор учебного пособия по сути вкладывает в привычные номинации собственные смыслы, недостаточно прописывая отличия от традиционного подхода. Но поскольку жанры присутствуют в самом названии работы, бо́льшая точность здесь явно не повредит. Даже при том, что рассмотрение отличительных особенностей публикаций разного типа не является центральной задачей. Может, поэтому автор, в частности, отмечает: «Раскрытие замысла в структуре текста (жанр) базируется на двух основополагающих жанрообразующих признаках: предмете отображения и целевой установке» [1, 32] — видимо, во втором случае имея в виду аналог функции у А. А. Тертычного, но забывая упомянуть третью важную составляющую — метод.) В итоге возникает вопрос: стоит ли без необходимости множить «жанровые» сущности, размывая фокус? Тем более там, где они не являются основным предметом рассмотрения.

Здесь не хочется отвлекаться на некоторые более мелкие «понятийные» моменты. (Вроде того, что автор понимает под проблемой и конфликтом: первая в его подаче — объективное социальное противоречие, а второй — результат субъективного противоборства, в то время как существуют и иные интерпретации, согласно которым проблема — продукт сознания, фиксация в нем противоречивых моментов действительности, а конфликт — как раз элемент реальной жизни: он существует в физическом мире.) Или на дважды упомянутую, но недостаточно проясненную «антисистему»: может, достаточно было бы сказать, что системе присущи и некоторые антисистемные проявления? Но и они скорее не противостоят ей извне, а имманентны.

Более важный спорный момент касается уже не содержания, а структуры: общие «политические» части перемежаются с частными «жанровыми». Входят друг в друга, как пальцы сцепленных рук. В то время как можно было бы эти ладони разжать и спокойно положить одну на другую.

Так, разговор о политической интриге, акторах или выявлении значения (эти части мы находим в первом разделе, озаглавленном «Сообщение и заметка») не в меньшей степени касаются и других жанров.

В свою очередь, политические ресурсы и ходы, правила и факторы, алгоритмы получения толкования и ранжирования по значимости, перечисленные в разделе втором (он посвящен расширенной заметке и отчету), тоже не являются их прерогативой, а относятся ко всему контексту обсуждения.

Равно как и рассмотренные в третьем блоке мотивы и выражение оценки актуальны не только для интервью и блиц-опроса, вынесенных в заглавие этой части.

Тем более что типологические особенности подачи материала — в зависимости от характера издания — рассматриваются в каждом случае отдельно. К слову, в самой этой типологии сначала упомянуты деловые, социальные (видимо, общественно-политические — в более привычной классификации), партийные и желтые (они же развлекательные) СМИ. Но позднее к ним вдруг добавляются «качественные». При том, что и так четкие грани между этими группами прочертить довольно сложно: деловым ничто не мешает иметь скрытые партийные пристрастия, и т.д.

Но вернемся к структуре. Получается, общее здесь словно включено в частное, а не наоборот. Впрочем, будем судить автора по законам, им самим над собой признанным. Возможно, такой подход видится ему более динамичным, позволяющим избежать тяжеловесного теоретизирования, уводящего в какую-то одну сторону: сугубо в политику или в журналистику.

Однако обилие примеров с меткими авторскими ремарками и без того не дает заскучать заинтересованному читателю. В пособии мы видим обширный эмпирический материал, с высокой степенью переработки возведенный в новое качество — на уровень теоретических обобщений и практических рекомендаций. К слову, арсенал последних поистине впечатляет. Многомерность подходов к рассмотрению политической жизни, объемность этого взгляда у неискушенных читателей создадут совершенно новое представление о возможностях журналистики в ее соприкосновении с политикой.

Другой вопрос, насколько применимы данные инструменты во всей их полноте со стороны целевой аудитории. Трудно представить студента, способного не просто запомнить все предложенные конкретные алгоритмы (равно как и усвоить абстрактную разницу между универсалиями и маркерами, видением и ценностями, центробежной и центростремительной ориентацией мотивов автора), но и ввести их в собственную журналистскую практику. Уровень уже имеющейся подготовки и мотивации для этого должен быть совершенно нерядовым. Скорее, речь может идти о состоявшихся профессионалах, получающих шанс благодаря разработанной автором методике обогатить собственный творческий арсенал. Или о неких аналитических бюро, консалтинговых агентствах, политтехнологических группах и т.п.: взяв ее на вооружение, многие подобные структуры явно повысили бы вес собственных изысканий и обрели дополнительные конкурентные преимущества.

Да и выполнить некоторые практические задания по итогам лекций, будем честны, под силу далеко не каждому студенту (например, практическое занятие 2 — с разбором политической ситуации в выбранной стране — тянет минимум на курсовую работу).

Впрочем, задача автора — не подстраиваться под аудиторию, а вести ее за собой. И он задает впечатляющий потенциал этого движения. Если же говорить о стилистической стороне, то делает это с изяществом — не отказывая себе в возможности вслед за демонстрацией «политического» интеллекта блеснуть «публицистическим» оперением.

Чего стоят те самые метафоры, о которых мы уже упомянули. Государственная символика разных стран оживает в преддверии каждого крупного раздела пособия, задавая некую эмоционально-экспрессивную ноту. Хотя стоит признать, что некоторым читателям (в частности, автору этих строк) задумка станет понятна не сразу, а уже, так сказать, в ретроспективном ключе. А вначале мечи, орлы, трезубцы, звезды и кресты способны удивить и несколько озадачить: отчего столь логичный и рациональный стиль изложения вдруг взрывается кратковременным, но концентрированным буйством символических аналогий?

Но затем паззл складывается. Как собирается он и в отношении баланса практического и теоретического, конкретного и абстрактного, наглядного и умозрительного (кстати, снабдить бы финальное описание социально-политического континуума еще и графической схемой), бытового и философского, политического и журналистского…

А значит, главная цель автора достигнута. Тем более что сам он — подобно описанным им статусным акторам — явно приберег немало козырей для дальнейшей игры на этом — хорошо знакомом ему с обеих сторон — предметном поле. Поэтому с интересом будем ждать не менее впечатляющего продолжения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черваков А. А. Политическая журналистика: информационные жанры: учебное пособие / А. А. Черваков. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2025. — 169 с.

Воронежский государственный университет

Горохов М. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы

E-mail: maksim.gorohov@phkp.ru

Voronezh State University

Gorohov M. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Literature Department

E-mail: maksim.gorohov@phkp.ru

УДК 070

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЖУРНАЛИСТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПРОКСИГИБРИДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

А. С. Гурова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 апреля 2025 г.

Аннотация: *при анализе воздействия на реципиентов продуктов, созданных с применением ИИ, выявляется спектр способов эмоционального, лингвистического и аудиовизуального влияния на аудиторию. Делается вывод, что нейросеть может быть эффективным инструментом и «помощником» для формирования аттрактивных материалов, но не способна самостоятельно создавать принципиально новые медиапродукты, так как фактически повторяет уже существующие в медиасреде образы.*
Ключевые слова: *дипфейк, нейросеть, искусственный интеллект, медиасфера, фейк.*

Abstract: *when analyzing the impact of works created using AI on recipients, a range of ways of emotional, linguistic and audiovisual influence on the audience is revealed. It is concluded that a neural network can be an effective tool and "assistant" for creating attractive materials, but it is not capable of independently creating new media products that are applicable for a full-fledged perception.*
Keywords: *deepfake, neural network, artificial intelligence, media sphere, fake.*

Дипфейк (от английского deepfake) — это продукт, созданный по определенной методике специального компьютерного синтеза, платформой которого является искусственный интеллект, применяющегося для объединения и «наслаивания» различных изображений и видеозаписей на исходные материалы [1]. Благодаря особым образом сформированному алгоритму транслируется реалистичный внешний образ участника дипфейка и осуществляемые им действия. Нейросети складывают специальные модели множества изображений, алгоритмы дипфейков их присваивают и на их основе «изучают» визуальные детали объекта под разными ракурсами. Подобный осуществляемый процесс сам по себе является «безобидным» и опасности для аудитории не представляет, но может стать предметом воздействия на реципиента и платформой для последующего манипулирования сознанием людей в средствах массовой информации. Таким образом, в медиадискурсе сегодня проявляется многоканальный спектр нравственных проблем потребления реципиентами нейропродукции, представляющей собой дипфейки [2].

Сегодня дипфейки стали уже привычными элементами различных медиаканалов. Так, сгенерированные с помощью искусственного интеллекта видео применяют для дискредитации и снижения уровня доверия к представителям власти, что представляет собой существенную угрозу национальной медиабезопасности. В качестве примера можно рассмотреть специально созданный видеоряд с участием фигуры главы г. Курска Игоря Куцака: мэр якобы предупреждает, что в бюджете нет денежных средств на отстройку домов, которые пострадали во время атаки ВСУ. В администрации города Курска сообщили, что видео сгенерировано искусственным интеллектом. В качестве исходного материала авторы фейковой новости применили одну из реальных видеозаписей главы города [3]. Существенная проблема и угроза для медиасферы заключается в том, что схемы трансляции фейк-контента и созданные нейросетями специальные рекомендательные алгоритмы поддерживают «благоприятные» условия для оперативного распространения созданной искусственным интеллектом заведомо ложной информации. Зачастую администраторы площадок в процессе информационной гонки и «битвы за рейтинги» не могут самостоятельно и быстро осуществить фактчекинг и определить ложную составляющую новостного материала. При этом опровержение обретает «вирусный» характер только при условиях возникновения широкого общественного резонанса или особо острой актуальной темы для аудитории [4]. Сами фейк-ньюз, вне зависимости от формата материала — аудиовизуального или печатного — как элементы интернет-коммуникации представляют собой форму реализации суггестивного потенциала по отношению к представителям целевой аудитории. Специальные лингвистические и психоэмоциональные технологии в интернет-пространстве

© Гурова А. С., 2025

предполагают влияние на широкую аудиторию и получение массового результата. Так, допустим, отсутствие уточнения конкретного автора информации оправдывается ссылкой на якобы «серьезного анонимного источника»; присутствие заголовков наподобие «Очень важно! Внимание всем! Срочный репост! Срочная новость!» часто неоправданно; превалирование в материале эмоциональной коннотации, оттеночных выражений, сравнительных конструкций над фактологической составляющей говорит о недостаточной информированности источника сведений или угрозы их потенциальной ложности [5].

В настоящее время осуществляется плодотворная работа на законодательном уровне по определению четкой зоны ответственности за производство видеоматериалов, подготовленных с помощью искусственного интеллекта. Действует ряд законодательных мер; в Госдуму также внесен законопроект, который предусматривает уголовную ответственность с наказанием в виде лишения свободы до шести лет за «мошенничество, совершенное с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица» [6]. Кроме того, чтобы нейтрализовать потенциальную угрозу применения в дипфейках личных материалов, разработчики производят специальные программы, защищающие изображения и видео и как бы «маскирующие» исходные данные от нежелательных манипуляций. Так, исследователи сферы применения искусственного интеллекта и сотрудники сферы IT советуют в деятельности, к примеру, персонального или корпоративного сайта обращаться к разработанным программам, таким как DLP, IPS, NGFW [7]. Немецкие исследователи открыли доступ к созданному алгоритму обработки визуального контента, который автоматически нейтрализует возможность использования личных материалов для создания дипфейков. Он отражается в так называемом «шуме» — невидимых многочисленных изменениях, которые противоборствуют системе генерации дипфейков и лишают возможности «украсть» данные и использовать их для последующей манипуляции чертами лица и мимическими особенностями человека [8]. Кроме того, сегодня эффективным инструментом в борьбе с потенциальной угрозой стать «героем» дипфейка является цифровая гигиена. Под этим понятием принято считать резистентную к актуальным медиаатакам деятельность участника коммуникативного акта, обеспечивающую хотя бы минимальную защиту от потенциальных угроз в интернет-среде [9]. Цифровая гигиена означает соблюдение человеком определенных правил, увеличивающих возможность защиты от нежелательного сбора и обработки потенциальными злоумышленниками личных данных человека и его близких людей, а также мультимедийных аудиовизуальных материалов. Рекомендации копируют основные тезисы кибербезопасности. Приведем некоторые из них: необходимо регистрировать на интернет-сайтах только обезличенные пароли, избегать хранения в облачных хранилищах и на электронных платформах фотографий, видеозаписей и отсканированных личных документов, по возможности соблюдать анонимность в различных социальных сетях, не предоставлять доступ посторонним людям к персональному компьютеру, ноутбуку или смартфону.

Зачастую дипфейки сложно отличить от оригинальных видеозаписей. Для реципиентов это представляет серьезную коммуникативную угрозу. Чтобы самостоятельно ее нейтрализовать, необходимо активизировать навыки критического мышления и следовать определенным правилам, схожим с традиционным фактчекингом для журналистского сообщества: в них входит детальный аудиовизуальный анализ внешности, поведения и голоса участника предполагаемого дипфейка и сравнение материала с любым исходным видеороликом с участием изучаемого спикера. Необходимо выявлять отличительные особенности, в число которых могут входить детали внешности и поведения, например моргание глаз, улыбка, мимика, голос. К основным маркерам, отличающим дипфейк, относят неравномерное движение объектов на видеоизображении, неестественное освещение. Кроме того, в созданном искусственным интеллектом видео может отсутствовать синхронизация мимики и речи. Стоит отметить, что в подлинности видеозаписи можно усомниться, если наблюдаются цифровые артефакты — низкий уровень детализации, существенное «сжатие» ролика, его плохое качество, повышенная «зернистость» [10].

Необходимо отметить, что на контрасте с потенциальной медиаугрозой, которую представляют собой дипфейки, в медиапространстве сегодня наблюдается в том числе и связанная с применением ИИ положительная тенденция. Зачастую сгенерированные искусственным интеллектом видео реализуют рекреативную функцию журналистики и служат отражением комического эффекта. Смысловой составляющей при этом соответствующие материалы, как правило, не несут, но отражают аттрактивный потенциал продукта и становятся привлекательными для аудитории. К примеру, в телеграм-канале «Hi, AI | Новости технологий» опубликована новость о выпуске нейросети компании Elevenlabs для перевода аудио- и видеоматериалов с сохранением исходного голоса спикера с минимальным числом изменений, возможностью трансляции на 29 языков мира и доступом бесплатной версии. Так, в качестве видеоиллюстрации возможностей нейросети продемонстрирован фрагмент мультфильма о приключениях Чебурашки и кроко-

дила Гены, где главные герои исполняют известную песню «Голубой вагон» — но только не на оригинальном русском, а на английском языке, сгенерированном с помощью искусственного интеллекта [11]. Зачастую подобные видео посредством работы нейросети наделяются аттрактивными, привлекательными для аудитории деталями посредством своеобразной интерпретации определенной формулы, при которой внешняя форма объекта обновляется, а содержание остается уже известным и привычным для реципиента. На основе такого психологического механизма создан и видеоролик, в котором во фрагментах кинофильма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» вместо привычных известных актеров принимают участие люди другой расы [12]. В данном случае реципиент потребляет контент, в котором модифицирована не только аудиальная составляющая, но и сгенерирован визуал. Еще один подобный видеоматериал — сгенерированный фрагмент из кинофильма «Ирония судьбы», в котором лица главных героев заменены лицами голливудских актеров [13]. В данных видео создается комический эффект, приковывающий внимание аудитории и располагающий реципиента к просмотру видео, созданных искусственным интеллектом.

Весомое преимущество использования искусственного интеллекта и одновременно большая сложность и опасность заключается в том, что внести изменения в видеоматериал могут все желающие — для этого достаточно иметь элементарные навыки пользования компьютером.

Таким образом, возможности искусственного интеллекта в современном информационном пространстве можно применять как в благих целях для создания комического эффекта и реализации рекреативной функции медиа, так и для достижения целей, представляющих коммуникативную угрозу национальной аудитории, несущую ущерб медиабезопасности Российской Федерации и когнитивному суверенитету государства.

Кроме того, можно сделать вывод о том, что искусственный интеллект способен посредством генерирования помогать изменить форму, привнести новшества, актуализировать в сознании реципиента образы из прошлого, дополнить их… Но — ключевое — не может создать новые, полноценные, готовые к потреблению аудиторией медиапродукты, способные составить конкуренцию материалам, созданным человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венідзіктаў С. В. Ад чутак — да дыпфэйкаў. Інструменты маніпуліравання ў медыяпрасторы / С. В. Венідзіктава // Thesaurus: зб. навук. Прац. — Вып. XI: Гістарычныя і палітычныя навукі. — Магілёў, 2022. — С. 38-46.

2. Игнатовский Я. Deepfakes: где начинается угроза для личности и национальной безопасности? / Я. Игнатовский, В. Иванов // Аналитический центр «Политген». — Режим доступа: https://www.politgen.ru/analytics/reports/deepfakes-gde-nachinaetsya-ugroza-dlya-lichnosti-i-natsionalnoy-bezopasnosti/ (дата обращения: 02.04.2025).

3. Телеграм-канал. — Режим доступа: https://t.me/seymkursk/52062 (дата обращения: 02.04.2025).

4. Купка И. П. Дипфейк как информационное оружие современности / И. П. Купка, С. С. Шербаков // Динамика медиасистем. — 2023. — Т. 3. — № 1. — С. 375-381.

5. Кадилина О. А. Технологии суггестивной лингвистики в интернет-коммуникациях / О. А. Кадилина // НИР. Современная коммуникативистика. — 2023. — № 4. — Режим доступа: https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/128630 (дата обращения: 02.04.2025).

6. Государственная дума. — Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8?ysclid=m7xnyy2c5b223751639 (дата обращения: 02.04.2025).

7. GeekBrains. — Режим доступа: https://gb.ru/blog/kak-zaschititsya-ot-dipfejka/ (дата обращения: 02.04.2025).

8. ТАСС. — Режим доступа: https://nauka.tass.ru/nauka/18686953?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 02.04.2025).

9. Гусев В. А. Цифровая гигиена vs. киберпреступность / В. А. Гусев // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2022. — Т. 27. — № 1. — С. 102-108.

10. Свирщ А. О. Развитие технологии Deepfake / А. О. Свирщ, П. А. Олейникова // Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет). — 2021. — Режим доступа: https://vk.com/doc32580373_688443681?hash=ngQlvZbGbaAxugam2YXHjokXIj8HpFRuWP04qtRJjoc&dl=bBO36zef2cefryp1UXtJUsioI8ovraWYKcvoxeh1URT&from_module=vkmsg_desktop (дата обращения 02.04.2025).

11. Телеграм-канал. — Режим доступа: https://t.me/hiaimedia/133 (дата обращения: 02.04.2025).

12. Телеграм-канал. — Режим доступа: https://t.me/StillavinToday/10416 (дата обращения: 02.04.2024).

13. Телеграм-канал. — Режим доступа: https://t.me/StillavinToday/10694 (дата обращения: 02.04.2025).

Воронежский государственный университет
Гурова А. С., аспирант
E-mail: likazaka9898@gmail.com

Voronezh State University
Gurova A. S., Postgraduate Student
E-mail: likazaka9898@gmail.com

УДК 070+32.019.5

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВ

В. А. Евдокимов

Омская гуманитарная академия

Поступила в редакцию 14 марта 2025 г.

Аннотация: *в статье рассмотрены особенности взаимного влияния социального и информационного пространства, специфика координации социальным пространством, как системой, процессов, происходящих в информационном пространстве, участие массмедиа в создании условий для изменений в социальном пространстве.*
Ключевые слова: *социальное пространство, информационное пространство, система, массмедиа.*

Abstract: *the article considers the features of the mutual influence of the social space and the information space, the specifics of coordination by the social space as a system processes occurring in the information space, the participation of mass media in creating conditions for changes in the social space.*
Keywords: *social space, information space, system, mass media.*

Социальное пространство интерпретируют как освоенное человеком пространство, имеющее границы, разделенное на зоны действия и взаимодействия индивидов [1, 412-413]. С. Московичи отмечал, что разнообразие и множественность социальных кругов образуются сетями взаимодействия, которые облегчают формирование объединений, добровольных и недобровольных движений, течений в общественном мнении [2, 357]. М. Хайдеггер трактовал пространство как «нечто просторное, свободное от преград» [3, 313]. Изучая функционирование общества, как системы, Э. Дюркгейм рассматривал социальные факты, как правила поведения, способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой [4, 256-309]. По мнению П. Сорокина, социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического, люди, находящиеся вблизи друг друга, в социальном пространстве отделены громадной дистанцией, оно есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли, определить положение человека в социальном пространстве означает определить его отношение к другим людям, социальным явлениям [5, 297-298]. П. Бурдье полагал, что социальному пространству, как многомерному, открытому ансамблю относительно автономных полей, присущи динамичность, постоянные изменения вследствие непрерывности социальных практик агентов и их взаимодействий [6, 36]. С точки зрения П. Штомпки, социальное пространство — это огромный комплекс ни на мгновение не останавливаемых процессов, осмысляемых как поток событий [7, 26]. А. Лефевр подчеркнул, что социальное пространство создается в процессе экономического развития, в котором участвуют и творцы — художники, архитекторы, их произведения также служат целям формирования социального пространства [8, 90].

В числе творцов, вероятно, — и журналисты, обеспечивающие общество сообщениями о событиях и процессах и являющиеся активными участниками взаимодействий, происходящих в информационном пространстве. Е. П. Прохоров трактовал информационное пространство как некую территорию, где действуют средства массовой информации, располагающие ресурсами, где налажены устойчивые связи между массмедиа и потребителями сообщений, существуют стандарты взаимодействия массмедиа и аудитории [9, 194]. В. Л. Гирич и В. Н. Чуприна рассматривают информационное пространство, как совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации [10]. Информационное пространство также интерпретируют как форму существования информационных систем, обеспечивающую и стимулирующую оперативные взаимодействия производителей информации и потребителей ее, трансляцию знаний, накопленных в информационных ресурсах, и сохранение их в сложившейся инфраструктуре [11, 25-26]. С. М. Сороко оценивает информационное пространство как концептуальное пространство, отражающее мировосприятие людей современной эпохи [12, 123], С. А. Проскурин — как пространство, в котором создается, перемещается и потребляется информация [13]. Автор рассматривает информационное пространство, как комплекс непрерывающихся процессов, связанных с распро-

© Евдокимов В. А., 2025

странением сообщений и обменом разнообразными данными.

Процессы, происходящие в информационном пространстве, имеющиеся в нем ресурсы находятся на высших уровнях системы социального пространства. Проявления взаимного влияния социального и информационного пространства разнообразны, оно может усиливаться или сокращаться в зависимости от политико-экономических условий, в которых существует общество, отражаться на функционировании подсистем, их элементов, стимулировать обмен сообщениями. Взаимодействие социального и информационного пространств, в частности, становится теснее, а обмен сообщениями — интенсивнее при обострении противоречий в экономической системе стран: возрастает потребность людей в сведениях о субъектах хозяйственно-финансовой деятельности, осуществляемой в социальном пространстве. Реакция граждан на кризисные процессы отражается в информационном пространстве, которое также можно рассматривать, как систему. Поступающие в социальное пространство сообщения о реакции граждан на явления реальности рассматривают органы управления.

Непрерывно создавая творческие стимулы для субъектов и объектов информационного пространства, социальное пространство побуждает распространителей сообщений, преследующих различные цели, в интеллектуальных усилиях устанавливать связи разнородных событий, искать оригинальные формы представления явлений, нестандартные решения в обстоятельствах, когда выявленные сведения противоречивы или диаметрально противоположны и недвусмысленная информация может быть истолкована в социальном пространстве в пользу субъекта или объекта или в ущерб им. Потоки сведений, сформированные в подсистемах информационного пространства под влиянием социального пространства, гипертрофически разрастаются, если нарушается баланс в распространении тематически разнообразных сообщений, к примеру, положительная или отрицательная информация о субъектах международных отношений доминирует над известиями о внутренних делах государства. Процессы, происходящие в социальном пространстве, столь динамичны, что профессиональные субъекты информационного пространства могут испытывать затруднения в оценке общественной значимости событий, сменяющих друг друга с калейдоскопической быстротой, и в ряде ситуаций проявляют интерес к актуальному явлению после того, как оно вызвало резонанс в новых медиа — социальных сетях, блогах, сервисах. По мнению В. В. Тулупова, численность медиаспециалистов увеличивается, их профессиональный уровень снижается, нередко размываются и миссия, цели, задачи журналистской профессии [14, 148].

Массмедиа как профессиональные субъекты информационного пространства способны заинтересовать аудиторию подробностями реальных или вымышленных событий. Для журналистов, любых распространителей сообщений социальное пространство, координирующее происходящее в информационном пространстве, является источником многочисленных поводов для описания и анализа событий и процессов. Социальное пространство исполняет роль координатора избирательно. Слух, распространенный в одном из сегментов социального пространства, обрастает подробностями в информационном пространстве в зависимости от силы воображения, идейных предпочтений, намерений, интересов, степени компетентности толкователей. В преобразованном виде он может пополнить подсистемы социального пространства. Уже интерес участников взаимодействий, происходящих в информационном пространстве, к научному открытию, совершенному в социальном пространстве. Сообщения о научном открытии пополняют не подсистемы, а отдельные сегменты социального пространства.

Среди координируемых социальным пространством потоков сообщений, распространяемых в информационном пространстве, — адресованные населению сведения о законах, постановлениях, принятых органами управления, судебных решениях, серии материалов, содержащих положительные или негативные оценки деятельности государств, политических партий, общественных объединений, а также публичных лиц. Значительным влиянием обладают, в частности, правовые сведения, способные ограничить не только распространение сообщений различных видов, но и обмен мнениями в социальном пространстве. Чтобы завоевать доверие потребителей, организаторы кампаний совершенствуют формы распространения в информационном пространстве сообщений, нацеленных на формирование у получателей желательных взглядов, под видом неформальных, бессистемно распространяемых на медиаплатформах — в социальных сетях, блогах, сервисах, видеохостингах, порталах средств массовой информации, используют методы социальных наук для достижения ожидаемых результатов. Насыщение подсистем информационного пространства сообщениями, ориентированными на укоренение в сознании людей конкретных идей и адаптированными для разных групп потребителей, отличающихся взглядами на мир и место человека в нем, уровнем образования, профессиональной принадлежностью, жизненным опытом, происходит неравномерно в зависимости от задач, решаемых в различные периоды субъектами политики, экономики, культуры.

Регулирование сообщений возможно в отдельных подсистемах информационного пространства. Сообщения, поступающие из социального пространства в информационное пространство и нацеленные

на формирование взглядов людей, их социально-политической ориентации, укоренение в их сознание идей, воспринимает значительная часть субъектов и объектов — институтов, предприятий, организаций, объединений, а также граждан. На часть потребителей, для которых представляют интерес отдельные события и процессы, происходящие в социальном пространстве, и те подсистемы информационного пространства, которые насыщены хаотично распространяемыми неформальными сообщениями, материалы, рассчитанные на распространение идей, воззрений, концепций, оказывают слабое воздействие. Подсистемы, содержащие неформальные сообщения, по-видимому, не поддаются регулированию. Если введены ограничения для одних элементов информационного пространства, то аудитория гибко реагирует на изменение соотношения, сужение тематики материалов, распространяемых массмедиа, и в доступных сегментах информационного пространства ведет поиск интересующих сведений о событиях и процессах, происходящих в социальном пространстве. Данные могут быть почерпнуты из теневой части информационного пространства, известной, как Deep Web, в которой имеется значительное количество веб-сайтов, не индексируемых поисковыми системами.

Социальное пространство как система не только координирует деятельность, осуществляемую в информационном пространстве, но и стимулирует взаимодействие элементов подсистемы. Такие экстраординарные события, как катастрофы, террористические акции, когда доступ к достоверным данным может быть ограниченным и неочевидны причины, а также участники чрезвычайных происшествий, вызывают интенсивный обмен подробностями между субъектами информационного пространства, которые предпринимают попытки создать объективную картину происшедшего, в поиске надежных сведений дополняют друг друга. Взаимодействие элементов информационного пространства, как подсистемы социального пространства, отчетливо проявляется при цитировании журналистами эксклюзивных интервью с видными политическими и общественными деятелями, данных разным массмедиа.

Координирующая роль социального пространства проявляется и в том, что непрерывно пополняется подсистема информационного пространства, содержащая искаженные сообщения. В распространении таковых заинтересовано множество субъектов и объектов социального пространства. Создаваемые ими стимулы обеспечивают формирование в информационном пространстве совокупности полуправдивых и ложных сообщений, которые поступают в социальное пространство и влияют на оценки действий субъектов политики, экономики, культуры, социальных отношений, выбор людьми моделей поведения, их отношение к окружающим, а также событиям прошлого и настоящего. Искаженные сообщения способны создать в социальном пространстве условия для возникновения объединений, формулирующих совокупность идей, догм, софизмов, которые не исключают действия, противоречащие общественным интересам. Неточные сообщения в социальном пространстве усваивают массовая аудитория и, вероятно, часть индивидов, объединенных общими интересами, целями, ценностями и воспринимающих информацию в соответствии с социальными, профессиональными, культурно-образовательными особенностями. Влияние ошибочных сведений таково, что оцениваемые в качестве достоверных, они способны удовлетворить эмоциональные потребности людей, которые переживают и гнев, и сочувствие, и наслаждение независимо того, заслуживает источник сообщений доверия или нет. Массовую аудиторию тем более не составляет труда ввести в заблуждение, что совершенствование технологий создает условия для использования субъектами информационного пространства таких искусственных звуковых и (или) визуальных медиа, кажущихся подлинными, как дипфейки [15, 1].

Как бы то ни было, в устойчивом стабильном обществе достоверные сведения находятся на высших уровнях системы информационного пространства, искаженная информация — на низших уровнях. В условиях острых внутри- или внешнеполитических конфликтов недостоверные сообщения могут переместиться на высшие уровни системы, нередко — за счет сокращения количества надежных сообщений. Объем искаженных сведений может увеличиться в такой степени, что состоящие из них сегменты информационного пространства формируют самостоятельную подсистему или подсистемы, содержащие, к примеру, материалы о политических или экономических взаимодействиях различного масштаба.

Существенным влиянием обладает и информационное пространство. Информация не только помогает людям преодолеть дистанцию, существующую между ними в структуре общества, но и упорядочить их деятельность в социальном пространстве. Как координирующая система, социальное пространство определяет условные границы этого влияния. Воздействие массмедиа на сегменты социального пространства неравномерно, то усиливается, то ослабевает. Если журналисты сообщают о поддержке деятелями культуры в избирательной кампании претендентов на властные полномочия, это не гарантирует повышение активности людей в политической подсистеме социального пространства. Воздействуя на восприятие гражданами событий, происходящих в социальном пространстве, массмедиа, как субъекты информационного пространства,

не могут самостоятельно стимулировать трансформацию социального пространства, осуществить изменения в структуре общества. Какими бы мощными ни были потоки информации, распространяемые массмедиа и побуждающие к каким-либо действиям в социальном пространстве, если она не отвечает интересам и потребностям людей, они, скорее всего, окажутся бездеятельными, оценив свои возможности с точки зрения обеспечения собственной безопасности, результативности предполагаемого участия в каком-то деле. Потоки информации оказывают слабое влияние на граждан, сформировавших в социальном пространстве устоявшиеся убеждения, целостное мировоззрение. Массмедиа не подменяют личности, социальные институты и движения, чья роль в процессе трансформации структуры общества первостепенна.

При этом информация создает условия для малозначимых или масштабных изменений в социальном пространстве. Поступающие из информационного в социальное пространство сообщения могут сделать возможным перемещение трудовых ресурсов в регионе, стране, на континенте, возникновение видов деятельности, способствовать росту престижности профессий, совершенствованию образовательных программ. Потоки сообщений, поступающие в социальное пространство, регулируются не только субъектами политики или экономики, но и массмедиа на основе сложившихся представлений об интересах и о потребностях аудитории. Какими бы ни были эти представления, целостными или поверхностными, деятельность людей, их взаимодействия побуждают журналистов обращать внимание на сферы жизни, которые кажутся непривлекательными, не обещают достижение высокого рейтинга распространяемых материалов. Массмедиа привлекают внимание потребителей к тем подсистемам или элементам социального пространства, которые находятся на периферии общественного интереса, к примеру, влиянию современных технологий на здоровье людей, участвуют в формировании отношения групп населения к явлениям социальной жизни, общественным объединениям и слоям, выработке стандартов поведения. Исследователи фиксируют участие массмедиа в формировании культуры, ценностей, образа мышления и мировоззрения аудитории, отражении общественного мнения, взаимосвязи элементов общества [16, 11]. Одновременно используется и возможность приглушить интерес аудитории к отдельным сегментам социального пространства, например, функционированию промышленных или сельскохозяйственных предприятий.

Запросы аудитории столь разнородны, что любые известия, поводом для которых послужило происходящее в социальном пространстве, находят потребителей в информационном пространстве, вызывают интерес малой или крупной части их независимо от общественной значимости или ничтожности содержания сообщений. Благодаря фильтрам, имеющимся на пути сообщений из информационного пространства в социальное, каковыми являются интересы и потребности, жизненный опыт, уровень образования, степень развития критического мышления, профессиональная принадлежность потребителей, их менталитет, мировоззрение, стереотипы, догмы, формируются представления индивидов о соответствии или несоответствии полученных сведений реальности, о том, какие сообщения побуждают к каким-либо действиям, заслуживают или не стоят обсуждения с родными, друзьями, коллегами. Влияние этих фильтров на сегменты аудитории неравноценно. Если из информационного пространства в социальное поступает масса сообщений, нацеленных на формирование негативного отношения к странам, народам, объединениям людей и оцениваемых положительно частью аудитории, другая часть ее сохраняет склонность к взаимодействиям, уважение к этническим, территориальным, демографическим, профессиональным, конфессиональным группам. В социальном пространстве могут образоваться сегменты, в которых потребители предпринимают попытки отгородиться от отдельных видов сообщений о политике, об экономике, о культуре, какими бы они ни являлись, достоверными или ложными, а интерес людей к обмену информацией сужается и перемещается в сферу обсуждения бытовых, личных тем. Действие фильтров ослабевает, если потоки разнообразных сведений обрушиваются на потребителей, и они оказываются в растерянности, неспособные осмыслить полученную информацию. Аналогичным становится действие фильтров, если достоверные или искаженные сообщения массмедиа вызывают панику и люди затрудняются в определении соответствия или несоответствия получаемых сведений реальности.

Феномен информации таков, что как достоверные, так и искаженные или вымышленные сообщения в одних сегментах социального пространства способны объединять, сближать индивидов, формировать основу для взаимопонимания, стимулировать их действия, а в других компонентах социального пространства — разделять людей, создать условия для формирования их индифферентного отношения к жизни общества. С одной стороны, если массмедиа, реагируя на обращения граждан, информируют органы управления о существующих проблемах и способствуют решению их, в социальном пространстве происходят изменения, важные для крупных или небольших групп населения. С другой стороны, непарламентские суждения массмедиа, в частности, о межнациональных отношениях становятся поводом для острых конкурентных взаимодействий. Получив информацию, люди могут выразить готовность прийти на помощь и тем, кто в ней нуждается, и тем, чье несчастье вымышлено.

Таким образом, взаимовлияние социального и информационного пространства динамично, непрерывно, потоки разнообразных сообщений отражают взаимодействия субъектов и объектов, происходящие в социальном пространстве, могут благоприятствовать упорядочению их деятельности. Социальное пространство как система, избирательно координирует процессы, протекающие в отдельных подсистемах информационного пространства, создает творческие стимулы для его субъектов и объектов, взаимодействия элементов информационного пространства. Информация в свою очередь создает условия для изменений в социальном пространстве. Процессы, происходящие в информационном пространстве, находятся, как правило, на высших уровнях системы социального пространства. Подсистемы информационного пространства, насыщенные хаотично распространяемыми потоками неформальных сообщений, по-видимому, не поддаются регулированию. Взаимное влияние социального и информационного пространства открывает широкие возможности для массмедиа в отражении динамизма общественных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиммель Г. О скрещении социальных кругов / Г. Зиммель // Избранное. — В 2-х т. — Т. 2. — М., 1996.

2. Московичи С. Машина, творящая богов / С. Московичи. — М., 1998.

3. Хайдеггер М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер // Время и бытие. — М., 1993.

4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М., 1996.

5. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.

6. Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов / П. Бурдье // Социология социального пространства. — СПб., 2007.

7. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. — М., 1996.

8. Lefebvre H. La production de l'espace / H. Lefebvre. — Paris: Anthropos, 1974. — Ch. II («L ' Espace social»). § 1. — P. 83-96.

9. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия / Е. П. Прохоров. — М., 2001.

10. Гирич В. Л. Глобальное информационное пространство и проблемы доступа к мировым информационным ресурсам / В. Л. Гирич, В. Н. Чуприна. — Режим доступа: https://olden.rsl.ru/upload/mba2007/ (дата обращения: 12.03.2025)

11. Каткова М. В. Понятие информационное пространство в современной социальной философии / М. В. Каткова // Известия Сарат. ун-та. Новая серия. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». — 2008. — Вып. 2. — С. 23-26.

12. Сороко С. М. Структура информационного пространства культуры / С. М. Сороко // Вестник Полоц. ун-та. Сер. Е. — 2012. — № 15. — С. 123-127.

13. Проскурин С. А. Геополитическое измерение глобального информационного пространства / С. А. Проскурин // Геополитика. — М., 2007. — 261 с.

14. Тулупов В. В. Профессионализм журналиста и преподавателя журналистики / В. В. Тулупов // Вестн. Воронеж. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. — 2024. — № 1. — С. 148-151.

15. Tackling deepfakes in European policy. — Режим доступа: thinktank/en/document/EPRS_STU(2021)690039 (дата обращения: 12.03.2025).

16. Дашевский Ю. А. Социально-политическая роль медиапространства информационного общества: автореф. дис. … канд. филос. наук / Ю. А. Дашевский. — М., 2017.

Омская гуманитарная академия

Евдокимов В. А., доктор политических наук, профессор кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций

E-mail: evdokimovva@list.ru

Omsk Humanitarian Academy

Evdokimov V. A., Doctor of Political Science, Professor of Philology, Journalism and Mass Communications Department

E-mail: evdokimovva@list.ru

УДК 070

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ

Ю. В. Ермилова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2025 г.

Аннотация: с*татья посвящена анализу коммуникационного запроса гражданского общества в России начала XXI века и медиаинституциональному отклику на него — созданию Общественного телевидения России (ОТР).*

Ключевые слова: о*бщественное телевидение России, гражданское общество, медиаполитика, публичная сфера, прямой эфир, интерактив, коммуникационный запрос, партисипативные медиа, структура вещания.*

Abstract: t*his article analyzes the communication demand emerging from civil society in early 21st-century Russia and the media-institutional response to it — the creation of Public Television of Russia (OTR).*

Keywords: *public broadcasting of Russia, civil society, media policy, public sphere, live broadcast, interactivity, communication demand, participatory media, broadcasting structure.*

Коммуникационный запрос гражданского общества и эволюция идеи общественного вещания в РФ. Формализованное предложение о создании Общественного телевидения России (ОТР) было инициировано группой экспертов и журналистов. 22 декабря 2011 г. в ежегодном послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Дмитрий Анатольевич Медведев предложил создать новый телеканал, ориентированный на гражданское общество. Это событие стало кульминацией почти десятилетнего дискурса вокруг общественного телевидения как медийного института, свободного от политико-экономического давления со стороны государства и крупного бизнеса, — дискурса, укорененного в ценностях социальной ответственности, плюрализма и транспарентности.

Идея общественного телевидения в России не была оригинальной по своему замыслу: она опиралась на западноевропейские практики, прежде всего BBC в Великобритании, ARD и ZDF в Германии, France Televisions и Arte во Франции, адаптированные к российским условиям. При этом структура была предложена как автономная некоммерческая организация, лишенная членства и формируемая из представителей гражданского общества, без допуска к управлению государственных чиновников.

Через месяц, 22 января 2012 г. рабочая группа под руководством главы председательского Совета по развитию гражданского общества и правам человека М. А. Федотова представила президенту несколько проектов общественного российского телевидения.

© Ермилова Ю. В., 2025

Ключевые предпосылки, способствовавшие актуализации проекта ОТР, можно классифицировать следующим образом:

Социально-коммуникационные: выраженная потребность в формировании публичной сферы для дискуссий, участие в которой допускало бы широкий круг «непрофессиональных» акторов — так называемых «неравнодушных граждан» и «гражданских активистов». Вслед за Ю. Хабермасом можно рассматривать ОТР как попытку институционализировать медиаформу, обеспечивающую коммуникативную рациональность и возможность консенсусного обсуждения проблем общества [1].

Политико-административные: необходимость разработки инструментов гражданского контроля и самоуправления, как указано в документах Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ. Общественное телевидение рассматривалось в качестве одного из механизмов практической реализации концепции «открытого государства».

Медиаполитические: поляризация российского медиаполя между государственными структурами (ВГТРК, НТК «Звезда», частично Первый канал) и коммерческими структурами, действующими по логике прибыли (НТВ, СТС, РЕН ТВ и др.) исключала возможность полноценного функционирования неангажированной, идеологически нейтральной и содержательно рефлексивной площадки. Критики существующей телевизионной модели отмечали, что ангажированность информационного вещания с одной стороны и обилие рекламы, отсутствие системы морально-нравственных ценностей, увлеченность западными

традициями и устоями, пропаганда потребительского отношения к жизни, эскалация насилия на экране с другой не являются созидательными, воспитывающими, прививающими общий культурный код. Общество, полагали сторонники создания нового телеканала, способно формировать и контролировать контент, требуемый здоровому государству.

Первые попытки институционализации общественного телевидения датируются 2005 г. 22 декабря глава Минэкономразвития Г. О. Греф на заседании кабинета министров доложил об исполнении поручения президента В. В. Путина о создании общественного телевидения как «источника информации, свободным от влияния различных групп и интересов». Соответствующий законопроект был подготовлен Министерством культуры и внесен в правительство. Согласно законопроекту, руководящим органом нового телеканала должен был стать Совет по вещанию, собранный из представителей гражданского общества, а финансирование и частота должны были определиться путем трансформации государственных телерадиовещательных компаний [2].

Однако законопроект, разработанный Министерством культуры и предложенный Министерством экономического развития, был отклонен — что можно рассматривать как выражение консервативного медиаполитического курса, не готового к переосмыслению монополии на вещание.

Структурные и идеологические основания создания Общественного телевидения России. К 2012 г. в обществе была накоплена критическая масса недоверия к традиционному телевещанию. Согласно общенациональному опросу о приоритетных проектах, проведенному ВЦИОМ (январь 2012 г.), 77,6% граждан поддержали идею создания общественного телевидения — это свидетельствовало о наличии коммуникационного запроса на диалоговую, партисипативную медиаплатформу [3].

Основные положения проекта, предложенного рабочей группой под руководством М. А. Федотова, были следующими:

— включение ОТР в состав первого цифрового мультиплекса, что гарантировано его бесплатное для потребителя распространение по всей территории России;

— создание Попечительского совета из представителей гражданского общества как высшего органа управления телеканалом;

— организационная независимость от органов государственной власти;

— выборы генерального директора на конкурсной основе путем прямого голосования членов Попечительского совета;

— финансирование происходит через создаваемый Фонд общественного телевидения и радио за счет средств федерального бюджета, обязательных отчислений (неналоговые платежи) вещателей телеканалов, благотворительных пожертвований, рекламных и спонсорских поступлений.

Миссией общественного вещания было заявлено формирование и развитие гражданского общества. Одна из задач — преодоление зрительской апатии и привлечение к общественной дискуссии.

«Общественное вещание должно стать самым массовым институтом публичного обсуждения и приобщения населения к актуальным для развития страны проблемам, идеям, настроениям — общенациональным форумом, реализующим функцию «социального заказа» на такого рода деятельность» [3].

С точки зрения медиасистемного анализа (по классификации Д. Халлина и П. Манчини), это проект можно отнести к модели «демократического корпоратизма» с элементами инструментальной парадигмы, где государство обеспечивает инфраструктуру, но не управляет контентом [4].

17 апреля 2012 г. Д. А. Медведев, президент РФ, подписал указ о создании Общественного телевидения России [5].

Однако первоначальная модель трансформировалась. Согласно указу, учредителем ОТР, а также его редакцией и вещателем станет созданная федеральным правительством автономная некоммерческая «Общественное телевидение России». При этом управлять новым телеканалом должны Наблюдательный совет и Генеральный директор, совмещающий эти функции с функциями главного редактора.

Но при реализации проекта уже на этапе институционального становления возникли структурные противоречия. Краеугольным камнем при создании такой модели телевидения являлось финансирование: АНО учреждается гражданами или юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов. Авторы проекта сочли российское гражданское общество зрелым и финансово состоятельным для того, чтобы переводить пожертвования для содержания независимого телеканала.

Подписывая указ, Д. А. Медведев сообщил, что для начала работы новому каналу будет выделен кредит: «Нам придется определенным образом запустить механизм финансирования Общественного телевидения. В начале, видимо, через кредитную схему, государство должно помочь в этой ситуации. Но впоследствии этот кредит должен быть замещен на фонд целевого капитала, который позволит общественному телевидению существовать, не обращаясь к государству за деньгами» [6].

Как показала практика, модель финансирования, изначально ориентированная на пожертвования граждан, не была жизнеспособной. Существовали как социально-психологические, так и институциональные препятствия:

Политический контекст: оппозиционные медиа уже заняли нишу общественной поддержки, интер-

нет давал молодежи ощущение бесплатной свободы слова.

Экономический барьер: средний класс, как экономическая основа добровольного финансирования, был только на стадии формирования;

Культурно-информационный код: люди возраста 40+, основной потребитель телеканалов, не привыкли платить за телеканалы индивидуально, за исключением кабельных, поскольку до этого долгие годы обязательная оплата за телесигнал шла строкой в общих квитанциях за коммунальные услуги.

«Еще одним камнем преткновения может стать оплата Общественного ТВ. Совет при президенте предложил абонентскую плату с каждого дома в 46 рублей в месяц, но даже такая скромная цифра наверняка вызовет неудовольствие значительной части россиян, особенно в глубинке, где дилемма «два батона хлеба или месяц Общественного ТВ» выглядит не такой уж абсурдной. Если же от идеи абонентской платы откажутся, а деньги будут выделяться напрямую из бюджета и от спонсоров, то это ничем не будет отличаться от существующего положения дел на «Первом» и ВГТРК» [7]. Таким образом, концепция устойчивого самофинансирования, несмотря на схожесть с западными аналогами, была методологически неприменима к российским реалиям.

Для обеспечения вещания предлагалось перевести канал Минобороны «Звезда» на другие частоты, отдав существующую Общественному телевидению [8].

Однако и технически, и политически это оказалось сложно, поэтому в рамках цифровизации телевидения и формирования мультиплексовой системы каналов ОТР получило автономную цифровую частоту.

Запуск вещания и трансформация инфраструктуры под модель живого эфира. 18 июля 2012 г. первым исполнительным директором ОТР был назначен А. Г. Лысенко.

С сентября 2012 г. по февраль 2013 г. формировались основные дирекции телеканала, готовились пилоты передач. С 1 марта 2013 г. дирекция информации работала в тестовом режиме: собирались новостные бригады, обкатывалась техника, шли кастинги ведущих, верстались тренировочные эфиры. С 1 апреля 2013 г. дирекция информации работала в режиме прямых эфиров «в стенку»: выпуски верстались, сюжеты снимались, ведущие работали в студии, но без задействования сигнала. С 30 апреля 2013 г. началось тестовое вещание без выдачи сигнала потребителю.

Официальный старт вещания ОТР был дан 19 мая 2013 г. Он стал кульминацией почти полутора лет организационных и технических подготовок. Аппаратно-студийный комплекс изначально формировался под прямое вещание как способ создания низкобюджетного, но высокоэффективного контента, ориентированного на вовлечение аудитории.

Структура вещания строилась по принципу «живого информационного поля», с круглосуточными выпусками новостей, повторяющимися программами, поддержкой региональных корреспондентов и сегментами прямого включения. Суточная сетка включала: 7-минутные выпуски новостей каждый час; расширенные 22-минутные блоки каждые три часа; повторы в суточном цикле, ориентированные на разные часовые пояса.

Такой подход обеспечивал минимальные издержки на производство и максимальную адаптивность под текущие запросы аудитории. Однако отсутствие системной рекламной поддержки, слабая узнаваемость бренда и отказ от агрессивной дистрибуции привели к ограниченной аудитории.

Кризис концепции и первые вызовы. Уже через два месяца после начала вещания генеральный директор ОТР А. Г. Лысенко заявил об исчерпании финансовых ресурсов [9].

Фандрайзинговая идея о финансировании Общественного телевидения самими гражданами основывалась на предположении, что уровень сознания зрителей довольно высок, потребность в независимом СМИ, отражающем их взгляды и надежды, обозначающем проблемы, тоже существует, при этом доходы позволят делать необременительные пожертвования на развитие телеканала. ОТР в своем эфире призывало граждан делать пожертвования разным способами: банковскими переводами, смс. Однако для того, чтобы это заработало хоть в каком-то объеме, канал должен был сначала доказать свою нужность и состоятельность, сформировать большую и активную аудиторию с потребностью в его просмотре, возможностью производить посильную оплату легко. Поскольку пожертвования предполагались в формате добровольных, с неустановленным размером, абстрактными целями «на развитие Общественного телевидения», в условиях отсутствия широкой рекламной кампании перед запуском канала и многочисленной критики еще на стадии самого проекта, рассчитывать на финансирование со стороны зрителей в течение первых нескольких лет не приходилось. Фандрайзинговая кампания провалилась. Пожертвования не превышали несколько десятков тысяч рублей в месяц, самое большое — 100 тысяч — внес руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Сеславинский.

Это служит эмпирическим подтверждением гипотезы о низкой платежной дисциплине в условиях недостаточной медиарефлексии.

Заработать деньги телеканал тоже не мог: в уставе было прописано отсутствие любой рекламы, кроме бесплатной социальной.

22 января 2014 г. Владимир Познер заявил о том, что ОТР будет закрыто [10]. Он выразил точку зре-

ния большинства акторов медиапространства, считавших, что канал изначально мертворожденный, и отводивших на его существование не более года.

Критика, выраженная в публичной сфере, касалась как неопределенности концепции вещания, так и отсутствия четко очерченной аудитории. Канал обвиняли в «лакировке действительности», отсутствии идейной направленности и дефиците острых, полемичных форматов. Отсутствие прямого интереса со стороны прежнего инициатора проекта — Д. А. Медведева — также ослабляло политическое прикрытие канала [11].

А. Г. Лысенко многократно повторял, что Общественное телевидение не показывает заседания Госдумы и Совета Федерации, но обращает внимание на открытие булочной в Туле, потому что булочная в Туле — это рабочие места, хлеб на столе и понятные людям новости.

Тем не менее, внутри структуры ОТР начался поиск решений, способных обеспечить устойчивость вещания в условиях дефицита средств.

Модель прямого эфира как содержательная основа вещания: предпосылки запуска «ОТРажения». В условиях острого дефицита бюджета и отсутствия сформированной сетки высокорейтингового контента на повестку дня вышло предложение организовать прямоэфирное информационно-аналитическое вещание с элементами интерактива (звонки, смс в студию). Эта модель обеспечивала: минимальные затраты на производство (отсутствие постпродакшена); возможность оперативного реагирования на текущие события; вовлечение граждан в форму совместного обсуждения; отражение реальной социальной повестки.

Решение о запуске интерактивного прямоэфирного информационного формата «ОТРажение» было принято руководством Дирекции информационного вещания как стратегическая попытка соединить миссию общественного телевидения с практической потребностью в устойчивом сетевом продукте.

Выводы:

Создание Общественного телевидения России стало медиаполитическим ответом на трансформирующиеся запросы гражданского общества, однако реализация проекта столкнулась с институциональными и культурно-экономическими барьерами.

Запуск формата прямого эфира и интерактивных программ, таких как «ОТРажение», был не только вынужденной мерой бюджетной оптимизации, но и логичным развитием концепции партисипативного медиа, способного компенсировать структурные недостатки через участие граждан.

Проект ОТР представляет собой уникальный для постсоветского пространства пример попытки институционализировать модель общественного вещания на основе российской спецификации — с учетом как теоретических моделей публичной сферы, так и локального медиаконтекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — СПб., 2000.

2. В правительство РФ внесен законопроект об общественном телевидении // РИА Новости. 22.12.2005. — Режим доступа: https://ria.ru/20051222/42627663.html (дата обращения: 29.05.2025).

3. Проект концепции Общественного телевидения // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Архив. — Режим доступа: https://web.archive.org/web/20120305142500/http://www.president-sovet.ru/structure/group_16/materials/proekt-conc.php (дата обращения: 29.05.2025).

4. Hallin D. C. Comparing Media Systems / D. C. Hallin, P. Mancini //Three Models of Media and Politics. — Cambridge, 2004. — С. 27-28.

5. Указ Президента Российской Федерации о создании Общественного телевидения. — Режим доступа: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d3e35ae26895f2608c.pdf (дата обращения: 29.05.2025).

6. Дмитрий Медведев подписал указ о создании Общественного ТВ // Единая Россия. — Режим доступа: https://lenobl.er.ru/activity/news/dmitrij-medvedev-podpisal-ukaz-o-sozdanii-obshestvennogo-tv (дата обращения: 29.05.2025).

7. Создать непонятное. Зачем и кому нужно Общественное телевидение // Lenta.ru. 23.12.2011. — Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2011/12/23/publictv/ (дата обращения: 29.05.2025).

8. Общественному вещанию светит «Звезда» // Коммерсантъ. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc-y/1862956 (дата обращения: 29.05.2025).

9. Общественное телевидение умрет незаметно // Утро.ру — Режим доступа: https://utro.ru/articles/2013/07/24/1133414.shtml (дата обращения: 29.05.2025).

10. Познер предложил закрыть Общественное телевидение России // Аи Ф. — Режим доступа: https://aif.ru/society/media/1088027(дата обращения: 29.05.2025).

11. Общественное телевидение хочет жить в радости// РИА Новости. — Режим доступа: https://ria.ru/20130528/939918024.html (дата обращения: 29.05.2025).

Воронежский государственный университет

Ермилова Ю. В., соискатель Воронежского государственного университета

E-mail: u.v.ermilova@gmail.com

Voronezh State University

Ermilova Yu. V., Postgraduate Student, Voronezh State University

E-mail: u.v.ermilova@gmail.com

УДК 654.197

ПРОГРАММНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ (НА ПРИМЕРЕ СТС И ТНТ)

Н. О. Ершов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 26 мая 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматривается подход к программированию эфира ведущих развлекательных телеканалов России, которые ориентированы на различные половозрастные группы, что отражается в контенте, представленном в эфире. Из-за обилия развлекательных форматов, которые выходят на различных интернет-платформах, СТС и ТНТ в праздники стараются адаптировать эфир под конкретный праздничный день. Представлены результаты исследования, которое стало попыткой изучить распределение продукта в эфире 23 февраля и 8 марта 2025 г.*
Ключевые слова: *телевизионное программирование, СТС, ТНТ, нишевой канал, развлекательное телевидение.*

Abstract: *the article examines the on-air programming approach of Russia's leading entertainment television channels, which target different gender and age groups. This is reflected in the content presented during their broadcasts. Due to the abundance of entertainment formats available on various internet platforms, CTC and TNT have tried to adapt their programming to specific holidays. The results of a study conducted on February 23rd and March 8th, 2025, are presented.*
Keywords: *television programming, CTC, TNT, niche channel, entertainment television.*

Введение. Современное развлекательное телевидение России, оставаясь ключевым игроком медиаиндустрии, сталкивается с беспрецедентной конкуренцией со стороны цифровых платформ. В последние годы в связи с широким развитием онлайн-кинотеатров, стриминговых сервисов и интернет-видеоплатформ, структура современного телевидения несколько изменилась. Сегодня пользователи не зависят от программной стратегии телеканалов, поскольку самостоятельно могут определяют, какой контент и где смотреть. Такая ситуация на рынке вынудила традиционные СМИ, в том числе телевидение, интегрировать контент в новые медиа и наоборот, привлекать молодежную аудиторию посредством маркетинга и покупки успешных форматов у каналов-конкурентов, а также внедрять новые формы взаимодействия с аудиторией [1]. Отечественные развлекательные телеканалы эволюционирует в сторону локализации контента, где даже глобальные форматы адаптируются под региональные и социальные особенности [2]. Хотя нишевые развлекательные каналы программируют эфир так, чтобы снизить отток аудитории с естественной сменой половозрастных групп в различные тайм-слоты [3].

По данным компании *Mediascope*, в 2024 г. самыми популярными в жанровой структуре российского телевидения стали сериалы и развлекательные проекты, большая часть которых выходила именно на развлекательных телеканалах [4]. Примечательно, что в категории 4-44 в пятерку лидеров в двух категориях вошел контент ТНТ и СТС. В научной среде считается, что наиболее выгодная контент-стратегия была выработана на телеканале СТС, где преобладают сериалы и полнометражные фильмы [5].

Особый научный и практический интерес представляет адаптация эфира к праздничным дням, таким как 23 февраля и 8 марта, когда запросы зрителей тесно связаны с гендерной и социальной тематикой.

Таким образом, данная статья посвящена анализу стратегий телеканалов СТС и ТНТ, которые, сохраняя брендовую идентичность, трансформируют верстку эфира в соответствии с половозрастными характеристиками аудитории праздников.

Методология исследования. В рамках исследования анализируется использование двумя развлекательными телеканалами традиционных методов линейного вещания, которые адаптируют сетку эфира под повседневные паттерны аудитории с целью минимизации ее ухода на каналы-конкуренты или онлайн-платформы. В статье мы сделали акцент на анализе структуры эфира, а не на приемах программирования. Для этого выбраны четкие хронологические рамки (23 февраля и 8 марта 2025 г.). Основываясь на положениях, представленных в работе «Особенности программирования отечественных развлекательных телеканалов в условиях развития

© Ершов Н. О., 2025

интернета (на примере СТС, ТНТ и «Пятницы»)» [6], мы определили следующее деление выходного дня: Раннее утро: 05:00-09:00. Позднее утро: 09:00-13:00. День: 13:00-16:00. Предпрайм: 16:00-19:00. Прайм-тайм: 19:00-23:00. Постпрайм: 23:00-01:00. Ночь: после 01:00.

Для достижения цели работы (выявить взаимосвязь между программными стратегиями СТС, ТНТ в праздничные дни и их рейтинговой эффективностью) был проведен **контент-анализ** эфирных сеток за 23 февраля и 8 марта 2025 г. с акцентом на тематическое соответствие празднику; затем было проведено сравнение **рейтингов за выбранный период** для оценки отклика аудитории и интерпретировали полученные результаты. Гипотеза исследования заключается в следующем: Телеканалы СТС и ТНТ в праздничные дни (23 февраля и 8 марта 2025 г.) ставили в эфир контент, ориентированный в первую очередь на половозрастную группу зрителей, которая ассоциируется с этими датами. Такая стратегия позволила привлечь большой процент аудитории за счет точного таргетинга на целевую аудиторию.

Новизна нашей работы заключается в сравнительном анализе верстok телеканалов СТС и ТНТ в праздничные дни. Было установлено, что 23 февраля и 8 марта изучаемые нами телеканалы ориентировать больше на женскую аудиторию. По итогам двух праздничных дней нам удалось определить, что в День защитника Отечества наиболее удачным оказался подход СТС, показав в эфире популярный в интернете сериал с уклоном на женщин. В Международный женский день лидером оказался ТНТ, сделав акцент на популярном реалити-шоу «Битва экстрасенсов». Однако у обоих каналов в «топ-100» рейтинговых программ по данным компании Mediascope вошло только по одной программе на каждой неделе, в которую были упомянутые выше праздники.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать полученные результаты для дальнейшего изучения развлекательного сегмента отечественного телевидения, в первую очередь развлекательных каналов, которые достаточно редко попадают в поле зрения исследователей СМИ и массовых коммуникаций. Мы считает, что сформулированный нами подход в первую очередь поможет изучить структура эфира телеканала «Домашний», который в последние годы показывает рост рейтингов, тем самым выйдя в лидера сегмента.

Развлекательное телевидение: эфир праздничных дней. 23 февраля телеканал СТС продемонстрировал гибридный подход, сочетающий семейно-ориентированный контент с традиционным для канала праздничным наполнением эфира. Несмотря на отсутствие строго «мужских» шоу, сериалов, кинофильмов, сетка была выстроена с учетом паттернов аудитории для выходного дня [6].

Раннее и позднее утро, день и большая часть предпрайма были отданы под детско-семейный просмотр. Утренние часы отвели под «Ералаш» и мультфильмы. Интересная тенденция в эфире сложилась после 18:00, когда СТС поставил в верстку сериал «Ландыши. Такая нежная любовь», ранее выходивший в онлайн-кинотеатре *Wink.* В центре сюжета — девушка, которая вышла замуж за военного. С одной стороны, тематика контента соотносится с Днем защитника Отечества. С другой — данный сериал предназначен больше для женской аудитории. Считаем, часть предпрайма, прайм-тайма и постпрайма целенаправленно программировали методом марафона и моста [6, 7], чтобы удержать зрителя, а также привлечь аудиторию не только других развлекательных, но и универсальных каналов [8]. Это означает, что гипотеза нашего исследования, что в День защитника Отечества на «13 кнопке» будет больше «мужского» контента, не подтвердилось. Программная стратегия была выстроена с акцентом на детскую и женскую аудиторию.

В отличие от конкурента, ТНТ в День защитника Отечества сделал ставку на юмористический и развлекательный контент. Раннее и позднее утро было отдано «Однажды в России», реалити-шоу «Битва экстрасенсов». Схожее наполнение эфира было установлено и в других слотах. В праздничный день телеканал не поставил в эфир марафон сериалов, кинофильмов, созданный специально для ТНТ или онлайн-кинотеатра Premier.

Таким образом, 23 февраля ТНТ не продемонстрировал стремления к привлечению мужской аудитории за счет продуктов, где главный герой — мужчина или группа мужчин, что опровергает гипотезу научного исследования. В частности, в прайм-тайм «19 кнопка» сделала ставку на привлечение молодежной аудитории «13 кнопки» за счет показа реалити-шоу «Выжить в Самарканде» и «Титаны».

Чтобы понять, чей подход оказался более «выигрышным», проанализируем отчеты компании Mediascope: «100 наиболее популярных программ среди россиян в возрасте старше 4 лет» в период с 17.02.2025 по 23.02.2025 (Россия 0+) [9].

Ожидаемый нами лидер эфира — сериал «Ландыши. Такая нежная любовь» с началом в 19:50 и окончанием в 20:39 стал первым среди всего контента телеканала СТС в этот день и 36 в общероссийском рейтинге с рейтингом — 2,4% и долей — 7,6%. Согласно верстке эфира в это время транслировали третью серию. Остальной контент за 23 февраля в рейтинг не вошел.

Из проектов телеканала ТНТ, которые поставили в эфир в День защитника Отечества», в «Топ-100» вошло только реалити-шоу «Выжить в Самарканде. Игра сезонов» (18:30-20:40), заняв 86 строчку с рейтингом — 1,7% и долей — 5,6%.

Подводя итог представленным данным, отме-

тим, что стратегия телеканала СТС сфокусироваться на семейном и «женском» контенте, а также поставить в прайм-тайм сериал «Ландыши. Такая нежная любовь», который показал хороший рейтинг в интернете (*Wink*: оценка — 9,5/10; Кинопоиск — оценка — 8,3/10), оказалась более удачной, чем подход телеканала ТНТ, не удивив зрителя новинками.

Рассмотрим программную стратегию 8 марта 2025 года. Как и 23 февраля, в Международный женский день СТС решил выстроить программную стратегию с учетом интересов женской аудитории, при этом не забыв и про семейный контент. Основной акцент в верстке был сделан на развлечение многопоколеческой аудитории с превалирующим большинством «женских» программ.

В раннее и позднее утро руководство телеканала сконцентрировало внимание аудитории на марафоне программы «Про100 кухня». В позднее утро на СТС также стартовал кинопоказ, чего не было 23 февраля. Он начался с ленты «Мамы», сюжет которой происходит 8 марта. То есть, здесь видео переход от развлекательно-познавательных вопросов к личным историям героев полнометражной картины. Однако, начиная с дня и до пост-прайма, СТС сделал акцент на историях любви и юморе без явной гендерной специфики. Такой подход с стратегии подтверждает нашу гипотезу, что наполнение эфира в праздничный день будет соответствовать гендерной направленности праздничного выходного дня.

ТНТ в праздничный день сделал ставку на реалити-шоу «Битва экстрасенсов» и «Экстрасенсы. Битва сильнейших». Марафон стартовал в позднее утро и продлился до прайм-тайма. По данным компании *Mediascope*, в 2024 г. этот проект стал лидером среди регулярных развлекательных программ у аудитории 4-44 [4]. Предполагаем, что решение уделить 11 часов эфирного времени контенту про мистику продиктовано, в частности, показателями аудитории. в большинстве своем женской, за прошлый год и первые месяцы 2025 г. Как пишут исследователи, причинами популярности реалити-шоу про экстрасенсов являются, в частности, повторяющие типы героев, которые делают отсылки к архитипам, а также намерения создателей «Битвы экстрасенсов» дать возможность аудитории вместе с персонажами расследовать события [10]. Такой подход к выстраиванию программной стратегии подтверждает нашу гипотезу, поскольку большая часть эфирного времени была отдана популярным у женщин проектам.

Чтобы определить, чья позиция оказалась наиболее удачной в праздничный выходной день, по аналогии с 23 февраля, изучим данные *Mediascope*: «100 наиболее популярных программ среди россиян в возрасте старше 4 лет» в период с 03.03.2025 по 09.03.2025 (Россия 0+) [9].

Лидером телеканала 8 марта стал фильм «Холоп» с началом. В общем рейтинге недели он занял 47 строчку с рейтингом 2,2% и долей 8,2%. А вот телеканал ТНТ, напротив, улучшил свои позиции относительно 23 февраля. Реалити-шоу «Экстрасенсы. Битва сильнейших» (18:30-20:00) стало 19 в «топ-100», получил 3,1% рейтинга и 11,0% доли.

Таким образом, ставка телеканала ТНТ показать одно из популярных шоу телеканала эффективна. Это обеспечило ему значительно больше аудитории в праздничный день, чем конкуренту.

Выводы. В результате контент-анализа программной стратегии телеканалов СТС и ТНТ в праздничные выходные дни в феврале и марте 2025 г. гипотеза исследования подтвердилась частично. 23 февраля оба канала не сделали акцент на сугубо «мужском» контенте, что противоречит нашему предположению. СТС уделил прайм-тайм «женскому» контенту который показал хорошие рейтинги в интернете, что, вероятно, обеспечило рейтинг в праздничный день. Действительно, когда другие федеральные каналы транслировали праздничные патриотические концерты, «13 кнопка» предложила зрителям совершенно иной контент. ТНТ же не удалось завлечь зрителей других каналов показом реалити-шоу, которое по составу участников больше нацелено на молодежную аудиторию.

В Международный женский день эфир на обоих «кнопках» был более гендерно-определенным с уклоном на женскую аудиторию. Тем самым, гипотеза, что такая стратегия позволила привлечь большой процент аудитории за счет точного таргетинга на целевую аудиторию, подтвердилась.

Во-вторых, в условиях конкуренции со стриминговыми сервисами в праздничные дни телеканалы сделали акцент на ТВ-марафон. Однако, как показали рейтинги, такой подход не позволил полностью удержать аудиторию от начала и до конца марафона.

В-третьих, вместо эксклюзивного праздничного контента, СТС и ТНТ не изменили позицию при отборе контента на выходной день. Жанры и форматы, которые были показаны 23 февраля и 8 марта, были в верстке и в другие выходные дни. Это сказалось на рейтингах, поскольку в список 100 наиболее популярных программ на каждой неделе, на которой был тематический праздник, попали только по одному проекту, показанному в эфире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Van Dijck J., Poell T. (2015) Making Public Television Social? Public Service Broadcasting and the Challenges of Social Media. / J. Van Dijck, T. Poell — DOI: 10.1177/1527476414527136 // Television & New Media. — 2015. — № 16 (2). — P. 148-164.

2. Ершов Н. О Эволюция жанрово-форматной структуры отечественного развлекательного телевидения / Н. О. Ершов // Меди@льманах. — 2024. — № 5. — С. 74-82.

3. Могилевская В. С. Трансформация программной стратегии нишевого развлекательного телеканала в усло-

виях конкурентной медиасреды (на примере СТС и ТНТ) / В. С. Могилевская // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10. — № 4. — С. 775-791.

4. Ачкасова К. А. Mediascope. CSTB — 2025 / К. А. Ачкасова. — Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/a18/vx6cg4o1iprddk9rcx7o1gkkshncehl3/CSTB_2025.pdf (дата обращения 01.05.25).

5. Долгова Ю. И. Жанрово-форматные особенности развлекательного телевидения / Ю. И. Долгова, Н. О. Ершов, Т. Т. З. Чан // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2022. — № 3. — С. 573-589.

6. Ершов Н. О. Особенности программирования отечественных развлекательных телеканалов в условиях развития интернета (на примере СТС, ТНТ и «Пятницы») / Н. О. Ершов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2024. — № 4. — С. 757-771.

7. Долгова Ю. И. Программирование универсальных телеканалов в условиях острой конкуренции (на примере «Первого канала» и «России 1») / Ю. И. Долгова, В. С. Федорова. — 2019. — № 3. — С. 64-74.

8. Долгова Ю. И. Программирование тайм-слотов телеканалов «большой тройки»: эфир будних дней / Ю. И. Долгова, Г. В. Перепечина, О. В. Тихонова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 69. — С. 321-339.

9. Mediacope. Данные по аудитории СМИ. Рейтинги. Телевидение. — Режим доступа: https://mediascope.net/data/ (дата обращения 01.05.2025).

10. Скатова Е. О. Инструменты привлечения внимания аудитории к реалити-шоу «Битва экстрасенсов» / Е. О. Скатова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2025. — № 1. — С. 48-59.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ершов Н. О., аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики

E-mail: nik_ershov@yahoo.com

Moscow State University named after. M. V. Lomonosov

Ershov N. O., Postgraduate Student of the Department of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism

E-mail: nik_ershov@yahoo.com

УДК 070

БРИКС КАК МЯГКАЯ СИЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МЕДИЙНЫЙ И ЭКПЕРТНЫЙ ДИСКУРСЫ[1]

Т. Л. Каминская

Финансовый университет при Правительстве РФ

Поступила в редакцию 29 марта 2025 г.

Аннотация: *в статье анализируются медийный и экспертный дискурсы, касающиеся БРИКС как новой политической силы на мировой авансцене в контексте возможности использования мягкой силы. Отмечается недостаточная медиапрезентация этой возможности, поскольку в ведущих российских медиа превалирует акцент на экономические аспекты взаимодействия стран БРИКС.*
Ключевые слова: *БРИКС, дискурс, мягкая сила, новая политическая реальность, информационное пространство.*

Abstract: *the article analyzes media and expert discourses concerning BRICS as a new political force on the global stage in the context of the possibility of using soft power. There is a lack of media representation of this opportunity, as the leading Russian media focuses on the economic aspects of cooperation between the BRICS countries.*
Keywords: *BRICS, discourse, soft power, new political reality, information space.*

Сегодня внимание мировой общественности приковано к различного рода объединениям, поскольку в новой политической реальности только объединения стран могут диктовать экономическую повестку, и одно из таковых – БРИКС, выступающий в последнее время важным сегментом мирового ландшафта. Причем, ключевыми факторами, за которые идет борьба в мировой повестке, выступают нематериальные: распространение ценностей, культуры стран, их образования. Эти факторы обычно объединяют понятием «мягкая сила», эффективность использования которой в мировом пространстве исследует, например, Дж. Най, который ищет баланс между «жесткой» и «мягкой силой» на протяжении четверти века. В последней по времени монографии [1] он указывает, что именно мягкая сила может творить чудеса с помощью вовлечения и убеждения.

Проводником и даже творцом этой мягкой силы служит медиадискурс, не случайно он нередко рассматривается учеными в связке с понятиями «идентичность», «ценности», «ментальность» [2-3].

Целью исследования стал поиск медиаотражения «мягкой силы» современного БРИКС и возможностей ее расширения в перспективном сотрудничестве стран объединения. Основные результаты данной статьи получены, во-первых, методом дискурс-анализа тематического медиадискурса «БРИКС» в ведущих российских СМИ, и, во-вторых, посредством глубинных экспертных интервью. Автором исследовался медиадискурс «БРИКС» в СМИ , стабильно занимающих верхние строчки рейтингов Медиалогии: «КоммерсантЪ», «Ведомости», «Известия»[2] в период с 15.03.2024 по 15.03.2025. В этот же период проводились экспертные интервью; эксперты выбраны по принципу наличия кандидатской степени и исследований в сфере межкультурной коммуникации, опыта информационной работы с международной повесткой и знаниями иностранных языков (преимущественно английский и китайский) – всего 9 человек.

Необходимо отметить, что БРИКС как феномен попал в поле зрения ученых, исследующих коммуникативные аспекты современности. Интерес, например, представляет анализ открытых данных[3] востребованности социальных медиа молодежью БРИКС, которые говорят о взрывном росте этого показателя в странах объединения [4-5]. Авторы выявляют основные модели потребления среди поколения Z и миллениалов в Бразилии, России, Индии, Китае и Южной Африке в 2023 году и проводят сравнительный анализ использования социальных сетей в этих странах [6]. С точки зрения «особенностей БРИКС как важного социального сегмента и цифровой коммуникационной сети с уникальным национальным оттенком» интересна статья Е. В. Валюлиной, отмечающей, что «В современном мире, где геополити-

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета.

© Каминская Т. Л., 2025

[2] Рейтинги СМИ, Медиалогия. – URL: https://www.mlg.ru/ratings/media/ (дата обращения: 25.03.2025).

[3] https://www.meltwater.com/en/blog/social-media-statistics

ческий ландшафт испытывает заметные изменения, ослабевает доминирование развитых стран Севера. Это ощущается на фоне растущего влияния стран БРИКС, особенно в контексте развития цифровых технологий, которые трансформируют как международные, так и национальные социокультурные структуры на всех уровнях» [7, 17]. Е. В. Валюлина говорит о возрастающем значении TV BRICS[4], контент которого охватил уже 14 стран мира «благодаря расширению сети партнерских отношений с медийными организациями и кинофестивалями. В этот период примерно тридцать новых участников вступили в партнерство с TV BRICS, среди которых находились лидеры медиаиндустрии и значительные международные фестивали» [7, 18]. Собственно понятие «мягкая сила» в применении к функционированию БРИКС присутствует менее, чем в десяти статьях базы РИНЦ, и, как правило, они касаются отдельных стран блока [8]. Однако есть публикации, указывающие на необходимость поиска общих идеологических установок, формулирования единой ценностной базы на основе существующих общих информационных платформ. Так, указывалось, что «Мобилизация исторического опыта членов БРИКС может нести не только просветительский, но и идейный заряд, информационный обмен может найти неожиданные положительные коннотации и ценностные созвучия». Суммируя популярные мифологемы стран, О. Г. Карпович и Ю. И. Герасимова утверждают, что «в ценностную базу формируемой информационной среды БРИКС следует включить понятия ««процветание», «духовность», «мультирасовость», «образование», «трудолюбие», «эстетизм»» [9, 193] и «важно заложить такую общую для всех стран группы мировоззренческую установку как «культ предков» [там же]. И действительно, на наш взгляд, оформление общей ценностной платформы могло бы служить развитию влияния объединения в мировом сообществе.

Между тем, в выбранных для исследования СМИ за год (рассматривался период от 15.03.2024 по 15.03.2025) сложился масштабный по своим показателям тематический медиадискурс с ключевым словом *БРИКС.* Преимущественно он состоит из информационных жанров и затрагивает экономическую тематику. Так, в «Ведомостях» за указанный период в поиске по ключевому слову находится 2700 публикаций, в «Коммерсанте» и «Известиях» – более 1000 (все, за редким исключением, под рубрикой «экономика»). Порой, это несколько новостей в день, с разных аспектов раскрывающих события. Инфоповодами большей части служат:

- экономические форматы сотрудничества: *Как Костин призвал создавать отдельную от Запада финансовую инфраструктуру* («Ведомости», декабрь 2024), *Глава МИД КНР заявил о необходимости усиления влияния БРИКС и Глобального Юга* («Известия», ноябрь 2024 г.);

- обсуждения вступления в объединение новых членов и новые партнерства: *Индонезия стала полноправным членом БРИКС* («Ведомости, январь 2025 г.)*; Нигерия стала партнером БРИКС* («КоммерсантЪ, январь 2025 г.);

- высказывания политиков об экономических инициативах, касающиеся объединения: *Путин заявил о согласии стран БРИКС с идеей разработки инвестплатформы объединения* («Известия», декабрь 2024 г.), *«Противостояние западному диктату уже восстановилось». Сергей Лавров подвел внешнеполитические итоги года* («КоммесантЪ», ноябрь 2024 г.).

При этом, по запросам *БРИКС+культура/культурная политика*; *БРИКС+ идеология* и подобным можно найти лишь единичные примеры публикаций, и они, как правило, являются декларативными: *Посол КНР Чжан Ханьхуэй: сотрудничество РФ и Китая в сфере кино очень перспективно* («Известия», февраль 2025 г.), *Родриго де Лима Баэна Соарес: «Культура – это ключевой инструмент для укрепления отношений между странами»* («Ведомости», декабрь 2024 г.).

Редкие примеры упоминания культурной повестки связаны с событийностью: форум БРИКС в Казани октября 2024 г., премьера китайского фильма «Красный шелк» в Москве: *Буйства в экспрессе: премьера фильма «Красный шелк» прошла в Москве* («Известия», февраль 2025 г.).

Симптоматично, что именно в 2025 г. в СМИ появились единичные публикации о необходимости выработки идеологической платформы БРИКС и совместных культурных инициативах: *Пора задуматься о новых нарративах. Политолог Андрей Кортунов о кардинальных изменениях в отношениях России с «коллективным Западом»* («КоммерсантЪ», январь 2025 г.). Впрочем, публикации такого рода представляют собой также декларации и пожелания на будущее.

Экспертный опрос позволил выявить некоторые конкретные траектории создания и реализации «мягкой силы» БРИКС. Эксперты рассматривали объединение в контексте исторического опыта:

- Очевидно, что БРИКС потенциально может занять ту нишу, которую в свое время занимали страны из так называемого «Движения неприсоединения» в годы «Холодной войны», когда ряд государств с сильной экономикой и самостоятельной внешней политикой стремились быть независимыми от влияния Запада и вырабатывать согласованный курс;

- Страны БРИКС не «могли бы», а уже привносят свой вклад в формирование иной логики миропорядка просто самим фактом своего существования. В

[4] Международная сеть TV BRICS усилила информационное влияние в медиапространстве БРИКС. – URL: https://tvbrics.com/news/v-2022-godu-mezhdunarodnaya-set-tv-brics-usilila-informatsionnoevliyanie-v-mediaprostranstve-briks/ (дата обращения: 29.03.25).

основе этого альянса лежит тонкий баланс между экономическим и гуманитарным сотрудничеством и соблюдением национальных интересов. И это нравится очень многим государствам в мире. Потому, что альтернатива – это система американоцентричности.

- BRICS, как объединение стран с национальными интересами, отрицает «порядок, основанный на правилах», сложившийся после Второй мировой войны, с его жесткой иерархией и гегемонией США над шестеркой подчиненных стран, тем самым BRICS продвигает многополярный мир с опорой на здоровое естественное соперничество и баланс интересов главных участников.

В отношении информповестки подчеркивались необходимость следующих аспектов:

- р*азнообразие и более точное и комплексное отражение жизни во всех ее проявлениях, надо давать альтернативную «картинку» по сравнению с западноцентричным подходом: встраивание культурного кода каждого из крупных акторов (Россия, Китай, Индия и так далее) в практику предоставления публичной информации;*

- противодействие стереотипам и предрассудкам в отношении культур и народов (по каждой стране свое); демонстрация национальных практик решения проблем в своих сообществах на основе тысячелетних традиций и передача этого опыта другим (конфуцианская этика Китая, индуизм);

- использование инноваций в форматах подачи новостей: Болливуд (Индия), феномен коротких видео и развития рынка (Китай).

В отношении общих принципов культурного взаимодействия были высказаны как общие наблюдения, так и необходимые конкретные инициативы:

- думается, что помимо упрощенных экономических связей именно культурный аспект «цепляет» в БРИКС очень многих. Скажу, что страны БРИКС уже привносят, казалось бы, окончательно забытое ныне в глобальной политике понятие взаимного уважения в публичных высказываниях в адрес друг друга. А чувство такта в коммуникативной системе, тем более международной – это ведь практически утраченная категория, которая на вес золота.

- хорошо бы восстановить интересную практику взаимодействия на уровне городов-побратимов. Есть перспектива у маленьких городов и их медиа стран-БРИКС, которые могли бы рассказать о конкретных жителях конкретных похожих по размеру территорий. В 1990-х годах это было популярной в России темой, эффективной в плане познания друг друга и выработке общей гуманитарной платформы. Например, побратимство Ленинграда и Рио-де Жанейро, был снят еще в советское время фильм друг про друга, это важно – увидеть себя глазами другого[5]*;* Интересно, что в создании и реализации «мягкой силы» подчеркивалась роль университетов, которые обычно крайне редко упоминаются в дискурсе БРИКС:

- Необходимо развивать туристические инициативы и совместные университетские программы. Сейчас уже разрабатываются и даже внедряются проекты, направленные на привлечение иностранных туристов из Китая, Индии и стран Ближнего Востока в Россию (стандарты China friendly, India friendly, Halal/Muslim friendly, программа Discover Russia). Одним из главных условий для успешной реализации таких проектов является наличие/подготовка квалифицированных кадров, обладающих сформированной межкультурной компетенцией, знанием иностранных языков и культурных особенностей целевых групп туристов.

Важность единого информационного пространства подчеркнули все эксперты: в каждом интервью были упомянуты либо журнал BRICS Business Magazine, либо Международная медиасеть TV BRICS, а также присоединение ряда европейских государств к медиасотрудничеству со странами БРИКС+ в рамках медиасети TV BRICS[6].

Обзор экспертного опроса хотелось бы закончить словами одного из интервью:

- Вопрос в том, сможет ли БРИКС превратиться в организацию с управленческими структурами и согласованной политикой, нацеленной на противодействие попыткам Запада подмять под себя остальной мир, или так и останется площадкой для обмена мнениями и экономическими инициативами, клубом для дискуссий?

Таким образом, на разработку единой идеологической платформы, культурной повестки и использование «мягкой силы» должен быть сделан акцент как в политической, так и в медийной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nye J S. Soft power and great-power competition. Shifting stands in the balance of power between the United States and China. Springer. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/370314476_Soft_Power_and_Great-Power_Competition_Shifting_Sands_in_the_Balance_of_Power_Between_the_United_States_and_China (дата обращения: 29.03.25).

2. Тулупов В. В. Русская ментальность и язык медиа / В. В. Тулупов // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения. Сборник материалов международного

[5] Фильм есть на различных российских платформах, например, здесь: https://www.net-film.ru/film-62292/

[6] На данный момент насчитывается 26 присоединившихся стран и около 500 специалистов из разных стран входящих в базу экспертов TV BRICS: https://tvbrics.com/news/strany-evropy-prisoedinyayutsya-k-mezhdunarodnomu-informatsionnomu-obmenu-cherez-set-tv-brics/

научного форума. В 2-х томах. – Т. 2. – СПб., 2024. – С.81-82.

3. Зверева Е. А. Событийный медиадискурс «ситуация с Телеграм» в аспекте национальных ценностей / Е. А. Зверева, Т. Л. Каминская, А.М. Шестерина // Вопросы теории и практики журналистики. –Т. 13.– № 4. – 2024. – С. 683-709.

4. Rajput H. Social media and politics in India: A study on Twitter usage among Indian Political Leaders. Asian Journal of Multidisciplinary Studies, –2 (1), – 2014, – С. 63-69.

5. McInnes K. South African Social Media Statistics. Retrieved – Режим доступа: https://www. meltwater.com/en/blog/social-media-statistics-south-africa. (дата обращения: 29.03.25).

6. Cele Z. P., Shilina M. G., Tshikovhi, N. Social media driven mediatization of youth in BRICS. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. – 2024 – 29 (4). – 810-821. – Режим доступа: http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-810-821 (дата обращения: 29.03.25).

7. Валюлина Е. В. Эффективные методики медиаобразования: опыт работы медиацентров в разных странах / Е. В. Валюлина // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2024. – № 3 (53). – С. 15-22.

8. Курумчина А. Э. Российские практики культурной дипломатии: африканский кейс / А. Э. Курумчина // Дискурс-Пи. – 2024. – Т. 21. – № 1. – С. 110-131.

9. Карпович О. Г. БРИКС в контексте современных международных информационных процессов / О. Г. Карпович, Ю. И. Герасимова // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – № 9 (2). – С. 191-203.

Финансовый университет при Правительстве РФ

Каминская Т. Л., д.ф.н., доцент, профессор кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса

E-mail: tlkam1@mail.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation

Kaminskaya T. L., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Mass Communications and Media Business

E-mail: tlkam1@mail.ru

УДК 070.1

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В РОССИЙСКИХ И СИРИЙСКИХ СМИ В 2011-2023 ГГ.

Канхуш Джалал

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 14 мая 2025 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу отражения российско-сирийского диалога в прессе двух периодов: 2011-2013 и 2022-2023 гг., на материале «Российской газеты», «Независимой газеты», агентства SANA(انا‌س) и газеты «Аль-Ватан — الوطن». Автором проанализированы количественные и качественные характеристики публикаций, жанры, стилистика, контексты (освещение вопросов культуры, языка, восстановления памятников, гуманитарной помощи), а также редакционная политика изданий, с акцентом на выявление изменений в тематике и оценках. Делается вывод о том, межкультурный российско-сирийский диалог занял важное место в информационном дискурсе обеих стран, особенно на этапе постконфликтного восстановления Сирии.*
Ключевые слова: *Россия, Сирия, СМИ, интернет, культура, межкультурный дискурс, образование, сотрудничество.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the reflection of the Russian-Syrian dialogue in the press of two periods: 2011-2013 and 2022-2023, based on the material of Rossiyskaya Gazeta, Nezavisimaya Gazeta, SANA news agency and Al-Watan newspaper. The author analyzes the quantitative and qualitative characteristics of publications, genres, stylistics, contexts (coverage of cultural issues, language, restoration of monuments, humanitarian aid), as well as the editorial policy of publications, with an emphasis on identifying changes in topics and assessments. It is concluded that the intercultural Russian-Syrian dialogue has occupied an important place in the information discourse of both countries, especially at the stage of post-conflict reconstruction of Syria.*
Keywords: *Russia, Syria, Media, Internet, Culture, Intercultural discourse Education, Cooperation.*

Введение. Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, культура является важным мостом взаимопонимания, особенно в условиях кризиса, а разрушение памятников Сирии (например, Пальмиры) вызвало международный резонанс, требуя объединения усилий для их спасения. Россия, как ключевой союзник Сирии, активно содействовала в сохранении культурного наследия [1-3]. Во-вторых, после стабилизации Сирии культурное сотрудничество стало важным инструментом «мягкой силы» и восстановления мирной жизни. Открытие Российского культурного центра в Дамаске (2020) и рост интереса к русскому языку свидетельствуют об углублении гуманитарных связей [4, 6]. В-третьих, изучение отражения межкультурного взаимодействия в СМИ позволяет понять механизмы формирования образа партнерства в общественном сознании. Анализ медиа дает возможность исследовать как реальное развитие культурных отношений, так и их восприятие в массовом сознании.

Проблематика российско-сирийских связей в условиях конфликта и постконфликта широко изучалась в сферах международных отношений, востоковедения и медиакоммуникаций. В российской литературе подчеркивается роль России в культурно-гуманитарной поддержке Сирии как части ее стратегии «мягкой силы» на Ближнем Востоке [5-6; 1]. А. В. Аксенёнок отмечает, что Москва с самого начала сирийского кризиса опиралась на принцип уважения суверенитета и диалога, предполагая культурное сотрудничество как важную составляющую урегулирования [5, 13]. В. Б. Долгов указывает на цивилизационный характер конфликта и важность усилий России по спасению сирийского культурного наследия [1]. Исследования Н. Маринович и М. Ахмедова показывают, что с 2015 г. сирийские СМИ стали активно формировать позитивный образ России как союзника не только в военной, но и в культурной сфере, что особенно проявилось в материалах агентства SANA и газеты «Аль-Ватан» [6, 8]. Зарубежные аналитики также фиксируют рост «культурного следа» России в Сирии — от расширения обучения русскому языку (24 тыс. школьников) до реставрации Пальмиры [3, 14]. Однако системных исследований межкультурного диалога в медиапространстве пока недостаточно, что определяет актуальность настоящего анализа.

Цель исследования — выявить особенности и динамику освещения российско-сирийского межкультурного диалога в государственных и частных СМИ

© Канхуш Джалал, 2025

России и Сирии в 2011-2013 гг. и 2022-2023 гг., а также определить, какова роль редакционной политики и жанрово-стилистических форм в формировании образа этого диалога.

Методы исследования. В исследовании применены методы качественного и количественного анализа медийного контента. На первом этапе был проведен сбор корпуса текстов — всех доступных публикаций, относящихся к российско-сирийскому культурному взаимодействию, за выбранные периоды в четырех целевых СМИ. Для этого использовались открытые электронные архивы и поисковые инструменты сайтов изданий, а также внешние поисковые системы (*Googl*e, «Яндекс») с фильтрацией по дате. Так, по «Российской газете» («РГ») и «Независимой газете» («НГ») осуществлялся поиск по ключевым словам «Сирия» + «культура», «язык», «Пальмира», «Гергиев», «гуманитарный» и др., с ограничением дат (2011-2013, затем 2022-2023). Аналогично, по сайту *SANA* (русская и английская версии) выбирались материалы разделов «Культура и искусство», «Сирия и мир», связанные с Россией, а для «Аль-Ватан» привлекались как собственный сайт (на арабском языке), так и переводы/пересказы в сторонних источниках (например, *The Syrian Observer*). В совокупности было собрано порядка 80 публикаций (что, конечно, является лишь выборкой, но репрезентативной для заявленной темы).

На втором этапе применялся контент-анализ. Количественно и качественно были проанализированы: число материалов по годам и периодам; их распределение по жанрам (новость, статья, интервью и т.п.); частота упоминания ключевых тематических категорий (например, «русский язык», «Пальмира», «музей», «оркестр», «гуманитарная помощь» и др.). Для удобства часть этих данных сведена в таблицы.

Результаты исследования и обсуждение. Анализ строится на четырех изданиях, различающихся статусом и редакционной политикой.

«Российская газета» учреждена Правительством РФ в 1990 г., официальный орган публикации законов и указов. Выходит 5 раз в неделю тиражом около 180 тыс. экз., ориентирована на официальную аудиторию. Охватывает широкий круг тем, включая культуру, обычно освещая ее в русле позиции государственных органов [2].

«Независимая газета» — частное российское издание, основанное в 1990 г., с 2005 г. принадлежит К. Ремчукову. Тираж около 40-50 тыс. экз., ежедневный выпуск. Позиционируется как независимое, публикует широкий спектр мнений. В сфере сирийской тематики чаще представляет аналитические материалы, иногда с альтернативными официальной точке зрения акцентами. Культурная проблематика представлена умеренно.

SANA — Сирийское арабское информационное агентство, основанное в 1965 г., подчинено Минин-формации *CAP*. Агентство распространяет официальные новости на арабском и иностранных языках, включая русскую версию с 2011 г. Материалы *SANA* сухие, строго провластные, часто становятся источниками для других сирийских СМИ. В контексте исследования *SANA* выступает эталоном государственной подачи информации о связях с Россией [4].

«Аль-Ватан –الوطن » — частная сирийская газета на арабском языке, издается с 2006 г., фактически лояльна правительству. Формат ежедневный (6 раз в неделю), аудитория — городская интеллигенция. Отличается более развернутой журналистской подачей: репортажами, интервью, историческим контекстом, сохраняя при этом прогосударственную риторику [7].

Как видно из диаграммы, максимальный вклад в освещение темы во второй период внесли «Российская газета» и агентство *SANA.* Это объяснимо: обе структуры отражают политику государств, а в 2020-е гг. политики двух государств акцентировали культурное сотрудничество. «Независимая газета» и «Аль-Ватан» тоже увеличили число публикаций, но более умеренно (с единиц до десятков). Для «НГ» тема оставалась периферийной, а «Аль-Ватан» мог освещать ее более активно, но, вероятно, ограничен ресурсами и объемом полос.

Жанры. В 2011-2013 гг. преобладали короткие новости и официальные сообщения: «РГ» публиковала краткие заметки о разрушении памятников, «НГ» включала культурные упоминания в аналитические обзоры, SANA ограничивалась пресс-релизами. В 2022-2023 гг. жанровое разнообразие возросло. «РГ» дополнила новости развернутыми репортажами и интервью с экспертами (например, о реставрации Пальмиры). «НГ» обратилась к очеркам и мемуарам (например, воспоминания военных дипломатов о Сирии). *SANA* сохранила новостной формат, но добавила прямую речь чиновников и фоторепортажи. «Аль-Ватан» активно использовал репортажи и интервью, делая подачу живой и образной.

Контекст и темы.

Сохранение культурного наследия стало центральным сюжетом: особенно реставрация Пальмиры, помощь в оценке ущерба крепости Крак-де-Шевалье, поддержка ЮНЕСКО.

Русский язык и образование: активное освещение роста числа изучающих русский язык в Сирии, открытия курсов при РЦНК.

Культурные мероприятия: гастроли российских коллективов в Сирии, недели российского кино и выставки.

Гуманитарная помощь и религиозные связи: поддержка церквей и мечетей, гуманитарные миссии с акцентом на культурную составляющую.

Политико-культурный контекст: культура как часть дипломатии (например, упоминания о выставках в рамках переговорных процессов).

Таблица 1

Профиль исследуемых СМИ

Издание	Учредитель / собственник	Тип, ориентация	Периодичность	Аудитория, тираж
Российская газета (РФ)	Правительство РФ (основана 1990)	Официальная ежедневная газета	5 раз/неделя (пн–пт)	Общенациональная; ~180 тыс. экз.
Независимая газета (РФ)	АО «Независимая газета» (частная, владелец К.Ремчуков)	Частная качественная газета (центризм)	5 раз/неделя (вт–сб)	Моск. и федер. элиты; ~40 тыс. экз.
SANA (Сирия)	Мин. информации САР (госагентство, 1965)	Официальное госагентство новостей	Новости круглосуточно	Общенациональная; веб-сайт (многояз.)
Аль-Ватан (Сирия)	Частное АО, владелец Рами Махлуф (с 2006)	Частная газета (проправит.)	Ежедневно (6 раз/нед.)	Городская аудитория; < 50 тыс. экз. (оценочно)

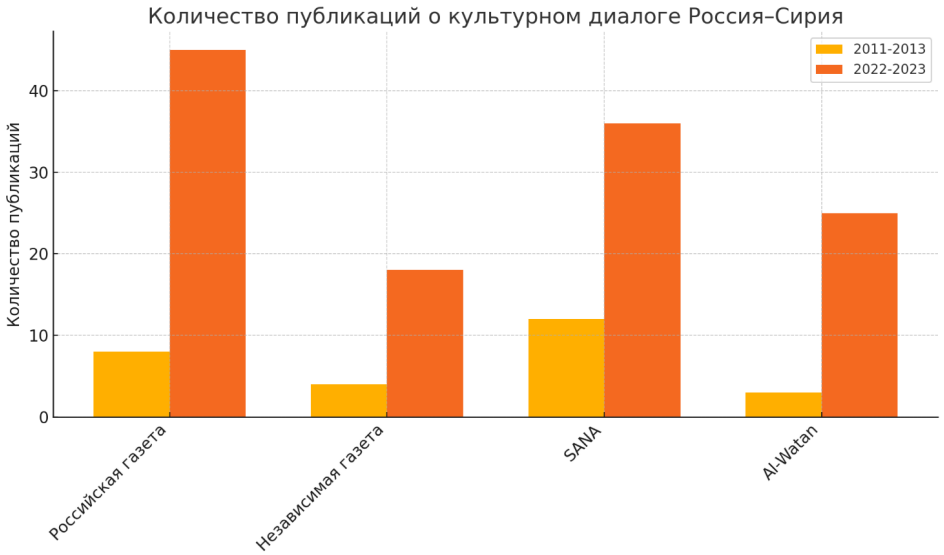

Рис. 1. Количество публикаций о культурном диалоге Россия–Сирия в 2011–2013 гг. (желтые столбцы) и 2022–2023 гг. (оранжевые столбцы) по анализируемым СМИ (оценочно).

Ко второму периоду тематика значительно расширилась: от темы разрушения памятников в начале 2010-х гг. к комплексному освещению культурных, образовательных и гуманитарных инициатив в 2020-х.

Редакционная политика и коннотация освещения. «Российская газета» последовательно поддерживает имидж России как великой гуманитарной державы: освещаются успехи в реставрации, гуманитарной помощи, без упоминания острых тем. Материалы аргументированы ссылками на факты и официальные мероприятия.

«Независимая газета» демонстрирует более разнообразный подход, но также без критики. Культурное сотрудничество подается как естественное продолжение исторических связей времен СССР, акцентируя «мягкую силу» России.

SANA полностью следует линии сирийского руководства, представляя Россию как стратегического союзника. Основной тон — благодарность, взаимное уважение и подчеркивание совместных усилий, без упоминания конкуренции с другими акторами.

«Аль-Ватан» сочетает патриотическую риторику с живым стилем, акцентируя культурное обогащение через союз с Россией. Иногда упоминаются альтернативные мнения лишь для их опровержения, общий тон — теплый и положительный.

В 2022-2023 гг. во всех СМИ преобладала позитивная коннотация межкультурного диалога. Российские медиа были более сдержанными и деловыми, сирийские — эмоционально благодарными. Даже в 2011-2013 гг. негатив отсутствовал: культура служила инструментом смягчения общего фона конфликта, без политизации.

Россия в сирийских СМИ: общее присутствие. После 2015 года российская тематика заняла прочное место в сирийских медиа: SANA, «Аль-Ватан» и другие ежедневно публиковали материалы о России — от военных новостей до культурных событий. Освещение было исключительно позитивным

или нейтральным, что отражало зависимость официального Дамаска от поддержки Москвы. Доля позитивных упоминаний России в сирийской прессе превышала 90% [9, 9].

Особенно заметно выросло внимание к культурной составляющей: в 2022-2023 гг. около четверти российских новостей касались гуманитарно-культурных аспектов — образования, науки, реставрации памятников. Таким образом, образ России эволюционировал: от защитника в войне к партнеру в восстановлении мира. СМИ активно формировали восприятие России как многопрофильного союзника, подчеркивая культурную и историческую близость народов.

Например, *SANA* в 2015 г. в материале «Сирия, Россия… глубоко укорененные отношения» подчеркивала, что сотрудничество включает культуру и образование [4]. «Аль-Ватан» в 2023 г. описывал Россию как лидера справедливого многополярного мира, а культурное взаимодействие — как важную часть этой новой реальности [7]. И так, в рассмотренных СМИ к 2022-2023 гг. российско-сирийский культурный диалог охватывал широкий круг тем: от археологии, музеев, истории до музыки, образования, религии и даже спорта Это контрастирует с 2011-2013 гг., когда тематика была узкой (в основном сохранение культурных ценностей от разрушений). Расширение тематики отражает объективное углубление сотрудничества (появились реальные проекты, обмены), но отчасти может быть и информационной кампанией показать «полноту» мира. Практически во всех материалах тональность положительная или нейтрально-позитивная. Культурный диалог представлен как ценность, благо для обеих сторон. Есть эмоционально-приподнятые тексты (особенно сирийские) — с патетикой о дружбе, братстве, общем наследии. Но нет явной пропагандистской грубости. Критических материалов не выявлено. Отсутствует какая-либо негативная коннотация по отношению к другой стороне: ни одного случая, где бы российская пресса негативно описала сирийскую сторону в контексте культуры, или сирийская — российскую. Такая гармония тонов говорит о том, что культурный диалог используется как «положительный дискурс» для обеих стран, своего рода дипломатический ресурс в медиапространстве.

Подводя итоги, отметим, что медиадискурс в сирийских и российских СМИ выполнял интегративную функцию, он сближал аудиторию двух стран, формируя взаимное уважение. Государственные СМИ обеих стран действовали в русле дипломатии своих правительств: акцентировали официальные инициативы, избегали острых углов. Частные СМИ имели больше свободы в форме, но по сути не отклонялись от позитивной линии, видя в ней, вероятно, объективную правду ситуации.

Межкультурный диалог в сирийских и российских СМИ выступил в качестве мягкой силы» и восстановления мирной жизни, индикатором и инструментом реальной политики сближения двух государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгов Б. В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011-2021 гг.) / Б. В. Долгов. — М., 2021.

2. Ледяева М. От Северной Пальмиры — древней тезке / М. Ледяева // Российская газета. 2023. 11 апр. — Режим доступа: https://rg.ru/2023/04/11/reg-szfo/ot-severnoj-palmiry-drevnej-tezke.html (дата обращения: 07.05.2025).

3. Пальмира — последние и свежие новости // Известия. — Режим доступа: https://iz.ru/tag/palmira (дата обращения: 07.05.2025).

4. Syria, Russia discuss way to enhance educational cooperation // SANA. 2023. 26 Jan. — Режим доступа: https://sana.sy/en/?p=322237 (дата обращения: 07.05.2025).

5. Аксенёнок А. Г. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру / А. Г. Аксенёнок // Россия в глобальной политике. — 2019. — № 4. — С. 8-15.

6. Ахмедов В. М. Сирийское восстание: история, политика, идеология / В. М. Ахмедов. — М., 2018.

7. Интервью Посла России в Сирии А. В. Ефимова газете «Аль-Ватан» // Министерство иностранных дел РФ. 2022. 12 июня. — Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/maps/sy/1817687/ (дата обращения: 07.05.2025).

8. Череповский А. Обломки сирийской Пальмиры в Эрмитаже / А. Череповский // Независимая газета. 2018. 6 февр. — Режим доступа: https://www.ng.ru/style/2018-02-06/14_7163_palmira.html (дата обращения: 07.05.2025).

9. Маринович А. Н. Особенности освещения сирийского конфликта общественно-политическими медиа России и США / А. Н. Маринович // Уральское востоковедение: международный альманах. — 2018. — Вып. 8. — С. 158-168.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Канхуш Джалал, аспирант кафедры журналистики

E-mail: Jalalkanhoush@yahoo.com

National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Kanhoush Jalal, Postgraduate Student of the Department of Journalism

E-mail: Jalalkanhoush@yahoo.com

УДК 070

ИСТОРИЯ ДЕЛОВОЙ ПРЕССЫ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Е. Н. Клеменова, А. А. Зенин

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Поступила в редакцию 7 марта 2025 г.

Аннотация: *исследование посвящено изучению трансформации деловой прессы в Ростове-на-Дону под влиянием новых медиаформатов и цифровых технологий в период 2000-2024 гг. Описана история газеты «Город N», «Консультант по-ростовски», «Деловая газета. Юг», «Ведомости Юг», «Коммерсант. Ю России», а также журналов «Эксперт Юг», «РБК Юг и Северный Кавказ», «Реальный бизнес», «Кто главный», «Ростовский Бизнес журнал», «Деловой квартал». Также в системе деловой прессы 2000-2024 гг. присутствуют корпоративные и отраслевые издания. Отмечено, что издания, которые смогли адаптироваться к сложным экономическим условиям на медиарынке, трансформировали свой контент под разные медиаплощадки, продолжают эффективно функционировать в Ростове-на-Дону.*

Ключевые слова: *деловой журнал, медиапространство, бизнес, целевая аудитория, региональные СМИ, деловая журналистика.*

Abstract: *the research is devoted to the study of the transformation of the business press in Rostov-on-Don under the influence of new media formats and digital technologies in the period 2000-2024. The article describes the history of the newspaper "Gorod N", "Consultant in Rostov", "Business newspaper. South", "Vedomosti Yug", "Kommersant. In Russia", as well as the magazines "Expert South", "RBC South and North Caucasus", "Real Business", "Who's in charge", "Rostov Business Magazine", "Business Quarter". Corporate and industry publications are also present in the business press system of 2000-2024. It was noted that the publications that were able to adapt to the difficult economic conditions in the media market, transformed their content for different media platforms, and continue to function effectively in Rostov-on-Don.*

Keywords: *business magazine, media space, business, target audience, regional media, business journalism.*

Введение. Актуальность темы исследования определяется развитием новых медиаформатов и цифровых технологий в работе традиционных СМИ. Исследование способствует выявлению того, как эти трансформации отражаются на развитии деловой прессы города Ростова-на-Дону.

С точки зрения исследования социальных изменений, происходящих в Ростовской области, деловые издания способствуют формированию общественного мнения, являются инструментом воздействия, и аксиологической основой развития общества [1, 70].

Цель работы — провести анализ развития деловой прессы Ростова-на-Дону в период с 2000 г. по 2024 г.

В данной научной статье были использованы такие методы, как исторический, который позволил изучить исторический опыт деловых СМИ в Ростова-на-Дону; анализ статистических данных позволил проанализировать данные о тиражах изданий, свидетельствующие о популярности отдельных журналов и газет в определенный период времени; хронологический, позволивший последовательно описать историю деловых изданий. Таким образом, комплексное применение указанных методов и подходов позволило объективно и всесторонне рассмотреть вопросы деловых изданий и журналов в исследуемый период.

На сегодняшний день существует достаточно исследований, посвященных вопросам отечественной деловой журналистики, аудитории деловых медиа, особенностей восприятия текстов деловых СМИ и жанровой специфики данных изданий.

Например, как считает А. А. Градюшко, функции деловой журналистики шире простого отображения и донесения до аудитории текущих экономических процессов. В ее функции так же входит обеспечение функционирования информационной инфраструктуры. Она обеспечивает потребности предпринимателей и создает для них целостную картину делового мира, пропагандирует идеи и принципы рыночной экономики, распространяет законодательную и нормативную информацию. Так же она может создавать положительный или отрицательный имидж бизнеса в целом или какого-либо конкретного бизнесмена в частности, рассматривать деятельность предприятий и их влияние на регионы и рынки, рассказывать о внедрении новых технологий в различных сферы промышленности. Широко информировать читателей о мире бизнеса [2, 44].

Несмотря на достаточное количество работ, посвященных вопросам деловой прессы, региональные деловые издания не так часто попадают в исследо-

© Клеменова Е. Н., Зенин А. А., 2025

вательское поле зрения. Так, Л. Г. Александров в одном из своих исследований, анализируя динамику развития деловой прессы в Челябинской области, отмечал, что общей тенденцией на рынке региональной деловой прессы в последнее десятилетие стало сокращение общего количества рекламодателей в ведущих отраслях [3, 53].

Методика исследования. На сегодняшний день в регионах продолжают развиваться деловые СМИ. Этому способствует экономическая жизнь регионов, государственная поддержка бизнеса. Региональные деловые СМИ выступают в качестве одного из секторов региональной инфраструктуры.

Деловая пресса информирует бизнес региона обо всех тенденциях развития экономики края и России в целом, о передовых технологиях и инновационных проектах, бизнес-миссиях зарубежных инвесторов, а также отечественных и международных выставках продукции и услуг. Одним из изданий освещающих данную повестку является деловая газета «Город N».

Первый номер делового еженедельника «Город N» вышел 25 сентября 1992 г. В 1994 г. газета заняла второе место в конкурсе «Экономическое возрождение России», проводимом Торгово-промышленной палатой России и Союзом журналистов России. Первым был признан «Коммерсантъ». В 1996 году «Город N» стал вторым во всероссийском конкурсе «Экология России» за цикл статей «Экономика и экология» [4, 45].

На сегодняшний день «Город N» является ведущим деловым изданием столицы Южного федерального округа — Ростова-на-Дону. Помимо еженедельных новостей и обзоров о ростовском бизнесе, «Город N» готовит специализированные выпуски — разделы, посвященные отдельным отраслям деловой жизни: финансам (банки, страхование, кредиты, лизинг и т.п.); строительной тематике (строительство и ЖКХ), деловой и жилой недвижимости, логистике, медицине и здоровью, туризму и др.

Особой популярностью у читателей пользуются постоянные рубрики газеты: «Главная тема», в которой поднимается острый и актуальный вопрос из жизни Ростова-на-Дону; и «Герой номера», в котором предприниматели и менеджеры ведущих компаний Ростовской области делятся своим опытом с аудиторией издания.

Независимость, объективность и актуальность — это основные ценности, которые лежат в основе любого материала для бизнес-аудитории «Города N». А аудитория за многолетнюю историю сложилась из местной бизнес-элиты, представителей малого и среднего бизнеса, управленцев различного ранга в коммерческих компаниях и в органах власти [4, 46].

В 2002 г. вышел первый номер газеты «Консультант по-ростовски» — информационно-аналитическое издание, выпускаемое при поддержке УФНС России по Ростовской области и районных ИФНС Ростова-на-Дону. Издание являлось ежемесячным. Учредителем и издателем деловой газеты выступало ООО «Компьютер Инжиниринг». Главный редактор — С. Н. Демченко. Тираж газеты — 6000 экземпляров. Выходило издание на 48 страницах в формате А4. Распространялось издание бесплатно по курьерской доставке.

В газете «Консультант по-ростовски» публиковались материалы на темы бизнеса, финансов и экономики, давалась эксклюзивная информация о главных событиях, наиболее важных персонах и компаниях города, велись консультации по эффективному управлению фирмой, налогообложению, правовым вопросам.

Целевая аудитория газеты — руководители организаций, бухгалтера, юристы, аудиторы предприятий всех форм собственности.

Главная рубрика газеты «УФНС России по Ростовской области». Здесь публиковали отчеты о деятельности налоговых служб Ростовской области, новости, новые законы в области налогового права и все, что связано с УФНС России по Ростовской области. Например, в мартовском номере газеты за 2017 г. был опубликован аналитический отчет «Итоги работы налоговых органов Ростовской области за 2017 год». Иногда, данная рубрика могла занимать весь номер газеты (февральский выпуск газеты 2017 г.).

Следующая рубрика издания «Наше интервью». Редакция «Консультант по-ростовски» проводила интервью с руководителями различных структур, например, с управляющим Отделением Пенсионного фонда России по Ростовской области Евгением Петровым или с исполнительным директором ООО «Премьер-Аудит» Викторией Костровой.

В рубрике «Семинары» журналисты рассказывали о предстоящих профессиональных встречах для работников налоговых служб. «Юрист консультирует» — рубрика, в которой профессиональный юрист давал разъяснения в законодательстве налогового права РФ.

Раздел «Крупным планом» рассказывал о людях, чья деятельность напрямую связана с «Консультант плюс».

На последних полосах издания были размещены объявления о наборах групп для семинаров компании ООО «Компьютер Инжиниринг».

В целом, на наш взгляд, издание «Консультант по-ростовски» по верстке и наполнению напоминало корпоративный журнал УФНС России по Ростовской области. Первая полоса, как правило, содержала иллюстрацию на весь формат и анонс ключевых материалов номера — эта тенденция присуща журнальной периодике.

В 2018 г. вышел последний номер издания.

Вскоре после выхода в свет «Консультант по-ростовски» появляется еще одно деловое издание —

журнал «Реальный бизнес». Первые номера издания выходили тиражом 7 тыс. экземпляров. Материалы в журнале были посвящены вопросам предпринимательства, управления бизнесом и развития компаний. Издание ориентировано на владельцев малого и среднего бизнеса, топ-менеджеров, а также тех, кто планирует начать собственное дело. Основная цель — предоставить читателям практические советы, кейсы успешных компаний, аналитические материалы и интервью с ведущими предпринимателями страны.

Журнал «Реальный бизнес» выходил ежемесячно и был доступен как в печатной версии, так и в электронном формате. Также у издания был веб-сайт, где публиковались актуальные на тот момент новости и аналитика.

11 февраля 2016 г. редакция журнала в социальных сетях сообщила о закрытии проекта.

Практическое обсуждение аспектов бизнеса присутствовало в издании «Ростовский Бизнес журнал», который выходил ежемесячно на территории Ростова-на-Дону в период с 2004 г. по 2009 г. Первые выпуски журнала печатались тиражом 7000 экземпляров.

Издание освещало экономические новости, бизнес-события и аналитические материалы, касающиеся Ростовской области и Южного федерального округа России. Журнал был ориентирован на предпринимателей, руководителей компаний, а также всех тех, кто интересуется деловой жизнью региона. Среди главных тем материалов можно было встретить: развитие бизнеса в регионе, инвестиционные проекты, экономическую политику, интервью с успешными предпринимателями, новые технологи и инноваций.

Спустя год после закрытия «Ростовского Бизнес журнала» в сети Интернет появилась информация о возобновлении проекта. Однако аудитория так и не увидела нового номера.

В мае 2007 г. начинает печататься издание «Деловая газета. Юг», которое стало одним из ведущих региональных изданий, освещающих экономические и бизнес-события юга России. Газета быстро завоевала популярность среди предпринимателей, инвесторов и представителей власти региона. Основные темы публикаций включают анализ экономических тенденций, обзоры рынков, интервью с успешными бизнесменами, а также новости о развитии инфраструктуры и инвестиционных проектах. Отличительной особенностью издания является глубокая аналитика и качество материалов.

На сегодняшний день главным редактором «Деловая газета. Юг» является Оксана Стрелкова. Издание выходит один раз в две недели в Ростовской области и Краснодарском крае. Сайт издания обновляется ежедневно.

Стоит отметить, что сам проект существует с 2007 г., а выпуски для Ростовской области впервые были напечатаны в октябре 2023 г.

Для некоторых региональных изданий решение активизироваться и продвигать контент в интернете стало залогом выживания в периоды экономических кризисов.

Примером успешного преодоления кризиса на медиарынке стал сетевой журнал «Деловой квартал». Он является настоящей площадкой для коммуникаций в бизнес-среде. «Деловой квартал» открыл новые проекты: бизнес-завтраки, бизнес-премии, бизнес-поединки; все мероприятия освещались на страницах издания и на собственном сайте, что обязательно привлекало бизнес-сообщество и увеличивало количество пользователей на интернет-странице журнала.

«Деловой квартал» — российское региональное периодическое издание екатеринбургского издательства «Абак-пресс», освещающее вопросы бизнеса и политики. Основано в 1994 году [5, 125].

«Деловой квартал» выходил в Екатеринбурге (тиражом 5 000 экз.), Челябинске (тиражом 4 005 экз.), Нижнем Новгороде (тиражом 4 010 экз.), Красноярске (тиражом 3000 экз.). Все издания сети объединяла общая редакционная и маркетинговая политика, общая бизнес-модель, общие стандарты содержания и схожая читательская аудитория [5, 126].

Интернет-портал «Деловой квартал» представляет собой кросплатформенное медиа о бизнесе и для бизнеса. Данные онлайн-редакции передают новости бизнеса в таких городах как: Екатеринбург, Казань, Красноярск, Нижний Новгород, Новосибирск, Ростов-на-Дону.

Для ответа на вопрос, какой была целевая аудитория «Делового квартала» на первом этапе его существования, обратимся к его материалам. Их анализ показывает, что, безусловно, читателем деловой части журнала является сообщество бизнесменов, принимающих решения по развитию бизнеса на постоянной основе. Также в издании были материалы, которыми могут заинтересоваться не только бизнесмены, но любые читатели, независимо от профессиональной принадлежности.

Миссия журнала — предоставлять аудитории полезную информацию для развития бизнеса, способствующую успеху местных предпринимателей, защищая их интересы и ценности.

«Деловой квартал» выходил в Ростове-на-Дону с июня 2005 г. один раз в две недели. В декабре 2014 г. тираж составлял 8 тыс. экземпляров в месяц, а доля рекламодателей по ключевым рынкам Ростова-на-Дону, по собственным данным компании, составляла 31%. Целевой аудиторией журнала являлись собственники и топ-менеджеры крупного и среднего бизнеса, собственники мелкого бизнеса, руководители подразделений, госслужащие.

Однако в 2015 г. было принято решение не выпускать печатную версию издания. Но все же в 2018 г. вышли июньский и декабрьский номера в печатной версии.

Сегодня в интернете продолжает работать портал ROSTOV.DK.RU. Посещаемость составляет 179 тыс. уникальных пользователей в месяц (собственные данные компании).

В 2005 г. в Ростове-на-Дону начинает выходить еще один деловой журнал — «PRO Бизнес Дон», который не ограничивался цифрами и фактами, а давал читателям объемную и достоверную информацию, представляя тренды, аналитику, прогнозы, рейтинги, описывая состояние отраслей производства, публикуя интервью с ключевыми фигурами бизнеса. Рубрики журнала «PRO Бизнес Дон»: «Новости», «Финансы», «Менеджмент», «Технологии», «Власть», «Общество», «События».

Издание «PRO Бизнес Дон» широкой тематики, предназначенное для современного городского жителя, который: живет в регионах России; имеет доход выше среднего и высокий; является активным потребителем качественных товаров и услуг; с интересом следит за новой потребительской информацией.

Отметим, что периодически на 32-33 полосе журнала публиковались изменения в законодательстве, связанные с экономикой. Например, в № 16 (2018 г.) материал посвящен новой статье НК РФ. Материал написан привлеченным экспертом — Н. Н. Гнедых (адвокат юридической компании «Интеллект»).

В 2016 г. по неизвестным причинам издание прекратило свое существование.

В октябре 2006 г. в Ростве-на-Дону начинает издаваться журнал «Кто главный», который стал ежемесячным изданием о главных темах и людях Ростова-на-Дону. Тираж первого номера — 11000 экземпляров. Журнал не имел постоянного количества полос, их могло быть от 110 и выше. Первый номер журнала «Кто главный» вышел в октябре 2005 г.

В журнале присутствовала рубрика «Интервью «Главного», в которой были опубликованы интервью с героем номера, это мог быть как политик, бизнесмен, так и художник, музыкант, актер. Например, интервью с Джонни Деппом (№ 89), Елизаветой Боярской (№ 85), Джейми Фоксом (№ 97).

Рубрика «Культ личности» рассказывала о знаменитых людях, чья жизнь была связана с Ростовом-на-Дону. Например, об Александре Печерском (№ 92) или о Зиновии Высоковском (№ 88).

В рубрике «Имя улицы» редакция издания «Кто главный» описывала улицы города, рассказывала об истории происхождения названия, а также о парках, скверах, ботанических садах и т.д. Например, на страницы журналы попал Левый берег Дона (№ 85), Ботанический сад (№ 91).

Читательская аудитория издания насчитывала около 21 000 человек за один номер. Количество читателей журнала за полгода составляло 34 000 человек (по данным Mediascope на 2018 г.) [6].

Журнал распространялся по курьерской доставке руководителям крупных предприятий и представителям законодательной и исполнительной власти Ростовской области и Ростова-на-Дону. Также издание можно было найти на информационных стойках в бизнес-центрах, фитнес-центрах, автосалонах, в некоторых ресторанах и салонах красоты.

В августе 2020 г. вышел последний печатный номер журнала «Кто главный». На сегодняшний день проект существует в качестве информационного и новостного портала в Ростове-на-Дону. Однако деловым изданием данное медиа назвать сложно, так как там практически нет материалов, посвященных экономической ситуации региона и города.

В борьбе за выживание многие региональные журналы, опираясь на доверие читателей, сумели понять новые запросы, продиктованные современным социальным, экономическим и политическим условиям. Редакции многих СМИ нашли учредителей, заручились поддержкой спонсоров, нашли рекламодателей. Среди таких изданий хотелось бы отметить журнал «Эксперт Юг», который начал выходить на юге России в 2007 году. В первый год издания тираж журнала составлял 8 000 экземпляров.

Специализация делового издания «Эксперт Юг» — «региональная аналитика, изучение точек экономического роста и конкурентных преимуществ отдельных территорий Юга России» [7].

Редакция бизнес-издания позиционировала журнал как «самое влиятельное деловое аналитическое издание Юга России» [7]. Основная цель «Эксперт Юг» — содействие региональным компаниям, развитие ориентационной помощи в мире экономики и бизнеса [8, 237].

Целевая аудитория — топ-менеджеры крупного и среднего бизнеса, представители администраций и Правительства, руководители предприятий, менеджеры среднего звена.

Отметим, что, например, в 2014 г. журнал выходил каждые две недели, на сегодняшний день «Эксперт Юг» выходит ежемесячно. Также у издания нет постоянного объема, средний объем журнала — 30 полос. Распространяется журнал по подписке и в розницу.

Регулярно редакция журнала проводит мастер-классы, медиапроекты, конференции и круглые столы. Также каждый год редакция журнала «Эксперт Юг» проводит региональный конкурс в области печатных СМИ «Искра Юга», который известен представителям медиа всей страны.

У журнала есть свой аналитический центр, который регулярно проводит аналитические исследования для журнала, составляет рейтинги и делает прогнозы.

Редакция издания «Эксперт Юг» выпускает специальные номера. Например, в феврале 2017 году

специальный выпуск «Сделано на Юге: крупнейшие производители региона», в марте — «Эффективное село для юга России», в апреле — «Новая городская среда МСБ Юга как драйвер экономики», в мае — «Самые динамичные компании: опыт юга России», в июне «Эффективное село для юга России» и т.д. В 2024 г. редакция реализовала лишь один специальный проект «Молодые журналисты для молодых лидеров». А также редакция регулярно проводит рейтинги. Например, в феврале «Рейтинг крупнейших производителей юга России», в апреле — «Рейтинг самых динамичных компаний юга России», в сентябре — «Рейтинг 50 крупнейших реальных инвестпроектов ЮФО», в октябре — «Рейтинг 100 крупнейших компаний Северного Кавказа» и т.д.

Постоянными рубриками являются «Главная тема» — редакционная аналитическая статья на главную тему номера, «Экономика», «События», «Технологии», «Страна» и др.

Архив журнала «Эксперт Юг» в.pdf в свободном доступе размещен на портале https://expertsouth.ru. Сайт издания функционирует с 2017 г.

В мае 2022 г. на юге и Северном Кавказе появляется еще одно деловое издание «РБК юг и Северный Кавказ». В первом номере журнала главный редактор Ирина Силантьева подчеркнула важность освещения вопросов регионального бизнеса.

Обратим внимание на то, что издание выходит в виде ежемесячного журнала, содержащего глубокие аналитические статьи, интервью и обзоры. Архив журнала размещен на сайте «Деловая газета. Юг», так как оба издания входят в медиагруппу «Союзники». «РБК Юг и Северный Кавказ» регулярно организовывает специальные проекты, различные мероприятия, круглые столы и конференции, посвященные актуальным темам региональной экономики и общественной жизни.

Также на территории Ростовской области выходят приложения к федеральным газетам «Ведомости Юг» и «Коммерсант Юг России».

Так, газета «Коммерсантъ. Юг России» представляет собой 16 полос оперативной, объективной, качественной информации о событиях, бизнесе, культуре и спорте. «Коммерсантъ» — это самое влиятельное деловое издание в России. Также к ежедневной газете «Коммерсантъ» прилагаются цветные тематические приложения: Quality, «Авто», «Нефть и газ», «Бизнес», «Компании». Рубрики деловой газеты «Коммерсантъ. Юг России»: «Новости», «Политика», «Деловые новости», «Культура», «Спорт», «Первые лица», «Сведения о банкротствах», «Мировая практика».

Таким образом, деловые издания «Город N», «Деловая газета. Юг», «РБК Юг и Северный Кавказ» и «Эксперт Юг» обладают очевидными конкурентными преимуществами: включают в себя сайт, приложения и специальные проекты, расширяя тем самым свою аудиторию. Такого рода преимущества позволяют им оставаться конкурентоспособным даже в условиях высокой насыщенности рынка. А формирование сообщений в соответствии с интересами целевой аудитории и ценностями издательства является основой для создания приверженности бренду.

На территории области издаются также отраслевые газеты «Речник Дона» — газета Волго-Донского пароходства, выходящая более 75 лет, «Звезда» — газета Северо-Кавказской железной дороги, выходит более 70 лет, а также газета Северо-Кавказского военного округа — «Военный вестник Юга России», которой исполнилось 90 лет.

Отдельное внимание хочется уделить отраслевому изданию «Вестник экономики Евразийского союза», которое выпускает международный издательский дом «Евромедиа» с 2006 года. Журнал посвящен вопросам экономического развития стран-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Основная цель журнала — освещение актуальных экономических процессов, происходящих внутри Союза, анализ их влияния на экономику отдельных государств и предложения по улучшению интеграционных процессов. Журнал выпускается один раз в год как в печатном виде, так и в электронном формате. Он рассчитан на экономистов, ученых, преподавателей вузов, государственных служащих, представителей бизнеса и всех заинтересованных в вопросах евразийской интеграции.

На наш взгляд, «Вестник экономики Евразийского союза» играет важную роль в формировании диалога вокруг вопросов экономического сотрудничества и развития в рамках ЕАЭС.

Большой сегмент рынка печатных СМИ области составляют корпоративные газеты. Старейшие из них — «Ростсельмашевец», «НЭВЗ — Вперед», «Кадры индустрии», «Вестник Водоканала», вузовские, газеты предприятий и организаций, например, «Резонанс Ростов» — газета телефонной сети и др. [9, 508].

С развитием Интернета и цифровых технологий, региональные СМИ, в том числе деловые, получают новые инструменты для распространения информации. Это открывает большие возможности для продвижения их контента. Новые медиаплатформы позволяют региональным СМИ осваивать аудио и видео форматы, поддерживать активную коммуникацию с читателями и зрителями через социальные сети и мессенджеры, а также предлагать интерактивные форматы подачи информации.

Результаты. Итак, в Ростове-на-Дону в 2000-2024 гг. постоянно развивалась деловая пресса. Среди качественных деловых универсальных изданий можно выделить газету «Город N», в которой наряду с экономической информацией можно встретить материалы о политике, социальных пробле-

мах и культуре. Также деловыми универсальными изданиями позиционирует себя журнал «Эксперт юг», «РБК юг и Северный Кавказ», «Деловая газета. Юг». Стремятся к типу универсальной деловой газеты «Ведомости Юг» и «Коммерсант Юг России». К профессиональным деловым изданиям относится журнал «Консультант по-ростовски», выходивший в Ростове-на-Дону в 2002 г. Журнал «Вестник экономики Евразийского союза» издательского дома «Евромедиа» можно отнести к подвиду деловых изданий — отраслевому. Деловым изданием называл себя журнал «Кто главный», хотя он скорее был универсальным общественно-политическим СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зенин А. А. Анализ экономического контента в СМИ (на примере изданий Ростова-на-Дону и Новочеркасска первой половины XX века) / А. А. Зенин // Актуальные проблемы региональной журналистики. — Ростов-на-Дону, 2024. — С. 69-78.

2. Градюшко А. А. Современные тенденции развития региональных СМИ в многоплатформенной среде / А. А. Градюшко // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. — 2021. — № 2 (249). — С. 44-49.

3. Александров Л. Г. Динамика развития региональной деловой прессы (на примере коммерческих изданий челябинской области) / Л. Г. Александров // Медиасреда. — 2017. — № 12. — С. 52-58.

4. Деева И. В. Инструменты маркетинга в печатных СМИ (на примере газеты «Город N») / И. В. Деева, Е. Р. Гончарова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 3-2. — С. 45-48.

5. Пукало Е. И. Формирование контента (тематического плана) номера на основе анализа деловых журналов города Челябинска «Деловой квартал», «City-Бизнес», «National Business», «Бизнес-ключ» / Е. И. Пукало // Медиасреда. — 2007. — № 2. — С. 124-130.

6. Читательская аудитория России // Медиаскоп. — 2018.

7. О компании «Эксперт Юг» // Эксперт Юг, 2025. — URL: https://expertsouth.ru/about/ (дата обращения 01.02.2025).

8. Козлов В. И. Развитие экосистемы для бизнеса как технология роста медиакомпании / В. И. Козлов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2018. — № 4. — С. 236-242.

9. Зинченко Ю. О. Тематическое и жанровое разнообразие современных региональных деловых СМИ / Ю. О. Зинченко, Е. Н. Клеменова // Научный вектор. — Ростов-на-Дону, 2024. — С. 508-511.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Клеменова Е. Н., доктор филологический наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики

E-mail: klemenova@yandex.ru

Зенин А. А., аспирант кафедры журналистики

E-mail: zkafedra255@mail.ru

Rostov State University of Economics (RINH)

Klemenova E. N., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Journalism

E-mail: klemenova@yandex.ru

Zenin A. A., postgraduate student of the Department of Journalism

E-mail: zkafedra255@mail.ru

УДК 070, 808.2

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ПРОДУКЦИИ КАК ПРОБЛЕМА РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА

Г. В. Лазутина, Т. Ю. Порецкая

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 7 июня 2025 г.

Аннотация: *в последние годы в создании рецензий на научные статьи стали все явственней определяться два направления: внешнее и внутреннее рецензирование. Автор предлагаемого материала ставит своей задачей обозначить отличия этих направлений и показать, почему в организации деятельности одного из них возникают проблемы, тормозящие редакционно-издательский процесс. Речь идет о внутреннем рецензировании.*

Материал состоит из двух частей. В первой рассматриваются характеристики внутреннего и внешнего рецензирования научных статей как разновидностей словесного творчества. Во второй части автор сосредоточивает внимание на проблемах, которые мешают нормальной организации процесса внутреннего рецензирования научных статей. Рассматриваются возможные пути оптимизации работы внутренних рецензентов.

Ключевые слова*: рецензия, внешнее рецензирование, внутреннее рецензирование, научные статьи, критерии оценки, уровень готовности статьи.*

Abstract: *in recent years, two directions have become increasingly apparent in the creation of reviews of scientific articles: external and internal reviewing. The author of the proposed material aims to identify the differences between these directions and show why problems arise in organizing the activities of one of them that slow down the editorial and publishing process. We are talking about internal reviewing.*

The material consists of two parts. The first examines the characteristics of internal and external reviewing of scientific articles as types of verbal creativity. In the second part, the author focuses on the problems that hinder the normal organization of the process of internal reviewing of scientific articles. Possible ways to optimize the work of internal reviewers are considered.

Keywords*: review, external reviewing, internal reviewing, scientific articles, evaluation criteria, level of article readiness.*

1. О РАЗНОВИДНОСТЯХ СОЗДАНИЯ РЕЦЕНЗИЙ НА НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Как известно, рецензия — жанр словесного творчества, представляющий собой отзыв о произведении, родившемся в результате переработки информации о материальных объектах, к какой бы сфере действительности они ни относились. Так же, как зеркало помогает человеку убедиться, что его внешний вид вполне приемлем для появления в окружении знакомых и незнакомых, так и рецензия может помочь увидеть в произведении его достоинства и недостатки.

Когда дело касается рецензирования статьи научного характера, это становится особо важным: от оценки рецензента может зависеть дальнейшая судьба научной идеи, ее автора, а иногда и процесса научно-практического творчества, который мог бы привести к ценному результату. Поэтому рецензирование научных статей традиционно рассматривается как одна из наиболее ответственных областей социальной деятельности.

© Лазутина Г. В., Порецкая Т. Ю., 2025

Эта традиция оправдала себя. Она дает возможность осознавать, как идет процесс развития научной мысли; выявляет проблемы, не поддающиеся решению; обнаруживает заблуждения, к которым нередко приводят исследователей трудно разрешаемые ситуации поиска. Словом, она способствует повышению качества научных изысканий. Реализация данной традиции есть не что иное, как сознательное использование отражения — всеобщего свойства предметов материального мира оставлять свой след в средах, с которыми они соприкасаются [1]. Наука увидела в этом свойстве возможность глубоко проникать в тайны мира с помощью таких следов. Обозначив открывшийся потенциал многозначным понятием «рефлексия», ученые осознали разностороннее взаимодействие материальных объектов со средой как неизбежность, как обязательное следствие единства их материальной природы [2].

Применительно к людям понятие «рефлексия» оказалось особо значимым: оно помогло человечеству глубоко осмыслить суть такого социального явления, как «общественное сознание». Рефлексив-

ные наблюдения сделали очевидным для субъекта познавательной деятельности назначение общественного сознания и его специфическую роль в жизни человечества. Фактически на современном этапе общественное сознание стало безграничным вместилищем отражаемых психикой человека представлений о материальном мире, которые фиксируются во внешней среде посредством совокупностей различных знаков и могут многократно воспроизводиться, обнаруживая при этом опережающие эффекты [3]. Для человечества тем самым открывается небывалая перспектива не просто осознавать эти представления как аналог нашей реальности, но воспринимать их как своего рода каталог сведений обо всем, чем наполнено мироздание на сегодняшний день и что может принести день завтрашний. В соответствии с этим рецензирование научных статей становится для научной среды одним из важнейших направлений использования рефлексии в целях предстоящих преобразований нашей реальности [4]. Со времен М. В. Ломоносова в российской науке на основе открывшихся закономерностей устной и письменной речи наметилось стремление упорядочить стихийно складывающиеся правила рецензирования научных текстов [5]. Сегодня, в частности, довольно заметно обозначилась тенденция различать в рецензировании два подхода. Один из них ориентирован на создание рецензий об опубликованных научных статьях, другой — на создание отзывов о статьях, претендующих на опубликование.

Перед создателями материалов в этих двух случаях просматриваются далеко не одинаковые задачи. Это связано с разной целевой направленностью деятельности редакций. В первом случае цель редакции состоит в том, чтобы насытить массовое сознание общества новыми научными идеями и новыми данными, сделав их предметом широкого профессионального обсуждения в научной среде (именно через нее лежит путь к выявлению предпочтительных точек зрения и убедительных аргументов).

Во втором случае для создателей рецензии предполагаются другие задачи. Здесь цель редакции заключается в том, чтобы выступление рецензента позволило выявить уровень готовности статьи, представленной к публикации, соответствие ее требованиям, которые предъявляются к научным работам.

Сообразно этому и адресация статей оказывается разной. Первый вариант направляется массовой аудитории и предусматривает обстоятельное обсуждение положений статьи в научной среде. Критическая оценка в этом случае призвана стать ориентиром для стимулирования дальнейших научных поисков. За таким типом деятельности закрепилось название «внешнее рецензирование», поскольку к нему активно привлекаются специалисты по соответствующей проблематике со стороны.

Второй вариант оценочных текстов призван решать сугубо прагматические задачи. Здесь забота рецензента связана с тем, чтобы выявить слабые стороны предлагаемого к опубликованию текста и определить его дальнейшую судьбу. Естественно, что адрес такой рецензии не может быть массовым. Она используется в редакционно-издательском процессе как обоснование решения о степени готовности статьи, дает рекомендацию по поводу ее дальнейшей судьбы. Этот тип создания оценочного текста получил наименование внутреннего рецензирования, поскольку эта процедура ориентирована на закрытый характер («двойное слепое рецензирование»).

Проблемы оптимизации редакционно-издательского процесса связаны именно с этим типом рецензирования [6]. Он становится для нас предметом размышлений и в данной статье. Попытаемся сосредоточить внимание на анализе причин, осложняющих взаимодействие участников редакционных процедур, связанных с подготовкой внутренних рецензий.

2. ВНУТРЕННЯЯ РЕЦЕНЗИЯ: В ЧЕМ СОСТОЯТ ЗАДАЧИ?

Итак, соответственно сказанному, предметом рассмотрения в нашем случае является внутреннее рецензирование — подготовка квалифицированного заключения о качественном уровне представленной научной статьи. Дело в том, что в настоящее время внутреннее рецензирование стало тем оселком, тем участком редакционно-издательского процесса, где обнаруживают себя все факторы, осложняющие продуманно организованную работу в сфере научной коммуникации. Об этом свидетельствуют как многочисленные жалобы со стороны авторов статей на необъективность внутреннего рецензирования, на затянутость процедуры, так и реальные сроки прохождения через редакцию поступающих текстов (нередки случаи, когда они превышают год). Тут есть над чем думать, пытаясь отрегулировать ситуацию.

Напомним, целевая направленность внутренней рецензии сконцентрирована на необходимости выявить степень соответствия представленной статьи существующим требованиям к научному тексту. В чем состоят такие требования? Казалось бы, в нашем случае это ключевой вопрос. Между тем в современных условиях специального рассмотрения такой проблематики практически не предпринималось. В научных трудах А. И. Акопова, А. А. Тертычного, А. Г. Гребенкиной, некоторых других исследователей вопросы неудовлетворительного качества внутренних рецензий поднимались неоднократно и достаточно остро [7-9]. Однако анализ данной проблемы требует не просто стихийного ее рассмотрения. Он нуждается в выявлении методологического смысла

обращения к ней. Между тем такой смысл и до сих пор остается не вполне ясным. Это заставляет думать, что необходимость разобраться с критериями, по которым должно осуществляться внутреннее рецензирование, сохраняет свою актуальность [6].

Когда знакомишься с существующей практикой внутреннего рецензирования, поневоле обращаешь внимание на то, что подавляющее большинство отзывов рецензентов построены по одной схеме. Автор отзыва фиксирует уровень злободневности статьи, рассматривает степень ее аргументированности, устанавливает ее теоретическое значение и соответствие сложившейся терминологии, анализирует практическую значимость и меру новизны суждений ее создателя. Иными словами, осуществляется вся та объемная аналитическая работа, которая ложится на плечи любого специалиста по данной теме, когда тот обязан оценить полный результат нового труда коллеги. Причем это происходит всякий раз, как только возникает такая нужда: и при внешнем рецензировании, и при подготовке отзывов на диссертационные работы, и во время процедуры публичной защиты диссертации. Фактически происходит многократное дублирование решения одних и тех же задач. При этом может случиться так, что до защиты дело и не дойдет: рекомендации внутренней рецензии не всегда позволяют вынести диссертацию на публичное обсуждение, и тогда она не увидит света. Идея публичной защиты, предполагающей коллективную экспертизу концепции исследователя и ее аргументации, в подобных случаях сводится на нет.

И это — не единственное отрицательное следствие сложившейся практики. Нередко интересные замыслы предлагаемых к публикации статей погибают просто потому, что за время прохождения редакционно-издательского процесса идеи устаревают. Беда в том, что внутреннее рецензирование — период длительный. Во-первых, он трудоемкий — подготовка материала отнимает столько же времени и душевных сил участников, сколько и любой другой случай создания отзыва. Во-вторых, к такой работе специалисты привлекаются на основе их доброй воли и только тогда, когда это позволяет их временной ресурс. В результате происходит то, что происходит: процесс двойного слепого рецензирования затягивается на длительный срок. Но жизнь-то идет вперед семимильными шагами…

Возникает вопрос: насколько целесообразно подходить к процедуре внутреннего рецензирования с теми же задачами, которые ставятся при создании научных отзывов другого характера? Ведь в данном случае речь идет не об углубленном исследовании, а о первичном рассмотрении новой работы, которой впоследствии предстоят еще несколько обсуждений. Быть может, есть резон на данном этапе сократить круг вопросов, необходимых для выяснения? Это тем более существенно, что внутреннее рецензирование часто оказывается решающим обстоятельством при определении судьбы рассматриваемых идей. Оно либо приводит к большой потере времени из-за рекомендованной переработки статьи, либо вообще ставит на ней крест, а для положительного решения диссертационного совета процедура защиты диссертации требует предъявления целого комплекта статей. Не хватит одной в комплекте — и защита не состоится!

В такой ситуации представляется куда более правильным пересмотреть подход к внутреннему рецензированию, упростив его задачи в соответствии с обязательным минимумом требований к научной работе, а этот обязательный минимум нуждается в специальном обосновании: выбор критериев должен однозначно позволить охарактеризовать данную статью как научный труд. Как такой минимум следует определить? Думается, грамотно решить эту задачу непросто, но попытаться сделать это необходимо. Может, есть смысл начать с эксперимента?

Скажем, почему бы не допустить, что в нашем случае обязательного внимания рецензентов требуют три аспекта работы: ее общая грамотность (имеется в виду широкий смысл понятия, включая грамотность семантическую, стилистическую и логическую); самостоятельность, оригинальность авторских суждений; присутствие новизны понимания в исследовательском подходе. Пожалуй, этих трех ракурсов рассмотрения достаточно, чтобы квалифицированный специалист мог понять главное: перед ним действительно научный труд. А вот выяснение теоретической и практической ценности работы, ее прочих плюсов и минусов с неизбежностью произойдет при чтении текста статьи широкой научной аудиторией и последующем внешнем рецензировании.

Отсюда следует логичный вывод: для внутреннего рецензирования можно ограничиться названным кругом задач. Это сэкономит и время рецензирования, и упростит его процесс, и упорядочит отношения редакции с авторами научной продукции. Доступность смысла статьи достигается не упрощением, не примитивизацией сказанного, а глубиной размышлений, прозрачностью слога, умением найти доступные ассоциации для передачи непонятных на первый взгляд вещей. Внутреннее рецензирование неслучайно оказалось анонимной процедурой. Оно выступает в качестве рабочего инструмента редакционно-издательского процесса — не более того. Это предполагает добросовестный, но отнюдь не углубленный исследовательский труд, основанный на высоком уровне квалификации рецензента. При такой переориентации внутреннего рецензирования выиграют и авторы научных статей, и редакционно-издательская деятельность, и научная коммуникация в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грецков В. В. Развитие гносеологических концепций отражения: дис. … канд. филос. наук / В. В. Грецков. — Киров, 2013.

2. Степин В. С. Философия — рефлексия над основаниями культуры / В. С. Степин // Цивилизация и культура. — СПб., 2011. — С. 208-219.

3. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия / Г. П. Щедровицкий. — М., 2005.

4. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы / П. К. Анохин. — М., 1980.

5. Ломоносов М. В. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч.: в 10 т. — М., 2011. — Т. 3. — С. 97-108.

6. Тертычный А. А. Модели аргументации в современных медиатекстах / А. А. Тертычный // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. — 2016. — № 6. — С. 46-69.

7. Акопов А. И. Журналистика: научные работы, публицистика, очерки и зарисовки разных лет / А. И. Акопов. — Ростов-на-Дону, 2012.

8. Тертычный А. А. «Черные рецензенты»: достижение или анахронизм? / А. А. Тертычный // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2016. — Вып. 3-4 (138-139). — С. 8-11.

9. Гребенкина А. Г. Взаимодействие региональных онлайн-СМИ с аудиторией: ресурсы и возможност: дис. … канд. филол. наук / А. Г. Гребенкина. — Воронеж, 2022.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лазутина Г. В., кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры цифровой журналистики

E-mail: galvik34@mail.ru

Порецкая Т. Ю., научный сотрудник кафедры цифровой журналистики

E-mail: tatiana.poretskaya@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University

Lazutina G. V., Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Digital Journalism Department

E-mail: galvik34@mail.ru

Poretskaya T. Y., Researcher of the Digital Journalism Department

E-mail: tatiana.poretskaya@yandex.ru

УДК 070.18

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТОЙ THE NEW YORK TIMES

Ю. В. Маркина

Ростовский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 12 июня 2025 г.

Аннотация: *в современном мире медиапространство становится ареной для политических противоречий. Международные каналы политической коммуникации позволяют массмедиа активно формировать общественное мнение на глобальном уровне и даже участвовать в реальных политических конфликтах. В статье рассматривается, как газета The New York Times (NYT) освещает роль России в сирийском конфликте. Автор акцентирует внимание на значимости критического восприятия информации, распространяемой через СМИ. В статье также подчеркивается, как политическая ориентация качественных авторитетных изданий влияет на формирование общественного мнения.*
Ключевые слова: *конфликт в Сирии, медиакратия, геополитика, информационное противостояние, американские СМИ.*

Abstract: *in today's world, the media has become a platform for political debate. International media outlets allow for the active shaping of public opinion on a global scale and even participation in real-world political conflicts. The article examines how The New York Times covers Russia's role in the Syrian conflict, focusing on the importance of critically perceiving information disseminated through media. It also emphasizes how the political stance of high-quality, reputable publications can influence the formation of public opinion. so highlights how political orientation influences the formation of public opinion, and how this is reflected in media coverage.*
Keywords: *the conflict in Syria, media democracy, geopolitics, information confrontation, American media.*

Введение. Арабский мир давно вызывает неизменный интерес у мирового информационного сообщества. Конфликты на Ближнем Востоке, а также вопросы терроризма и антиамериканизма регулярно становятся темами для обсуждения в мировых СМИ. Сирийский кризис служит ярким примером того, как современные политические события неразрывно связаны с массмедиа.

Актуальность данного исследования определяется тем, что современные СМИ не только освещают конфликты, но и являются важнейшими их участниками, способными повлиять на их развитие: могут обострить ситуацию, либо, наоборот, содействовать разрядке напряженности и разрешению проблем.

В данной статье учтены выполненные в России научные труды и диссертации таких арабских авторов, как С. С. Алмашакбех [1], Нафаа Дорар [2], Хуссейн А. Ш. Шафель [3], Хадая Саргон [4]. К теме информационного сопровождения сирийского конфликта также обращались такие российские исследователи, как: И. А. Бурыкин [5], Н. М. Комлева [6], А. В. Юрышев [7] и др.

Исследуемая тема требует использования комплексно-системной *методологии* информационно-политического анализа и выявление основных аргументов и мнений, представленных в публикациях NYT, а также критический анализ источников информации (при анализе публикаций статей NYT выполнен авторский перевод Ю. В. Маркиной).

Результаты и их обсуждение. Характер конфликта в Сирии во многом определяется участием крупных региональных игроков в современной геополитике. С момента вступления Воздушно-космических сил России в борьбу с терроризмом в этой стране, Сирия стала не только полем боевых действий, но и важным центром информационной войны. Успехи ВКС России в Сирии противоречили интересам западноевропейских и англосаксонских стран. Американская пресса активно пыталась подорвать имидж России, распространяя антироссийские настроения.

Освещение СМИ политического кризиса в Сирии в разных странах явилось частью крупномасштабной информационной войны. Сегодня на все военные, социально-экономические и политические успехи или неудачи государства влияет формирующая общественное мнение информационная поддержка. Когда текст политического дискурса распространяется в медиапространстве, он начинает работать на уровне не только слов, но и других элементов (текст, графика, визуальные образы), что становится основным инструментом для распространения медиатекстов политического содержания. В этом контексте особенно привлекают внимание матери-

© Маркина Ю. В., 2025

алы, публикуемые ведущими изданиями, которые считаются качественными и близкими к правительственным источникам, поскольку они играют ключевую роль в освещении вооруженных конфликтов.

В России завершение конфликта в Сирии в 2016 г. воспринималось как достижение руководства страны и одним из ключевых и наиболее значимых событий в российской внешней геополитике. Однако на Западе действия России вызвали критику: события расценивались как проявление неприятия демократических ценностей и принципов международного сотрудничества. В американских СМИ события интерпретировали иначе, что вновь свидетельствует о стратегиях холодной войны.

Примечательно, что в 2020 г. газете The New York Times была присуждена Пулитцеровская премия, высшая журналистская награда в США, за серию статей, «разоблачающих хищнический режим президента России Владимира Путина, при котором российская модель развития авторитарна и коррумпирована, иррациональна и основана на имперских амбициях» [8].

После начала событий в Сирии в NYT была введена отдельная рубрика Middle East. Crisis in Syria, в которой журналисты активно освещали обострение военной ситуации в регионе по следующим темам: ход военных действий в регионе; угроза ИГИЛ[1] в Сирии и за ее пределами, а также борьба с терроризмом; применение химического оружия в Сирии и его ликвидация; положение гражданских лиц в стране и проблема беженцев; обсуждение возможных путей разрешения споров и переговоры в Женеве.

В начале конфликта в 2011 г. The New York Times освещала восстания сирийского народа в соответствии с ориентацией внешней политики и интересов власти США. Обозреватели NYT убеждали читателя в том, что Россия поддерживает правительственный режим президента Б. Ассада, который является агрессором и угрожает планам США. Сирийский президент на страницах данного издания был представлен как «душитель демократии» и инициатор многочисленных расправ над мирным населением. Одновременно NYT поддерживало оппозиционеров, видя в них защитников гражданской свободы в Сирии.

В The New York Times 11 сентября 2013 г. была опубликована статья, повысившая рейтинги издания, с призывом Владимира Путина к международному сообществу остерегаться односторонних военных операций и работать над переговорами относительно сирийского конфликта [9]. Уже после ее публикации американский президент Барак Обама принял решение рассмотреть наиболее гуманное разрешение сирийского конфликта, которое предложил В. Путин. Таким образом, данная статья свидетельствует о смене курса в освещении конфликта, о более сбалансированной и объективной позиции издания нежели в начале военного обострения в Сирии в 2011 г.

28 сентября 2015 г. президент Владимир Путин обратился с речью на Генеральной Ассамблее ООН. «В своем выступлении он призвал к борьбе с терроризмом и к решению проблем, созданных Западом в Сирии. На следующий день он обсудил сирийский кризис с Бараком Обамой. 30 сентября 2015 года, после закрытого заседания Совета Федерации, российская авиация приступила к выполнению боевых задач в Сирии» [10, 159]. Сразу же в NYT появились публикации, в которых Россию обвиняли в разрушении страны. В частности, говорилось: «Владимир Путин, наряду с президентом Сирии Башаром Асадом, несет ответственность за трагедию в Сирии, где сотни тысяч человек погибли и более миллиона стали эмигрантами…» [11]. Известный колумнист (обозреватель) NYT Томас Фридман отмечает, что вмешательство России как нового участника Сирийского конфликта может отрицательно сказаться на будущем этой страны из-за того, что российские власти оказывают поддержку действующему шиитскому правительству в лице Б. Асада в преимущественно суннитской стране. Негласно поддерживая правительство Сирии, Россия может оказаться врагом всего суннитского мира. «Скажем, каким-то чудом россияне нанесут поражение террористам. Единственный способ, чтобы победить «Исламское государство» (ИГИЛ — запрещенная в России организации), заменить талибов умеренными суннитами. Но какой умеренный суннит станет мириться с Россией, когда Путин воспринимается как главный защитник самого известного убийцы с целью укрепления сил сирийского правительства и его союзников, которым благодаря этому было бы легче захватить северную территорию, находящуюся под авиаударами российских войск» [12].

В статье «Россия наращивает свою военную мощь недалеко от Алеппо» автор заявляет, что «перемирие было установлено с целью укрепления сил сирийского правительства и его союзников, которым благодаря этому было бы легче захватить северную территорию, находящуюся под авиаударами российских войск» [13]. Эта статья позволяет сделать определенные выводы:

— американцев совершенно не устраивает поддержка Россией политики Б. Асада;

— Джон Керри не до конца уверен в честных целях России относительно северной территории Сирии;

— Москва заставляет других игроков на Ближнем Востоке реагировать, независимо от степени их готовности к этому.

Интересен и тот факт, что поддержка оппозиции оружием со стороны правительства США чаще всего на страницах NYT умалчивалась. Причина такой си-

[1] Запрещенная в России организация.

туации вполне очевидна: после того, как США одержали условную победу в войне в Ираке, граждане страны не проявляли особого желания участвовать в военных конфликтах. Эту тенденцию можно увидеть в комментариях к упомянутым публикациям: американцы поддерживают свое правительство и готовы отстаивать интересы страны в Сирии, Иране и Украине, но воевать они не хотят.

Эффективная операция Воздушно-космических сил России в Сирии поставила США в сложное положение. Эта операция продемонстрировала, что именно Россия, а не США, обладает потенциалом для разрешения сирийского конфликта. В статье NYT под заголовком «США начинают переговоры с Россией по Сирии» подтверждается, что «Россия стала ключевым игроком в сирийском конфликте, несмотря на все попытки США изолировать ее» [14].

Успешные действия ВКС России против ИГИЛ *(организация запрещена в РФ)* открыли путь к переговорам между сирийским правительством и оппозицией в Женеве. Начавшиеся в феврале 2016 г., эти переговоры длились год с участием России и США. Однако, несмотря на усилия, результаты не оправдали ожиданий. В декабре 2016 г., после освобождения Алеппо, стороны договорились о прекращении огня. Первая конференция по сирийскому урегулированию прошла в Астане в январе 2017 г. «Министр иностранных дел России Сергей Лавров оценил результаты встречи следующим образом:

— впервые были установлены прямые контакты между сирийской вооруженной оппозицией и сирийским правительством;

— достигнуто соглашение об объединении усилий российских космических сил, армии Саар и сирийской вооруженной оппозиции в борьбе с ИГИЛ;

— Россия, Иран и Турция создали «трехстороннюю комиссию» для контроля за прекращением огня в Сирии» [15].

В связи с этим, NYT в передовой редакционной статье комментирует дипломатический успех России в проведении многосторонней встречи по разрешению сирийского конфликта в Астане следующим образом: «Нельзя забывать, что он (Путин) добился своего, не сумев остановить Асада до начала конфликта. А затем, сотрудничая с сирийскими военными, он участвовал в разрушительных атаках на мирное население и больницы. Эти действия можно расценивать как военные преступления» [16].

В первых публикациях о сирийском конфликте в газете NYT преобладал негативный тон. Авторы критиковали действия президента Владимира Путина и пытались убедить читателей в ошибочности российской позиции. Изначально позиция журналистов NYT была отражением политики Демократической партии и президента Барака Обамы. Однако после 30 сентября 2015 г., когда Россия объявила о своем активном участии в военных действиях в Сирии, тональность публикаций в NYT стала более сдержанной. В течение года было опубликовано семь аналитических материалов (не считая новостных заметок), которые носили в основном нейтральный характер. Так, журналистка Энн Барнард отмечает, что борьба с террором «должна стать приоритетной как для Запада, так и для России, а значит, Соединенные Штаты и их союзники нуждаются в помощи и вполне могут быть готовы к сотрудничеству с Россией» [17].

Тем не менее даже после 2018 г. в статьях The New York Times можно заметить попытку психологического давления на читателей. В них утверждается, что в Сирии не будет мира и стабильности, пока не уйдет правительство Башара Асада. Журналисты рассказывают о гибели детей, что, безусловно, вызывает у читателей крайне негативную реакцию по отношению к действующему правительству Сирии во главе с Б. Асадом.

В 2019 г. газета NYT опубликовала материал, в котором утверждалось, что российские военные наносили авиаудары по сирийским госпиталям. В статье говорилось: «У нас есть данные за многие месяцы, но мы решили сосредоточиться на событиях 5 и 6 мая, когда были нанесены удары по четырем госпиталям. Как сообщила Всемирная организация здравоохранения, каждый из этих госпиталей был включен в “список деконфликтизации”, утвержденный ООН, согласно которому по таким объектам нельзя наносить удары» [18]. Интересно, что в качестве доказательств корреспонденты-расследователи ссылаются на материалы радиообмена между летчиками российских ВКС и службами наземного управления в Сирии, где каждое сообщение переполнено кодовыми словами, непонятным военным жаргоном и длится всего несколько секунд.

В 2020 г. колумнист The New York Times Эрик Шмитт расценивает присутствие в Сирии российских военных не как попытки сдержать конфликт, а как продуманную провокацию: «Действия российских сил и их сирийских союзников направлены на то, чтобы создавать множество постоянных проблем, угрозу безопасности, испытывать готовность и решимость противника, осуществлять вторжение на его территорию с целью постепенного создания новых реалий в зоне боевых действий и ослабления военного присутствия США в стране» [19].

Анализ вышеназванных публикаций NYT, посвященных событиям в Сирии в период с 2015 г. по 2020 г., позволяет сделать следующие выводы:

— Башар Асад часто изображается как жестокий диктатор, который должен быть свергнут. Многие страны выражают неодобрение действиям правительств как Сирии, так и России.

— Оппозиционные силы представляются журналистами NYT как защитники демократии и свободы.

— Союзники сирийского правительства, такие как Россия и Иран, характеризуются как холодные и расчетливые участники конфликта, якобы ответственные за продолжение боевых действий и гибель мирных жителей.

— Корреспондентами NYT отмечается, что, если бы Россия не вмешалась в ситуацию, ситуация в Сирии могла бы быть разрешена уже давно.

В конце 2024 г. мы стали свидетелями новых поворотных событий в Сирии, когда было свержено правительство Башара Асада. 8 декабря 2024 г. антиправительственные силы в Сирии захватили город Хомс и вошли в столицу Дамаск. В прямом эфире по государственному телевидению боевики объявили о свержении режима президента Башара Асада и его бегстве из страны. Семья Асада правила Сирией более 50 лет. Страна начала формировать новое правительство. Абу Мохаммед Аль-Джулани, глава террористической организации «Хаят Тахрир аль-Шам»[2] заявил, что государственные учреждения будут находиться под контролем бывшего премьер-министра Мохаммеда Гази аль-Джалали до тех пор, пока не будет сформировано переходное правительство.

Основная причина падения режима Башара Асада заключается в том, что не было достигнуто политическое урегулирование сирийского конфликта. Государство не осуществило требуемых преобразований, и усилия по объединению различных политических сил в рамках системы управления и формированию правительства, представляющего интересы всех граждан, не увенчались успехом. В течение нескольких лет экономическая и гуманитарная ситуация в Сирии продолжала ухудшаться. Страна столкнулась с ростом цен, проблемами с безопасностью, поставками продовольствия и энергоносителей. В результате конфликта с Израилем шансы «Хезболлы» и Ирана, союзников Башара Асада, ослабли. Сирия продолжает оставаться источником давления для соседних стран, принимая беженцев уже более десяти лет. Кроме того, существует риск террористических атак.

Примечательно, что в декабре 2024 г. режим Б. Асада пал, Дональд Трамп тогда написал в соцсетях, что война в Сирии — «не наша война» и США не обязаны вмешиваться. В статье NYT от 2 февраля 2025 г. говорилось, что российским дипломатам, приехавшим в Сирию через два месяца после свержения Асада для переговоров, «будет сложно завоевать доверие местных жителей. Ведь российские войска долгие годы бомбили страну в поддержку Асада. Участие России во множестве военных преступлений в Сирии — это не то, что сирийцы скоро забудут» [20]. Международный обозреватель NYT Нил Макфаркуар в статье «Внезапная неудача России в Сирии создает головную боль для Путина» высказывает мнение, что потеря российских военных баз в Сирии может негативно сказаться на попытках Кремля усилить свое влияние на Ближнем Востоке и в Африке. Он подчеркивает, что война в Украине значительно ограничила возможности России в этих регионах. По словам автора, «они вложили все свои ресурсы в Украину, и у них не осталось других возможностей для этих игр» [21].

Заключение. Итак, анализ публикаций онлайн-версии американской газеты The New York Times за период с 2013 г. по 2025 г. показал, что репортеры NYT, освещающие сирийский конфликт, используют эмоционально окрашенную лексику, представляют преимущественно негативные, нежели позитивные оценки российской политики. Большинство из прочитанных нами материалов не способствовали поискам путей мирного урегулирования конфликта, а иногда даже выступали в качестве катализаторов эскалации напряженности в обществе. Исходя из вышесказанного, мы убеждаемся, что освещение сирийского конфликта — один из показательных примеров проявления определенного информационного противостояния России и США.

Освещение событий в Сирии в The New York Times демонстрирует изменение в формировании имиджа, которое произошло под влиянием негативного восприятия радикального ислама на Западе, а также в связи с событиями на Ближнем Востоке и на международной политической арене в целом. В этом контексте освещение подобных событий для внутренней аудитории и формирование определенного мнения становятся все более значимыми.

Отметим, что политической задачей для средств массовой информации эпохи глобализации должна стать идея консолидирующей силы, связывающей наш многонациональный мир. СМИ должны вести к согласию и быть площадкой для всех участников политического процесса, стать самостоятельным ответственным социальным институтом, а не становиться безвольным инструментом «политических игр».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмашакбех Саддам С. С. Освещение вооруженного конфликта в Сирии арабоязычными спутниковыми каналами (на примере «Аль-Джазира» и «RT»): дис. … канд. филол. наук / С. С. Саддам Алмашакбех. — Воронеж, 2020.

2. Нафаа Дорар. Динамика и характер освещения сирийского конфликта телеканалами BBC, CNN, AL-Jazeera: дис. … канд. филол. наук / Нафаа Дорар. — М., 2016.

3. Хусейн Ш. Али Шаиф. Арабоязычное новостное спутниковое телевидение в условиях глобализации (1980-2000-е гг.): дис. … канд. филол. наук / Хусейн Шафель Али Шаиф. — Воронеж, 2014.

4. Хадая Саргон. Политический режим Сирийской Арабской Республики в контексте соперничества глобальных и региональных политических сил на Ближнем

[2] Запрещенная в России организация.

Востоке: автореф. дис. … канд. филол. наук / Хадая Саргон. — М., 2013.

5. Бурыкин И. А. Информационное сопровождение социальных конфликтов в средствах массовой информации (на примере сирийского конфликта) / И. А. Бурыкин // Коммуникология. — № 2. — 2019. — С. 90-97.

6. Комлева Н. А. Сирийский кризис как лимитрофная война новейшего времени / Н. А. Комлева // Пространство и Время. — 2018. — № 1-2 (31-32). – С. 27-37.

7. Юрышев А. В. Особенности освещения кризисных событий в Сирии 1973-1982 гг. и сирийской гражданской войны 2011-2014 гг. в издании The New York Times: диахронический анализ / А. В. Юрышев // Вестник Томского государственного университета. — № 419. — 2017. — С. 181-186.

8. Derkach O. The New York Times receives Pulitzer Prize for 'exposing Putin's regime's predation' / O. Derkach // The New York Times. — 2020. — May 5. — Режим доступа: https://www.nytimes/forumdaily.com/en/05.05.2020 (дата обращения: 15.05.2025).

9. Putin V. V. Plea for Caution from Russia // The New York Times. — 2013. — September 11. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2013/09/11/opinion/ (дата обращения: 29.05.2025).

10. Маринович А. Н. Особенности освещения Сирийского конфликта общественно-политическими медиа России и США / А. Н. Маринович // Уральское востоковедение: международный альманах. — Вып. 8. — 2018. — С. 158-168.

11. McFarquhar Neil. Putin Says U. S. Fails to Cooperate in Syria / Neil McFarquhar // The New York Times. — 2015. — October 14. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2015/10/14.world/ (дата обращения: 25.04.2025).

12. Friedman Thomas. Syria. Obama. Putin / Thomas Friedman // The New York Times. — 2015. — September 30. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2015/09/30/opinion/html (дата обращения: 27.05.2025).

13. Hwaida Saad. Syria and Rebels Battle for Aleppo as Cease-Fire Collapses / Saad Hwaida // The New York Times. — 2016. — September 26. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2016/09/28/world/middleeast/aleppo-syria-ground/ (дата обращения: 11.05.2025).

14. Gordon Michael. R.U.S. Begins Military Talks with Russia on Syria / Michael Gordon // The New York Times. — 2015. — September 19. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2015/09/19/world/europe/us-to-begin-military/ (дата обращения: 05.06.2025).

15. Переговоры по урегулированию сирийского кризиса в Астане // Новости ТАСС. — 2017. — 13 сент. — Режим доступа: https://tass.ru/info/4558821 (дата обращения: 05.06.2025).

16. Editorial. Can Russia Make Peace as Well as War? // The New York Times. — 2016. — 31 December. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2016 /12/31/opinion/can-russia-make/ (дата обращения: 15.05.2025).

17. Barnard Ann. Mr. Putin's Motives in Syria / Ann Barnard // The New York Times. — 2015. — October 7. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2015/10/07/opinion/vladimir-putin-motives-in-syria.html (дата обращения: 16.05.2025).

18. Triebert Chr. How Times Reporters Proved Russia Bombed Syrian Hospitals / Chr. Triebert, Ev. Hill // The New York Times. — 2019. — October 13. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2019/10/13/reader-center/ (дата обращения: 28.01.2025).

19. Schmitt Eric. U. S. Troops Injured in Syria After Collision with Russian Vehicles / Eric Schmitt // NYT. — 2020. — August 26. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2020/08/26/world/middleeast/ (дата обращения: 12.01.2025).

20. Sonne P. Russia, Seeking to Salvage Military Bases, Goes Hat in Hand to Syria / P. Sonne, Ch. Goldbaum // NYT. — 2025. — February 2. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2025/02/02/world/europe/russia-syria/ (дата обращения: 24.05.2025).

21. McFarquhar Neil. Russia's Abrupt Setback in Syria Creates Headaches for Putin / Neil McFarquhar // The New York Times. — 2024. — December 20. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2024/12/20/us/russia-syria/ (дата обращения: 19.05.2025).

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Маркина Ю. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи

E-mail: yulia_markina@list.ru

Rostov State University of Economics

Markina Yu. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Speech Culture Department

E-mail: yulia_markina@list.ru

УДК 070

«ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ

И. Э. Найговзин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 марта 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются возможности применения идей «Общественного договора» к научному анализу деятельности «Общественного телевидения Российской Федерации». Как правило, «Общественный договор» служит в качестве баланса интересов между народом и властью. Анализ деятельности «Общественного телевидения России» приводит к выводу о необходимости трансформации коммуникативных стратегий и типологической определенности медиаканала во взаимодействии с аудиторией.*
Ключевые слова: *«Общественный договор», методология медиакоммуникации, цифровые трансформации медиа, диалоговая модель медиакоммуникации.*

Annotation: *the article examines the possibilities of applying the ideas of the "Social Contract" to the scientific analysis of the activities of the "Public Television of the Russian Federation". As a rule, the "Social Contract" serves as a balance of interests between the people and the government. Analysis of the activities of the "Public Television of Russia" leads to the conclusion about the need to transform the communication strategies and typological certainty of the media channel in interaction with the audience.*
Keywords: *the "Social Contract", media communication methodology, digital transformations of media, dialogue model of media communication.*

В любом государственном устройстве «Общественный договор» служит в качестве определенного кодекса правил, гарантирующих баланс интересов между народом и структурами власти, которые бы удовлетворяли запросам, потребностям, ценностным ориентациям различных слоев населения. «Общественный договор» в научном дискурсе определяется как «социально-экономическое, социально-политическое и социально-культурное становление баланса интересов между народом и государством, которое открыто и в то же время латентно демонстрирует согласованность взаимоотношений и взаимодействий государства и народа по организации и устройству общественно (публичной) и личной (приватной) жизни» [1, 97]. Из данного определения следует, что функции «Общественного договора» в значительной мере соответствуют целям и задачам, которым служат каналы медиакоммуникации и журналистики. Во всяком случае, похожие функции Общественного телевидения России (ОТР) сформулированы в уставных документах, определяющих его деятельность, как «канала для общества».

В экспертном сообществе общественное телевизионное вещание рассматривается в качестве медиаканала «формирования и развития гражданского общества», в том числе направленного на «защиту значимых общественных интересов и вовлечение граждан в позитивную социальную практику, а важнейшим принципом программной политики (общественного телевидения — И.Н.) должно быть «создание позитивной повестки дня», тогда контент будет ориентирован на «аудиторные группы продвинутых, социально активных зрителей, испытывающих потребность к саморазвитию» [2, 4-5].

Логика научного осмысления предназначения «общественного договора» приводит к выводу о сходстве функций общественного договора и общественного телевидения. Выявленное функциональное сходство «Общественного договора» и ОТР позволяет рассматривать их в качестве ноуменов (умопостигаемых сущностей, отличных от феноменов), которые помогают выявить глубинные, латентные смыслы общественного развития «предполагает использование принципиально новых методов познания, которые бы раскрывали исходные и существующие смыслы его возникновения и реализации» [3, 5]. Рассмотрение общественного телевидение в качестве ноумена делает возможным выявлять сущность телевизионного вещания, определяя его латентные возможности функционирования во взаимодействии с социально активной частью социума, ориентированного на созидание, на деятельное саморазвитие.

Отмеченные особенности функционирования современной медиакоммуникации и журналистики как ноумена общественной жизни, выдвигают не-

© Найговзин И. Э., 2025

обходимость формирования новых концепций и теоретических основ медиаканалов, их типологических характеристик и коммуникативных стратегий в контексте «коммуникативного поворота» медиатизирующейся филологической науки [4].

Информационно-цифровые технологии произвели поистине революционные преобразования в медиаотрасли. За последние несколько лет цифровые форматы и способы подготовки и распространения медиаконтента, актуализировали создание новых моделей взаимодействия медиаканалов с аудиторией. Благодаря развитию и широкому распространению социальных сетей, персонифицированных способов получения и распространения информации и видеоконтента созданы условия для формирования коммуникативных сообществ, занятых подготовкой и распространением информации среди своих референтных групп.

Телевидение продолжительное время сохраняло позиции самого крупного технологически оснащенного и наукоемкого сегмента отрасли. Однако в наши дни оно постепенно уступает лидерство под воздействием динамичного развития компьютерно-опосредованной, информационно-цифровой коммуникации. Благодаря распространению мобильных средств связи появилась возможность вести потоковое телевещание и устанавливать «обратную связь» между медиаканалами и аудиторией. В ближайшие годы телекомпании ожидают изменения и трансформация вещания в направлении формирования диалоговых моделей взаимодействия с телезрителями и пользователями социальных сетей.

Отмеченные тенденции основаны на предположениях экспертов, но не основе научных исследований, потому что специальных проектов анализа деятельности ОТР не проводилось по ряду объективных и субъективных причин и обстоятельств. Между тем актуализируется настоятельная необходимость разработки концепции общественного телевидения в связи с потребностью аудитории в выражении мнения, в «ориентация на мнения или факты и на соучастие, на «совместное творение смыслов» [5, 6]. В целях практического решения задач организации публичных дискуссий. Научное обоснование коммуникативных стратегий, в частности, телевизионного вещания ведется в рамках интеракционных моделей взаимодействия с различными слоями населения с учетом их ценностных ориентаций, культурных и духовно-нравственных потребностей, в налаживании обратной связи между институтами власти и управления и обществом в целях задачи консолидации общественных и политических сил России.

В науках гуманитарного цикла под термином «консолидация» принято понимать упрочение, укрепление чего-либо; объединение, сплочение отдельных лиц, групп, организаций для усиления борьбы за общие цели. Консолидация трактуется также и как процесс объединения индивидов в социальные группы, общности или общество в целом на основе общих интересов, потребностей и ценностей, а также состояние сплоченности социальной группы или общества для достижения общих целей, осознанных и поддерживаемых большинством членов объединения. В качестве таких единых целей может быть укрепление существующих связей и отношений, а также поддержание стабильного существования и развития, в частности, коммуникативных сообществ [6-7].

В научном осмыслении консолидацию принято связывать с феноменом согласия, основанном на многообразии и доверии к действующим политическим персоналиям. Он включает в него и такие компоненты, как сотрудничество и взаимопомощь сторон и патриотических сил, участвующих в модернизации, солидарность взглядов, позиций российских граждан, направленных на становление и укрепление сильного российского государства, опирающегося в своей деятельности прежде всего на ценности демократии, высокую духовность и поддержку граждан. Трудности изучения и отображения проблемы сплоченности общества в медиакоммуникации и журналистике осложняются многозначностью понятия. В равной мере можно говорить о таких аспектах как социальная, межпоколенная, межнациональная, гендерная, профессиональная консолидация и др.

За сравнительно короткое время цифровые медиаплатформы превратились в глобальные корпорации, доминирующие во многих медиаотраслях, выработали новые подходы к ведению бизнеса и инициировали новые способы взаимодействия со зрителем. Благодаря совершенствованию информационно-цифровых технологий в области генеративного искусственного интеллекта и больших языковых моделей, цифровые медиаплатформы в значительной степени повысили уровень вовлеченности пользователей в виртуальное информационно-коммуникативное пространство.

При всей современной продвинутости научного осмысления процессов, происходящих в медиакоммуникативной индустрии, в частности, в сфере медиакоммуникации и журналистики, разработка теории коммуникации продолжает отставать от стремительно развивающейся практики, от компьютерно-опосредованных технологий генерирования, аккумуляции, сбора и распространения информации, создания новых смыслов и образов.

Традиционное отставание теории от практики происходит отчасти потому, что преобладание применяемого в исследованиях медиакоммуникации и журналистики феноменологического подхода, при всей его системной определенности, ограничивает возможности исследователей выявлять глубинную сущность изучаемых социокультурных, медиакоммуникативных, общественно-политических процессов.

Известный социолог, член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко считает, что содержанием Общественного договора является «*постоянное взаимодействие со стороны народа и со стороны государства* (выделено мной — И.Н.). Только такое взаимодействие выявляет возможности реализации этого союза, без чего существование государства невозможно или находится под вопросом. Новый общественный строй, который возникает после ухода в прошлое прежнего, обретает не только новые социально-экономические условия своего существования, но и ведет к появлению иного типа людей» [8, 13]. Применяемые ранее подходы к анализу общественного телевещания были ориентированы на описание его очевидных свойств и характеристик, в частности на жанровые особенности, на критерии определения форматов, особенности стиля ведущих и т.п. Но при этом, они упускали самый главный типообразующий признак телевизионного медиаканала, а именно его взаимодействие с целевой аудиторией, на латентные факторы и условия формирования общественного типа вещания. Использование в качестве методологической основы концепцию «Общественного договора» к анализу типологических особенностей и коммуникативных стратегий ОТР в условиях цифровых трансформаций позволяет системно исследовать, рассматривать и анализировать, наряду с явными наблюдаемыми феноменами, также латентные глубинные связи, свидетельствующих о наличии «общих целей у народа и у политической власти, взаимодоверия, осознаваемого желания согласовывать взаимные устремления» [8, 5]. Именно в этом заключается принципиально иной подход к анализу общественного телевидения, корреспондирующийся с концепцией «Общественного договора», с его сущностью, истоками возникновения, развития и функционирования.

В осмыслении различных вариантов «Общественного договора» принято выделять его форму, которая получила название «совещательной демократии», в основе которой заложены механизмы обсуждения, убеждения и компромисса, в рамках социального диалога между гражданами путем обмена мнениями их непосредственного или опосредованного (например, с помощью медиакоммуникации и журналистики) участия в выработке таких решений, которые бы устраивали все заинтересованные стороны. Согласно концепции Ю. Хабермаса, ключевые положения модели «совещательной демократии» таковы: 1) никто из желающих внести реальный вклад в дискуссию не может быть исключен из числа ее участников; 2) всем представляются равные шансы на внесение своих соображений и предложений; 3) слова участников не должны расходиться с делами; 4) коммуникация должна быть свободна от внешнего или внутреннего принуждения [9, 27].

Отмеченные здесь теоретические постулаты в основе своей совпадают с базовыми принципами «Общественного договора» и «совещательной демократии», которые заложены в современные модели общественного телевидения, функционирующие в странах с различными государственными устройствами. На основе анализа этих базовых принципов можно предложить к рассмотрению следующие основные типологические характеристики медиаканала «Общественное телевидение России»: максимальная доступность программ телевидения для различных слоев населения страны; независимость вещательной политики телевидения от финансового, административного влияния при принципиальном сохранении эффективного социального контроля со стороны общественных институтов и организаций.

Исходя из того, что «совещательная демократия» возможна только в обществе свободных и равноправных граждан, наделенных правами устанавливать принципы и ключевые проблемы совместной жизни с помощью диалоговых форм и каналов коммуникации, обеспечение справедливости в самом широком понимании выдвигается в фундаментальную характеристику этого государства. Разумеется, данная характеристика в различных пропорциях присуща государствам с демократической формой правления. Тем не менее «совещательная демократия» и «Общественный договор» не исключают возможности их совместного существования в странах, где доминирует авторитарным режим.

Например, в Российской Федерации ключевые позиции «совещательной демократии» содержатся в договоре «Об общественном согласии» от 28.04.1994 г., целью которого «было достижение политической стабильности, преодоление социально-экономического кризиса, упрочение федеративного устройства, безопасности гражданина и общества. Его специфической особенностью становилось определение форм и методов соблюдения согласия общественных сил с политическим режимом при жестко регулируемом процессе волеизъявления народа» [3, 7]. Разумеется, что между постулированием политических принципов и осуществлением их на практике всегда имеются различия. По вполне понятным причинам практическое осуществление позиций «совещательной демократии» не совпадало с коммуникативными стратегиями и содержательными структурами как в начальный период становления «Общественного телевидения», так и в настоящее время. К тому же медиакоммуникации и журналистика развиваются по законам собственной преемственности в отличие от положений договора «Об общественном согласии».

В исследованиях разного уровня от региональных до глобальных выявлена одна из определяющих тенденций медиапотребления, а именно его

индивидуализация, персонификация. С одной стороны, становление и развитие данной тенденции обусловлено массовым использованием персональных компьютеров, гаджетов, многообразных средств и каналов связи и т.д. С другой стороны — развитием тенденции к фрагментации телевизионного вещания, распространение «нишевых» медиаканалов, узконаправленных на целевую, «специализированную» аудиторию. Технологические и содержательные трансформации медиакоммуникации свидетельствуют о расщеплении, дифференциации аудитории в соответствии с интересами, ценностными ориентациями, социокультурными запросами, которые постепенно приводят к закреплению устойчивой привычки использования персональных средств и каналов медиакоммуникации и, в конечном счете, к формированию определенной социально-психологической модели поведения аудитории.

Наряду с этим, структуры власти и управления способствуют консолидации различных слоев общества с помощью медиаканалов, функциональная направленность которых ориентирована на массового телезрителя, читателя, радиослушателя. Потребность в таких каналах коммуникации обусловлена необходимостью консолидации различных слоев общества, обострившейся в связи с проведением Специальной военной операции. К подобному типу медиа относится «Общественное телевидение России», концептуальный замысел которого изначально сводился к модели «телевидения для всех», «телевидения для народа», «народного телевидения».

Традиционное линейное телевидение на протяжении всей своей истории руководствовалось программной политикой объединения общества, предлагая единую для всех тематико-жанровую и адресную направленность передач. Тому способствовали социально-политические, социокультурные и технологические условия и факторы вещания. Трансформации социально-экономических, социально-политических и технико-технологических условий активизировались особенно с появлением компьютерно-опосредованных, цифровых технологий, электронных медиаканалов, социальных сетей, что привело к сегментированию медиасреды, к массовому распространению «нишевых», тематических площадок. Процесс фрагментации аудитории усилился под влиянием интернета.

Экспертное сообщество отмечает в качестве тенденции бурное развитие социальных сетей и онлайн-площадок, занятых производством контента, ориентированного на узконаправленные, специфические вкусы и потребности аудитории. При этом наблюдается и другая тенденция: отдельные блогеры ведут вещание одновременно по нескольким сетевым источникам, фактически становясь интернет-аналогом телевизионных программ и собирают при этом многомиллионные аудитории, опережая по охвату распространения контента традиционные каналы федерального телевидения.

Таким образом, трансформация технико-технологических и социально-политических условий выступают в качестве фундаментальных факторов, оказавших существенное влияние на становление и развитие ОТР. В тематико-жанровой и адресной структуре общественных форм вещания наблюдаются обе отмеченные тенденции: ориентация на массового зрителя и на персонифицированное медиапотребление. Отмеченная уникальность медиаканала актуализирует необходимость теоретического осмысления типологии и коммуникативных стратегий медиаканала «Общественное телевидение России», что само по себе представляет интерес для науки и практики медиакоммуникации и журналистики.

***

За минувшее десятилетие деятельности ОТР удалось сформировать существенный потенциал общественного доверия, что в той или иной мере присутствует в имеющихся в науке и практике определений канала: «народное телевидение», «канал для всех», «телевизионный форум» и т.п. Однако современный этап функционирования медиаканала «Общественное телевидение России», его коммуникативные стратегии и типологические характеристики не в полной мере отвечают задачам перехода к «делиберализации» отечественной медиасистемы, к практической реализации конкретных и действенных мер по развитию национально-ориентированного общественно-просветительского телевещания. Существенное упущение в организации и проведении дискуссий на общественном телевидении заключается в недостаточной «обратной связи», особенно из-за слабой разработки заключительного этапа дискуссии, фактического отсутствия аккумулирующих общественное мнение компонентов диалоговой модели взаимодействия с обществом.

Западная теория «журналистики мнений», которой отечественная практика медиакоммуникации следовала последние годы должна быть заменена общественно-просветительской концепцией медиаканала «Общественное телевидение России» как национальной цифровой медиаплатформой, развивающей и последовательно реализующей интересы российского общества и государства. Принципиальной особенностью информационно-смыслового вещания национально-просветительской цифровой платформы «Общественное телевидение России» должна стать задача консолидации общественных и политических сил страны.

Одной из ключевых задач отечественной теории медиакоммуникации и журналистики должна стать научно обоснованную концепцию диалоговой модели взаимодействия федерального телевизионного

канала «Общественное телевидение России» с различными слоями и группами населения и с коммуникативными сообществами в целях создания условий для публичного обсуждения социально-значимых проблем, выявления и выражения общественного мнения по важнейшим вопросам развития страны и общества.

Анализ становления и развития ОТР позволяет высказать мысль о возможности применения идей «Общественного договора» к научному анализу деятельности «Общественного телевидения Российской Федерации». Концепция «Общественного договора» может рассматриваться в качестве методологического обоснования, социальной модели формирования коммуникативных стратегий, тематико-жанровой направленности и типологической определенности медиаканала «Общественное телевидение России».

Обоснование общенациональной цифровой медиаплатформы «Общественное телевидение России» актуализируется в связи с необходимостью формирования на практике коммуникативных стратегий, направленных против активизации и агрессивности внешнего антироссийского и антинационального информационно-смыслового и ментального воздействия, которое в дальнейшем будет только нарастать, по мере применением новых технологий тотальной гибридной войны против России.

Проведенный в настоящей статье анализ особенностей разработки концепции медиаканала ОТР в целях консолидации всех общественных, патриотических сил России, выдвигает необходимость трансформации «Общественного телевидения России» в цифровую общественно-просветительскую медиаплатформу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж. Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации / Ж. Т. Тощенко. — М., 2025.
2. Материалы круглого стола «Общественное телевидение России: региональный аспект» 4 марта 2013 г. // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — М., 2013.
3. Тощенко Ж. Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления / Ж. Т. Тощенко. // Социологические исследования. — 2023. — № 6.
4. Дугин Е. Я. «Коммуникативный поворот» в исследовании медиаиндустрии / Д. Я. Дугин. — М., 2024.
5. Позитивная коммуникация. — М., 2019. .
6. Большой энциклопедический словарь. — М., 1991.
7. Социальная консолидация регионального сообщества. — Вологда, 2017.
8. Тощенко Ж. Т. От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. — 2019. — № 4. — С. 3-14.
9. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. — СПб., 2001.

Воронежский государственный университет
Найговзин И. Э., соискатель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: igornaygovzin@mail.ru

Voronezh State University
Naigovzin I. E., Postgraduate Student of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: igornaygovzin@mail.ru

УДК — 811.161.1'37

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЛОЖНЫЙ ТОВАРНЫЙ ЗНАК» И «ЗНАК, ВВОДЯЩИЙ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ»

М. Е. Новичихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 мая 2025 г.

Аннотация: *содержание статьи связано с практическим опытом проведения экспертиз товарных знаков ее автором. Обсуждаются такие неоднозначные научные категории, используемые экспертами, как «ложность» и «введение в заблуждение». Предпринимается попытка выявить соотношение этих категорий. Публикация является логическим продолжением прежних работ автора, в частности следующей: Новичихина М. Е. О тонкой грани между описательностью и введением в заблуждение (по материалам лингвистических экспертиз товарных знаков) // Вестник ВГУ. — Сер.: Филология. Журналистика. — 2023. — № 1. — С. 113-115.*
Ключевые слова: *товарный знак, лингвистическая экспертиза, ложный товарный знак, описательный товарный знак, введение в заблуждение.*

Abstract*: the content of the article is related to the practical experience of conducting trademark´ linguistic expert examination by its author. Such controversial scientific categories used by experts as «falsehood» and «misleading» are discussed. An attempt is being made to identify the relationship between these categories. The publication is a logical continuation of previous works, in particular, the following: Novichihina M. E. On the subtle difference between descriptiveness and misleading (based on the materials of linguistic expert examinations of trademarks) // Proceedings of Voronezh State University. — Ser.: Philology. Journalism. — 2023. — No. 1. — Pp. 113-115.*
Keywords: *trademark, linguistic expert examination, false trademark, descriptive trademark, misleading.*

Товарный знак — это обозначение, которое служит для различения товаров и услуг, предоставляемых разными юридическими и физическими лицами. Одна из основных функций товарного знака заключается в защите интересов производителя, а также в информировании потенциального потребителя о характере товара, его качестве и т.п. Тем не менее сегодня не редки случаи, когда товарные знаки могут ввести в заблуждение, что представляет серьезную угрозу как для бизнеса, так и для потребителей.

В контексте требований российского законодательства проблема определения и дифференциации ложных обозначений и обозначений, вводящих в заблуждение, представляется чрезвычайно значимой.

Обозначенный вопрос заметно актуализируется из-за скачка в количестве регистрируемых товарных знаков. Данные Роспатента свидетельствуют о том, что за 2022 г. было подано 90 000 заявок на регистрацию товарного знака, за 2023-й — 122 000, а за 2024-й — уже 137 400 [1]. Можно предположить, что в общем объеме знаков число ложных и вводящих в заблуждение также возрастает. Регистрация таких обозначений не предусмотрена законодательством [2]. Вот почему на повестке дня возник вопрос о разработке критериев отнесения спорного знака к той или иной категории.

Настоящее исследование направлено на анализ механизмов, позволяющих выявить и исследовать случаи ложности или введения в заблуждение, а также на изучение их последствий для рынка и для потребителей.

В первую очередь следует обратить внимание на такую непроработанную на сегодняшний день категорию, как введение в заблуждение. Неопределенность этой категории подтверждается следующим вопросом.

Является ли, например, товарный знак «Коркунов» вводящим в заблуждение? С одной стороны, в 2010 г. он зарегистрирован Роспатентом — это означает, что специалисты Роспатента не усмотрели в нем признаков нарушения законодательства. С другой стороны, мы видим, что товарный знак имеет вербальную составляющую, характерную для рубежа 19-20 вв. (использование фамилии), оформлен товарный знак также в «дореволюционном» стиле. Визуальная составляющая (изображение фамильного герба) усиливает связь с далеким прошлым. Все это наводит на мысль о введении в заблуждение целевой аудитории обозначения. То, что этот факт не был учтен, лишь подтверждает вывод об отсутствии однозначных критериев введения в заблуждение.

© Новичихина М. Е., 2025

Об этом справедливо пишет С. В. Бутенко, подчеркивая необходимость разведения обсуждаемых понятий [3, 85]. По ее мнению, ложные знаки содержат недостоверные указания на товар, его свойства, назначение и иные его атрибуты, в то время как знаки, способные ввести потребителя в заблуждение, могут лишь вызывать ассоциации, несоответствующие действительности.

Например, в свое время Роспатент не зарегистрировал обозначение Helmar и обосновал это так: «… словесный элемент Helmar представляет собой слово иностранного происхождения. При использовании заявленного обозначения в качестве товарного знака для указанных в заявке товаров у потребителя могут возникнуть ассоциации с иностранным происхождением товаров, что в отношении заявителя не соответствует действительности. Поэтому заявленное обозначение не может быть зарегистрировано в качестве товарного знака… поскольку будет вводить потребителя в заблуждение относительно производителя товара». Оставляя без обсуждения излишнюю категоричность сформулированного вывода, заметим тем не менее, что в случае приведенного обозначения потенциальная опасность введения в заблуждение все же присутствует, но она требует своего доказательства (или опровержения), что может быть осуществлено лингвистическими и психолингвистическими методами. В связи, например, с приведенным выше тезисом Роспатента о введении в заблуждение возможно показать, что словесный элемент HELMAR не может считаться иностранным словом, он не представлен словарями ведущих языков мира (английский, немецкий, французский, испанский) и представляет собой аббревиатуру от «Елена» и «Марк» (*Helena* и *Mark*), зафиксированную латинскими буквами.

Вывод же о ложности обозначения базируется на факторах экстралингвистического порядка и требует знаний о номинируемом товаре, его свойствах и т.п.

Как очень точно замечает С. В. Бутенко, «если ложный знак может быть только описательным, то введение в заблуждение характерно для фантазийных обозначений. Принципиальное же отличие ложных знаков от обозначений, способных ввести в заблуждение заключается в том, что для первой группы обозначений всегда характерно намерение заявителя дезинформировать среднестатистического потребителя товара или услуги» [3, 12]. Далее, со ссылкой на Е. А. Ариевича [4, 22], автор формулирует вывод о том, что «несоответствие ложного знака действительности представляет собой вопрос факта, в то время как способность знака вводить в заблуждение есть некий потенциал, который, с одной стороны, может и не быть реализован в процессе циркуляции товара в обороте, с другой — всегда требует субъективной оценки» [3, 56]. Более того, отличие ложности от введения в заблуждение заключается в следующем: факт ложности является очевидным и не поддающимся сомнению, в отличие от факта введения в заблуждения, который неочевиден и является лишь потенциальным. Соглашаясь с Е. А. Ариевичем, автор утверждает, что «разграничение обсуждаемых понятий лежит не в несовпадении этих понятий, а в различии понятий «являющийся» и «способный» [3, 50]. Так или иначе рассматриваемое разграничение коррелирует с разграничением объективности и субъективности восприятия информации, заложенной в обозначении.

Э. П. Гаврилов утверждает, что ложные обозначения представляют собой очевидное несоответствие действительности, в то же самое время введение в заблуждение входит в сферу гипотетических допущений [5]. Кроме того, введение в заблуждение осуществляется исключительно в процессе функционирования товарного знака.

С нашей точки зрения, применительно к товарным знакам и обозначениям, подаваемым на регистрацию, понятие введения в заблуждение является более широким понятием, включающим в себя другое, более узкое понятие — понятие ложности обозначения.

Иными словами, намеренно упрощая ситуацию, можно сказать, что если мы некой лексемой (например, *молоко*, называем молоко — то здесь налицо описательность, если же мы *молоком* называем сыр — то налицо введение в заблуждение, а в данном конкретном случае — ложность).

Итак, представляется, что у товарного знака потенциально возможен следующий способ введения в заблуждение — обозначение выглядит и позиционируется как оригинальное или похожее на него, но ничего общего с подлинным товарным знаком не имеет (например, Nokla (от Nokia), Adidos (от Adidas) и др. — во всех этих случаях обозначение формируется на основе максимального сходства с зарекомендовавшим себя товарным знаком. В итоге потребители могут ошибочно предполагать, что именуемый товар принадлежит другому производителю. Реализуемая в этом случае цель (ввести потребителя в заблуждение) связана с потребностью сбыта продукции.

Заметим, что появление ложных или водящих в заблуждение товарных знаков имеет ряд негативных последствия для производителей и потребителей:

- финансовые потери (производители, чьи товарные знаки (товары) подделываются, могут терять значительную часть своих доходов;
- удар по репутации (ложные товарные знаки могут негативно сказываться на репутации производителя);
- риски для потребителей (потребитель может столкнуться с проблемой качества приобретаемого товара).

На чем может базироваться методика выявления наличия в обозначении признаков ложности или введения в заблуждение?

Факт ложности товарного знака устанавливается, как уже говорилось, на базе экстралингвистического подхода. Здесь возможны:

- проверка наличия на товаре (упаковке) информации о производителе, о дате изготовления и т.п.;
- проверка лицензий или сертификатов, требуемых для данного вида товаров;
- сравнение цен на продукцию с данными, предоставленными официальным производителем;
- изучение отзывов потребителей на качество товара;
- исследование каналов поставки товара: о фальсификации товара может свидетельствовать подозрительная логистика;
- проведение органолептического исследования товара;
- проверка наличия или отсутствия информационной поддержки именуемого товара (официальные сайты, социальные сети и т.д.) и др.

Все перечисленное, естественно, выходит за рамки лингвистического исследования коммерческих обозначений.

Что же касается исследований товарных знаков на предмет введения в заблуждение, то они базируются на иных методах и требуют включенности эксперта-лингвиста. Это могут быть:

- исследование сходства спорного обозначения с известными товарными знаками;
- анализ ассоциаций, вызываемых обозначением, и оценка доли ассоциаций с другими товарами или услугами в общем объеме выявленных ассоциаций;
- анализ семантического наполнения каждого элемента обозначения и оценка семантики в совокупности (с целью ответа на вопрос, возможно ли формирование семантическими средствами неверного представления о продукте);
- исследование степени информативности обозначения с вытекающей отсюда оценкой возможности введения в заблуждение относительно свойств товара и других его характеристик.

Все это позволит оценить потенциальное влияние на потребителя. При этом окончательный вывод о введении в заблуждение возможен лишь в отношении конкретных товаров или услуг.

Итак, все описанное выше позволяет утверждать:

- исследуемые понятия (ложность и введение в заблуждение) соотносятся между собой как частное и общее;
- адекватная оценка товарного знака на предмет наличия признаков ложности или введения в заблуждение возможна лишь при учете всего комплекса информации (как лингвистической, так и экстралингвистической), связанной со знаком. В то же время заключение о ложности (как более узкого понятия) может базироваться лишь на его экстралингвистической составляющей;
- возникла настоятельная потребность в разработке и апробации методик, которые позволят с высокой степенью вероятности сформулировать вывод о том или ином обозначении как об обозначении, вводящем в заблуждение; кроме того, ждет своего разрешения вопрос о конкретных языковых маркерах ложности и введения в заблуждение;
- выявление ложных товарных знаков и знаков, способных ввести в заблуждение — это важная задача для защиты интеллектуальной собственности и соблюдения прав потребителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги Роспатента за 2024 год: насколько выросла активность бизнеса. — Режим доступа: https://legal-support.ru/news/patentovanie (дата обращения: 26.03.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. — Режим доступа: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 28.03.2025).

3. Бутенко С. В. Введение потребителя в заблуждение как абсолютное основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку: дис. … канд. юрид. наук / С. В. Бутенко. — М., 2013.

4. Ариевич Е. А. Введение в заблуждение: практика и реальность / Е. А. Ариевич // Патенты и лицензии. — 2000. — № 9. — С. 21-26.

5. Гаврилов Э. П. Комментарий к главам 69, 70, 71, 76 части четвертой Гражданского кодекса РФ / Э. П. Гаврилов. — М., 2008.

Воронежский государственный университет

Новичихина М. Е., доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна,

E-mail: novichihiname@mail.ru

Voronezh State University

Novichihina M. E., Doctor of Philology, Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: novichihiname@mail.ru

УДК 7.097

РОЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕНТА НА СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ В ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

П. А. Острижная

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 15 апреля 2025 г.

Аннотация: *автор анализирует контент телеканалов «большой тройки», а также специализированные тематические каналы («История», «Россия-Культура», «365 дней ТВ»). В рамках исследования рассматривается эфир телеканалов с точки зрения тематического наполнения, телевизионного программирования, а также средств экранной выразительности. В заключении дается сравнительная характеристика телеканалов и выводы относительно роли и места документального исторического фильма в указанные дни.*
Ключевые слова: *историческая память, телевидение, документальный исторический фильм, историко-биографический фильм.*

Abstract: *the article analyzes the content of the "big three" TV channels, as well as specialized thematic channels ("History", "Russia-Kultura", "365 days TV"). The study examines the air of TV channels in terms of thematic content, television programming, and means of on-screen expressiveness. The conclusion gives a comparative characterization of the TV channels and conclusions regarding the role of the TV channels and conclusions regarding the role and place of the historical documentary in the mentioned days.*
Keywords: *historical memory, television, historical content, historical documentary film, historical-biographical film.*

К постановке вопроса. Тема истории и памяти народа является неотъемлемой частью политики государства и носит особенный патриотический характер. Председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин не раз заявлял о необходимости развития историко-просветительской деятельности в медийном пространстве [1]. Сегодня в непростых внешнеполитических обстоятельствах крайне важными становятся концепты исторической и культурной памяти, исторического сознания, а также способы их формирования.

Медиа, безусловно, отвечают такому запросу, играя ведущую роль в формировании не только общественного мнения, но и общественного сознания. Логично предположить, что в условиях ориентира на просвещение исторический документальный контент на ведущих федеральных каналах должен пользоваться популярностью у вещателей. Однако за октябрь 2024 года на «Первом канале» вышло 48 проектов, прямо или косвенно посвященных теме истории, что составило всего 6,42% от телевизионного эфира. «Россия-1» и «НТВ» поставили в эфир менее 1% процента документального исторического контента.

Таким образом, возникает необходимость проанализировать, как федеральные телеканалы изменят вещания с учетом календарных предпосылок, а именно отдельно взятых памятных и знаменательных дат. Исследование каналов «большой тройки» проводилось в сравнении со специализированными каналами на культурную и историческую тематику: «Россия-Культура», «История», «365 дней ТВ». Результаты исследования приведены в форме сводной таблицы, где отражены два основных показателя: количество часов документального контента и количество часов тематического не документального контента, посвященного выбранной дате.

Роль документального исторического фильма на телевидении. Документальный исторический фильм на телевидении не просто тесно связан с темой исторической памяти, но и является одним из инструментов ее формирования. Документальный контент на телевидении изучали такие исследователи, как Е. Е. Зверева [2], Малькова Л. Ю. [3], С. В. Осипов [4], Е. А. Парамонова [5], В. Ф. Познин [6], Е. Г. Харитонова [7] и другие. Вне зависимости от объекта исследования: будь то образ конкретной исторической личности в медиа или документальная память народа об исторических событиях на телевидении, исследователи сходятся в одном — документальный исторический фильм является способом формирования исторической памяти преимущественно через нарратив (структурированное повествование) и широкую многоликую палитру средств выразительности экрана.

© Острижная П. А., 2025

Контент в памятные и знаменательные даты на современном российском телевидении. Понятия знаменательных и памятных дат регламентируется законом. Согласно преамбуле Федерального закона от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», под памятными датами понимаются дни, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни российского государства и российского общества [8]. Выбранные даты охватывают праздники из различных культурно-исторических сфер: внутренняя и внешняя политика, военная память, научные достижения, искусство, культура, международные праздники.

Снятие блокады Ленинграда. 27 января 2024 года было 80 лет со дня снятия блокады Ленинграда. Памятная дата выпала на выходной день (суббота), что сделало сетку более вариативной, так как в рабочие дни запланированное горизонтальное программирование менять гораздо труднее. На «Первом канале» было показано два документальных фильма в утреннее и ночное время, рассказывающих о подвиге народа в блокаду («Непокоренные» реж. Екатерина Кожакина, 2019; «Блокадное рондо» реж. Ксения Закружных, 2024). В течение дня с перерывом на новости также шло художественное кинополотно «Блокада» (реж. Михаил Ершов, 1977) о стойкости ленинградцев и верховного командования. На телеканале «Россия-1» был показан документальный байопик «Иван Зубков. Спаситель Ленинграда» (реж. Алексея Денисова, 2022) о герое, который внес вклад в спасение города Ленинграда. На «НТВ» тематического контента не было. Телеканал «Россия-Культура» представил два документальных фильма на тему снятия блокады, а также праздничный концерт и два игровых военных фильма. Телеканал «История» четыре раза представил документальный фильм из серии «Восход Победы». Телеканал «365 дней ТВ» показал два документальных фильма, напрямую связанные с событиями, и два военных фильма на общую тематику. Таким образом, в юбилейный год событие было освещено на большинстве каналов как универсальных, так и специализированных, однако в 2025 году универсальные каналы не стали давать контент по теме, а специализированные каналы ограничились одним военным документальным фильмом в эфире. На основании чего можно сделать вывод о том, что юбилей — значительно увеличивает эфирное время исторического контента, а отсутствие круглой даты может свести даже «мемориальное», знаковое для страны событие к минимальному освещению в эфире.

День защитника Отечества. 23 февраля 2024 года (пятница) все каналы использовали игровые тематические фильмы, однако их выбор стал своеобразной отстройкой друг от друга. Так «Первый канал» сделал выбор в пользу фильмов о Великой Отечественной Войне, а в вечернее время представил премьеру фильма «20/22» (реж. Андрей Симонов, 2024), рассказывающего о том, как люди восприняли события, связанные со специальной военной операцией. «Россия-1» транслировала более легкие игровые фильмы («Ликвидация» реж. Сергей Урсуляк, 2007; «За Палыча!» реж. Андрей Богатырёв, 2023), а в позднее вечернее время был показан игровой фильм «Небо» (реж. Игорь Копылов, 2021) о событиях в Сирии. Телеканал «НТВ» сделал акцент на игровых фильмах на тему правопорядка, а после показал игровой фильм «Глаз пустыни» (реж. Алексей Алфёров, 2024), также о событиях в Сирии. Телеканал «Россия-Культура» транслировал советские игровые байопики о великих полководцах и документальный фильм о детях, которые сражались при полках во время Великой Отечественной Войны («Сыны полков», реж. Валерий Тимощенко, 2023). Интересным решением стала интеграция привычной программы «Пешком», рассказывающей о театре Российской Армии. Телеканал «История» в течение дня транслировал документальный цикл байопиков про полководцев разных эпох. Также был выбран цикл «Мир накануне катастрофы. XX век», повествующий о событиях, происходивших в Европе перед началом Второй мировой войны. Телеканал «365 дней ТВ» весь эфир посвятил военной тематике: документальные байопики цикла «Забытые полководцы», цикл «Мемориалы России», а также игровые фильмы. Таким образом, основными тематическими блоками на универсальных каналах стали события Великой отечественной войны, а также специальных военных операций в Сирии и на Донбассе. Тем временем как специализированные каналы сфокусировались на событиях Великой Отечественной Войны и ее персоналиях.

Международный женский день. 8 марта 2024 (пятница) «Первый канал» сделал акцент на советских фильмах с известными и любимыми героинями, а также показал игровой байопик «Империя: Екатерина II» (реж. Дарья Шумакова, 2023). Темой праздничного концерта стали красота и любовь. Телеканал «Россия-1» уделил внимание женским комедиям. В то время как «НТВ» сделал акцент на теме сильной женщины, показав игровой сериал «Декабристка» (реж. Ирина Гедрович, 2018) и докудраму «Императрицы» 9реж. Андрей Кравчук, 2024), созданную совместно с сервисом *Premier* и спонсируемую холдингом «Газпром-Медиа». Это не первый совместный проект телеканала на историческую тематику, который интегрируется в сетку вещания. «Россия-Культура» адаптировал привычную программу под специфику праздника. Цикл «Пешком» выпустил серию «Москва женская». Также были показаны документальные фильмы об открытиях женщин-ученых и фильмы о конкурсах красоты. Телеканал «История» построил вещание как череду документальных байопиков об известных женщинах. «365 дней ТВ» ни-

как не изменил сетку вещания к празднику. Косвенно к женской теме можно отнести документальный байопик о писательнице Софье Федорченко («Софья Федорченко — сестра милосердия, или Как отомстил Демьян» реж. Игорь Холодков, 2020). Таким образом, телеканалы тематически разделились: часть позиционировала день как праздник красоты и любви, а часть сделала акцент на силе женского духа.

День Космонавтики. 12 апреля 2024 года (пятница) телеканалы не стали перестраивать вещание, однако вставили документальные проекты или игровые фильмы, напоминающие о космической тематике. Так темой «Подкаст.Lab» на «Первом канале» стала космическая инженерия. «Россия-1» показал игровой фильм «Салют-7» (реж. Клим Шипенко, 2017). Телеканал «НТВ» представил документальный фильм «Наш Космос» (реж. Игорь Холодков, 2011). Однако стоит отметить, что перечисленные материалы были показаны в ночное время, что не позволило охватить большую аудиторию. Телеканал **«**Россия-Культура» представил праздничный концерт, а также документальный байопик «Три дня рождения космонавта Сереброва» (реж. Виктор Ющенко, 2024) и фильм из цикла «Космическая одиссея. XXI век» (реж. Майя Данилевская, Лариса Смирнова, 2012). В ночное время телеканал «История» показал документальный фильм «Он мог быть первым. Драма космонавта Нелюбова» (реж. Майя Данилевская, 2007). «365 дней ТВ» презентовал документальный двухсерийный фильм «Петербург космический» (реж. Иннокентий Иванов, 2021) в вечернее время. Таким образом, масштабных изменений в сетке вещания не произошло, универсальные телеканалы отдали теме космоса ночное время, однако специализированные каналы точечно интегрировали тему в вещание.

День Победы. 9 мая 2024 года (четверг) все телеканалы перестроили привычный будничный эфир. По «Первому каналу» и «России-1» шло праздничное вещание («Праздничный канал»), в 18:55 на всех телеканалах была объявлена минута молчания. Универсальные телеканалы транслировали игровые фильмы о войне. Лишь на «России-1» был показан один документальный фильм в ночное время о майоре Николае Киселеве, спасшем более двухсот евреев с оккупированных территорий («Николай Кисилев. Путь праведника» реж. Сергей Урсуляк, 2024). Телеканал «Россия-Культура» транслировал четыре документальных фильмах: о военном репортере, фотографии в военный период, битве за Севастополь и Дне победы. Весь эфир телеканала «История» был заполнен документальными фильмами о событиях Второй мировой войны в хронологическом порядке. Среди прочего контента выделяется фильм Андрея Кондрашова «Война за память», где иллюстрированы воспоминания ветеранов из России, Украины, Германии, Италии и Британии, а также уникальные документы — никогда не публиковавшиеся ранее письма немецких солдат с фронта. Телеканал «365 дней ТВ» транслировал документальные циклы о ключевых событиях войны, которые перемежались с байопиками о героях страны («Список Киселева. Никогда больше» реж. Гульназ Галимуллина, 2020; «Маршал Победы Говоров» реж. Вячеслав Серкез, 2020) и разговорными программами цикла «Историада».

***День рождения А. С. Пушкина*.** 6 июня 2024 года (четверг) некоторые телеканалы показали документальные фильмы и разговорные программы об А. С. Пушкине. «Первый канал» представил обсуждение творчества и биографии поэта в рамках проекта «Подкаст. Lab». Телеканал «Россия-1» транслировал праздничный концерт. «Россия-Культура» представил документальный байопик о внуке А. С. Пушкина «Григорий Пушкин (внук)» (реж. Владислав Гришин, 2024). Однако большинство материалов вышло в ночное время, что существенно сузило аудиторию. Телеканалы «НТВ», «История» и «365 дней ТВ» никак не осветили эту знаменательную дату.

День России. *12* июня 2024 года (среда) «Первый канал» сделал акцент на теме русской идентичности, осветив русский юмор, музыку, историю, кино. Также в эфире состоялась премьера докудрамы «Империя: Александр I» (реж. Дарья Шумакова, 2024) и показан исторический игровой фильм «Союз спасения» (реж. Андрей Кравчук, 2019). Телеканал «Россия-1» остановил свой выбор на трансляции вручения государственных наград и советском кино. Телеканал «НТВ» представил докудраму «Петр I. Последний царь и первый император» (реж. Андрей Кравчук, 2022). «Россия-Культура» отдал предпочтение циклу «Сокровища Московского Кремля» (реж. Валерий Спирин, 2022) и советскому художественному байопику «Александр Невский» (реж. Сергей Эйзенштйен, 1938). Телеканал «История» представил документальный фильм «Время России» (реж. Вера Кильчевская, 2017), где рассказывается о единении в момент, когда страну пытаются разобщить. Документальная картина в рамках проекта Андрея Кончаловского «Человек неунывающий» (реж. Андрей Кончаловский, Евгений Григорьев, Екатерина Вещева, 2020) продемонстрировала жизнь среднестатистических россиян. Телеканал «365 дней ТВ» не представил специального контента к празднику, выбрав для вещания чередование циклов «Великие битвы» и «Сквозь времена».

День народного единства. 4 ноября 2024 года (понедельник) «Первый канал» представил премьеру документального фильма «Минин и Пожарский» (реж. Владимир Хотиненко, 2024), а также спецпроект «30 лет вместе. Русский проект». Теме праздника было посвящено ночное разговорное шоу «Подкаст. Lab» и показан игровой исторический фильм «Союз

Спасения» (реж. Андрей Кравчук, 2019). «Россия-1» и «НТВ» не показывали дополнительный контент, относящийся к празднику. Телеканал «Россия-Культура» представил документальный фильм про икону Казанской Божьей матери («Царица небесная», реж. Наталья Сергеева, 2010). Телеканал «365 дней ТВ» вставил в эфир игровой фильм «Минин и Пожарский» (реж. Всеволод Пудовкин, Михаил Доллер, 1939). Телеканал «История» не менял привычную сетку вещания, вероятно, опираясь на то, что у них ежедневно присутствует исторический контент. Однако даже адаптация контента под отечественную историю в этот день не обнаружена.

Победа в Сталинградской битве. 2 февраля 2025 года (воскресенье) телеканалы не стали менять вещание выходного дня с учетом исторического события. Исключением стал телеканал «Россия-1», который презентовал новый документальный фильм «Сталинград» реж. Алексея Денисова (2025). В фильме использованы редкие архивные кадры, историческая хроника и большое количество комментариев экспертов-историков. Фильм поставили в эфир в 12:00, что позволило представить его большому количеству зрителей. В ночное время состоялся повтор.

Таблица 1

Количество часов документального исторического контента, связанного с памятной датой (вторая цифра — общее число смежного контента по теме)

Телеканал Дата	Первый канал	Россия-1	НТВ	Россия-Культура	История	365 дней ТВ
27.01.24	1,6 ч.	0,75 ч.	-	1,5 ч.	3 ч.	3,3 ч.
	5,75ч.	8,6 ч.	-	4,5 ч.	-	4,45 ч.
23.02.24	1,6 ч.	-	-	1,3ч.	24 ч.	2, 6 ч.
	11,4 ч.	9,75 ч.	18,25 ч.	10,1 ч.	-	8,25ч.
8.03.24	-	-	-	2,75 ч.	-	-
	11,4 ч.	10,75 ч.	15,3 ч.	1,35 ч.	22,5ч.	1ч.
12.04.24	1ч.	-	0,75 ч.	0,75 ч.	1ч.	1,5 ч.
	-	1,7 ч.	-	-	-	-
9.05.24	-	1ч.	-	2.25 ч.	24 ч.	21 ч.
	15,4 ч.	21,4 ч.	17, 75 ч.	8,5 ч.	-	3ч.
6.06.24	1 ч.	-	-	2 ч.	-	-
	-	2ч.	-	-	-	-
12.06.24	6 ч.	-	2,6 ч.	-	5,1 ч.	-
	9, 25 ч.	3,10 ч.	-	5 ч.	15,9 ч.	15,25 ч.
4.11.24	1.8ч.	-	-	0,5 ч.	-	-
	7,5 ч.	7,4ч.	-	3,3 ч.	-	2ч.
2.02.25	-	2ч.	-	-	-	-
	-	-	-	-	-	-

Заключение. В памятные дни вещание полностью перестраивается, а исторические фильмы получают более выгодные временные слоты. Однако преимущественно это касается игрового контента. Документальный исторический контент не используется в полную силу. Сегодня на телевидении он выполняет, скорее, образовательную, нежели пропагандистскую функцию, о которой говорят исследователи в рамках концепта «исторической памяти». На первый взгляд, контент такого рода формирует преимущественно культурную память, напоминая народу фрагменты отечественной истории, выполняя «комемморативную функцию».

Если мы обратим внимание не только на содержательное наполнение, но и на техническое оформление контента (с опорой на выразительные средства экрана, включающие визуал, звук, драматургию и монтаж), то сможем отметить, что все средства экранной выразительности в историческом документальном фильме также работают на формирование точки зрения зрителя, которая нередко является отражением тенденциозной позиции автора. В работах о событиях прошлого, большинство позиций воспринимаются в рамках классического исторического подхода. Установки, транслируемые с экрана, лишь укрепляют уже сложившиеся модели повествования (неприятие фашизма, гордость за Юрия Гагарина, уважение к борьбе за права женщин и т.д.). Однако если мы возьмем фильмы, снятые на более «молодые» исторические сюжеты, то здесь идеологическая тенденциозность, еще не вошедшая в разряд исторической константы, будет вызывает большую рефлексию зрителя. К таким фильмам можно отнести работы о событиях в Сирии и специальной военной операции. Однако именно в таких примерах исторический фильм выступает как действенный инструмент формирования исторической памяти.

К ведущим средствам выразительности в таких случаях относится монтаж, позволяющий выстроить синхроны героев так, чтобы выразить авторскую позицию без видимого присутствия автора на экране, а также закадровый текст, позволяющий автору акцентировать внимание на нужном материале. В целом, в рамках использования средств экранной выразительности контент выполнен классически: в докудрамах мы видим инсценировки высокого качества с привлечением известных актеров, в разговорных передачах привлечение экспертов-историков, фильмы расследования также соответствуют основным канонам жанра.

Расположение документального исторического контента в сетке вещания даже в памятные и знаменательные для истории страны даты не дает документальному контенту «работать» в полную силу. Контент, обладающий большим потенциалом в рамках образовательных, просветительских и формирующих историческое сознание функций, выходит в ночное время или ранним утром. Редкие случаи дневных показов — это премьеры фильмов, которые сняты по заказу каналов к конкретной дате ведущими журналистами — лицами канала (к примеру, работы Алексея Денисова на телеканалах группы ВГТРК). Документальный исторический фильм для формирования исторического сознания активно не используется, а воспринимается больше как дань историческому процессу, выполняя роль «праздничной открытки» или «памятной заставки» для предстоящего дня.

Игровой исторический контент выгоднее для вещателей с точки зрения эмоциональной вовлеченности. Набор экранных средств в этом случае шире, ярче, свободнее. Автор игрового контента на историческую тематику имеет право поступиться историческими деталями ради художественного замысла. В то время как миссия документалиста не перейти грань исторической правды и удержать внимание зрителей, работая исключительно в тех рамках, которые позволяет демонстрация исторического события на экране. Документальный исторический фильм сегодня преимущественно отдает дань памяти историческим событиям и их героям, теряя остальные функции (по причинам особенностей вещания и построения эфира). Безусловно, это умаляет потенциал жанра, способного формировать историческое сознание, создавать новые смыслы, вызывать рефлексию, образовывать и просвещать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Животова П. Историческое просвещение в медиапространстве. Какие направления и способы развития? / П. Животова // Российское историческое общество. — Режим доступа: https://historyrussia.org/sobytiya/istoricheskoe-prosveshchenie-v-mediaprostranstve-kakie-napravleniya-i-sposoby-razvitiya.html (дата обращения: 15.04.25).

2. Зверева В. В. История на ТВ: конструирование прошлого / В. В. Зверева // Отечественные записки. — 2004. — № 5 (20). — Режим доступа: https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/istoriya-na-tv-konstruirovanie-proshlogo.html (дата обращения: 15.04.25).

3. Малькова Л. Ю. ТВ: игры с документальной формой / Л. Ю. Малькова // Медиаскоп. — 2012. — № 3. — Режим доступа: https://www.mediascope.ru/node/1126 (дата обращения: 15.04.25).

4. Осипов С. В. Формирование исторической памяти: образ короля Георга VI в англо-американском кино и телевидении / С. В. Осипов // Исторический журнал: научные исследования. — 2019. — № 1. — С. 187-206.

5. Познин В. Ф. Исторический документальный фильм: эстетический аспект / В. Ф. Познин // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума. — СПб. — 2020. — № 2. — С. 121-122.

6. Парамонова Е. А. Телевидение как инструмент «публичной истории» и фактор сохранения исторической памяти / Е. А. Парамонова // Культурная память и культурная идентичность. — Екатеринбург. — 2016. — С. 134-137.

7. Харитонова Е. Г. Телевидение и кинематограф как информационные каналы формирования исторической памяти о политических репрессиях в СССР / Е. Г. Харитонова // Современная научная мысль. — 2018. — № 5. — С. 149-153.

8. Федеральный закон от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7640 (дата обращения: 15.04.25).

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Острижная П. А., аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики

Moscow State University named after. M. V. Lomonosov

Ostrizhnaya P. A., Postgraduate Student of the Department of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism

УДК 811.161.1

СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВУЮ АУДИТОРИЮ В ЛИСТОВКАХ ПЕТРОГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ (1918-1919 ГГ.)

Е. А. Ряжских, Д. А. Гостева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 июля 2025 г.

Аннотация: *в данной статье представлен комплексный анализ средств речевого воздействия на массовую аудиторию в агитационно-пропагандистских листовках большевиков, что позволит лучше понять, как формировалась агитационная и пропагандистская практика в условиях гражданского конфликта.*
Ключевые слова: *речевое воздействие, средства речевого воздействия, агитация, пропаганда, листовки периода Гражданской войны.*

Abstract: *the article presents a comprehensive analysis of the means of speech impact on the mass audience in the propaganda leaflets of the Bolsheviks. Consideration of this problem will allow for a deeper understanding of how agitation and propaganda practices were formed in the context of civil conflict.*
Keywords: *speech impact, means of speech impact, agitation, propaganda, leaflets of the Civil War period.*

Речевое воздействие — это «использование особенностей устройства и функционирования различных знаковых систем, и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения» [1]. В условиях современного политического противостояния важно понимать, как в прошлом, а именно в период войны, средства речевого воздействия использовались для влияния на массовые настроения. В период Гражданской войны 1917-1922 гг. агитационно-пропагандистские листовки большевиков, распространявшиеся в Петрограде, сыграли важную роль в формировании идеологических установок среди населения.

Объектом нашего исследования послужили тексты 69 листовок (1918-1919 гг.), изданных петроградскими большевиками, предметом — средства речевого воздействия, отмеченные в данных листовках.

Как показало наше исследование, воздействие на лексическом уровне осуществляется преимущественно с помощью метафор, пейоративной и мелиоративной лексики. На морфологическом уровне воздействие реализуется посредством употребления личных местоимений, которые формируют оппозицию «свой — чужой», а также служат инструментом создания приема интимизации. Воздействие на синтаксическом уровне характеризуется использованием предложений-призывов, фигуры прибавления, обращений, риторических вопросов, а также фигуры контраста.

Рассмотрим подробнее данные языковые средства.

© Ряжских Е. А., Гостева Д. А., 2025

Метафора — одно из наиболее сильных средств воздействия, которое направлено «не на сознание реципиента информации, а напротив, на его эмоции, блокирующие разум и заставляющие его импульсивно следовать логике автора» [2, 83].

Так, ***криминальные метафоры*** подчеркивают антигуманность и преступность действий идеологического противника, усиливают разделение на «своих» и «чужих»[1]; с их помощью реализуется и прием «навешивание ярлыков». Ярлык «“конденсирует” в себе отрицательный эмоциональный заряд, оказывающий мощное воздействие на восприятие читателя», дискредитирует «идеи, планы, личности», вызывает «чувство предубеждения, страха, ненависти» [4, 140]: «Питерский совет положил почин борьбе за мир, против войны, против *буржуазных убийц*» (Обращение политотдела Реввоенсовета Республики к трудящимся, 1919 г.); «Несколько месяцев назад под стенами Петрограда уже стояли *озверелые белые шайки*. *Вожаки белых банд* уже надеялись, что вот-вот возьмут Петроград» (Из листовки политотдела VII армии к красноармейцам Башкирской дивизии, сент. 1919 г.); «Уже не раз *шайка буржуев и помещиков* протягивала свои руки к красному Петрограду» (Воззвание политотдела VII армии к бойцам Петроградского фронта, 1919 г.) и др.

Зооморфные метафоры, так же как и криминальные, используются преимущественно для создания образа «чужих», являются средством реализации приема «навешивание ярлыков». Зоо-

[1] Категория «свой — чужой» «отражает бинарность мироустройства, членение на “свое” (признаваемое, одобряемое, безопасное) и “чужое” (отвергаемое, неодобряемое, враждебное)» [3, 48].

морфные метафоры принижают идеологического противника, рисуют его отталкивающий, вызывающий омерзение образ. Идеологических противников в листовках называют *сворой, паразитами, белогвардейским чудовищем* и др. Враги *тянут грязные щупальца*, *сплетаются в грязный, смрадный клубок*, *вьют змеиные гнезда* и т.п.: «В тот момент, когда белогвардейская *золотопогонная помещичья свора протягивала свои грязные щупальца* к самому Петербургу, губернская организация РКП(б) бросила клич всем коммунистам губернии» (Обращение IV Петроградской губернской конференции РКП(б) ко всем красноармейцам, красным морякам Балтийского флота и мобилизованным коммунистам, сражающимся на Петроградском фронте, 23 июля 1919 г.); «Это те же самые «левые» эсеры, которые *сплелись в один грязный, смрадный клубок* с белогвардейцами, правыми эсерами, французскими шпионами, финляндскими провокаторами» (Листовка Петроградского комитета РКП(б) по поводу попыток белогвардейцев взорвать водопровод, 1 апр. 1919 г.); «Да здравствует красный террор против всех *паразитов*!» (Обращение команды линейного корабля «Полтава» с призывом к беспощадной борьбе с контрреволюцией, нач. сентября 1918 г.); «Пустить в него хотя бы на несколько дней белую шайку, — значит ободрить заклятых врагов трудового народа, прилить новые силы *издыхающему белогвардейскому чудовищу*» (Воззвание политотдела VII армии к бойцам петроградского фронта, 1919 г.) и др.

Всему этому животному отталкивающему многообразию «чужих» противопоставлен образ «своих» — «боевых пролетарских орлов».

Орлы ассоциируются с силой, мужеством и высокими идеалами. В данном контексте использование этого образа подчеркивает величие и благородство пролетариата, а также его стремление к борьбе за свои права: «Революционный военный совет Балтийского флота призывает вас, *боевые пролетарские орлы*, тверже сомкнуть свои славные ряды и с новой силой и энергией броситься на врага» (Из листовки Реввоенсовета Балтийского флота о ликвидации мятежа на «Красной Горке», 22 июня 1919 г.).

Метафоры родства (*пролетарская семья, плоть от плоти* и др.) используются для создания образа «своих». В листовках метафора родства служит для идеализации государства, где все члены семьи помогают друг другу, избегая конфликтов и предательства: «Ответьте на этот вызов усиленной помощью *украинским братьям»* (Обращение Петроградского Совета профсоюзов с призывом о помощи украинским железнодорожникам, авг. 1918 г.); «Пусть железнодорожники Украины знают, что в решительную минуту мы с ними, как члены одной *пролетарской семьи»* (Там же); «Коммунисты — это *дружная семья* рабочих. Всей *семьей* вступайте в нашу партию» (Общеагитационная листовка Петроградского комитета РКП(б) в связи с «партийной неделей», авг. 1919 г.); «Красная армия есть *плоть от вашей же плоти*. Это армия рабочих и крестьян России» (Листовка к рабочим и крестьянам города Пскова и губернии с призывом к борьбе с белогвардейцами, окт. 1918 г.) и др.

Пейоративная лексика «участвует» в формировании соответствующего образа противников — «чужих» — как *мерзавцев, наймитов, прихлебателей, прихвостней, христопродавцев* и т.п. и формирует к ним резко отрицательное отношение, служит средством реализации приема «навешивание ярлыков»: «Но глупыми были бы эти *мерзавцы*, если бы не надеялись хоть на какую-либо возможность расширить пределы своей власти вплоть до Петрограда» (Обращение Петроградского комитета РКП(б) с призывом к борьбе с белогвардейскими бандами Юденича, 7 окт. 1919 г.); «Железнодорожники Украины вступили в решительную борьбу с германским империализмом и его украинско-кадетскими *прихлебателями»* (Обращение Петроградского совета профсоюзов с призывом о помощи украинским железнодорожникам, авг. 1918 г.); «Эту сказку распространяют черносотенцы и их *прихвостни»* (Обращение Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов о продовольственной помощи Петрограду, 31 мая 1918 г.) и др.

Мелиоративная лексика, наоборот, используется для положительной характеристики авторов политических сообщений или их сторонников, т.е. «своих». Мелиоративные лексемы представляют собой «улучшающие», «возвышающие» наименования, например: *славный борец, великий вождь* и т.п.: «За смертью нашего *славного борца* товарища Володарского последовала смерть борца за освобождение трудящихся масс товарища Урицкого» (Обращение команды линейного корабля «Полтава» с призывом к беспощадной борьбе с контрреволюцией, нач. сент. 1918 г.); «Товарищи, это будет наш полк, полк, который будет носить имя *великого мирового вождя* товарища Ленина» (Из листовки Новгородского губкома РКП(б) об организации коммунистического полка им. В. И. Ленина, сент. 1918 г.) и др. Возвышенная лексика воздействует на эмоциональную сферу реципиента, внушает чувство гордости, уверенности в правильности происходящего: «До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, *священным* долгом рабочих и крестьян России является *беззаветная* защита Республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии» (Из воззвания Совнаркома «Социалистическое Отечество в опасности!», 21 февр. 1918 г.).

Личные местоимения могут использоваться как для противопоставления «своих» и «чужих», так и для создания приема интимизации.

Противопоставление «они» и «мы» подчеркивает разделение на группы, выражает принадлежность к определенному сообществу. Такое четкое разделение существенно упрощает картину мира для реципиента: «*Они* убивают личности — *мы* убьем классы!» (Лозунги Петроградского комитета РКП(б) в связи с похоронами товарища Володарского, 22 июня 1918 г.); *«Мы* не хотим начинать войны. *Мы* не будем стрелять первыми. Но если хоть один финский белый солдат переступит *нашу* границу — горе финским буржуям. *Они* дорогой ценой заплатят за свой налет. *Они* ответят своими головами за все свои преступления и убийства» (Из листовки политотдела VII армии к красноармейцам башкирской дивизии, сент. 1919 г.) и др.

«Прием интимизации повествования представляет собой такое употребление языковых средств, в результате которого создается эффект доверительного общения автора с аудиторией. Для этого используется местоимение *мы* с размытым содержанием» [5, 178]. Местоимения «мы», «наш» способствуют формированию коллективной идентичности, создают общую цель и общего врага; местоимения «ты», «твой» употребляются в агитационно-пропагандистских текстах, направленных на индивидуальное убеждение: «*От нас,* трудящихся, зависит исход революции» (Обращение инициативной группы большевичек Нарвского района с призывом к организации женской боевой дружины, 28 февр. 1918 г.); «*Ты* стережешь красный Петроград от нападения с севера. *Ты* развязываешь руки красным полкам, бьющим Юденича» (Из листовки политотдела VII армии частям Карельского боевого участка, сент. 1919 г.) и др.

На синтаксическом уровне в листовках активно используются ***предложения-призывы***, которые служат для побуждения к действиям. Воздействующая сила побуждений (призывов) заключается в том, что они, как правило, преподносятся в краткой форме. Призыв направлен на выполнение действий, «способствующих достижению некоторых идеалов» или побуждение «адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы» [6, 171]. В листовках представлены призывы с различными языковыми маркерами: со стандартными грамматическими формами побуждения — 2-го л. ед. или мн. числа повелительного наклонения: *«Сливайтесь* немедленно в красные социалистические батальоны и *идите* победить или умереть!» (Воззвание Комитета революционной обороны Петрограда к рабочим и солдатам с призывом организовать отпор наступающим немецким войскам, 22 февр. 1918 г.); призывы, начинающиеся с предлогов *к, на, в* или *под*: «*Все на защиту. Все к оружию*» (Там же); призывы с формой *долой*!: «*Долой* правых эсеров, всаживающих нож в спину рабочим и крестьянам» (Из листовки Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 16 июня 1918 г.) и др.

На синтаксическом уровне также активно используется ***фигура прибавления (повтор)***. Она основывается на повторении звуков, слов или синтаксических конструкций, что помогает акцентировать внимание на ключевых идеях текста. Повторение имеет силу большего убеждения: мы склонны доверять информации, которая часто повторяется.

«*Не хочешь сам защищаться* — придут враги, оберут тебя до нитки, превратят в раба и силком заставят идти в солдаты.

Не хочешь защищать себя — заставят защищать капиталистов, русских и иноземных.

Не хочешь защищать революцию — заставят защищать контрреволюцию.

Не хочешь стать красноармейцем — заставят сделаться белогвардейцем» (Из общеагитационной листовки Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 25 авг. 1918 г.).

Цепочка однотипных бессоюзных предложений, объединенная при помощи параллелизма и анафоры, показывает читателям негативные последствия бездействия и нежелания защищать революцию. Синтаксический параллелизм создает яркое противопоставление красноармейцев и белогвардейцев. Фигура прибавления оказывает влияние на реципиента, побуждая его выбрать «правильную сторону».

«*Знайте*: в Гельсингфорсе вьют веревку, чтобы закинуть ее вокруг вашей шеи. *Знайте*: финляндская военщина и финская буржуазия готова вас продать. *Знайте*: за вашей спиной идут темные переговоры о том, чтобы вовлечь Финляндию в открытую войну против Советской России. *Знайте*: не сегодня-завтра финских солдат попытаются бросить против красного Петрограда» (Из воззвания Реввоенсовета VII армии к солдатам и народу Финляндии, 1919 г.).

Благодаря сочетанию анафоры и синтаксического параллелизма создается напряженный ритм повествования, который имитирует срочное донесение. Фигура прибавления направлена на устрашение аудитории и формирование чувства внешней угрозы.

Важную роль в листовках играют и ***обращения***. Обращения в тексте — это не просто способ привлечения внимания: они используются как при создании коммуникативной категории «свой — чужой», противопоставляя адресата другим, так и как средство интимизации, способствуя персонализации сообщения, подчеркивая близость и равенство между участниками коммуникации. Употребление обращений «товарищи», «братья», «все честные трудящиеся люди» и т.п., подчеркивает «равенство говорящего и слушающего в статусном отношении», объединяет их «в мире “своих”» [7, 79], формирует у людей чувство значимости и ответственности: *«Товарищи женщины-пролетарки!»* (Обращение инициативной группы большевичек Нарвского района с призывом

к организации женской боевой дружины, 28 февр. 1918 г.); «*Братья крестьяне!*» (Обращение Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов о продовольственной помощи Петрограду, 31 мая 1918 г.); «Вставайте, *рабочие, крестьяне, красноармейцы,* вставайте, *все честные трудящиеся люди*, на борьбу» (Из листовки Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 16 июня 1918 г.) и др.

Нельзя не отметить и роль ***риторических вопросов*** как средства речевого воздействия в листовках. Риторический вопрос отличается от обычного тем, что уже в поставленной формулировке предполагает ясный и очевидный ответ. «Риторические вопросы помогают направить ход мыслей читателя в нужном для автора направлении. <…> Эффективность риторического вопроса в том, что с его помощью можно ненавязчиво высказать свое мнение и подвести читателя к нужным выводам» [3, 70-71]. Воздействующая сила риторического вопроса заключается в его способности обращаться не к логике, а к чувствам аудитории. Он может выражать негодование, иронию или сомнение.

«*Защищаться или нет? Хотим ли грудью защищать нас самих, наших жен и детей, нашу власть, нашу волю, наши земли, наши фабрики, все наши революционные завоевания? Или добровольно положим голову на плаху, добровольно всунем шею в петлю, да собственными руками и затянем?*» (Из общеагитационной листовки Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов», 25 авг. 1918 г.) и др.

Риторические вопросы могут сочетаться с ответами-реакциями, которые внушают «правильный» ответ на заданные вопросы: «*Но, быть может, следует избирать так называемых «беспартийных»?* Ни в каком случае! *Что такое партия?* Это — передовой авангард класса» (Обращение красноармейской секции Петроградского комитета РКП(б) с призывом голосовать за большевиков при выборах в Петроградский совет, 29 мая 1918 г.) и др.

Представлена в листовках и ***фигура контраста (антитеза)*** — «прием резкого противопоставления предметов, понятий, положений, образов, состояний и т. п., нередко приводящий к новому смыслу, пониманию и новому, своеобразному стилистическому ощущению» [8, 241]. В контексте формирования категории «свой — чужой» контраст становится особенно значимым: он помогает не только различать «своих» и «чужих», но и противопоставлять две стороны — «друзей» и «врагов». Дополнительное усиление фигуры контраста достигается через фигуру повтора, особенно в форме синтаксического параллелизма. Когда противопоставление оформляется повторяющимися синтаксическими конструкциями, это создает ритмическую структуру, которая делает высказывание более запоминающимся и убедительным: «Пред вами две войны, две мобилизации. *Одна — священная война трудящихся за свободу, за социализм. Другая — поганая война капиталистов за гнет и порабощение*» (Из общеагитационной листовки Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов», 25 авг. 1918 г.); «*Коммунист* смотрит *вперед* — к *социализму*; *враги коммунистов* смотрят *назад* — к *капитализму*» (Общеагитационная листовка Петроградского комитета РКП(б) в связи с «партийной неделей», авг. 1919 г.) и др.

Таким образом, петроградские листовки периода Гражданской войны представляли собой тщательно выстроенную систему информирования населения и влияния на массовое сознание. Каждое языковое средство выполняло свою воздействующую функцию. Изучение средств речевого воздействия, особенно в контексте исторических материалов, может расширить наше представление о механизмах влияния на массовое сознание. Данная работа имеет значение для понимания агитационно-пропагандистского дискурса начала XX в. и открывает возможности для дальнейших исследований в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паршин П. Б. Речевое воздействие / П. Б. Паршин // Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия «Кругосвет». — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/node/38583 (дата обращения: 06.05.2025).
2. Молявина Е. А. Воздействующий потенциал метафоры и метонимии в политическом дискурсе / Е. А. Молявина // Вестник Московского архитектурно-строительного института. — 2023. — № 1. — С. 83-87.
3. Навасартян Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. … канд. филол. наук / Л. Г. Навасартян. — Саратов, 2017. — 172 с.
4. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. — М.: МедиаМир, 2008. — 244 с.
5. Ильичева Ю. А. Речевое манипулирование в политическом тексте / Ю. А. Ильичева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2013. — № 4. — С. 172-184.
6. Салихова Э. А. К вопросу о вербальной реализации призыва / Э. А. Салихова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 167-176.
7. Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. — М.: Либроком, 2009. — 256 с.
8. Корнилова Л. А. Структурно-функциональная характеристика антитезы (на материале английского и русского языков) / Л. А. Корнилова // Вестник ТГУ. — 2011. — № 5. — С. 241-244.

Воронежский государственный университет
Ряжских Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации
E-mail: kafedrastilistiki@yandex.ru

Гостева Д. А., выпускница факультета журналистики (специальность «Военная журналистика»)
E-mail: kafedrastilistiki@yandex.ru

Voronezh State University
Ryazhskikh E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Electronic Mass Media and Communication Department
E-mail: kafedrastilistiki@yandex.ru

Gosteva D. A., Graduate of the Faculty of Journalism (Specialty «Military Journalism»)
E-mail: kafedrastilistiki@yandex.ru

УДК 654.197

ФУНКЦИОНАЛ ТЕЛЕВИЗИОННОГО РЕДАКТОРА В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОГРАММЕ

А. А. Слободянюк

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 18 апреля 2025 г.

Аннотация: *в статье представлены результаты исследования структуры редакторского отдела в информационном вещании федеральных российских телеканалов — Первого канала, «России 1» и НТВ. Методами включенного наблюдения и экспертного интервью автором выявлен непосредственный функционал современного редактора телевизионных новостей.*
Ключевые слова: *телевидение, российские федеральные телеканалы, информационная программа, редакция, редактор.*

Abstract: *the article presents the results of a study of the overall structure of the editorial department in the information broadcasting of federal Russian TV channels — Channel One, «Rossiya 1» and NTV. Using methods of participant observation and expert interviews, the author identified the immediate functionality of a modern television news editor.*
Keywords: *television, Russian federal TV channels, news program, editorial office, editor.*

Редактор как универсальный специалист. Современные коммуникационные инструменты деформировали рутинные процессы редакций, что внесло изменения в сложившийся стандарт различных профессий, а также потребовало выполнения новых задач и появления новых должностей. В том числе модернизируется профессия редактора, который играет главнейшую роль в обеспечении работы информационной телевизионной редакции.

Тесная связь телевидения с предшественниками — радио и неигровым кино — объясняет специфику сформировавшихся специальностей: «Телевидение — дитя радио и кино. От радио оно унаследовало организационную, финансовую основу, принципы формирования программ, от кино — его язык и творческие основы создания телепередач» [1, 9]. Такая характеристика, данная советским ученым Э. Г. Багировым, определяет и основные черты, присущие профессии современного телевизионного редактора: прагматичность, коммуникабельность и креативность. При этом, по замечанию медиаисследователя И. Н. Кемарской, долгое время профессия редактора не относилась к роду творческих ввиду того, что креативный аспект в деятельности данного специалиста не был признан. Однако положение дел изменилось: «в ходе развития внутрицехового разделения труда редактор все чаще брал на себя значительную долю сценариста-драматурга» [2, 4]. Сегодня споров о творческой составляющей профессии редактора нет: главная причина — универсальность, предполагающая умение этого специалиста найти креативное решение любого вопроса. Шаблонизированность действий невозможна по причине постоянно изменяющейся информационной повестки, обработка которой требует творческого подхода.

Уже упомянутое качество универсальности предполагает знание всех процессов редакции, чем и владеет грамотный редактор, потому такая характеристика «награждает» этого специалиста широким функционалом. Медиаисследователь доцент МГУ О. В. Тихонова отмечает: «Телевизионный редактор — это универсальный специалист, который одновременно выполняет функции автора сценария программы, продюсера, режиссера монтажа; отвечает за съемочный процесс и передачу в целом; участвует во всех этапах телепроизводства» [3, 128]. Таким образом, редактор всегда находится «над» процессами продакшен и постпродакшен, координируя работу на всех ее этапах.

Исходя из этой специфики, исследователи профессии сформулировали еще в 2000-х гг. неизменный ряд требований к профессиональной характеристике редактора. Во-первых, это филологическая подкованность: владение русским языком в совершенстве, как минимум базовое знание иностранных языков, общая начитанность и умение быстро думать (*fast-thinkers*) [4, 44]. Во-вторых, так называемое редакторское «чутье» [5, 32]: редактор службы информации должен уметь определять степень важности информационных поводов, отдельных новостей, видеофайлов, поступающих в редакцию. Иметь профессиональный навык работать с текстом автора: не переписывать его за корреспондента, а «будить авторское воображение» [5, 16]. В-третьих, он

© Слободянюк А. А., 2025

должен обладать высокой цифровой грамотностью: ориентироваться в российском и зарубежном информационном пространстве, изучать контент различных СМИ, социальных сетей, сайты правительственных организаций; проверять достоверность поступающей информации путем выхода на первоисточник. Непосредственная обязанность редактора заключается в конструировании на телеэкране «картины» мира с помощью видеоряда, интершума (документального звука), закадрового текста и программы монтажа, то есть демонстрации материала таким образом, чтобы у зрителя сложилось целостное представление о каком-либо событии.

Цель и методика исследования. Совокупность указанных требований к профессии редактора в современных информационных программах указывает на необходимость нишевого разграничения функциональных обязанностей этого специалиста. Так, штат редакции новостей помимо широко известной профессии шеф-редактора, как правило, составляют его подчиненные — выпускающий редактор, редактор-райтер, редактор видеоотдела, редактор титров (титр — это графическое пояснение личности говорящего (имя, фамилия, должность), указывается на плашке в нижней трети экрана), редактор бегущей новостной строки и др. Информационная редакция каждого телеканала имеет свою корпоративную культуру, предполагающую определенный цикл производства журналистских материалов и, соответственно, конкретных специалистов, задействованных в данном телевизионном процессе. В рамках текущего исследования сосредоточимся на изучении структуры редакторского отдела федеральных телеканалов «большой тройки» — Первого канала, «России 1» и НТВ. Ведущими методами исследования стали включенное наблюдение автора статьи как действующего старшего редактора Дирекции информационных программ Первого канала и экспертное интервью с шеф-редакторами программ — «Вести. Москва» телеканала «Россия 1» Анастасией Постниковой и «Сегодня» телеканала НТВ Ингой Кубай.

Специализации редактора новостей Первого канала. Понятие «редакторский отдел», упомянутое нами ранее, существует далеко не во всех телевизионных редакциях, что связано с особенностями выстраивания производственного процесса. К примеру, в Дирекции информационных программ Первого канала, как отмечает исследователь Н. Р. Искандарова, такой отдел существует и носит название «Редакторы службы эфира» [6, 50]. Отдел состоит из специалистов, занятых в работе на все эфиры информационных программ («Новости», «Вечерние новости», «Время»), т.е. нет закрепленности редакторов за одним конкретным выпуском новостей, что во многом отличает данный отдел от эфирной бригады, в которую входят шеф-редактор, выпускающий редактор, редакторы-райтеры, редактор титров и режиссер, ассистенты режиссера и звукорежиссер. Обязанности редакторов службы эфира достаточно широки, но в целом сосредоточены на производстве авторских материалов. По сути, такого редактора можно назвать универсальным, поскольку его функционал охватывает весь производственный цикл — от взаимодействия с корреспондентом на выездной съемке до оперативных сообщений в эфирную аппаратную о степени готовности материала корреспондента.

Итак, среди основных обязанностей редактора информационной службы эфира Первого канала выделим следующие:

- вычитка поступающих текстов корреспондентов из российских регионов или других стран, т.е. на удалении;
- поиск информации по заданной теме, как правило в помощь корреспонденту на удалении;
- подбор аудиовизуального ряда для репортажей или коротких информационных заметок;
- подбор синхронов — фрагментов интервью экспертов, очевидцев — для коротких информационных заметок или репортажей корреспондентов на удалении;
- формулировка технического задания для сторонних отделов (например, отдела графики) при создании авторских материалов;
- оказание помощи режиссеру монтажа в сборке репортажей (внимательно следить за расстановкой синхронов и закадрового текста, за отсутствием повтора планов, микропланов (микроплан — брак при видеомонтаже, при котором во время смены одного плана другим возникает короткий план) и «черных полей» и т.д.);
- помощь редактору титров в указании ссылок на первоисточники видеофайлов.

На расширении функционала профессии сказался и сложный период пандемии: новой обязанностью редактора стала запись интервью с экспертами при помощи различных платформ для проведения видеоконференций. Кроме того, некоторые редакторы службы эфира могут выступать автором материалов: например, писать короткие информационные заметки (информационный жанр тележурналистики, лаконичное оперативное сообщение о социально значимом событии) или тексты сюжетов, не выезжая на съемки. Следовательно, такой редактор должен уметь выполнять и корреспондентскую работу, в которую входит в том числе озвучание собственного материала.

При этом функционал редакторов, прикрепленных к эфирным бригадам, ограничен конкретным выпуском новостей, т.е. райтер пишет тексты коротких информационных заметок, которые читает ведущий в студии; выпускающий редактор следит за соблюдением хронометража выпуска; редактор титров создает, проверяет и выдает в прямой эфир титры на человека в кадре, источники видеофайлов, а так-

же геолокации съемок; редактор новостной бегущей строки следит за соответствием текста, зафиксированного в верстке, тексту, выдаваемому во время эфира в нижней части экрана; редактор видеоотдела следит за поступлением из иностранных информационных агентств видеофайлов, а также помогает с поиском видеоряда по запросу шеф-редактора.

Специфика работы редактора новостных программ телеканала «Россия 1». Иная специфика работы коллектива телеканала «Россия 1»: по словам шеф-редактора программы «Вести. Москва» Анастасии Постниковой, в редакции отсутствует самостоятельный отдел редакторов, каждый из специалистов прикреплен к определенной эфирной бригаде. Данная особенность свойственна всей Дирекции информационных программ «Вести»: «В бригаде, в среднем, четыре редактора-райтера. Это те, кто обрабатывает информацию с агентств; отсматривает видео для написания текстов, которые будет читать ведущий; выбирает синхроны и лайфы из видеофайлов, приходящих в редакцию от пресс-служб, других телеканалов, съемочных групп, которые выезжали на место без корреспондента» (из личного интервью с шеф-редактором программы «Вести. Москва» телеканала «Россия 1» Анастасией Постниковой).

Особенность редактора-райтера программы «Вести. Москва» заключается в его универсальности. Этот специалист не только выполняет описанный ранее круг обязанностей, но также может в качестве продюсера искать инфоповоды, контакты, собирать репортажи из отправленных в редакцию видеоматериалов. Под словом «собирать» подразумевается помощь редактора в процессе выбора синхронов, режиссер монтажа работает самостоятельно, однако «если критически важно, чтобы определенная картинка попала на конкретные слова, — редактор присутствует и на монтаже» (из личного интервью с шеф-редактором программы «Вести. Москва» телеканала «Россия 1» Анастасией Постниковой). В нестандартных ситуациях, когда корреспонденту на выездной съемке физически не хватает времени, чтобы подготовить репортаж к эфиру, на помощь вновь приходят редакторы: райтер отсматривает отснятый видеоматериал и выбирает синхроны, отмечая тайм-коды (система для маркировки и отслеживания отдельных кадров или моментов в видеоэпизоде, выраженная в часах, минутах и секундах) для режиссера монтажа; шеф-редактор помогает с поиском информации, поступающей из разных источников, выстраивает логику содержания текста, в редких случаях даже прописывает целые абзацы текста репортажа (в частности, речь идет о ситуациях, когда надо упомянуть архивные, статистические данные, которые корреспонденту в условиях ограниченного времени собрать на месте сложно).

Как и в Дирекции информационных программ Первого канала, редактор титров и редактор бегущей строки новостных программ канала «Россия 1» имеют строго ограниченный функционал, который предполагает непосредственную работу во время прямого эфира. Однако отметим, что роль классического выпускающего редактора выполняет так называемый «эфирный продюсер» (термин, упомянутый в личном интервью шеф-редактором программы «Вести. Москва» телеканала «Россия 1» Анастасией Постниковой), который не только следит за соблюдением хронометража выпуска, но и координирует всех участников производственного процесса, следит за своевременной готовностью эфирных журналистских материалов.

Редакторский функционал в программе «Сегодня» телеканала НТВ. Отдел редакторов, самостоятельно функционирующий в Дирекции информационных программ Первого канала, на телеканале НТВ, как и на телеканале «Россия 1», отсутствует. По словам шеф-редактора информационной службы НТВ Инги Кубай, каждая бригада, состоящая из ведущего, шеф-редактора, выпускающего редактора, редакторов-райтеров, редактора титров и телесуфлера, а также режиссерской группы, закреплена за определенными эфирами. К примеру, бригада под руководством И. Кубай несет ответственность за утренние выпуски программы «Сегодня», предполагающую выход в эфир в 6:00, 8:00, 9:00 и 10:00 по московскому времени.

В процессе работы шеф-редактор программы «Сегодня» обычно взаимодействует с четырьмя подразделениями: отделом планирования (координация работы съемочных групп, определяют даты выхода подготовленных заранее авторских материалов), отделом продюсеров (поиск информационных поводов и разработка с корреспондентами тем), редакцией спецпроектов (производство материалов, требующих большого количества времени) и непосредственно с отделом выпуска новостей (т.е. со своей бригадой).

Как и в редакции «Вести. Москва», в команде программы «Сегодня» редактор-райтер является универсальным специалистом. В бригаде И. Кубай на данный момент работает пять таких журналистов: «они пишут тексты ведущему, отсматривают все имеющиеся видеоматериалы (а часто и сами их ищут), выбирают синхроны и лайфы, пишут подводки (текст, предваряющий авторский материал, который ведущий произносит в кадре) к сюжетам. У редакторов есть негласное распределение ролей, несмотря на то, что все являются “универсальными бойцами”. Как правило, есть редактор-международник (человек, хорошо знающий английский, а в идеале еще один-два языка, и глубоко погруженный в международную повестку), иногда имеется редактор пула (занимается темами, связанными с первыми лицами государства; соответственно, хорошо знающий эту повестку) и несколько

универсальных редакторов» (из личного интервью с шеф-редактором программы «Сегодня» телеканала НТВ Ингой Кубай). В бригаде также может присутствовать редактор, отвечающий за тему культуры, или редактор, занимающийся исключительно выбором синхронов, сокращением готовых авторских материалов (репортажей), но при этом не пишущий темы самостоятельно.

Помощь корреспонденту, ведущему подготовку сюжета или репортажа для эфира в условиях ограниченного времени или по естественным причинам не имеющему возможности присутствовать в московской редакции (например, служба на корреспондентском пункте), как правило, оказывается со стороны продюсерского отдела. По словам И. Кубай, редакторы отдела выпуска новостей не имеют достаточного времени на сборку репортажей. Продюсер «договаривается с технической координацией о приеме материала, обсуждает все детали с корреспондентом (где какие синхроны должны быть, есть ли какие-то четкие пожелания по видео) и полностью контролирует монтаж» (из личного интервью с шеф-редактором программы «Сегодня» телеканала НТВ Ингой Кубай). В исключительных случаях, когда позволяет время, такая практика свойственна функционалу редактора эфирной бригады.

Тем не менее корреспондент не остается без поддержки со стороны шеф-редактора: как и в редакциях информационных программ Первого канала и телеканала «Россия 1», шеф-редактор новостной программы НТВ координирует работу корреспондента на месте — обсуждает структуру будущего материала, дает практические советы и высказывает свои пожелания по вопросу содержания репортажа.

Заключение. Универсальность в условиях цифровизации присуща многим работникам медиаотрасли. Однако, как показывает современная практика, именно профессия редактора телевизионной службы новостей способна вместить в себя должностные обязанности практически всех сотрудников редакции. Нередко редакторы конкретного информационного выпуска выполняют функции продюсера (как в программах Первого канала, телеканалов «Россия 1» и НТВ) или, например, корреспондента, создавая текст репортажа (практика, часто применяемая в Дирекции информационных программ Первого канала).

Интересная тенденция наблюдается и в процессе работы с авторскими материалами: редакторы службы эфира Первого канала в основном нацелены на взаимодействие с корреспондентами, оказывая им разнообразную помощь при создании репортажей — от сбора информации и вычитки текста до монтажа; в то время как на телеканалах «Россия 1» и НТВ подобная практика присутствует редко, и корреспонденты этих редакций в основном работают самостоятельно.

В редакциях всех трех исследуемых телеканалов редакторы входят в состав новостных бригад, закрепленных за определенными эфирами, где выполняют различные задачи: составляют верстку выпуска и вычитывают тексты (шеф-редактор); следят за соблюдением хронометража выпуска и готовностью материалов (выпускающий редактор — на Первом канале и НТВ; эфирный продюсер — на «России 1»); пишут тексты информационных заметок или подводок к авторским материалам (редактор-райтер); создают титры на спикеров, указывают источники материала или обозначают геолокацию съемки и выдают их в эфир (редактор титров); корректируют тексты информационных заметок, подводок, репортажей и запускают их в бегущую строку (редактор бегущей строки). В редакции программы «Сегодня» телеканала НТВ редактор суфлера контролирует работу дисплея, отображающего текст, читаемый ведущим в студии во время прямого эфира.

Редактор-райтер в информационных программах телеканалов «Россия 1» и НТВ — универсальный специалист, выполняющий обширный круг задач, однако в новостях Первого канала этот профессионал исполняет исключительно обязанность по написанию текстов для ведущего. Характеристика «универсальный специалист» в Дирекции информационных программ телеканала больше соответствует редакторам службы эфира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багиров Э. Г. Телевидение как средство массовой информации и художественная культура / Э. Г. Багиров // Проблемы телевидения. — М., 1976.

2. Кемарская И. Н. Функции телевизионного редактора в современных условиях / И. Н. Кемарская. — М., 2006.

3. Тихонова О. В. Телевизионный редактор: специфика профессии / О. В. Тихонова // Актуальные проблемы медиаисследований — 2015. — М., 2015.

4. Бурдье П. О телевидении и журналистике / П. О. Бурдье. — М., 2002.

5. Кемарская И. Н. Телевизионный редактор / И. Н. Кемарская. — М., 2007.

6. Искандарова Н. Р. Критерии отбора и редактирования материалов для информационных выпусков Первого канала / Н. Р. Искандарова. — М., 2010.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Слободянюк А. А., аспирант
E-mail: staserl757@mail.ru

Lomonosov Moscow State University
Slobodyanyuk A. A., Postgraduate Student
E-mail: staserl757@mail.ru

УДК 070.49

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КОММУНИКАТОРОВ В XXI ВЕКЕ

Н. С. Смотров

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 марта 2025 г.

Аннотация: *в статье анализируется роль научных коммуникаторов в условиях цифровой трансформации, ключевые профессиональные компетенции и современные образовательные практики в этой области.*
Ключевые слова: *научная коммуникация, популяризация науки, медиаграмотность, образовательные программы, цифровая трансформация, профессиональные компетенции, междисциплинарность.*

Abstract: *the he article examines the evolution of the science communicator's role in the context of digital transformation, analyzing key professional competencies and contemporary educational practices in this field.*
Keywords: *science communication, science popularization, media literacy, educational programs, digital transformation, professional competencies, interdisciplinarity.*

Введение. Научные коммуникаторы выступают посредниками между исследователями, обществом, медиа и государством. Они обеспечивают прозрачность научного процесса и укрепляют доверие к науке. Их деятельность охватывает не только популяризацию, но и борьбу с дезинформацией, организацию диалога между наукой и обществом, а также адаптацию научного контента для разных аудиторией — от школьников до политиков.

Актуальность проблемы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, глобальные вызовы, такие как, например, пандемия COVID-19, доказали важность роли оперативной и достоверной научной коммуникации. Во-вторых, цифровая трансформация медиапространства требует новых навыков — от работы с социальными сетями до создания интерактивного контента. В-третьих, в России, несмотря на растущий интерес к научному популяризаторству, системная подготовка научных коммуникаторов остается фрагментарной, уступая зарубежным аналогам (например, AAAS в США или EUPRIO в Европе).

Для оценки роли современных научных коммуникаторов, ключевых компетенций профессии, современных образовательных моделей в работе используются методы сравнительного анализа (на примере российских и международных практик), а также кейс-стади успешных проектов (например, «Курилка Гутенберга» или Nature SciComm). Особое внимание уделяется сочетанию научной грамотности, журналистики и digital-навыков.

Роль научных коммуникаторов в XXI веке. Сегодня научные коммуникаторы являются не просто «переводчиками» с языка науки на общедоступный — их функции значительно расширились под влиянием технологических и социальных изменений. Если в прошлом веке основным каналом коммуникации были СМИ, печатные издания, радио и ТВ, то теперь доминируют цифровые платформы, требующие новых форматов и стратегий.

Преодоление «разрыва» между научным сообществом и аудиторией включает в себя:

- адаптацию контента под разные уровни подготовки (например, объяснение квантовой механики для школьников и для предпринимателей в сфере DeppTech [1]);
- управление ожиданиями: объяснение, что наука — не «магия», а процесс с ошибками и повторениями (например, можно отследить на официальном сайте ВОЗ дискуссию об эффективности вакцин [2]);
- обратную связь: ученые получают от коммуникаторов данные о запросах общества, что влияет на приоритеты исследований (яркий тому пример — активное развитие гражданской науки [3]).

Пандемия COVID-19 показала, что скорость распространения фейков опережает реакцию научного сообщества. Коммуникаторы решают эту проблему (борьбы с дезинформацией) несколькими путями, например: превентивным просвещением, разбором тех или иных мифов до появления самой кризисной ситуации или с помощью обучения аудитории проверке источников. Ну и наконец, научные коммуникаторы публикуются на различных платформах, где продвигают экспертный контент (YouTube-каналы Александра Панчина, Veritasium, Станислава Дробышевского, Big Think, Владимира Сурдина, Crash Course и др.). Помимо этого коммуникаторы участвуют в формировании научной повестки, выступая консультантами или советниками для различного рода государственных структур, корпораций, НКО и так далее.

На их пути стоят и новые вызовы. Остается актуальным вопрос этики. Важно соблюдать баланс между упрощением и искажением фактов (напри-

© Смотров Н. С., 2025

мер, кейс о кликбейтности заголовков о «лекарстве от рака» [4]). Сохраняется необходимость учитывать динамику и различие тех или иных платформ (уметь работать и с подкастами, и с видео, и с текстом, разбираться в мемах), при этом не теряя научной строгости. Актуальным вызовом для России остается координация международных команд и программ для оперативного реагирования.

Ключевые компетенции научного коммуникатора. Научный коммуникатор сегодня должен обладать уникальным сочетанием профессиональных навыков, позволяющим эффективно выполнять свою работу в условиях быстро меняющегося информационного ландшафта. На первый план выходит способность к адаптации и постоянному обучению, поскольку технологии и форматы коммуникации развиваются стремительными темпами. Основой деятельности становится глубокая научная грамотность: не просто понимание конкретной предметной области, но и осознание принципов научного метода, особенностей верификации знаний и границ научного познания. Это позволяет избежать излишних упрощений, ведущих к искажению смысла, и грамотно интерпретировать те или иные научные данные для разных аудиторий. Не менее важным является владение мультимедийными технологиями и цифровыми инструментами. Коммуникатор должен уметь создавать контент в различных форматах: от традиционных текстовых материалов до видеороликов, подкастов, инфографики и интерактивных проектов. При этом ключевое значение приобретает не техническое совершенство, а способность выбирать оптимальный формат для конкретной аудитории и коммуникативной задачи. Особенно важно умение работать с социальными сетями, потому что именно в них требуется не только создание качественного контента, но и понимание алгоритмов распространения публикаций, особенностей вовлечения аудитории и управления сообществами. Конечно же, особенно важной компетенцией становится медиаграмотность и умение проводить качественный фактчекинг. Среди информационного шума коммуникатор должен уметь оперативно находить достоверные источники. Он должен уметь проверять данные и противостоять дезинформации. Конечно, это предполагает владение специальными инструментами верификации, понимания принципов работы современных медиа и знание типичных приемов манипуляции информацией. Одновременно развивается и упомянутая выше этическая составляющая профессии — осознание ответственности за достоверность публикуемой информации и последствия ее распространения.

В особую группу хотелось бы выделить так называемые мягкие навыки. Без них невозможно эффективно взаимодействовать с различными аудиториями. К ним следует отнести: эмоциональный интеллект (коммуникатору нужно уметь чувствовать запросы и особенности восприятия разных групп), навыки публичных выступлений и презентаций, способность к эмпатии и установлению доверительных отношений. Важное значение имеет межкультурная компетентность, особенно для коммуникаторов, работающих в международных проектах или с разнообразной аудиторией. Развитие этих навыков требует постоянной практики и рефлексии, поскольку они не могут быть освоены только теоретически.

Профессиональное сообщество осознает и необходимость умения управлять проектами и уметь стратегически мыслить. Это обусловлено тем, что современные проекты часто требуют координации работы междисциплинарных команд, управления ресурсами, разработки долгосрочных стратегий коммуникации и оценки их эффективности. Это делает из научного коммуникатора полноценного менеджера коммуникационных процессов, способного не только создавать контент, но и выстраивать комплексные системы взаимодействия между наукой и обществом [5-6].

Образовательные программы и вызовы. Современные образовательные программы для научных коммуникаторов сталкиваются с необходимостью балансировать между фундаментальной подготовкой и быстрой адаптацией к изменяющимся требованиям цифровой эпохи. Анализ существующих программ в России и за рубежом показывает значительный разрыв между традиционными академическими подходами и реальными потребностями профессии. В европейских странах и США уже сформировалась система многоуровневой подготовки, включая бакалаврские программы по научной журналистике, магистратуры — по научной коммуникации и краткосрочные курсы повышения квалификации для действующих ученых. Особого внимания заслуживает опыт таких университетов, как Лейденский (Нидерланды) с его программой «Научная коммуникация и общество» (Science Communication and Society) или австралийского ANU, где упор делается на практико-ориентированное обучение через реальные медиапроекты [7].

Российская система образования в этой области находится на стадии формирования, демонстрируя как перспективные инициативы, так и очевидные пробелы. Пионером стала магистерская программа «Научная коммуникация» в НИУ ВШЭ, сочетающая теоретические основы науковедения с практическими модулями по работе с медиа. Однако большинство российских вузов пока ограничиваются отдельными курсами в рамках журналистского или естественнонаучного образования, при этом не предлагая никакой комплексной подготовки. Серьезным препятствием становится нехватка квалифицированных преподавателей с опытом реальной работы в научной коммуникации, что приводит к преобладанию теоретических подходов над практическими навыками.

А если учитывать массовую цифровизацию, то с уверенностью можно сказать, что сегодня образование открывает новые возможности посред-

ством онлайн-курсов, микростепеней, позволяющих гибко комбинировать модули из разных дисциплин. Показателен успех международных платформ вроде Coursera, где представлены специализации от ведущих университетов, или инициатив типа «Научный корреспондент» в России. Они сочетают онлайн-обучение с менторской поддержкой. Конечно, эти форматы сталкиваются с проблемой верификации знаний и отсутствием единых стандартов качества. Но особую сложность все-таки представляет оценка эффективности образовательных программ: если технические навыки относительно просто проверить, то такие компетенции, как научное мышление или способность к этической рефлексии, требуют разработки специальных оценочных инструментов. Перспективным же направлением становится развитие программ так называемого непрерывного образования. Научная коммуникация как область знаний имеет тенденцию изменяться слишком быстро, чтобы ограничиваться формальным дипломным образованием. В этом контексте ценным опытом могут стать корпоративные учебные программы научных организаций (например, «Академия Росатома» или образовательные инициативы Сколтеха), а также международные сетевые проекты типа ENJOI (журналистские инновации для выдающейся открытой научной коммуникации). Они сочетают в себе обучение с обретением полезных связей (нетворкингом). Особое внимание заслуживают программы «обучения через исследования» [8], где студенты сразу включаются в реальные проекты научной коммуникации под руководством опытных наставников.

Говоря о вызовах, следует отметить главный. Это необходимость в образовательных программах междисциплинарного подхода, который бы органично сочетал естественно-научную, гуманитарную и цифровые составляющие. Традиционное разделение на «физиков» и «лириков» в подготовке научных коммуникаторов оказывается контрпродуктивным. Современный специалист должен одинаково уверенно чувствовать себя и в лаборатории, и в медиапространстве. Решение этой задачи требует не просто механического объединения дисциплин, а разработки принципиально новых образовательных траекторий, где научная методология, коммуникативные технологии и цифровые инструменты образуют единый комплекс знаний и навыков.

Заключение. Современные вызовы — от борьбы с дезинформацией до необходимости оперативного реагирования на глобальные кризисы — требуют переосмысления традиционных подходов к подготовке специалистов в этой области. Трендом становится переход от линейной модели «перевода» научных знаний к комплексному управлению коммуникационными процессами, которые включают в себя анализ аудитории, выбор оптимальных форматов и оценку воздействия. Особую значимость приобретает этическая составляющая профессии, поскольку искажение научных данных или их необдуманная популяризация может иметь далекоидущие социальные последствия. Российская система научной коммуникации, демонстрируя отдельные успешные кейсы, пока остается в формировании целостной образовательной экосистемы, что особенно заметно на фоне лучших международных практик. Перспективы развития профессии связаны с преодолением междисциплинарных барьеров, внедрением гибких моделей непрерывного образования и созданием эффективных механизмов взаимодействия между академической средой, медиаиндустрией и государственными институтами. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку объективных критериев оценки эффективности научной коммуникации и создание прогностических моделей, учитывающих стремительные изменения медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. National Academies of Sciences. Communicating Science Effectively. — Режим доступа: https://nap.nationalacademies.org/catalog/23674 (дата обращения: 28.03.2025).

2. Отчеты ВОЗ по борьбе с инфодемией. — Режим доступа: https://www.who.int/teams/epi-win (дата обращения: 28.03.2025).

3. Bonney R. Citizen Science: A Developing Tool for Expanding Science Knowledge / R. Bonney et al. // Science Education. — 2009. — Vol. 93. — P. 1-12.

4. Sumner P. Exaggerations and Caveats in Press Releases / P. Sumner et al. // BMJ. — 2016. — Vol. 352.

5. Профессиональные компетенции специалиста по коммуникациям XXI века: коллективная монография / под ред. А. Д. Кривоносова. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2021. — 227 с.

6. Baram-Tsabari A. An Instrument for Assessing Scientists' Written Skills in Public Communication of Science / A. Baram-Tsabari, B. V. Lewenstein // Science Communication. — 2013. — Vol. 35. — № 1. — P. 56-85.

7. Davies S. R. The landscape of European science communication / S. R. Davies et al. — Journal of Science Communication. — 2021. — 20 (03), A01.

8. Constantinou C. What Is Inquiry-Based Science Teaching and Learning? / C. Constantinou, O. Tsivitanidou, E. Rybska // Professional Development for Inquiry-Based Science Teaching and Learning. — 2018.

Воронежский государственный университет
Смотров Н. С., аспирант факультета журналистики
E-mail: nikita.smotrov@ya.ru

Voronezh State University
Smotrov N. S., Postgraduate Student of the Journalism Faculty
E-mail: nikita.smotrov@ya.ru

УДК 811.161.1'37

АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТЕЙ

Тянь Цзихань

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 25 мая 2025 г.

Аннотация: *данная статья посвящена анализу интертекстуальности как ключевой характеристики новостного дискурса, особенно в контексте англоязычных газетных заголовков. На основе классификации основных форм конкретной и жанровой интертекстуальности в заголовках доказывается, что интертекстуальные элементы — такие как цитаты, аллюзии, пародии и стилистические смешения — не только усиливают когезию текста, но и способствуют выражению идеологических установок и манипуляции восприятием аудитории.*
Ключевые слова: *интертекстуальность, заголовки, англоязычные новости.*

Abstract: *this article is devoted to the analysis of intertextuality as a key characteristic of news discourse, with particular emphasis on English-language newspaper headlines. Based on a classification of the main forms of specific and generic intertextuality in headlines, the study demonstrates that intertextual elements — such as quotations, allusions, parody, and stylistic blending — not only enhance textual cohesion but also contribute to the expression of ideological stances and the manipulation of audience perception.*
Keywords: *intertextuality, headlines, English-language news.*

Интертекстуальность является одной из ключевых характеристик новостного дискурса, а ее теория широко применяется в критическом анализе новостных текстов. Несмотря на то что заголовок является важной частью англоязычного новостного дискурса, существующих исследований, посвященных его интертекстуальному анализу, крайне мало. Основываясь на описании основных проявлений интертекстуальности в заголовках английских новостных текстов, а также на анализе взаимосвязи интертекстуальности и функций заголовков с прагматической точки зрения, автор приходит к выводу, что интертекстуальность способствует более эффективной реализации коммуникативной функции новостного дискурса за счет усиления когезии заголовка.

Интертекстуальность происходит от латинского Intertexto, что означает «переплетать, смешивая». В конце 1960-х годов Ю. Кристева [1] впервые ввела термин «интертекстуальность» в своих ранних работах. В 1980 году она указала, что «конструирование любого текста представляет собой мозаику цитат; каждый текст впитывает и трансформирует другой» [2]. Согласно ее концепции интертекстуальности, в тексте существуют две оси: горизонтальная и вертикальная. Первая соединяет автора и читателя одного и того же текста, в то время как вторая устанавливает связь между данным текстом и другими текстами. Эти две оси связаны посредством общих кодов. Дискурс является взаимосвязанным и взаимозависимым, формируя бесконечную открытую сеть.

© Тянь Цзихань, 2025

Теория интертекстуальности развилась из концепции диалогичности М. Бахтина [3]. Благодаря дальнейшему развитию и уточнению со стороны Р. Барта [4], Ж. Жене [5] и других ученых данная теория постепенно обрела завершенность и стала важной текстологической концепцией в рамках западного постмодернизма.

Долгое время исследования интертекстуальности ограничивались литературной критикой, однако в последние годы данный подход привлек значительное внимание в анализе дискурса. Особенно активно концепция интертекстуальности разрабатывается в критической лингвистике, где новостной дискурс рассматривается как один из важнейших объектов анализа. Исследование интертекстуальных отношений позволяет выявить скрытые, а порой и противоречивые идеологические установки и властные отношения, заложенные в новостных текстах. Фаулер [6] полагал, что аллюзии выполняют функцию активизации у читателя определенных парадигмальных знаний, причем связанные с этими парадигмами ценности транслируются через интертекстуальные цитаты. Готли [7, 183-195] рассматривал процесс производства новостей как интеркультурную цепь, отмечая, что журналисты могут намеренно или непреднамеренно искажать эту цепь в своих материалах. Ван Дейк [8, 249-283] подчеркивал, что цитаты и квазицитаты приближают текст к правде: с одной стороны, они делают репортажи более живыми и достоверными, а с другой — позволяют журналистам избежать обвинений в клевете.

В китайской науке исследователи Синь Бин [9, 130-138], Сюй Тао, Цзя Лили [10, 42-50], Лю Линь и Жао Ин [11, 56-64] отмечают, что журналисты через передачу чужой речи и динамическую интертекстуальность (например, номинализацию, перифразы) могут влиять на восприятие информации, маскируя субъективность под объективностью. Таким образом, интертекстуальность в новостном дискурсе представляет собой важный механизм создания смысла, легитимации власти и выражения идеологии.

Интертекстуальность можно разделить на две категории: конкретную интертекстуальность и жанровую интертекстуальность. Первая подразумевает включение в дискурс высказываний, источник которых можно точно определить. Вторая представляет собой смешение различных стилевых разновидностей дискурса, регистров или жанров в одном тексте. Обе формы интертекстуальности проявляются в заголовках новостей по-разному.

Основные формы конкретной интертекстуальности.

1. Прямая или косвенная речь

Example one: 'Climate change is our generation's challenge,' states UN Secretary

Этот заголовок использует прямую речь, цитируя слова генерального секретаря ООН, чтобы подчеркнуть важность проблемы изменения климата и придать заявлению авторитетность.

Example two: Economic recovery possible, predicts World Bank analyst

В этом заголовке используется косвенная речь, передающая прогноз аналитика Всемирного банка. Такая форма подачи информации создает ощущение объективности и аналитичности.

2. Парафраз или трансформация устойчивых выражений и пословиц

Example one: All's fair in love and trade wars

Этот заголовок перефразирует известную пословицу «All's fair in love and war» («В любви и на войне все средства хороши»), заменяя «war» на «trade wars» («торговые войны»). Это подчеркивает конкурентный и бескомпромиссный характер международной торговли.

Example two: A stitch in time saves nine… billion

Здесь заголовок трансформирует пословицу «A stitch in time saves nine» («Своевременная мера предотвращает большие проблемы»), добавляя слово «billion» («миллиард»), чтобы указать на экономию крупных финансовых ресурсов.

3. Апелляция к историческим личностям или событиям

Example one: New Napoleon? Tech CEO aims to conquer global markets

Этот заголовок сравнивает амбициозного генерального директора технологической компании с Наполеоном Бонапартом, который стремился к мировому господству. Использование имени Наполеона подчеркивает стратегическое мышление и масштабные цели бизнесмена.

Example two: Brexit — Britain's new Waterloo?

Здесь заголовок отсылает к Битве при Ватерлоо, в которой Наполеон потерпел поражение. Вопросительный знак добавляет интригу, подразумевая, что выход Великобритании из ЕС может обернуться серьезными последствиями для страны, подобно историческому поражению Наполеона.

4. Интертекстуальные отсылки к фильмам, песням и литературным произведениям

Example one: No Country for Old Policies

Этот заголовок отсылается к названию фильма No Country for Old Men («Старикам тут не место»), перефразируя его в политическом контексте. Он намекает на то, что старые политические стратегии уже не работают в современных условиях.

Example two: Don't Stop the Brexit

Заголовок играет на названии известной песни Don't Stop the Music Рианны, но адаптирован к теме Brexit. Использование этой фразы может подразумевать либо поддержку продолжения процесса выхода Великобритании из ЕС, либо его неотвратимость, даже если кто-то хочет его остановить.

Основные формы жанровой интертекстуальности

1. Смешение лексики различных стилевых уровней

Example: Billionaire Bites the Dust in Business Battle

В этом заголовке сочетается разговорное выражение bite the dust («потерпеть поражение, рухнуть»), обычно используемое в неформальном контексте, с более формальным словом billionaire («миллиардер»). Это создаёт эффект стилистического контраста, подчеркивая драматичность события.

2. Заголовки, использующие языковые формы и структуры других литературных жанров

Example: All the Mayor's Men Rally for Reform

Заголовок основан на названии известной книги и фильма All the President's Men («Вся президентская рать»), что сразу вызывает политические и журналистские коннотации. Использование аналогичной структуры делает материал более узнаваемым и привлекает внимание читателя.

Интертекстуальность занимает значимое место в структуре новостного дискурса и выполняет как коммуникативную, так и прагматическую функцию, особенно это заметно в заголовках англоязычных СМИ. Проведённый анализ показывает, что разнообразные проявления интертекстуальности — от цитирования и пересказа до ссылок на культурные коды и стилистических аллюзий — усиливают выразительность заголовков, делают их более содержательными и придают им идеологическую направленность. Журналисты с помощью интертекстуальных приёмов не только привлекают внимание аудитории, но и формируют определённый ракурс

восприятия информации, часто скрывая субъективную оценку за внешне нейтральной формулировкой. Таким образом, интертекстуальность в заголовках выполняет не просто декоративную, но стратегически важную роль в передаче смысла и воздействии на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу / Ю. Кристева. — М., 2004.

2. Кристева Ю. Желание языка: семиотический подход к литературе и искусству / Ю. Кристева. — М., 1980.

3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М., 1972.

4. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М., 1989. — С. 384-391.

5. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во втором степени / Ж. Женетт. — М., 2004.

6. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. — London, 1991.

7. Gottlieb H. Text Production in Translation: Intercultural Chains and News Translation / H. Gottlieb // Perspectives: Studies in Translatology. — 2000. — Vol. 8, No. 3. — P. 183-195.

8. Van Dijk, T. A. Critical Discourse Analysis / T. A. van Dijk // Discourse & Society. — 2003. — Vol. 4, No. 2. — P. 249-283.

9. Синь Бин. Интертекстуальность в новостном дискурсе: анализ передаваемой речи / Синь Бин // Журнал прикладной лингвистики. — 2005. — № 2. — С. 130-138.

10. Сюй Тао. Передаваемая речь как средство манипуляции идеологическим восприятием аудитории / Сюй Тао, Цзя Лили // Современные исследования в лингвистике. — 2007. — № 1. — С. 42-50.

11. Лю Линь. Динамическая интертекстуальность в новостном дискурсе: номинализация и перифразы / Лю Линь, Жао Ин // Вопросы лингвистики. — 2008. — № 3. — С. 56-64.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Тянь Цзихань, магистрант факультета журналистики

E-mail: 2223192460@qq.com

Moscow State University named after. M. V. Lomonosova

Tian Jihan, Master's Student, Faculty of Journalism

E-mail: 2223192460@qq.com

УДК 070

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ ТЕМЫ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ КНР

У Сяохун

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 24 апреля 2025 г.

Аннотация: *автор изучил 12 736 популяризующих научные достижения публикаций в популярных китайских общественно-политических газетах «Жэньминь жибао» и «Цзинцзи жибао» с 01.01.2013 по 01.01.2025 гг. Используя методы сплошного мониторинга, проблемно-тематического, жанрового и сравнительно-сопоставительного анализа эмпирической базы было установлено, что научная тема является одним из регулярно присутствующих направлений в повестке дня вышеуказанных СМИ. Медиатексты публиковались по нескольку раз в неделю. В «Жэньминь жибао» преобладали жанры заметки о проводимых исследованиях и научных изысканиях, а также отчеты из научных лабораторий. В «Цзинцзи жибао» много внимания уделялось внедрению научных разработок в промышленность (заметки, комментарии, статьи), выявлены также регулярные экспертные обсуждения формирования новых стратегий и тактик дальнейшего развития науки в стране в соответствии с государственным интересом укрепления влияния КНР на мировой арене.*
Ключевые слова: *наука, научные исследования, научные знания, популяризация науки, «Жэньминь жибао», «Цзинцзи жибао», Китай.*

Abstract: *the author studied 12 736 publications popularizing scientific achievements in the popular Chinese "The People's Daily" and "Economic Daily" socio-political newspapers from 01.01.2013 to 01.01.2025. Using the methods of continuous monitoring, problem-thematic, genre and comparative analysis of the empirical base, it was found that the scientific topic is one of the regularly present areas on the agenda of the abovementioned media. Media texts were published several times a week. The genres of notes on ongoing research and scientific research, as well as reports from scientific laboratories, prevailed in "the People's Daily". In "Economic Daily", much attention was paid to the introduction of scientific developments into industry (notes, comments, articles), as well as regular expert discussions on the formation of new strategies and tactics for the further development of science in the country in accordance with the state interest of strengthening China's influence on the world stage.*
Keywords: *science, scientific research, scientific knowledge, popularization of science, "The People's Daily", "Economic Daily", China.*

Популяризация науки является процессом социальным, так как помогает человеку глубже познать современный мир, способствуя дальнейшей социализации. Под популяризацией науки мы понимаем «процесс распространения научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей (имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации)» [1, 44]. Исследователь Э. А. Лазаревич отмечала, что популярное изложение предполагает «необходимость описания методов исследования, проб и ошибок, ссылок на личностные моменты. Модель: специалист обращается к неспециалисту в определенной области знания» [2, 210]. Также, по ее мнению, каждый популяризирующий науку в СМИ материал должен опираться на следующие принципы: научная глубина, осмысление материала, доступность и занимательность изложения. Конкретное выражение каждого принципа определяется тематикой, читательским назначением и спецификой раскрытия ее функций [2, 210-231].

«Задача популяризатора науки чрезвычайно важна, — считают К. А. Кирилин и М. М. Скрипченко, — от уровня развития среднего читателя зависит престиж науки, привлечение в данную сферу перспективной молодежи и, в конечном счете, перспективы развития государства» [3, с. 440]. Известный популяризатор науки и научный журналист А. Г. Ваганов полагает, что «ученые оказываются перед необходимостью позиционировать себя относительно транслируемых масс-медиа характеристик в работе и в плане профессиональной идентичности. Научные институты и ученые все в большей степени ориентируются на общественность и внимание масс-медиа, чем на истину» [4, 66]. Исследователи Т. И. Фролова, С. П. Суворова, Д. С. Ильченко и А. С. Бугаева также отмечают, что уровень достоверности контента научно-популярной проблематики в российских СМИ остается «недостаточно высоким». По мнению

© У Сяохун, 2025

авторов, «проблема качества научно-популярного контента, и в особенности обеспечения достоверности, стоит достаточно серьезно. От трети до половины текстов, в среднем не опираются на доказательную базу, состоящую из корректных ссылок на источники, упоминание субъектов научной деятельности, наличие экспертных оценок и сведений об апробации» [5, 243]. Обобщая сложившуюся к окончанию второго десятилетия XXI в. практику научной популяризации в СМИ и внимание государства к этому направлению, Е. А. Панина приходит к выводу о том, что «в сложившихся условиях важность трансляции массовой аудитории научных знаний представляется бесспорной» [6, 179]. По ее мнению, «при осуществлении самого процесса подготовки научного контента, а также выборе форм и методов подачи научного знания необходимо отталкиваться от уровня образования, возраста и других социо-демографических признаков целевой аудитории, опираясь при этом, на фундаментальные основы и задачи, во избежание распространения научных мифов и лженаучных знаний» [6, с. 180].

В центре внимания нашей статьи — специфика освещения научной тематики в общественно-политической прессе КНР (газеты Жэньминь жибао» и «Цзинцзи жибао») за период с 01.01.2013 г. по 31.12.2024 г. Указанные издания, на наш взгляд, играют существенную роль в популяризации достижений современной науки в КНР. Развитие науки и технологий постепенно получает приоритетный уровень государственного внимания в России, поэтому мы полагаем, что накопленный в массмедиа КНР опыт научной популяризации может стать здесь полезным. Однако, по мнению некоторых российских ученых, «перенять китайский опыт популяризации науки можно, но стоит учитывать особенности научной культуры и менталитета в Российской Федерации» [7, 9]. Используя методы сплошного мониторинга, проблемно-тематического, жанрового и сравнительно-сопоставительного анализа эмпирической базы мы установили, что корреспонденты и обозреватели интересующих нас СМИ старались регулярно писать о новом в мире науки и об увлеченных научным поиском людях.

В исследуемый период количество публикаций в газете «Жэньминь жибао» по научной тематике было намного больше, чем в издании «Цзинцзи жибао». Мы обнаружили в «Жэньминь жибао» в среднем около тысячи сообщений по научной тематике за год, а за двенадцать лет их выявлено 11736. В «Цзинцзи жибао» в среднем ежегодно публиковалось около шестисот материалов (за двенадцать лет 7492). Тематика публикаций о науке в «Жэньминь жибао» была достаточно широкой. В области фундаментальных научных исследований выявлено много отчетов о результатах в таких дисциплинах, как математика, физика, химия и т.д. Например, отчеты об исследованиях в области квантовой физики, темной материи и т.д. занимали почти 20% общего количества публикаций. Например, редакция «Жэньминь жибао» сообщила, что команда академика Пань Цзяньвэя из Университета науки и техники Китая впервые на международной арене реализовала дробные квантовые аномальные состояния Холла в фотонных системах, что открывает новый путь для эффективного проведения исследований все более экзотических квантовых состояний материи [8]. Письма и комментарии о важных государственных научно-технических стратегиях, политике финансирования исследований и т.д. составили 15%. Например, «Жэньминь жибао» сообщила о средне- и долгосрочном планах развития космической науки в Китае, согласно которому к середине века она будет сосредоточена на «экстремальной Вселенной», «пульсациях в пространстве и времени», «солнечно-земной панораме» и «пригодной для жизни Земле», «пригодные для жизни планеты» и «космические объекты» [9]. Важным аспектом является также интеграция науки и техники с социальными вопросами и улучшением жизни людей. Так, «Жэньминь жибао» написала о том, что возвращение образцов с «Чанъэ-6» показало 2,8 миллиарда лет вулканической активности на обратной стороне Луны, а также о достижении интеллектуального рассуждения и обучения на крупномасштабных оптических вычислительных чипах [10]. Тема освоения космоса составила 32% всех сообщений о развитии науки и техники и ее воздействии на повседневную общественную жизнь в данном СМИ.

Редакция газеты «Цзинцзи жибао» уделяла больше внимания интеграции науки и техники с экономикой. Преобразование результатов научно-технических исследований и модернизация промышленности являлись ключевыми темами публикаций ее авторов, занимая до трети общего объема освещения научной темы. В издании публиковались сообщения в информационных и аналитических жанрах, например, о том, как инновации в технологии электромобилей на новом источнике энергии способствуют развитию отрасли, о применении технологии 5G в промышленном интернете и т.д. Отчеты о динамике развития инновационных предприятий в сфере науки и техники и об их инновационных моделях также были заметны, занимая 14% общего объема публикаций о теме науки в данном СМИ. Например, 11.05.2023 г. корреспондент издания Ян Сюфэн сообщил об инновационной практике промышленного производства компании *Beijing Microstructure Workshop* с использованием галофильных бактерий, которая позволила успешно снизить себестоимость производства за счет применения подходов синтетической биологии и метаболической инженерии, продемонстрировав потенциал инновационных компаний в области биотехноло-

гий [11]. В газете выявлен и анализ роли научно-технических инноваций в стимулировании экономического роста на основе деятельности конкретных предприятий.

В области обсуждения научно-технической политики и стратегий развития научного потенциала КНР доля публикаций в «Жэньминь жибао» составила 11%, в «Цзинцзи жибао» 12% от общего объема творческих работ на тему науки. Корреспонденты «Жэньминь жибао», видимо, полагаясь на авторитетность издания, стараются анализировать важнейшие аспекты научно-технической политики КНР, таких как «Основные направления научно-технического развития страны на долгосрочный период», «Рекомендации о быстром достижении высокого уровня научно-технического самостроительства и самодостаточности» и других документов.

В многочисленных интервью с экспертами и комментариях журналисты стремились представить важность того или иного документа в контексте современного состояния страны или конкретных провинций, объяснить его цель, задачи, пути реализации и выявить значение для научно-технического развития КНР. Например, в 2024 г. редакция «Жэньминь жибао» опубликовала 28 аналитических медиатекстов, в которых эксперты подчеркнули важность фундаментальных исследований для повышения научно-технического инновационного потенциала нашей страны, а также возможные позитивные последствия, которые будут иметь научные и образовательные учреждения от внедрения в жизнь указанных в документах преобразований. В частности, В одном из экспертных комментариев «Жэньминь жибао» подчеркивалась важная роль науки, техники и инноваций в содействии высококачественному развитию. В тексте, в частности, отмечалось, что научно-технические инновации могут привести к появлению новых отраслей, новых режимов и новой динамики, а также являются ключевым элементом в развитии новой качественной производительности[12].

Редакция «Цзинцзи жибао», в свою очередь, при помощи экспертов и своих штатных обозревателей разъясняла для аудитории связь между научно-техническими новшествами и дальнейшим экономическим развитием страны и отдельно взятых провинций. Хотя доля таких публикаций в общем объеме изученных нами медиатекстов составила всего девять процентов, она имеет смысл при анализе внедрения новаций на перестройку структуры промышленности, инвестирования предприятий в научные и технические инновации и т.д. Например, эксперты «Цзинцзи жибао» на конкретных примерах и данных объективно проанализировали стимулирующее воздействие льготной политики налогообложения науки и техники на инвестиции предприятий в НИОКР, а также стимулирующее воздействие на модернизацию промышленности. В изученных нами медиатекстах отмечалось, что тесная интеграция научно-технических и промышленных инноваций является ключом к высококачественному экономическому развитию, и что правительство с помощью налоговых льгот и открытия сценариев направляет предприятия на передний край инновационной цепочки, повышая тем самым эффективность преобразования научно-технических достижений.

Редакция «Жэньминь жибао» опиралась на большую и профессиональную команду редакторов и корреспондентов и преимущество в площадках передачи информации, поэтому могла позволить себе создание качественных аналитических публикаций в таких жанрах как комментарий, корреспонденция, статья, обозрение. При освещении важных научных событий и результатов научных исследований редакция не только сообщала о фактах, но и приглашала экспертов для их обстоятельного анализа. Например, в статье о миссии лунного аппарата «Чанъэ-5» подробно рассказывалось о научной цели и задачах экспедиции, а также совместно с экспертами в области космонавтики объясняется ее значение для дальнейшего развития этой отрасли в КНР [13, 59]. В последующих репортажах о лунной миссии «Чанъэ-6» редакция еще больше расширила рамки повествования, не только анализируя цели проекта (например, первый возврат образца с обратной стороны Луны), но и приглашая экспертов для оценки долгосрочной ценности прорывов в технологиях освоения дальнего космоса и обсуждения целесообразности программы пилотируемой высадки на Луну. Кроме того, в публикациях о квантовых вычислениях интервьюировался руководитель научно-исследовательской группы, анализировались принципы технологии и перспективы ее применения в области коммуникационной безопасности [14].

Авторы публикаций в газете «Цзинцзи жибао» создавали свои тексты, как правило, на анализе примеров внедрения результатов научных достижений в промышленность с регулярным обсуждением полученного от этого практического опыта. При этом всегда подчеркивалась важность научных исследований и внедрение научно-технических инноваций для экономического развития страны.

Изученные нами газеты не забывали писать и о текущих событиях научного мира. «Жэньминь жибао» регулярно публиковала заметки, репортажи и отчеты из научных лабораторий. В текстах аудитория видела ученых, их экспресс-портреты и их работу по получению научных результатов. Редакция также использовала графики, комиксы и другие современные популярные форматы подачи информации, чтобы медиатексты прочитало как можно больше человек. Например, в материале о высококачественном развитии провинции Гуйчжоу «Жэньминь жибао» проанализировала структуру инвестиций в проект интеграции фосфорно-угольной

химической промышленности в г. Бицзе в форме инфографики (процентное соотношение инвестиций в исследования и разработки технологий, инфраструктуру и охрану окружающей среды) и распространила временную шкалу, показывающую ключевые узлы проекта с момента его создания до ввода в эксплуатацию.

В «Цзинцзи жибао» значительная часть заметок и отчетов содержала и визуализацию информации (не только фото, но и слайд-шоу, короткое видео, иногда линию времени). Например, в материале о планировании дальнейшего развития космической науки газета использовала линейный график, чтобы показать тенденцию роста числа проектов по производству водорода из электролитической воды в Китае в 2018-2024 гг. и гистограмму для сравнения доли потребления зеленого водорода в химической, транспортной и энергетической отраслях, чтобы читатели могли более интуитивно понять макроизменения в экономических данных научно-технической отрасли. Часто использовались графики, столбчатые диаграммы, линейные диаграммы и другие формы для представления экономических данных о научно-технической отрасли в целом, чтобы читатели могли глубже понять связь науки и техники с экономикой.

Редакции изученных нами газет в период исследования старались широко популяризировать среди населения национальную стратегию поддержки научно-технических инноваций и разработок. Многочисленные экспертные обсуждения, отчеты и репортажи из исследовательских лабораторий, портретные интервью и мини-очерки ученых разных направлений стремились сформировать положительное общественное мнение о науке как одной из форм развития страны и укрепления влияния КНР на мировой арене. В то же время, на наш взгляд, корреспондентам данных изданий следует активнее популяризировать научные достижения китайских ученых через соцсети, применяя для этого краткие информационные сообщения в сочетании с удобными для восприятия современными мультимедийными форматами. Пока там доминируют длинные тексты с фото — только официальная подача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дреер К. В. Технологии популяризации науки в деятельности вуза (на примере Алтайского государственного университета) / К. В. Дреер, А. Г. Милюкова // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. — 2015. — № 13. — С. 44-53.

2. Лазаревич Э. А. Популяризация науки в России. — М., 1981.

3. Кирилин К. А. Формы и методы популяризации науки в российских СМИ / К. А. Кирилин, М. М. Скрипченко // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 4 (71). — С. 439-441.

4. Ваганов А. Г. Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII-XXI вв. / А. Г. Ваганов // Наука. Инновации. Образование. — 2016. — № 3 (21). — С. 64-77.

5. Фролова Т. И. К проблеме качества текстов научно-популярной проблематики в средствах массовой информации / Т. И. Фролова, С. П. Суворова, Д. С. Ильченко, А. С. Бугаева // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5. — № 2. — С. 233-246.

6. Панина Е. А. Популяризация науки в условиях современной социокультурной ситуации / Е. А. Панина // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2019. — № 4 (43). — С. 172-181.

7. Головин А. А. Популяризация науки в России и Китае: сравнительный анализ / А. А. Головин, А. К. Перевозчикова, А. А. Кобзев, А. Д. Шкуренкова // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15. — № 5. — URL: https://esj.today/PDF/33ECVN523.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

8. People's Daily Online: Why don't you "taste before you buy" scientific and technological achievements. — Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrb/pc/content/202412/31/content_30049071.html (дата обращения: 22.04.2025).

9. People's Daily Online: Shenzhou 18 is scheduled to launch on the 25th. — Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-04/25/nw.D110000renmrb_20240425_1-06.htm (дата обращения: 22.04.2025).

10. People's Daily Online: Chang'e 6 Completes World's First Sampling and Takeoff from the Backside of the Moon (Science and Technology for Self-Reliance and Self-Strengthening — Dreaming of Deep Space). — Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-06/05/nw.D110000renmrb_20240605_1-12.htm (дата обращения: 22.04.2025).

11. Economic Daily Online: Transforming bacteria to utilize resources Biodegradable materials grow out of kitchen waste. — Режим доступа: http://adimg.ce.cn/cysc/stwm/gd/202305/11/t20230511_38540926.shtml (дата обращения: 22.04.2025).

12. People's Daily Online: Providing a strong impetus for high-quality development (Commentator's Observation). Developing new quality productivity according to local conditions. — Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-03/12/nw.D110000renmrb_20240312_1-05.htm (дата обращения: 22.04.2025).

13. Ян Сяоли. Семинар по инновационному развитию научно-технических и финансовых инноваций / Ян Сяоли // Цзинцзи жибао. — 2013 — № 5 — С. 51-53.

14. People's Daily Online: Quantum Computer, Starting China's Speed. — Режим доступа: https://news.ustc.edu.cn/info/1056/63937.htm (дата обращения: 22.04.2025).

Казанский (Приволжский) федеральный университет
У Сяохун, аспирант
E-mail: xiaohongwu@yandex.ru

Kazan (Volga Region) Federal University
Wu Xiaohong, Postgraduate Student
E-mail: xiaohongwu@yandex.ru

УДК 070

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В КИТАЕ

Чэнь Хаотянь

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 20 февраля 2025 г.

Аннотация: *в данной статье автор рассматривает достижения и сложности цифровой журналистики, начиная с анализа сущности данного феномена в контексте перехода цивилизации к цифровой эпохе. В тексте обосновывается важность изучения цифровой журналистики в аспекте неизбежно возникающих и уже фиксируемых ученым сообществом негативных проявлений цифровизации журналистской деятельности. Показана степень разработанности проблемы на уровне научных публикаций.*

Ключевые слова: *цифровая журналистика, цифровизация, социальные медиа, китайская журналистика, журналистская этика, информационная эпоха, будущее журналистики.*

Abstract: *in this article, the author examines the achievements and challenges of digital journalism, starting with an analysis of the essence of this phenomenon in the context of the transition of civilization to the digital age.The text substantiates the importance of studying digital journalism in terms of the inevitably arising and already recorded by the scientific community negative manifestations of the digitalization of journalism. The degree of elaboration of the problem at the level of scientific publications is shown.*

Keywords: *digital journalism, digitalization, social media, Chinese journalism, journalistic ethics, information age, future of journalism.*

Введение. В начале XXI в. активно совершается переход человеческой цивилизации из индустриальной эпохи в информационную эру. Под информационной эпохой понимают исторический период, начало которого датируют серединой XX в. Он характеризуется быстрым переходом от традиционных отраслей, сформировавшихся во время промышленной революции, к экономике, основанной на информационных технологиях. Начало информационной эпохи связывают с изобретением транзистора в 1947 г. Технологические достижения оказали значительное влияние на способы обработки и передачи информации. Информационная эпоха сформировалась благодаря достижениям в области миниатюризации компьютеров, которые привели к модернизации информационных систем и интернет-коммуникациям как движущей силе социальной эволюции.

Широкое распространение цифровой журналистики было связано с тем, что она имеет меньшее количество барьеров для входа на рынок и снижает затраты на распространение контента. Это демократизировало поток информации. Для цифровой эпохи в истории журналистики также характерно «возрастание роли аудитории и как потребителя, и как распространителя и соавтора/автора информационных продуктов, использующего социальные медиа для активного и эмоционального вовлечения в общественно-политические процессы» [1, 12]. Отталкиваясь от корректного определения ключевого для данной статьи понятия («Цифровая журналистика представляет собой эволюцию журналистской практики, которая становится все более интегрированной с цифровой средой и адаптируется к новым условиям информационного обмена» [2, 40]), обозначим уровни, на которых проявляются новшества цифровой журналистики: 1) переход на новые платформы цифровой среды; 2) появление новых технологических инструментов и форматов; 3) новые формы взаимоотношений между журналистами и аудиторией. В частности, в данном контексте трансформируются способы формирования общественного мнения: «…социально активная личность или группа личностей могут оказывать влияние на политическую и экономическую жизнь общества, меняя и трансформируя *не только общественное мнение*, но и *сам процесс* его формирования» [3, 5]. Существует прогноз, согласно которому в будущем именно цифровая форма журналистского дела будет являться единственной, полностью заменив собой традиционные формы.

В этом контексте интересно рассмотреть опыт Китая в адаптации журналистского дела к цифровой эпохе. Делая выводы о судьбах и перспективах формирования цифровой журналистики на основе КНР, важно учитывать замечание исследовательницы Xu N, которая подчеркивает, что на современном этапе «исследования журналистики и СМИ в незападных контекстах должны оценивать внутреннюю приро-

© Чэнь Хаотянь, 2025

ду и особенности индивидуальных практик журналистов на микроуровне анализа» [4].

Цифровая журналистика в Китае активно развивается. Страна стала пионером в использовании таких технологий, как искусственный интеллект, анализ больших данных и виртуальная реальность. Масштабно используется искусственный интеллект, который автоматизирует процессы сбора и анализа информации, создания новостных публикаций и даже ведения диалогов с читателями через чатботы. Многие китайские медиаорганизации активно используют живые трансляции, чтобы привлечь аудиторию. Мобильные приложения стали основным источником информации для китайских пользователей смартфонов. Многие новостные платформы разрабатывают мобильные версии своих сервисов. Создаются виртуальная и дополненная реальности. Некоторые китайские медиаагентства экспериментируют с VR и AR-технологиями для создания интерактивных новостных историй и визуализации данных. Для обеспечения целостности данных и борьбы с фейками китайские СМИ активно изучают применение технологии блокчейн в журналистике. Контент активно персонализируется. Алгоритмы машинного обучения используются для персонализации новостного контента и рекомендаций для читателей, учитывая их интересы и предпочтения. Социальные платформы, такие как WeChat и Weibo, играют важную роль в распространении новостей и формировании общественного мнения. Многие китайские журналисты активно используют социальные сети для коммуникации с аудиторией.

Число интернет-пользователей в Китае в 2024 г. выросло почти до 1,1 млрд. [5]. Статистика показывает, что зачастую китайцы в последнее время регистрировались в интернете, чтобы открыть себе доступ к развлекательным и социальным приложениям. Особую популярность среди пользователей в настоящее время получают платформы с короткими видеоматериалами (речь идет о 95% онлайн-населения страны). Резкий рост претерпела сфера продажи устройств с искусственным интеллектом.

Отмечено, что в 2024 г. почти половина новых пользователей интернета относились к возрастной категории от 10 до 18 лет, а треть — к возрастной категории старше 50 лет. Китай составляет крупнейшее в мире онлайн-сообщество: по состоянию на 2023 г. жители КНР представляли собой около одной пятой от численности всех пользователей интернета в мире.

Однако в Китае имеется проблема с равномерностью и уровнем проникновения интернета в массы: нужно отметить наличие региональных различий и меньшую степень пользования интернетом в сельских районах [6].

Большое количество пользователей делает Поднебесную идеальным целевым рынком для кампаний в социальных сетях. Социальные сети уже давно являются одним из важнейших каналов коммуникации в Китае. В настоящее время в стране насчитывается самое большое в мире количество пользователей социальных сетей — более 983,3 миллиона. Как и всегда, платформы адаптируются и меняются, чтобы соответствовать меняющимся потребностям пользователей — как в Китае, так и во всем мире, — и часто добиваются новых успехов в этом процессе. Социальные сети стали популярны в Китае с тех пор, как Weibo и WeChat стали инструментами для обмена фотографиями, новостями и идеями. Согласно исследованиям, китайцы проводят в социальных сетях в среднем 1 час 57 минут в день. Самые популярные платформы социальных сетей (включая мессенджеры) в 2024 г. в Китае — Weixin (Wechat), за ней следует Douyin (популярный инструмент, позволяющий пользователям создавать короткие видеоролики, часто под музыку) и Tencent QQ. Однако, поскольку Китай только начал открываться для западных идей, ландшафт социальных сетей в стране сильно отличается от западного, что может сделать маркетинг на китайских платформах сложным и в то же время полезным. Понимание того, как работают китайские социальные сети, поможет вам войти в эту дверь и оставить свой след в одной из самых быстрорастущих экономик мира [7].

Китай, население которого составляет более 1,4 миллиарда человек, является непревзойденным лидером по онлайн-активности и потребительским расходам. Стремительный рост и глубокое влияние цифрового доминирования Китая не только произвели фурор в мире, но и изменили то, как люди взаимодействуют, общаются и творят. Нынешнее доминирование Китая в цифровой экономике, основанной на данных, уходит корнями в стратегическое предвидение, сделанное много лет назад. В 2015 г. была запущена стратегия, направленная на то, чтобы встроить интернет в различные отрасли, такие как финансы, здравоохранение и транспорт. Теперь Китай стремится стать архитектором этого цифрового будущего, используя свою обширную физическую инфраструктуру, сложные виртуальные сети и платформы, а также самостоятельно разработанные технические стандарты.

Итак, обобщая вышеприведенные статистические факты, выделим следующие важнейшие аспекты цифрового контекста, в котором развивается современная журналистика в Китае:

Бум пользовательской базы.

Более 99,7% пользователей выходят в интернет со смартфонов, что говорит о том, что цифровая среда в Китае ориентирована на мобильные устройства.

Правительственные ограничения и языковые барьеры создали уникальную онлайн-среду. Почти все пользователи социальных сетей сосредоточены на местных платформах, таких как WeChat (бо-

лее 1,3 миллиарда активных пользователей в месяц в 2023 г.) и Weibo (более 570 миллионов активных пользователей в месяц в 2023 г.).

Китай превзошел все остальные страны по уровню развития электронной коммерции. В Китае совершается больше онлайн-покупок, чем офлайн-покупок, а на электронную коммерцию в 2022 г. приходилось целых 42% ВВП страны.

Прямые трансляции с KOL стали мощным маркетинговым инструментом. В 2023 г. более 600 миллионов китайских потребителей смотрели прямые трансляции онлайн-покупок [8].

Далее обозначим проблемные моменты развития цифровой журналистики на примере Китая. Пожалуй, главной проблемой, связанной с цифровизацией журналистики, является следующий аспект, выявленный Е. И. Кузнецовой: «Журналистика как институт, возникший в результате информационно-технологического развития в XVI-XVII вв., в результате цифровой революции *теряет свою главенствующую роль в новом медиапространстве*, ее институциональный характер подвергается значительным изменениям» [9, 31]. В этом контексте исследовательница подчеркивает важность и перспективность изучения вопроса об усложняющейся субъектности цифровой медиасреды, «где коллизии между институциональными и неинституциональными субъектами медиарынка, скорее всего, будут углубляться» [9, 31].

Анализ исследовательской литературы позволяет выделить еще ряд проблем цифровой журналистики, которые необходимо учитывать:

Распространение фейковых новостей и информационных искажений. Важно развивать навыки критического мышления и медиаграмотности, чтобы аудитория могла отличать достоверную информацию от ложной.

Изменения в роли и статуса журналистов. С появлением новых медиаплатформ и социальных медиа возникают «новые профессионалы» — блогеры, инфлюенсеры, лидеры мнений, которые также выполняют функции производителей и распространителей контента. Это меняет динамику журналистики, вызывая вопросы о профессиональной этике и ответственности.

Давление с целью получения кликов и вовлеченности. Это может поставить под угрозу журналистские стандарты.

Адаптация к быстро меняющемуся характеру онлайн-потребления новостей. Перед традиционными новостными организациями стоит проблема в поддержании углубленных расследовательских репортажей.

Развитие интернет-технологий неизбежно ставит вопросы об этической, культурной и социальной миссии журналистики. Век цифровых технологий обострил этические дилеммы, такие как обеспечение точности, избежание предвзятости и защита конфиденциальности.

А. В. Куликовский среди прочих негативных аспектов цифровизации журналистики выделяет дополнительно развитие *киберпреступности*, которая может развиваться в контексте работы СМИ (например, утечка информации и ситуации, когда под личиной информационных сайтов скрываются злоумышленники). Среди важнейших отрицательных аспектов цифровизации исследователем выделяется возникновение возможных сложностей в трудовых отношениях владельцев СМИ и сотрудников, когда цифровизация может привести к сокращению рабочих мест журналистов [10].

Приведем также мнения китайских исследователей, учитывающих региональный опыт: «Цифровая журналистика сталкивается с многочисленными проблемами, включая дезинформацию, сенсационность и круглосуточный цикл новостей. Давление с целью получения кликов и вовлеченности может поставить под угрозу журналистские стандарты. Адаптация к быстро меняющемуся характеру онлайн-потребления новостей ставит перед традиционными новостными организациями проблемы в поддержании углубленных расследовательских репортажей» [11]. Ш. Чжан подчеркивает, что для цифровизации китайской журналистики характерны два проблемных аспекта: неточности в содержании журналистского материала и неправовое поведение журналистов. Распространение фальшивых новостей преимущественно в коммерческих СМИ в контексте погони за прибылью ставят перед журналистами выбор между соблюдением норм профессиональной этики и обогащением: «При этом прибыль становится новой парадигмой журналистики: когда читатель или зритель воспринимается как “клиент”, а новости начинают рассматриваться как “товар”» [12, 316]. Некоторые исследователи отмечают и определенную деградацию ценностных ориентаций современных журналистов.

В настоящее время китайская журналистика переживает стремительный переход в цифровую эпоху, и традиционная пропагандистская модель все больше подвержена влиянию идеи рыночной экономики. На фоне этих изменений в журналистике коммерческая конкуренция и прибыль снова и снова заставляли души журналистов выбирать между деньгами и этикой.

С одной стороны, монополия крупных интернет-платформ в последние годы заставила распространителей новостей беспокоиться о капитале и власти, с другой — зависимость от алгоритмов искусственного интеллекта привела к изменениям в способах производства новостей, что, в свою очередь, привело к изменениям в социальной ответственности журналистов.

Самая важная внутренняя причина указанной

проблематики заключается в том, что прибыль становится новой парадигмой журналистики. С рыночным фокусом аудитория, контент и тираж постепенно трансформируются в более коммерческие концепции — потребитель, продукт и рынок [13].

Итак, к основным проблемам цифровизации журналистики в современном контексте стоит отнести, на наш взгляд, опасность сокращение объема присутствия традиционного сегмента журналистики в медиаконтексте, а также сложность удержания профессиональных журналистских стандартов в процессе все большей коммерциализации медиаконтента по причине удобства массовизации прибыли за счет социальных медиа и современных форм СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартанова Е. Л. Развивая понимание медиа: от технологий к социальному пространству / Е. Л. Вартанова // Меди@льманах. — 2020. — № 5 (100). — С. 12-24.

2. Червонящий В. В. Цифровая трансформация журналистики: роль креатива и диджитал-технологий / В. В. Червонящий // Практический маркетинг. — 2023. — № 5. — С. 40-48.

3. Олешко В. Ф. Влияние цифровых средств массовой информации на формирование глобальной системы социальных коммуникаций / В. Ф. Олешко, О. В. Малик // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2017. — № 4 (168). — С. 5-12.

4. Xu N. Digital media and investigative journalism in China / N. Xu // Media Asia, 2021.

5. Сидорова Д. В Китае число интернет-пользователей достигло 1,1 млрд. / Д. В. Сидорова. — Режим доступа: https://rb.ru/story/china-internet-users/ (дата обращения: 20.02.25).

6. Number of internet users in China from 2014 to June 2024 (in millions) — Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/265140/number-of-internet-users-in-china/ (дата обращения: 20.02.25).

7. China Social Media Statistics 2024 | Most Popular Platforms. — Режим доступа: https://www.theglobalstatistics.com/china-social-media-statistics/ (дата обращения: 20.02.25).

8. China's Digital Dominance: Social Media & E-Commerce Growth in 2024. — Режим доступа: https://www.comms8.com/blog/2024/chinas-digital-dominance-social-media-amp-e-commerce-power-growth-in-2024 (дата обращения: 20.02.25).

9. Кузнецова Е. И. Журналистика в цифровом мире: коллизия институциональных логик / Е. И. Кузнецова // Гуманитарный вектор. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 31-40.

10. Куликовский А. В. Основные проблемы цифровизации журналистики / А. В. Куликовский // Вестник КРСУ. — 2022. — Т. 22. — № 2. — С. 145-146.

11. Чжан Ю. Эволюция журналистики: решение проблем и использование возможностей цифровой эпохи / Ю. Чжан, С. Чжао // Научный аспект. — 2023. — № 11. — Режим доступа: https://na-journal.ru/11-2023-jurnalistika/7087-evolyuciya-jurnalistiki-reshenie-problem-i-ispolzovanie-vozmojnostei-cifrovoi-epohi (дата обращения: 20.02.25).

12. Чжан Ш. Проблемы современных профессиональных стандартов в журналистике Китая / Ш. Чжан // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 3 (94). — С. 316-318.

13. Zhang S. China's journalism values in the digital age: dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences: 5.9.9. / S. Zhang. — St Petersburg, 2024.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Чэнь Хаотянь, аспирант

E-mail: chenhaotian1995@yandex.ru

P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Chen Haotian, Postgraduate Student

E-mail: chenhaotian1995@yandex.ru

УДК 070

МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ НОВОСТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

Д. А. Шевченко

Российский государственный социальный университет

Поступила в редакцию 13 мая 2025 г.

Аннотация: *в статье представлен медиалингвистический подход к анализу трансформации языка современной новостной журналистики в условиях цифровизации. Анализируются особенности содержания и структуры текстов в российских медиа. Рассматриваются лексические и стилистические изменения, использование визуальных элементов и их интеграция с текстом, используемых в новостных текстах под влиянием цифровых платформ. Особое внимание уделяется феноменам меметизации, визуализации, клиповой структуры и избегания формализации новостного дискурса. Статья затрагивает воздействие медиаканала на язык, учитывая специфику конкретного канала, влияющего на длину, структуру и стиль медиатекста. В статье анализируется взаимодействие в онлайн-медиа пользователей через мемы, комментарии, лайки, репосты и другие интерактивные элементы, влияющие на структуру и содержание новости. Проводится анализ конкретных примеров текстов из цифровых СМИ с позиций медиалингвистики.*
Ключевые слова: *медиалингвистика, новостная журналистика, цифровая среда, трансформация языка, меметизация, визуализация, медиатекст.*

Abstract: *the article presents a media-linguistic approach to the analysis of the transformation of the language of modern news journalism in the context of digitalization. The article analyzes the features of the content and structure of texts in Russian media. Lexical and stylistic changes, the use of visual elements and their integration with the text used in news texts under the influence of digital platforms are considered. Particular attention is paid to the phenomena of memetization, visualization, clip structure and avoidance of formalization of news discourse. The article touches upon the impact of the media channel on the language, taking into account the specifics of a particular channel affecting the length, structure and style of the media text. The article analyzes user interaction in online media through memes, comments, likes, reposts and other interactive elements that affect the structure and content of the news. An analysis of specific examples of texts from digital media is carried out from the standpoint of media linguistics.*
Keywords: *media linguistics, news journalism, digital environment, language transformation, memetization, visualization, media text.*

Медиалингвистика как научная дисциплина позволяет рассматривать язык медиа не только как средство передачи информации, но и как отражение социокультурных, технологических и когнитивных изменений в обществе. Предметом медиалингвистики является изучение функционирования медиатекста, фиксируемого и воспроизводимого в медиа. В основе медиалингвистики лежит концепция медиатекста, которая выходит за пределы понимания текста как объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность знаковой системы вербального уровня, к семиотическому толкованию понятия «текст», которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков [1, 144].

Новость – это оперативное и актуальное для аудитории сообщение, переданное по каналам СМИ о новых фактах, событиях, явлениях, процессах окружающей нас природы и социальной действительности. Отбор новостей зависит от культуры и ментальности данного общества, вида системы журналистики, типа СМИ и приоритетных повесток дня в данном обществе и в данное время [2, 152].

Новостной текст в условиях цифровизации утрачивает прежние жанровые границы, приобретая черты мультимодальности, меметичности и стилистической гибридности. Этот особенно заметно в новых СМИ [3]. Эффект: «новости-находят-меня» расширяется и усиливается [4, 12].

Теоретическими основаниями медиалингвистического анализа служит понимание, что медиалингвистика изучает взаимодействие языка и медиа, анализируя тексты с учетом канала распространения, аудитории, визуального контекста. В рамках цифровых медиа акцент смещается с линейного повествования на визуально-семиотическую подачу, где текст

© Шевченко Д. А., 2025

сосуществует с изображениями, видео, гиперссылками и эмодзи. Это обстоятельство влияет на структуру текста, его синтаксис, лексический выбор и жанровую природу. Тексты становятся фрагментарными, ориентированными на моментальное восприятие, а не на аналитическое чтение.

Механизмы трансформации языка современной журналистики становятся актуальным предметом исследований [5, 5]. В условиях цифровизации можно систематизировать по нескольким ключевым направлениям: технологическим, коммуникативным, когнитивным и социокультурным. К технологическим механизмам относятся цифровые платформы и алгоритмы. Язык журналистики трансформируется под воздействием алгоритмов выдачи контента, например ленты новостей в соцсетях. Они поощряют «кликабельность», что ведет к упрощению, эмоционализации и кликбейтности заголовков. Для технологического механизма характерна мультимедийность и гипертекст. В цифровых текстах язык взаимодействует с визуальными и аудиальными средствами (изображения, видео, аудио). Это изменяет саму структуру высказывания, где фразы становятся короче, а контекст может смещаться в графику. Скорость производства и публикации также является технологической характеристикой трансформации. Требования к оперативности получения и информации ведут к снижению качества редакторской обработки, стимулируя использование шаблонов, клише и сленга, ориентированного на быстрое восприятие. Коммуникативные механизмы реализуются посредством интерактивности. Исследователи говорят о наступлении цифровой эры интерактивных технологий [6, 149]. Обратная связь с аудиторией в реальном времени порождает адаптацию языка под стиль общения пользователей. В общение начинают использоваться эмодзи, риторические вопросы, жаргон. Упрощается традиционная модель коммуникации. Цифровые медиа размывают границы между автором и потребителем, где журналист и читатель могут быть одним и тем же лицом, например, в блогах или телеграм-каналах. Это влияет на стилистику языка, который уменьшает уровень официальности [7, 41-43]. Когнитивные механизмы характеризуются клиповостью мышления. Происходит доминирование фрагментарного, несвязного восприятия информации, формируя требования к текстам быть краткими, сопровождаться визуализацией, быть яркими смысловыми маркерами, умаляя использование сложных логических конструкций. Когнитивный механизм трансформации характеризуется меметичностью. Наблюдается активное использование узнаваемых культурных кодов (мемов, шаблонных фраз), что выгодно экономит когнитивные усилия читателя, делая сообщения более «заразительными» [8, 543-544]. Социокультурные механизмы демонстрируют неофициальность и персонализацию. Современные пользователи предпочитают так называемый человеческий стиль подачи информации, что ведет к отказу от канцеляризмов и официальной риторики. Возрастает роль иронии, разговорной интонации, «своего» голоса. Для социокультурного механизма трансформации языка журналиста характерна гибридизация жанров. Тексты совмещают информирование, развлечение и мнения. Журналистский язык обогащается элементами блогосферы, маркетинга, юмора и даже геймерской культуры [9, 11].

Для основных языковых трендов цифровой новостной журналистики свойственны лексические и стилистические трансформации, где возрастает «спрос» на заимствования, сленг, клише, эмоциональные маркеры. Часто встречаются выражения: «вышел в паблик», «разорвал инфополе», «минус доверие». Пример: «Картофельный антирекорд: почему в России взлетели цены на продукт первой необходимости» — заголовок на «Дзен» [10]. Такая лексика рассчитана на быстрое вовлечение и эмоциональный отклик. Синтаксис краткий, с элементами разговорного стиля и экспрессивности. При этом часто используются перечисления, неполные предложения и риторические вопросы. Меметизация — один из ключевых трендов цифровой журналистики. Мемы становятся частью новостной подачи, усиливают влияние и вовлекают читателя. Например, телеграм-канал «НеМалахов» оформляет новости как мем-сообщения с гифками и ироничными заголовками. Визуализация выражается в активном использовании эмодзи, инфографики и форматирования текста [11]. Это превращает новость в мультимодальный медиатекст, например в статье «Экология больших городов в эпоху глобального потепления» [12]. Новостной дискурс в цифровой среде теряет устойчивые рамки. Он становится гибридом новостного, блогового, рекламного и игрового стилей (к примеру, Rutube-новости сопровождаются кликбейт-заголовками, голосовыми эффектами и юмористической подачей). Функции информирования и развлечения смешиваются, а язык подстраивается под формат платформы. В процессе медиалингвистического анализа это положение требует от исследователя учета платформенной специфики [13].

Следует обратить внимание на то, что появление символической модели языка в цифровой коммуникации не тормозит, а способствует развитию и выживанию журналистских новостных проектов виртуального комьюнити, не ограниченных территориями и локальными характеристиками его участников [14, 411].

Медиаплатформы, такие как Telegram, «ВКонтакте», «Дзен», Rutube задают формат подачи: минимум текста, максимум эмоций и визуальности. Конкуренция за внимание между источниками стимулирует использование приемов развлечения даже в инфор-

мационных жанрах. Происходит сдвиг к эмоционально насыщенным, визуально подкрепленным, фрагментарным текстам.

Новости становятся насыщенными оценочными, экспрессивными и разговорным элементами, благодаря использованию метафор, гипербол, сленга, неологизмов. В отличие от традиционной новостной журналистики, ориентированной на факт и нейтралитет, цифровые тексты стремятся вызвать быструю эмоциональную реакцию — страх, возмущение, радость, смех. В тексты включаются элементы личного мнения или оценочного комментария, особенно в заголовках и подписях к визуальным материалам. Противопоставление в известной формуле «Беллетрист ставит диагноз, а публицист выписывает рецепт», благодаря принципиальному совпадению производителя речи и ее субъекта в новостном медиатексте, нивелируется [15, 157]. Автор новостного медиатекста здесь предстает как четко осознающий и активный субъект, совмещающий две социальные и функциональные роли. Такая модель соответствует современной тенденции возрастания авторского стиля подачи новостей, где СМИ выступают не только как источники информации, но и как аналитическая и идеологическая инстанция.

Журналистский новостной текст все чаще сопровождается визуальными элементами, упрощающими и ускоряющими восприятие. Визуальные средства становятся неотъемлемой частью смыслового поля новых СМИ, без них сообщение уже может быть неполным или двусмысленным. Эмодзи используются для передачи интонации, иронии, отношения журналиста или редакции. Это сближает медиатекст с языком цифровых коммуникаций (чатов, мессенджеров). Это меняет не только формы подачи, но и лингвистическую природу новостного дискурса. Медиалингвистический анализ позволяет выявить, что трансформация языка новостной журналистики в цифровой среде носит системный характер. Внимание пользователя в цифровой среде рассеивается, чтобы зацепить его, текст должен обладать характеристиками максимально быстрого, яркого и «цепляющего». Трансформации языка современной новостной журналистики в условиях цифровизации медийного пространства требует новых научных подходов и пересмотра стандартов журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко Д. А. Словарь журналиста: более 1000 профессиональных терминов / Д. А. Шевченко. — М. — 2024.
2. Ахмадулин Е. В. «Новость» как основа журнализма / Е. В. Ахмадулин // Гуманитарный вектор. — 2020. — Т. 15, № 5. — С. 149-154.
3. Аблаева А. Р. Документирование интернет-журналистики: от новостей до блога / А. Р. Аблаева // Научный вестник Крыма. — 2024. — № 7 (53).
4. Казун А. Д. «Они все равно меня находят»: медиапотребление людей, избегающих новостей / А. Д. Казун // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2023. — Т. 48, № 3. — С. 3-25.
5. Вартанова Е. Л. Медиатекст в эпоху цифровых платформ: возможности и угрозы / Е. Л. Вартанова, А. В. Вырковский, М. В. Загидуллина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2024. — Т. 49, № 3. — С. 3-13.
6. Мишункина М. Н. Становление и развитие медиатехнологии интерактивности / М. Н. Мишункина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2024. — № 1. — С. 147-151.
7. Дускаева Л. Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста / Л. Р. Дускаева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2023. — Т. 48, № 1. — С. 30-65.
8. Гликина А. В. Интернет-мем и этика: обзор научных исследований за 2018-2022 гг. / А. В. Гликина // Медиалингвистика. — 2023. — Т. 10, № 4. — С. 538-553.
9. Шевченко Д. А. Маркетинг и журналистика в новой экономической реальности / Д. А. Шевченко // Социальная политика и социология. — 2023. — Т. 22, № 2 (147). — С. 7-12.
10. «Картофельный антирекорд». — Режим доступа: https://dzen.ru (дата обращения: 11.05.2025).
11. «НеМалахов». Телеграм. — Режим доступа: https://t.me/nemalahov (дата обращения: 11.05.2025).
12. Экология больших городов в эпоху глобального потепления. — Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/ekologiya-bolshikh-gorodov-v-epokhu-globalnogo-potepleniya/?sphrase_id=207222692 (дата обращения: 11.05.2025).
13. Новости и СМИ. — Режим доступа: https://rutube.ru/feeds/news/ (дата обращения: 11.05.2025).
14. Зверева Е. А. Интерактивный компонент медиаконтента как средство формирования комьюнити / Е. А. Зверева, А. М. Шестерина // Медиалингвистика. — 2023. — Т. 10, № 3. — С. 407-423.
15. Тулупов В. В. «Страшный вопрос» в публицистике российских писателей / В. В. Тулупов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2024. — № 2. — С. 155-157.

Российский государственный социальный университет
Шевченко Д. А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента и управления отношениями
E-mail: ShevchenkoDA@rgsu.net

Russian State Social University
Shevchenko D. A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Communication Management and Relationship Management Department
E-mail: ShevchenkoDA@rgsu.net

ПРАВИЛА
для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»

Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии — научное и контрольное редактирование. В случае рекомендации статьи к опубликованию автору высылается лицензионный договор (все подписанные страницы договора сканируются и высылаются в редакцию).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал выходит **4 раза в год**

Почтовый адрес: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а, уч. корп. № 6 ВГУ, факультет журналистики, к. 103, редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Контактный телефон:
+7 (473) 266–17–50, 274–52–71

Контактный e-mail: tam1008@yandex.ru, vlvtul@mail.ru

Полные статьи принимаются объемом до 10 страниц формата А4 рукописи. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr). Информационная графика — черно-белая.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через запятую дается указание на страницы — [1, 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, 5; 2, 75]).

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавливается **ЛИТЕРАТУРА** (прописные буквы); оформляется в соответствии с *ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись*. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать **сноски.**

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru) текст статьи, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, иллюстрации и подписи к ним (бумажный экземпляр, присланный по почте, или файлы текста и иллюстраций, а также сканы каждой из страниц).

Время рассмотрения, рецензирования и опубликования статей зависит от объема редакционного портфеля, формируемого из статей, рекомендованных к печати. Поэтому редакция не отвечает на вопросы типа «Как скоро может быть опубликована статья? Сколько времени занимает рассмотрение и рецензирование статьи? В течение какого срока автор получит номер журнала со статьей после его выхода?»

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому **желательна подписка** на журнал. Подписной индекс — 51174 в объединенном каталоге «Пресса России».

Редколлегия

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК ...
(*узнать в библиографическом отделе библиотеки*)
ОБРАЗЫ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Е. В. Бавыкина
Воронежский государственный университет
Поступила в редакцию 28 июля 2021 г.

Аннотация: *целью данного исследования является представление состава языковых средств, объективирующих космическое пространство в научно-фантастических произведениях, и описание семантики этих единиц. Источниками для исследования послужили произведения русских авторов и немецких фантастов.*
Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, космическое пространство, прямые номинации, косвенные номинации, индивидуально-авторские номинации.*

Abstract: *the aim of this study is to present the composition of language means which objectify outer space in science fiction and to describe the semantics of these units. Works by Russian authors and German science fiction writers constituted the subject for study.*
Keywords: *cognitive linguistics, the text, science fiction, space, direct nominations, indirect nominations, individually-author's nominations.*

Тексты научной фантастики[1] представляют собой практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма воплощения картины мира. Ключевым образом в текстах научной фантастики является космическое пространство [1, 5–9]. Анализируя языковые средства, объективирующие космическое пространство в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов [2, 4–21].

ЛИТЕРАТУРА
(Список нумеруется в порядке цитирования)

После литературы указываются сведения об авторах на русском и английском языках (12 п., курсив): название университета; фамилия, инициалы; ученая степень, должность; электронный адрес.

Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель кафедры немецкой филологии
E-mail: phil27@mail.ru

Voronezh State University
Bavykina E. V., Lecturer of the German Philology Department
E-mail: phil27@mail.ru

Далее необходимо указать фамилию, инициалы автора и название статьи на английском языке (прописными буквами).

Bavikina E. V. IMAGES OF SPACE IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

P. S. Рекомендуемые объемы статей (требование издателя)

2 журнальные страницы = не более 9100 знаков с пробелами
3 журнальные страницы = не более 14250 знаков с пробелами
4 журнальные страницы = не более 19500 знаков с пробелами.

P.P.S. Примеры названий ученых степеней, должностей и пр. на английском языке: Candidate/Doctor of Philology (кандидат/доктор филологических наук); Postgraduate Student (аспирант) / Lecturer (преподаватель) / Senior Lecturer (старший преподаватель) / Associate Professor (доцент) / Professor (профессор) of the Public Relations Department (кафедры связей с общественностью).

[1] Сноска